СОДЕРЖАНИЕ

Вяч. Вс. Иванов.
Мост в будущее (слово о М. Л. Гаспарове) 7

Исследования

Е. В. Падучева.
Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание 17
Д. О. Добровольский.
Факторы сочетаемости: семантика, прагматика, узус 43
Е. В. Урысон.
Логическая структура полисемии и ее реализации
(слово *слякоть* в системе языка) 87
В. З. Санников.
Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? 121
О. Е. Фролова.
Переносные значения названий животных в толковых словарях
(антропоцентрический аспект) 137
И. В. Родионова.
Характерологические номинации антропонимического
происхождения в русских народных говорах 159
Г. И. Урбанович.
Мотивационные модели и диахронический аспект
изучения русской языковой картины мира
(лексико-семантическое поле «судьба, счастье, удача»)..... 190
И. И. Макеева.
Акцентные микросистемы русских рукописей XVI—XVII вв.
(акцентуация рукописей, содержащих литературный цикл
св. Николая Мирликийского)..... 206
А. В. Сахарова.
Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные
параметры их употребления для глаголов восприятия 250
Т. А. Милёхина.
Материалы к изучению социально ограниченных языковых подсистем
(лексикон саратовских предпринимателей) 267

Рецензии

Т. М. Григорьева. Русский язык. Орфоэпия. Графика. Орфография. История и современность: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2004 — 256 с. (*С. М. Кузьмина*) 280
Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. — М.: Academia, 2005. — 656 с. (*Е. В. Шаульский*) 282

Информационно-хроникальные материалы

Хроника международной научной конференции «Художественный текст как динамическая система», посвященной 80-летию Виктора Петровича Григорьева (*Ю. И. Насонова*, *Н. А. Фатеева*, *В. В. Фещенко*)..... 286

Новые книги

Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики 301
Л. П. Крысин. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике..... 302
Е. Ю. Протасова. Феннороссы: жизнь и употребление языка..... 304
Русский язык сегодня. Вып. 3: Сборник статей 306
В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики 309
С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия..... 310
А. Я. Шайкевич. Введение в лингвистику 312
Ильина книга: Рукопись РГАДА. Тип. 131 313
А. М. Бруни. Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы 314

Письмо в редакцию

В. П. Григорьев. Авторская лексикография и филология (реплика О. М. Карповой и Н. А. Богомолову) 315

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

МОСТ В БУДУЩЕЕ

Слово о М. Л. Гаспарове

В поэме великого новогреческого поэта Сефериса «На подмостках», переведенной М. Гаспаровым при участии Е.Светличной, сказано:

«Как сосны
хранят образ ветра,
когда он промчался, и нет его, —
так слова
сохраняют образ человека,
когда он миновал, и нет его».

Михаила Леоновича Гаспарова больше нет с нами. Попробуем проникнуть в слова, им оставленные и сохраняющие его образ, и одновременно искать и подбирать свои слова, которые хотя бы частично передали значение им сделанного, того, что он совершил и задумал.

Когда человечество, пережившее (будем надеяться) междоусобицы и невзгоды нашего века, спустя столетия начнет осмыслять, что же в этом мутном времени было и достойного, припомнят первый этап понимания гуманитарных наук как части точного знания. Этому начало положил в 1910 г. гениальный Андрей Белый, который задумал описать историю русского стиха в терминах математической статистики. Когда продолживший (вместе с немногими другими учеными) эту линию исследований наш великий математик Колмогоров в середине шестидесятых годов говорил о своих союзниках по тогда только зарождавшейся новой науке, он особо выделял как самого многообещающего молодого Михаила Гаспарова (одну из первых статистических работ тогда двадцативосьмилетнего Гаспарова по русскому стиху Колмогоров напечатал в 1963 г. в редактировавшемся им журнале «Теория вероятностей и ее применения»). Гаспаров полностью овладел техникой соответствующих подсчетов, сопоставляя распределение ритмических вариантов размеров у разных поэтов с вероятностной моделью русского стиха (основанной на статистике слов разных ритмических типов в обычной речи) согласно идее, обоснованной в 1916 г. Б. В. Томашевским, одним из создателей «русского метода» (термин Бей-

Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 7—16.

ли, которым пользовался и Гаспаров) в этих вычислениях, и развитой в начале 1960-х гг. тем же Колмогоровым. В Гаспарове соединялось хорошее владение строгими математическими методами с традиционным для России всеобъемлющим филологическим образованием и умением профессионального стихотворца, писавшего оригинальные стихи и создававшего многочисленные примечательные по форме поэтические переводы с классических и новых европейских языков.

Еще мальчиком Гаспаров обнаружил незаурядные способности, привлекшие к нему внимание Корнея Ивановича Чуковского (позднее он посвятит этому эпизоду отрывок воспоминаний; вообще же в напечатанных мемуарах почти нет знакомых литераторов, кроме Корнея Чуковского и Сергея Боброва — собеседника многих лет, которому посвящена большая глава; скупо говорится и о первых прочитанных поэтах, но среди них неожиданно оказывается Цветаева в неизданном собрании стихов 1940 г. и Мандельштам поразительного сборника 1928 г.).

Гаспаров начал свою раннюю литературную и литературоведческую деятельность как филолог-классик. Он перевел и прокомментировал много греческих и латинских античных текстов, показав виртуозное искусство передачи древних метров, к строгому описанию которых вскоре приступит. Его свободное владение этим искусством видно в выполненных им переложениях стихов Пиндара, Алкея, Горация, Овидия, Энния, Варрона, вагантов и других средневековых поэтов, переводил он и прозу Аристотеля, Цицерона, Тита Ливия, Плутарха. Сам Гаспаров, к себе всегда относившийся с юмором, если не с ироническим самоуничижением, придавал значение двум своим работам, в которых его роль преимущественно заключалась в исправлении и редактировании прежних прозаических переводов — Геродота и Фукидида. Поиск однозначного русского соответствия философским терминам разных древнегреческих мыслителей сделал особенно трудоемкой работу над гаспаровским переводом «Жизни и мнений философов» Диогена Лаэртского. Ко многим своим и чужим переводам он писал развернутые предисловия, часто обращенные к более широкой публике. Позднее они составили первый обширный том («О поэтах») его избранных трудов и том «Об античной поэзии» (2000 г.). Желание не ограничиться заполнением лакун в старых переводах и понимание трудностей, завещанных предыдущей русской традицией, которую он хотел дополнить, а иногда и существенно скорректировать, хорошо видно и по его недавней книге экспериментальных переводов. В ней он смело спорит с идущей от Анненского линией переиначивания Еврипида на модернистический лад, противопоставляя ей свои переводы двух трагедий (начало второй передано в двух метрических вариантах — традиционном пятистопном ямбе и новом ударном стихе), пользуется передачей стихотворной пародии А. Э. Хаусмена на перевод древнегреческой трагедии, чтобы кроме других предметов издевки в русском переложении английского оригинала посмеяться и над ритмической вычурностью античных размеров Вяч. И. Иванова, передает

по-русски эпатирующие вульгаризмы авангардной поэтики Эзры Паунда как перелагателя Проперция. Для решения особенно занимавшего Михаила Леоновича вопроса о соотношении поэзии и прозы любопытно предложенное им сопоставление двух разных графических способов перевода — прозаического и поэтического — малоизвестной латинской комедии «Кверол» в той же его книге. А завершается книга переводами экспериментальных по метрике стихов римского поэта Авсония и его же свадебного центона (произведения, составленного из композиции цитат). В макароническом стихе Авсония в той же книге теперешний читатель без труда найдет созвучие нынешнему засорению речи иноплеменными словами. Авсонием Гаспаров занимался много — целая книга переводов с его вступительной статьей познакомила русского читателя с этим поэтом позднего римского периода, которого в России знали до того только отдельные ценители (как Тютчев).

Среди других авторов древности гаспаровскому пытливому и ироническому уму оказался близок баснописец Эзоп и его продолжатели (Федр и Бабрий). Гаспаров опубликовал и свой полный комментированный перевод Эзопа, и книгу об античной басне — Федре и Бабрии. Интересно осуществленное им вместе с И. Ю. Подгаецкой издание русских переводов классических басен разных последующих европейских и американских авторов (часть этих гаспаровских басен в пересказе переиздана в уже упомянутой книге экспериментальных переводов). Гаспаров стал в ряд великих русских ученых — исследователей жанра басни, как Потебня и Выготский. Басня была одним из первых античных и европейских жанров, над структурой которого он задумался. Позднее он попробует разобраться в строении эпиникия — хоровой песни в честь победителя в спортивном соревновании, горациевских гимнов, сюжетов древнегреческой трагедии. Его опыты были в широком смысле слова структуралистическими (ставшая у нас недавно модной деконструкция была ему решительно чужда — он видел в ней отход от науки в сторону чисто художественного толкования, которое он умел делать собственно поэтическим способом), но в то же время продолжали и очень старую традицию. Занимался он и древней риторикой и средневековой латинской поэтикой. Пробовал он решить и сверхтрудную задачу — описать композицию «Поэтики» Горация, которую переводил дважды — в стихах и в прозе, заботясь здесь особенно о точности переложения. Античная филология, где стремление к строгости и к ее выражению в подсчетах (в том числе и относившихся к метрике) культивировалось давно, подводила его к основному занятию последующих лет жизни — математически строгой науке о поэзии. Но одновременно он старался приобщить к знанию античности широкую публику — и своими популярными статьями, которыми зачитывались интеллигенты разных профессий, и занимательными рассказами о Древней Греции для детей и юношества. О них потом он сам с основанием скажет, что это было самое полезное из того, что он «сделал по части античности».

Помню, как ценил его Бродский, сам бредивший античностью. Вечером после заседания конференции, посвященной столетию Мандельштама, которая была устроена Лондонским университетом, Бродский, принимавший в ней самое деятельное участие, сделавший вступительный доклад и выступавший по каждому из следующих сообщений, пригласил поужинать вместе с собой двух филологов, дорогих его сердцу ценителя классической поэзии, — Гаспарова и Аверинцева. Сидя с ними за одним столом, я думал о неумирающей русской традиции, в которой лучшие поэты неизменно обращаются к греческим и римским образцам (недаром перед смертью Бродский задумает создать Римскую Русскую Академию, куда бы из России приезжали вместе с другими людьми искусства и поэты поучиться у тех, кто прежде занимался их ремеслом в Риме). Позже Гаспаров соединит два главных своих увлечения — античность и русскую поэзию Серебряного века — в лекциях и в письменных текстах, повествовавших о том, как одна влияла на другую; такие поэты, как Брюсов (о котором Гаспаров много написал в последние годы, раздумывая о феномене академического авангардизма), отдельно им изучались с этой точки зрения. В более специальном техническом аспекте Гаспаров занимался в особых монографических исследованиях передачей античных метров в русском стихе на материале ямбического триметра, галлиямба, гексаметра.

В глухую советскую пору Гаспаров чуть ли не в одиночестве начал свою огромную работу по подсчитыванию численных характеристик русских поэтов. Кроме серии тех блестящих статей об отдельных русских поэтах (в том числе Фете, Некрасове, Блоке, Брюсове, Белом, Ахматовой, Мандельштаме, Маяковском, Пастернаке, Твардовском) и отдельных русских стихах, которые теперь переизданы и стали доступными широкому читателю (в сборнике избранных статей 1995 г., быстро выросшем в трехтомник избранных трудов 1997 г.), из этого вскоре выстроилось грандиозное здание истории сперва русского, а потом и европейского стиха. Подводящие итоги этой тончайшей ювелирной статистической работе три книги, которые завоевали ученому мировую славу, остаются единственными и непревзойденными в своей области. В первой из них, напечатанной в 1974 г., содержится общий очерк русского современного стиха. Готовясь к ее написанию, Гаспаров изучал в отдельных статьях и употребление традиционных размеров (особенно ямба и хорея) в поэзии советского времени, и относительно более новые размеры, введенные в широкое употребление в XX в. (как дольник, урегулированный и неурегулированный — в терминологии, принятой Гаспаровым, тактовик — и как ударный стих раннего Маяковского). Все метры, употреблявшиеся к моменту написания очерка, получили в нем статистически достоверное описание. Следующая монография, впервые вышедшая в 1984 г. и испытавшая на себе трудности того времени (в особенности, помешавшие данным по поэтам послереволюционного времени и поэзии, создававшейся в эмиграции), представляла

собой диахронический комментарий к тому синхронному описанию метрики и ритмики, которое было дано в первой. К исследованию размеров прибавилось столь же детальное обследование динамики рифмы, которой в те годы Гаспаров много занимался, и строфики. Начиная с народного русского стиха, большая статья о котором не уместилась в книге и была потом напечатана отдельно, и с позднейшего силлабического стиха, Гаспаров прослеживал разные сменявшие друг друга поэтические формы и их трансформацию. Для каждого периода, обозначенного именами двух показательных поэтов (Ломоносова и Державина, Жуковского и Пушкина, Некрасова и Фета, Блока и Маяковского) или общей формулировкой («советское время», в дополнении во 2-м издании 2000 г. также «постсоветская эпоха»), отмечались основные статистические данные по каждой из характеристик стиха. Существенным дополнением к вынужденно ограниченному в книге описанию поэтов Серебряного века и за ними следовавших и им непосредственно предшествующих явилась весьма своеобразная антология «Русский стих (исправляю заглавие сообразно авторской корректуре. — *В. И.*) 1890-х — 1925-го годов в комментариях» (первое сокращенное издание вышло в уже тогда более свободном от цензуры Таллинне в 1987 г., более полное московское — в 1993 г.). В ней стихи, принадлежавшие и крупным поэтам, и почти безвестным или полузабытым, подобраны и проанализированы преимущественно со стороны их формальных особенностей. Гаспаров признавался в своей любви к поэтам незамеченным, незнаменитым и гонимым, сочувствовал проявлению похожей тенденции и у Ю. М. Лотмана. В этой антологии кроме всего прочего предпринималась и попытка пересмотреть многое во взглядах на историю русской поэзии последнего десятилетия позапрошлого (девятнадцатого) века и первой трети двадцатого. О таких стихах, как антропософские умершей в ссылке в Ташкенте Черубины де Габриак, читатель тех лет (когда большинство их еще оставалось в рукописи) впервые узнавал из антологии Гаспарова, выходившей далеко за рамки очерченных им самим целей иллюстрации формальных возможностей русского стиха. Развернутая «не-энциклопедическая справка» о разобранных авторах на последних страницах книги выглядит как конспект части такой истории новой русской поэзии, задача написания которой завещана нам Гаспаровым. В ней достигается приближение к истории, где бы на первый план выдвигался стих и его форма в большей степени, чем отдельные (в том числе и знаменитые) имена поэтов. В то же время, в отличие от основной трилогии, вторую часть которой дополняет антология, книга отчетливо нацелена на задачи обучения, содержит задания для читателя и должна ввести его в науку о поэзии, основные понятия которой четко изложены в комментариях.

Последней в той трилогии основных работ по русскому стиху, которыми для Гаспарова ознаменовались семидесятые и восьмидесятые годы, была книга о европейском стихе (первое издание — 1989 г.). Первый эскиз, ее подготовлявший, был написан как введение ко второй книге серии: очерк

истории русского стиха предварялся характеристикой основных этапов истории стиха европейского. Само это понятие, научно оправданное благодаря трудам Гаспарова, представляется крайне важным и для теории культуры, и для осмысления места русской культуры среди европейской. Только такие исследования, как книга Гаспарова о европейском стихе, продвигают глубже к пониманию волнующих сейчас всех проблем, завещанных нам западниками вместе с их оппонентами — славянофилами и наследниками тех — евразийцами, из которых князя Николая Сергеевича Трубецкого и Романа Осиповича Якобсона Гаспаров ценил очень высоко. Книга о европейском стихе (как до того введение к истории русского стиха) начинается с изложения той картины индоевропейского метра в его соотношении с метрикой отдельных индоевропейских традиций, в том числе славянских, которую вслед за Антуаном Мейе наметил Роман Якобсон и позднее развили Калверт Уоткинс и Мартин Уэст. Возможно, что реконструкция еще более древних эпох (до падения ларингальных и преображения древней системы тонов, восстанавливаемой В. А. Дыбо) придаст большую рельефность временной перспективе этой реконструкции в самой ранней ее части. Но М. Л. Гаспарова больше занимали последующие отдельные индоевропейские традиции. Он впервые ввел в их описание вероятностные методы, построив для основных новых западноевропейских языков и для латыни ритмические словари и модели главных стихотворных размеров, приведенные в статье «Вероятностная модель стиха (английский, французский, итальянский, испанский, латинский стих)» (1987 г.). Для диахронического описания чередования эпох строгости и расшатанности стихотворных форм Гаспаров полагал нужным построение вероятностной модели с разными ступенями ограничений, наложенных на подбор слов. В каждой из описываемых традиций Гаспаров прослеживает сходные линии развития, приводящие к смене одного типа другим (силлабическим или силлаботоническим, акцентным стихом и т. д.). К числу увлекательных проблем, решаемых при таком сравнительном изучении, относится соответствие определенного метрического типа и его ритмических вариаций характеристикам языковой системы и, соответственно, возможность переноса принципов одной традиции на другую. Этот вопрос Гаспаров подробно исследовал на материале выполненных Цветаевой переводов русских стихов на французский.

Можно изумляться объему (колоссальному) тех текстов на русском и других языках, которые Гаспаров обследовал, готовя материал для трех главных своих книг по русскому стиху. А я не могу забыть вида Михаила Леоновича, ни на минуту (буквально) не перестававшего делать свои невероятные по размерам подсчеты — ни днем, в залах заседаний научных конференций, где он слушал доклады, а его мелкий почерк в это время продолжал покрывать страницы записных книжек рядами цифр, ни за полночь в номерах гостиниц во время командировок, тогда, когда другим смертным вроде как положено отдыхать. Неслыханная работоспособность

одержимого азартом поверки стихотворной гармонии алгеброй не мешала Гаспарову участвовать во всех начинаниях, которые были направлены к преодолению нудной научной рутины. Он был участником первого семиотического симпозиума в Москве в 1962 г., о чем написал с юмором в заметке о семиотике, где признавался, что термин ему остался не до конца понятным. Добавлю от себя, что он, по-видимому, не терял надежды в нем разобраться. Когда я начал читать курс семиотики культуры в Московском университете, Михаил Леонович оказался среди многочисленных более молодых слушателей: аккуратностью посещения лекций он приводил меня в замешательство. Мы встречались в Тарту на таких литературоведческих сборищах, как блоковская конференция, в Латвии на Тыняновских чтениях, в Грузии на коференции по античной литературе. Много лет Гаспаров участвовал в полуофициальном, а потом и полуподпольном кружке по поэтике, который сперва собирался в Институте иностранных языков, а потом ушел в частные дома, пока он не самораспустился (как когда-то московский эстетический кружок любомудров вокруг Одоевского, не выдержавший подавления декабрьского восстания). Не пропускал он и недавних сходок вокруг «Нового литературного обозрения», в котором (как и в его издательстве) много печатался. Когда возникали новые нестандартные научные учебные центры, он сразу же откликался и начинал в них работать. Так было с кафедрой теории и истории культуры Московского университета и с возникавшими уже в последнее время научными институтами (Высших гуманитарных исследований и Русской антропологической школой) в Российском государственном гуманитарном университете.

Гаспаров был внимателен к своим коллегам и собеседникам, особенно к тем, кто далек от внешнего академизма. В изданной им весьма оригинальной книге набросков, заметок и записей для себя он рядом со своими мыслями фиксирует приглянувшиеся ему соображения и остроты других. Одному Аверинцеву, с которым они подружились еще в университетские годы, там посвящено несколько страниц убористого шрифта. Много Михаил Гаспаров сделал и для открытия своих предшественников в науке и переводе: первым он начал публикации частей новаторской книги о математическом стиховедении замечательного нашего филолога Ярхо, который заканчивал этот до сих пор не изданный полностью труд во время ссылки в сталинское время, перед войной. Сравнивая две школы неофициального литературоведения двадцатых годов — ленинградских формалистов и московскую группу Государственной Академии художественных наук, Гаспаров, перечитавший сочинения тех и других в студенческие годы, отдавал преимущество второй. Она его привлекала понятностью и отчетливостью использованного для описания искусства языка и традиционностью — связью со старой риторической школой. Но, не говоря уже о ленинградских стиховедах формалистической ориентации, как Томашевский, позднее он

многому учится у Романа Якобсона, русское издание работ которого по поэтике подготовил Гаспаров.

Гаспаров — один из самых деятельных участников и руководителей таких соединяющих века и поколения изданий, как «Литературные памятники». Его работа составителя, комментатора, переводчика, в том числе в недавнее время, в книге неожиданных вольных переводов без рифм и традиционных размеров помогает строить мост, ведущий из прошлого в будущее. Предлагая читателю (в том числе будущему) свои экспериментальные переводы, Гаспаров противопоставляет лаконизм и минимализм своих верлибров вкусам прошлых эпох — риторическому романтизму девятнадцатого века и риторическому модернизму начала двадцатого века. В предисловии к книге «Экспериментальные переводы» он писал: «Если мы не настолько органично ощущаем вкус наших предшественников, чтобы уметь подражать им, как аттицисты аттикам, — признаемся в этом открыто, и пусть потом наши потомки перелицовывают нас, как мы — предков (если, конечно, они найдут в нас хоть что-то достойное для перелицовки)». Взгляд, учитывающий потомков, соответствовал тому пониманию будущего, которое развернуто Гаспаровым в статье о Вергилии. Увлечение им в Европе, волны которого начинают докатываться и до нас, Михаил Леонович объяснял тем, что «поэзия Вергилия — это поэзия, открытая в будущее, и всякой культуре, которая не боится будущего, она близка».

О грядущих поколениях и следующих этапах истории науки приходится думать и оценивая его вклад в занятия с учениками, ставшими уже заметными учеными. Их немало вышло из его педагогической мастерской, с одними он писал вместе статьи, иных рецензировал, для третьих составлял или редактировал подробные программы статистических обследований (такова его роль в коллективной работе по поэтам XIX в.). Это же обращение к тем занятиям, которые будут потом, после нас, руководило им и в его рассказах о Древней Греции для детей и юношества, и в популярных статьях для широкой аудитории.

Продолжив сперва на свой лад старые традиции поколения, для которого форма в литературе представлялась самодовлеющей, в дальнейшей своей работе Гаспаров перешел к смелому сближению анализа метра стиха как такового с интерпретацией его смысла. Идея, намеченная в общем виде К. Ф. Тарановским по отношению к пятистопному хорею, была им развита и проверена на большом материале применительно к этому и нескольким другим размерам, используемым в русской поэзии. Из этого возникла книга «Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти», имеющая большое значение для понимания и более обшей темы — соотношения текста, его структурных признаков и традиции. К семантике он обратился и в работе о «Соловьином саде» Блока, где показано отражение картины мира в структуре стиха.

В последний период своей работы Гаспаров по-прежнему ориентировался на две науки, откуда стиховедение может почерпнуть точные методы, — математическую статистику и лингвистику. Его переход из Института мировой литературы в Институт русского языка знаменовал и еще большее увеличение значимости языковедческих тем и методов в его исследованиях. Последние его труды посвящены прежде всего языку поэзии и прозы в их соотношении. Сама по себе проблема соотношения поэзии и прозы занимала его давно. Он подходил к ней и в своих переводах, когда предлагал два — поэтическое и прозаическое — переложения одного и того же текста. Это соотношение и промежуточные случаи, лежащие между стихом и прозой, занимали его в стиховедческих исследованиях и в комментариях к стихам. Его все больше начинают интересовать черты «поэзии грамматики» и «грамматики поэзии» (говоря якобсоновскими терминами) у отдельных поэтов (например, в статье о «Фете безглагольном», открывающей серию исследований, посвященных именному стилю в русской и западноевропейской поэзии) и в определенных размерах (скажем, в шестистопном ямбе). Собственно лингвистическую часть этих исследований представляют характеристики тех языковых явлений (в частности, порядка слов в сочетании определения с определяемым), которые позволяют отличить стих от прозы. В заключительных работах на эти темы, выполненных вместе с Т. В. Скулачевой, выделены наборы характерных признаков, по которым у русских авторов стихи противопоставляются прозе.

М. Л. Гаспаров много сделал для нового прочтения русских поэтов Серебряного века и периода, за ним следовавшего, — Брюсова, Мандельштама (у двух последних его особенно занимает тема соотношения природы и культуры), Пастернака (последней прижизненной публикацией был выполненный вместе с К. М. Поливановым опыт комментария к первому сборнику стихов Пастернака «Близнец в тучах»). В составленной им антологии русских стихов есть и такие, которые без него долго бы (или навсегда?) оставались затерянными в давно забытых сборниках и журналах. Будущее заплатит ему за это тем, что и в нем с запозданием откроют одаренного поэта, который рано высказал в гневных сильных стихах (тогда лишь немногим известных) свое неприятие мракобесного режима.

В последние годы жизни Гаспаров был погружен в чтение, истолковывание и комментирование самого большого из замученных этим режимом поэтов — Осипа Мандельштама. Сложность поэтики последнего периода творчества Мандельштама (в ссылке в Воронеже и позже, перед самым вторым арестом и гибелью) не останавливает ученого, всегда решавшего самые трудные задачи, перед которыми другие бы оробели. Новизна его подхода на фоне всей огромной мандельштамоведческой литературы новейшего времени была связана и со взглядом на Мандельштама на социальном, литературном и культурном фоне двадцатых и тридцатых годов. В

этих работах наглядно виден присущий Гаспарову историзм, роль которого он разбирал и теоретически в своей статье о Ю. М. Лотмане.

Значимость Михаила Гаспарова как примера для общественного восхищения (не скажу подражания: это слишком трудно) — огромна. Дело даже не столько в том, что по самым больным вопросам он иногда находил нужным высказаться, как давно он выступал вместе с Сергеем Аверинцевым, с которым многое его связывало начиная со студенческих лет в работе и в интересах, и как недавно снова громко заговорил — на этот раз о неправом задержании в тюрьме Ходорковского. Гаспаров писал об интеллигенции и революции, о крупном ученом (на примере Лотмана) и марксизме, о темах, от которых многие если не уклонялись, то отмалчивались. Как общественный деятель и как рупор мыслящей части общества он был востребован: судя по результатам помещенных в Интернете авторитетных результатов опроса видных специалистов, М. Л. Гаспаров попадает по своему рейтингу в первую треть ста мыслителей, воплощавших в последние годы чаяния и волнения российского общества.

Гаспаров всем своим видом, мелочами поведения, соединением сверхэрудита с озорником, ото всего отрешенного исхудавшего чудака и чуть ли не аскета с весельчаком и остроумцем показывал, каким может и должен быть настоящий интеллигент в переплетении всех противоречий, им воплощаемых и преодолеваемых. Если кто-нибудь посмеет усомниться в исполинских возможностях русской науки, словесности, всего духовного мира нынешней России, для опровержения слабоверных достаточно указать на наглядный противоречащий пример, явленный в личности и деятельности Михаила Гаспарова. Глядя на него и слушая его, приходилось убедиться в том, что надвигающаяся из будущего сфера разума — ноосфера — находится рядом с нами, надо только быть достаточно наблюдательным, чтобы ее увидеть.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЭФФЕКТЫ СНЯТОЙ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТИ: ГЛОБАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ*

Соединение предиката с субъектом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, а предикативная — финитная — форма во многих языках (в частности, в русском), выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, т. е. утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять. По У. Вейнрейху, это показатели «снятой утвердительности», «assertion-suspending devices», см. [Weinreich 1963/1970: 173]; ср. термин *non-veridicality* в [Pereltsvaig 2000, Giannakidou 2002].

Вейнрейх перечисляет языковые средства «нейтрализации утвердительности» (*neutralization of assertiveness*, *suspension of assertion*). Это номинализация, инфинитив, будущее время, императив и другие косвенные наклонения, которые выражают «прямой отказ от ответственности за содержание высказывания» (по Дж. Муру — освобождают говорящего от эпистемического обязательства); Вейнрейх упоминает, кроме того, немецкий конъюнктив, турецкий квотатив, пересказывательное наклонение в болгарском.

Контекст снятой утвердительности создают также модальные слова (такие как *может*, *хочет*, *должен*, *необходимо*), отрицание (в том числе внутрилексемное, как у *отказываться*, *запрещать*, *отрицать*), вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность, см. [Падучева 1985: 94].

О снятой утвердительности идет речь в [Падучева 1985: 94; 215—220] — в связи с неконкретными (non-specific) нереферентными неопределенными местоимениями типа *какой-нибудь*. Эти местоимения практически недопустимы в индикативном контексте (**Он взял что-нибудь*) и свободно употребляются в контексте снятой утвердительности:

возьми что-нибудь, *взять* что-нибудь, *возьму* что-нибудь, *если* он *взял* что-нибудь, *могу взять* что-нибудь и т. д.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке научного фонда РГНФ, проект № 05-04-04130а и фонда National Science Foundation, грант № BCS-0418311; руководитель проекта — Барбара Парти.

Местоимения типа *какой-нибудь* — в свете достижений последних лет[1] — рассматривались в работе [Падучева 2004а]. Там же был отмечен ряд других явлений, тоже порождаемых, как оказалось, снятой утвердительностью: исчезновение семантических актантов у некоторых глаголов в прямой — не параметрической — диатезе; зеркальная симметрия прошедшего и будущего времени; глобальное отрицание и отмена фактивных пресуппозиций в контексте отрицания этого рода.

Данная работа посвящена глобальному отрицанию: понятие снятой утвердительности ставит на новую основу проблему отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе и в предложениях с кванторными словами.

1. Атрибутивный компонент

Давно было замечено, что предложения с препозитивным наречием (безударным) часто не имеют хорошего отрицания. Пример из [Падучева 1969]:

(1) а. Он затормозил ∪ *резко* \ ; б. Он *резко* ∪ затормозил \.
(2) а. НЕ (Он затормозил *резко* \) = Он затормозил *не резко*;
б. НЕ (Он *резко* ∪ затормозил \) = ???

У предложения (1а) отрицанием служит (2а); а (1б) не имеет хорошего отрицания. И так будет для многих наречий — в частности, для всех наречий образа действия.

Поразительный факт состоит, однако, в том, что в контексте снятой утвердительности то же глагольно-адвербиальное сочетание отрицается без затруднений:

(3) а. *Резко* не тормози; б. Главное — не тормозить *резко*; в. Он не будет тормозить *резко*; г. *Резко* он не тормозит; д. Могу *резко* не тормозить; е. Он обещал *резко* не тормозить; ж. Если бы он *резко* не затормозил, произошла бы авария.

В (4а) отрицание попадает в контекст снятой утвердительности и абсолютно естественно; а то же глагольно-адвербиальное сочетание вне такого контекста не имеет отрицательного коррелята[2]:

(4) а. Здесь пока *тщательно* не оденешься, из дому не выйдешь. [В. Писигин. Письма с Чукотки // Октябрь. 2001. № 1];
б. НЕ (Он тщательно оделся) = ‘то ли не оделся, то ли оделся не тщательно’ = ???

[1] См., в частности, получившую большой резонанс работу [Haspelmath 1997] о типологии неопределенных местоимений.

[2] В работе широко используются примеры из Национального корпуса русского языка, сайт Интернета www.ruscorpora.ru.

Я буду называть отрицание глагольно-адвербиального комплекса как целого (примеры типа (3) или (4а)) глобальным отрицанием. В принципе, выразить смысл, задаваемый формулой (4б), конечно, можно, см. ниже, — но не с помощью одной только частицы *не*.

Договоримся о коммуникативно-синтаксических терминах[3]. В (1а) *резко* занимает ударную позицию, рематическую, а в (1б) — безударную: ее можно назвать позицией атрибута ремы [Падучева 1996: 244], считая слово «атрибут» синонимом для термина «модификатор» (от англ. *adverbial modifier* ‘обстоятельство’). Итак, мы имеем:

(1) а. Он затормозил ∪ *резко* \ [*он затормозил* — тема, *резко* — рема];
б. Он резко ∪ затормозил \ [*он* — тема, *затормозил* — рема, *резко* — атрибут ремы].

У (1а), где *резко* — рема, есть простое отрицание (2а), а для (1б), где *резко* — атрибут ремы, отрицание затруднено.

Подчеркнем, что атрибутом ремы может быть только такой адвербиал при глаголе, который не является актантом этого глагола. Для актантов аналогичные просодические противопоставления дают иной семантический эффект, см. раздел 5.

Различие между рематической позицией адвербиала (отрицаемой) и безударной дает себя знать не только в контексте отрицания, но и в ряде других.

— Контекст причины (он рассматривался в связи с понятием презумпции в [Зализняк 1983]):

(А) а. Ребенок проснулся потому, что вы разговаривали *громко*\ ;
б. Ребенок проснулся потому, что вы *громко* разговаривали \ [≠ (а)].

— Контекст условия:

(Б) а. Если бы они разговаривали *громко* / , я бы услышал;
б. Если бы они *громко* разговаривали! Они кричали [≠ (а)].

— Контекст начинательности (пример из [Богуславский 1998]):

(В) а. После этого они начали разговаривать *громко* \ [до того они разговаривали, но не громко];
б. После этого они начали *громко* разговаривать\ [≠ (а)].

— Контекст внутрилексемного отрицания:

(Г) а. Ваше присутствие помешало мне *произнести* слово «Позор!» *громко* [я произнес, но тихо];

[3] Здесь и далее мы используем следующие знаки фразового ударения: \ — понижение тона (главное фразовое ударение); / — повышение тона, второстепенное ударение; ∪ — безударность.

б. Ваше присутствие помешало мне *громко произнести* слово «Позор!» [ничего не произнес].

Выявив в поверхностной структуре позицию атрибута ремы, мы получаем все необходимое для описания противопоставлений в плане содержания. В обоих предложениях, т. е. и в (1а) и в (1б), имеется два смысловых компонента — две предикации. В (1а) первый компонент, ‘он затормозил’, — пресуппозиция; второй, ‘торможение резкое’, — ассерция. А в (1б) оба компонента ассертивные, т. е. в предложении две ассерции. Из этих двух компонентов 2-й является атрибутом к 1-му; это атрибутивный компонент.

Семантические представления для (1а) и (1б):

(1а#) ‘он затормозил’ [пресуппозиция] & ‘торможение резкое’ [ассерция];
(1б#) ‘он затормозил’ [ассерция] & ‘торможение резкое’ [дополнительная ассерция: атрибутив].

Есть наречия, которые не допускают двоякой акцентуации. Например, наречие *кстати*, как в *пришел кстати*, всегда ударное. Но большой класс наречий способен к указанному линейно-просодическому контрасту — например, наречия образа действия (*громко смеяться*, *рассказать подробно*, *работать дружно*, *идти быстро*).

Существенно, что одно и то же определительное — атрибутивное — отношение задано на семантических составляющих предложения и слова [Падучева 1996: 244].

В [Богуславский 1985] и в [Зельдович 1998] атрибутивному компоненту в семантике слова и предложения приписывается особый коммуникативный статус с л а б о г о компонента (в одном ряду с ассерцией и пресуппозицией) — на том основании, что в контексте отрицания этот компонент а) не остается истинным, в отличие от пресуппозиции; б) не отрицается, в отличие от обычной ассерции. То есть усматривается некое третье значение параметра, у которого первые два — это ассерция и пресуппозиция. Между тем коммуникативный статус атрибутивного компонента в структуре (1б#) — это все-таки ассерция — дополнительная, при основной, выраженной глаголом. А особое поведение атрибутивного компонента под отрицанием имеет с е м а н т и ч е с к у ю природу. Так, если ситуация, соответствующая глагольному компоненту (например, *затормозил*), не имеет места, то атрибутивный компонент (*резко*) лишается смысла, ср. бессмысленное **он резко не затормозил*. Семантическая аномалия в контексте отрицания при глаголе возникает потому, что *резко* — наречие образа действия. Другие типы наречий свободно сочетаются с отрицательным глаголом; например, возможно *напрасно он не затормозил*, *назло не поехал*. А в коммуникативном отношении атрибутивный компонент подчиняется общим законам, т. е. может быть и ассерцией, и пресуппозицией.

Итак, в семантической структуре предложения с атрибутом ремы возникает конъюнкция ассерций, а отрицание конъюнкции, в соответствии с законами логики, дает сложный дизъюнктивный смысл, которого естественный язык избегает:

(2б) НЕ (Он *резко* ∪ затормозил \) =
‘то ли он затормозил не резко, то ли не затормозил вообще’.

Выразить смысл (2б) на русском языке, конечно, можно — и даже несколькими способами — (2б′) отражает семантическую структуру с дизъюнкцией; (2б″) передает дизъюнкцию в виде импликации, а (2б‴) — «идиоматически», используя контрастную тему:

(2б′) То ли он не затормозил вообще, то ли затормозил, но не резко;
(2б″) Если он и затормозил, то не резко.
(2б‴) Резко / он не тормозил \ .

Все соответствия, однако, весьма неточные. Так, (2б′) добавляет к (2б) компонент ‘не знаю, что из двух имело место’ — хотя смысл (2б) мог бы иметь в виду и такой человек, который знает, но не хочет говорить. Далее, (2б‴), в соответствии с определением контрастной темы в [Падучева 1985: 118; 2004б], означает: ‘резко не тормозил, а тормозил ли не резко — неизвестно’; иначе: ‘то ли он не тормозил вообще, то ли затормозил не резко’. Так что предложение (2б‴) передает смысл (2б) очень приблизительно. Например, тут СВ *затормозил* заменяется на НСВ общефактическое *тормозил*, при котором утрачивается смысл единичного торможения; а сохранение совершенного вида дает практически недопустимое

(2б⁗) *Резко он не затормозил.

Можно ли, однако, выразить отрицание адвербиально-глагольного комплекса более простыми средствами?

2. Типы отрицания в глагольно-адвербиальном комплексе

Трудности с отрицанием глагольно-адвербиального комплекса были известны давно. Новость состоит в том, что отрицательная частица *не* при глаголе-сказуемом свободно выражает глобальное отрицание глагольно-адвербиального комплекса, если он находится в контексте снятой утвердительности. В этом случае отрицание не требует ни союзов, ни контрастного ударения на наречии, см. примеры (3), (4а) из раздела 1.

Глобальная интерпретация отрицания в контексте снятой утвердительности свойственна большому кругу наречий. См. пример (1) (на базе списка адвербиально-глагольных сочетаний из [Филипенко 2003]); слева стоят глаголы в будущем времени, которое создает контекст снятой утвердительности; справа — в прошедшем времени:

(1) самостоятельно не *выучит* — ?не *выучил* самостоятельно;
дешево не *продаст* — ?дешево не *продал*;
скоро он не *придет* — ?скоро он не *пришел*;
спокойно он *сидеть* не *будет* — ?спокойно он не *сидел*;
хорошо этот рояль *звучать* не *будет* — ?хорошо этот рояль не *звучал*;
и т. д.

Может быть, и есть такой контекст, в котором предложения из правой части списка более или менее уместны, но разница по степени естественности между левой и правой частью очевидна.

Предложные группы с адвербиальным значением подобны наречиям; например, такую же пару образуют *без причины не откажется* и **без причины не отказался*. Мы стараемся ограничиваться односложными адвербиалами только ради простоты формулировок.

Еще два примера. В (2а), (3а) наречия находятся в контексте снятой утвердительности, и предложение выглядит гармонично; а (2б), (3б), с глаголом в прошедшем времени, в большей или меньшей степени шероховаты:

(2) а. *Сильно* этот поезд не опоздает = ‘НЕ (Этот поезд *сильно* опоздает)’;
б. ?*Сильно* / этот поезд не опоздал \ ;
(3) а. НЕ *(Вам эту статью надо внимательно прочесть*) = Эту статью вам *внимательно* читать не надо;
б. НЕ (Вы эту статью *внимательно* прочли) = ?*Внимательно* / вы эту статью не прочли \ .

Чтобы понять, на чем основана эта корреляция между модальностью и синтаксисом, посмотрим, какие в принципе смыслы могут получаться из соединения частицы *не* с глагольно-адвербиальным комплексом вида Q(P), где P — предикация, а Q — модификатор (иначе — атрибут) P. Можно различить следующие типы взаимодействий.

I. Глагольное отрицание в сфере действия адвербиала:

Q(*не*-P) = *не*-P ⟨пресуппозиция⟩, Q(*не*-P) ⟨ассерция⟩;
Напрасно он не затормозил.

II. Глобальное отрицание

IIа. Глагольное отрицание в контексте снятой утвердительности:

не—Q(P): Только бы он *резко* не затормозил.

IIб. Глагольное смещенное (с ударением на адвербиале) —

не—Q(P) = ‘то ли P & *не*-Q (P), то ли *не*-P’;
Сильно он не расстроился.

III. Адвербиальное отрицание:

не-Q (P) = P ⟨пресуппозиция⟩, *не*-Q (P) ⟨ассерция⟩;
Он затормозил не *резко*.

Согласно терминологии, которая идет от А. М. Пешковского (и использована в [Падучева 1974: 151]; см. также [Jackendoff 1990]), типы II и III — это семантически общеотрицательные предложения, их смысл может быть представлен как НЕ ИМЕЕТ МЕСТА ТО, ЧТО (S); а тип I — частноотрицательные, они не являются отрицательным коррелятом никакого утвердительного. Например, в *Напрасно он не затормозил* смысл ‘напрасно’ остается за пределами сферы действия отрицания.

Замечание. В англоязычной литературе, начиная с [Klima 1964], принято различать sentential negation и constituent negation. Мы этих терминов не используем. Дело в том, что они опираются на представление о том, что отрицание при глаголе-сказуемом является семантически общим, а отрицание при других словах — частным. Между тем для русского языка это явно не так: формальные различия в отрицательных предложениях принципиально не совпадают с семантическими. Так, адвербиальное отрицание, тип III, дает, как и типы IIа и IIб, семантически общеотрицательное предложение. Наоборот, в типе I отрицание глагольное, а предложение частноотрицательное.

Рассмотрим по отдельности каждый из типов. Начнем с самого простого — с типа III.

Тип III. Адвербиальное отрицание

Оно возможно для широкого круга наречий — в частности, для наречий образа действия. Обязательным условием осмысленности *не*-Q (P) является осмысленность Q(P) и истинность P. Примеры.

(4) Ответ прозвучал *не сразу* (А. Азольский); Все эти задачи возникли *не вдруг* (В. Гроссман); возразил *не авторитетно*; прочел *не до конца*; затормозил *не резко*; произнес *не громко*.

При адвербиальном отрицании глагольная пропозиция P имеет презумптивный статус, так что это отрицание свободно употребляется в утвердительном контексте.

Не все наречия способны присоединять отрицание; например, *не давно* возможно только в полемическом контексте; не отрицаются, в основном значении, адвербиалы *все равно*, *вдруг*).

Тип I. Глагольное отрицание в сфере действия адвербиала

Примеры:

(5) *долго* не звонил; *давно* не пишет стихов; *сразу* не одобрил; *все равно* не купил бы; *зря* не купил; *умышленно* не тронул; *активно* не понравилась; *искренне* не поняла.

Это понимание возможно, среди прочих, для наречий времени и причины — но не образа действия: **Он резко не затормозил*. (В самом деле, образ действия может быть только у совершаемого действия, а причина или время может быть и у не-совершения; поэтому *спьяну не затормозил* осмысленно, а *резко не затормозил* — нет.) Очевидно, осмысленность Q (*не*-P) не следует из осмысленности Q (P) и наоборот.

Иногда отрицательное P требует от наречия специального «аллолекса» (см. [Вежбицкая 1999]):

(6) **непременно* не, **обязательно* не ⇒ *ни в коем случае* не.

Однозначно частноотрицательная интерпретация отрицания при глаголе возникает в том случае, если наречие неспособно присоединять отрицание, т. е. если понимание *не*-Q (P) исключено (см. выше про *давно*, *все равно*, *сначала*). Если же такое понимание в принципе допустимо (ср. *не сразу понял*, *тронул не умышленно*), то пропозиция *не*-P может терять свой презумптивный статус, и становится допустима глобальная интерпретация отрицания типа IIб; возникает дизъюнкция — ‘то ли не-Q (P), то ли даже не-P’.

Тип II. Глобальное отрицание

Глобальным мы называем отрицание, которое, находясь при глаголе, по смыслу распространяется на глагольно-адвербиальный комплекс в целом. Мы рассмотрим две разновидности глобального отрицания — собственно глобальное, тип IIа, и смещенное, тип IIб.

Тип IIа. Глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности

Тип IIа — это глобальная интерпретация глагольного отрицания в контексте подчиняющего оператора снятой утвердительности (таковыми являются союзы *чтобы*, *если*, *пока*; частица *разве*; оператор вопроса и др.). В типе IIа осмысленность Q (*не*-P) не обязательна для осмысленности не-Q (P). В контексте такого адвербиала Q, который осмыслен и в применении к *не*-P, возникает прямое противопоставление типа IIа типу I. Так, в (7) отрицание распространяется только на P; а в (8) — на весь комплекс ‘ты пришел напрасно’:

(7) *Напрасно* ты не пришел ⊃ ‘ты не пришел’, тип I; понимание возможно и в утвердительном контексте; см. о *напрасно* [Зализняк 1992].

(8) ⟨чтобы⟩ ты не пришел *напрасно* — нет такого следствия; тип IIа; понимание возможно только в контексте снятой утвердительности.

В контексте, где Q(*не*-P) не имеет смысла, глобальная интерпретация остается как единственная возможность:

(9) Надо следить, чтобы он *резко не затормозил*.

Тип IIб. Смещенное отрицание

Напротив, тип IIб надо сопоставлять с типом III: в обоих случаях P является предпосылкой Q (P). Близость и грамматическая: и в III и в IIб глагол в предикации P имеет утвердительную модальность — поэтому она и выделяется как отдельный коммуникативно значимый смысловой компонент предложения. Смысл предложения типа IIб задается дизъюнкцией

не—Q (P) = ‘то ли P & не-Q (P), то ли не-P’,

которой в типе IIа нет. Тем не менее, смещенное отрицание — это разновидность глобального: в предложении с глобальным отрицанием, равно как и со смещенным, P само по себе не отрицается.

Примеры (10)—(12) демонстрируют неоднозначность: в (а) приглагольное отрицание в сфере действия (СД) адвербиала, частноотрицательная интерпретация, тип I; в (б) глобальная интерпретация, тип IIб:

(10) а. Он *сразу* нас не одобрил ≈ ‘с первого взгляда’ [отрицание в СД адвербиала, тип I];
б. Она *сразу* не стала использовать свой диплом (Валерий Попов) [смещенное отрицание, тип IIб].

(11) а. Он *долго* не приходил; *долго* не отвечал [отрицание в СД адвербиала, тип I];
б. Он *долго* не думал; *долго* не огорчался [смещенное отрицание, тип IIб].

(12) а. Я *с самого начала* ему не поверил [отрицание в СД адвербиала, тип I].
б. Я *сначала* ему не поверил ⊃ ‘возможно, потом поверил’ [смещенное отрицание, тип IIб].

Интонационные различия между (а) и (б) в примерах (10)—(12) слабые; противопоставление обеспечивается скорее за счет семантики слов, чем просодии.

3. Глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности

Вернемся теперь к глобальному отрицанию. Оно представлено серией примеров в (1) со следующей структурой: имеется сентенциальный оператор, который создает контекст снятой утвердительности у финитной формы глагола, так что предикация P лишается утвердительной модальности (а это главное, что выделяет ее как отдельную пропозицию); кроме того, истинность P не составляет лексической предпосылки осмысленности Q(P) — поскольку Q применимо и к *не*-P. Вместо структуры вида НЕ (P & Q(P)), которая порождает при отрицании дизъюнктивный смысл, возникает структура вида НЕ (Q(P)), где Q(P) — некая единая пропозиция. Нет конъюнкции, отрицание которой разлагалось бы в дизъюнкцию, поскольку P пропадает как отдельно утверждаемая пропозиция — глагольно-адвербиальный комплекс отрицается как целое:

(1) <u>если бы</u> я *сдуру* не поздравил ⟨…⟩;
<u>чтобы</u> *напрасно* не обидеть ⟨…⟩;
⟨…⟩ <u>чтобы</u> она *вновь* не стала добычей какого-нибудь охотника;
<u>Разве</u> ты не бываешь там *каждый день*?
⟨…⟩ <u>пока</u> *окончательно и навсегда* не установилась Советская власть (В. Катаев);
<u>Как бы</u> он *нечаянно не проболтался*.

В (2) оператором снятия утвердительности является вопрос, в (3) — квантор общности, в (4) — сослагательное наклонение.

(2) Ты *случайно* не знаешь его телефон?
(3) Нет проблемы, которая бы *всесторонне* не обсуждалась; ⟨…⟩ не было такого, который бы *вскоре* не сделался негодяем;
(4) Не случись эта передряга, не *отказались* бы вожди *всерьез и надолго* от своих теорий (В. Аксенов).

В отличие от типа I, где адвербиал должен быть осмыслен в применении к отрицательному предикату (а набор таких адвербиалов ограничен), глобальное отрицание в контексте оператора снятой утвердительности не накладывает никаких специальных ограничений на Q, которые бы порождались именно наличием отрицания: если наречие Q сочетается с глаголом P, то глобальная интерпретация тоже возможна. Например:

(5) пока *мало-мальски не наладится*; пока инвалид *вновь не извлек* из своего инструмента вибрирующий звук (В. Пелевин); пока *заживо не сгниешь*; пока окончательно *не отупел*; если бы не банкет, он бы так *тщательно не оделся*; если бы *периодически не вспыхивали*; если бы *постоянно не вываливались*; если бы я *клятвенно не пообещал*; если бы вдруг не пропало солнце; если мы *немедленно не уйдем* отсюда; иначе бы *хорошо не получилось*; иначе бы он *навытяжку не стоял*; чтобы *сломя голову не мчаться*; не может быть, чтобы он *не усмехнулся исподтишка*.

Ясно, что вне контекста снятой утвердительности сочетания из (6) неприемлемы:

(6) *тщательно* не оделся, *немедленно* не уйдем, *периодически* не вспыхивали, *клятвенно* не пообещал, *вскоре* не сделался, *неустанно* не взывал, *украдкой* не утер слезу, *поминутно* не прикладывал, *кубарем* не полетел.

Глобальная интерпретация типа IIа особенно хорошо видна в контексте наречий причины (*сдуру*, *сослепу*, *спросонья*, *в шутку*, *нарочно*, *умышленно*, *нечаянно*, *случайно*, *второпях*, *в спешке*, *сгоряча*, *спьяна*) и цели (*напрасно*, *назло*). Эти наречия, в отличие от наречий образа действия, типа *громко*, *медленно*, в принципе, могут употребляться при отрицаемом глаголе; т. е. глобальное отрицание типа IIа у них может быть семантически противопоставлено приглагольному в сфере действия адвербиала, тип I.

Рассмотрим один пример более подробно. У наречий *нечаянно*, *случайно*, *второпях* в контексте снятой утвердительности возникает глобальная интерпретация:

(7) Я очень боялся, чтобы меня *нечаянно не приняли* за кого-нибудь (М. Арцыбашев); я стал бояться, ⟨…⟩ как бы он *нечаянно не нажал* собачку (В. Каверин); ⟨…⟩ чтобы не успеть увидеть своего ребенка и *нечаянно не полюбить* его навсегда (А. Платонов).

Вне этого контекста глобальная интерпретация отрицания при *нечаянно* невозможна или по крайней мере усложнена. У наречия *случайно* глобаль-

ная интерпретация отрицания тоже ограничена контекстом снятой утвердительности:

⟨…⟩ чтобы их *случайно* не подслушали.

А интерпретация по типу I возникает без затруднений:

Он лишь *случайно* не попал в аварию.

Интерпретация по типу I и по типу II отчетливо противопоставлены у *второпях*. Наречие *второпях*, так же как *нечаянно*, *случайно*, в принципе может употребляться при отрицаемом глаголе:

(8) *второпях* не сказал (не взял, не надел и проч.) = ‘не сказал из-за спешки’ = ‘из-за спешки (НЕ сказал)’.

Ясно, однако, что в (9а) *второпях* относится не к глаголу, как в (8), а ко всему сочетанию «глагол + модификатор»; т. е. это глобальная интерпретация отрицания, и она обусловлена контекстом снятой утвердительности:

(9) а. Проследи, чтобы он *второпях не оставил* ключи = ‘чтобы не было так, что он второпях оставил’;
б. Он второпях *не оставил* ключи [= ‘из-за спешки не оставил’].

(10) а. Как бы он *не надел второпях* мою шляпу [из-за спешки может надеть];
б. Он второпях *не надел* шляпу [= ‘из-за спешки не надел’].

В [Пеньковский 2004] рассматриваются два значения *второпях*, которые различаются тематическим классом:

1) значение причины: ‘в спешке — по причине спешки — сделал не то, что собирался или должен был’, *второпях* 1;

2) значение образа действия: ‘делал в спешке, торопясь’, *второпях* 2.

Значения различаются просодией: *второпях* 1 препозитивно и принципиально безударно, а *второпях* 2 предпочитает постпозицию и несет фразовый акцент:

(а) *второпях* 1 ∪ забыл \ ; (б) пообедали ∪ *второпях* 2 \ .

Но противопоставление глобального отрицания, тип IIа, и приглагольного отрицания в сфере действия адвербиала, тип I, возможно только для *второпях* 1, см. примеры (9), (10).

Так почему же контекст снятой утвердительности способствует глобальной интерпретации отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса? Очевидно, этот контекст влияет на о т д е л ь н о с т ь пропозиции P. Особенно ясна эта отдельность при глаголе сов. вида прошедшего времени, который обеспечивает пропозиции с предикатом P конкретную временную соотнесенность и, соответственно, отдельное истинностное значение. Иначе говоря, сов. вид создает из предикации з а м к н у т у ю пропозицию, а тогда уже возникает вопрос о ее истинности.

Рассмотрим пример (11). В (11а) глобальная интерпретация отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса является в высшей степени

форсированной — она требует мощной интонационной поддержки (порождается контрастной темой). А при снятой утвердительности, в (11б), глобальное понимание возникает без участия интонации:

(11) а. умышленно / не тронул \ [= ‘если и тронул, то не умышленно’];
б. умышленно не тронет [= ‘если и тронет, то не умышленно’].

В типе IIб глагол P и адвербиал Q дают каждый свою ассерцию; возникает конъюнкция ассерций, которая при отрицании дает дизъюнкцию, а семантика естественного языка не любит дизъюнкций. Так что по отношению к типу IIб возникает вопрос, как преодолевается эта нелюбовь языка к дизъюнкциям, когда сочетание все-таки возможно.

4. Смещенное отрицание

Глобальная интерпретация отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса возможна и вне контекста снятой утвердительности — как правило, это будет смещенное отрицание. Чтобы отрицание при глаголе (глобальное) можно было назвать смещенным, нужно, чтобы в контексте данного предложения было допустимо не смещенное — адвербиальное (тип III), приблизительно равнозначное:

(1) а. План *полностью* / не продуман \ [тип IIб] ≈
б. План продуман не *полностью* [тип III].

Семантику смещенного отрицания можно мыслить как порождаемую контрастной темой [Падучева 1985: 118]:

(2) а. *Раньше* / он ее любил \ ⟨а теперь — неизвестно⟩;
б. План *полностью* / не продуман \ ⟨а продуман ли сколько-нибудь — неизвестно⟩.

Что можно сказать о классе наречий, допускающих глобальную интерпретацию отрицания в утвердительном контексте? В отличие от собственно глобальной, смещенная интерпретация накладывает сильные ограничения на класс адвербиалов. Возникает вопрос, как очертить этот класс семантически.

Интерпретация IIб характерна для наречий степени; причем отрицается всегда б о л ь ш а я степень (с учетом фразеологически связанных сочетаний; т. е. наречия большой степени для разных глаголов разные, ср. *уйти далеко* и *продлиться долго*):

(3) Это разграничение *последовательно* не проводилось; *Прямо* он этого не сказал; он этого *определенно* не сказал; *Долго* я не сомневался; Я *долго* не думал (ср. *не долго думая*); *надолго* не затянулось (*не затянется* — лучше); *долго* не продлится; численность *точно* не известна; Я *точно* не помню; *особенно* (*особо*) не удивился; *сильно* не

расстроился; *Сильно* они от этого не зависят; ситуация *качественно* (*принципиально*) не изменилась; *далеко* он не ушел; Местоположение Эммауса *точно* до сих пор не установлено (А. Мень); Эти вопросы *глубоко и всесторонне* не были продуманы (Известия, 2005).

Фраза (4), где наречие выражает нечто большее, чем степень, шероховата:

(4) Арбитр тогда Хомманда *серьезно* не наказал (Известия 2001).

Поскольку смещенное отрицание должно быть квазисинонимично адвербиальному, необходимы два условия, чтобы признать отрицание смещенным: нужно, чтобы было осмысленно и Q(P), и *не*-Q (это условия для типа III).

В типе IIа для глобальной интерпретации достаточно осмысленности Q(P):

(5) а. *быстро* понял;
б. **быстро* не понял [интерпретация по типу I невозможна];
в. Только бы он *быстро* не понял, в чем подвох.

А в смещенном типе — вовсе нет: класс наречий, допускающих смещенное употребление, ограничен. В отличие от IIа, при IIб допустимость сочетания, включающего *не*, не выводится из допустимости сочетания без *не*. Так, для (6а) собственно глобальное отрицание возможно, см. (6б), а глобальное смещенное — нет, см. (6в):

(6) а. Он *вскоре* понял свою ошибку;
б. Если бы он *вскоре* не понял свою ошибку ⟨…⟩;
в. **Вскоре* / он не понял свою ошибку \ .

Смещенное отрицание часто употребляется в контексте, где P ложно уже само по себе, а говорящий пытается скрыть ложность более слабого утверждения, высказывая ложность более сильного; например, говорит *точно не знаю*, вместо простого *не знаю*. Если это так, т. е. если говорящий сознает, что и более слабое утверждение (т. е. одно P, без указания на высокую степень) ложно, то это **уловка** — нарушение постулата информативности Грайса.

Можно было бы подумать, что глобальное отрицание в неутвердительном контексте может быть только смещенным. Рассмотрим, однако, наречие *вовремя*. Оно может иметь глобальную интерпретацию и в утвердительном контексте (отмечено в [Левонтина 2003]):

(7) Попугайчика *вовремя* не покормили, и он умер.

МАС различает у *вовремя* два значения, временное *вовремя* 1 и не чисто временное *вовремя* 2:

вовремя 1 = ‘пока еще не поздно’, ‘не опоздав’, например: Он сегодня пришел на работу *вовремя*; ⟨…⟩ она было взяла из моих рук моне-

ты, но *вовремя* опомнилась, и мы вышли, ничего не купив (Набоков. Весна в Фиальте).

вовремя 2 = ‘когда это уместно, нужно’, например: Вы пришли очень *вовремя*; *вовремя* сказанное слово.

В значении 1 *вовремя* не присоединяет отрицания: не допускает интерпретации по типу III (возможно, дело в том, что это значение передается словом *опоздал*) — если при слове *вовремя* есть отрицание, это может быть только *вовремя* 2:

(8) а. Гость пришел *не вовремя*;
б. *Он пришел на работу *не вовремя*.

Предложение (8б) можно понять только в странном значении ‘когда его там не ждали’ — оно не является отрицанием для *пришел вовремя*, т. е. ‘не опоздав’.

Получается, что *вовремя* допускает глобальное отрицание в утвердительном контексте, которое не может быть смещенным, поскольку *вовремя* в этом значении не присоединяет отрицание.

Что же нейтрализует неудобную для русского языка дизъюнкцию и делает возможным отрицание по типу IIб? В [Богуславский 1985: 32] приведен пример предложения с безударным модификатором, т. е. с адвербиалом в атрибутивной позиции (и с глаголом в прош. времени), где отрицание *не* при глаголе допустимо и имеет глобальную интерпретацию вне контекста снятой утвердительности. Сформулировано условие, выполнение которого делает возможным глобальное понимание отрицания в составе глагольно-адвербиального комплекса. Это СЕМАНТИКА ОЖИДАНИЯ того, что если P будет, то обязательно с атрибутом Q (в (9) Q = *для участия в конкурсе*):

(9) Петров не приедет в Москву *для участия в конкурсе*.

Ожидание может даже быть выражено эксплицитно. Ср. (10а) и (10б):

(10) а. ?За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн;
б. За этот год добыча угля *не возросла* на 10 миллионов тонн, <u>как ожидалось</u>.

Предложение (10а) некорректно, а (10б) безупречно. И разница в том, что в (10б) прямым текстом сообщается, что говорящему неважно, имеет ли место P (*возросла*) вне атрибута Q (*на 10 миллионов тонн*).

Аналогично можно построить объяснение для *вовремя*: говорить о P вне модификатора Q бессмысленно — например, бессмысленно ставить вопрос, покормили ли попугайчика тогда, когда было уже поздно.

Таким образом, различие между структурой вида «P & Q(P)», которую нельзя отрицать с помощью отрицательной частицы, и той, которую можно, объяснимо также и на синтаксическом уровне: если Q — обязательное условие, при котором для нас интересна истинность P, то Q становится

обязательным участником ситуации, переходит из сирконстантов глагола P в актанты. Тогда P теряет статус отдельно утверждаемой пропозиции за счет того, что Q становится еще одним участником предиката P. Отрицательный смысл имеет не структура (а), а структура (б), где P (…, Q) — это глагол P со всеми своими актантами плюс новый актант Q:

(а) то ли *не*-P, то ли P & *не*-Q(P);
(б) *не*-P(…, Q).

В сущности, семантика ожидания и сводится к тому, что Q становится обязательным участником ситуации P.

Подобную интерпретацию допускают и другие предложения с обстоятельством времени в тематической позиции:

(11) Вчера попугайчика не покормили, и он умер;
Мне заранее не сказали;
Я утром не позавтракал.

Неудобная дизъюнкция пропадает, если вопрос, было или не было P без Q, не встает. Именно в этом источник странной на первый взгляд связи между временем глагола и сферой действия отрицания: прош. время и его утвердительная модальность P формирует на базе P отдельную пропозицию; снятие утвердительности дает противоположный эффект.

Итак, для глагольно-адвербиального комплекса мы получили исчерпывающее описание его возможных взаимодействий с отрицанием. А именно, на базе этого сочетания можно построить:

А) частноотрицательное предложение (с пресуппозицией *не*-P и с отрицанием при глаголе, тип I): *умышленно не тронул*;

Б) общеотрицательное с пресуппозицией P — когда ассертивна только адвербиальная пропозиция (отрицание при наречии, тип III): *затормозил не резко*;

В) два общеотрицательных без пресуппозиций; а именно:

а) глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, тип IIа: *чтобы резко не тормозить*;

б) конструкцию с отрицанием, так сказать смещенным с адвербиала на глагол, тип IIб: *точно не знаю* (то ли ‘знаю не точно’, то ли ‘если и знаю, то не точно’).

Получается, что семантика глобального отрицания выводит нас на тему подавления пресуппозиций.

5. Утвердительная модальность и пресуппозиция

И здесь можно вернуться, с новыми знаниями, к старым примерам.

Снятая утвердительность — это очень часто модальный контекст; например, контекст возможности. В период крестового похода против пресуппо-

зиций (в 70-е годы прошлого века) было введено понятие внешнего отрицания — это отрицание, которое затрагивает пресуппозицию. Так, отрицание в (1а) в [Kempson 1975] называется внешним, поскольку оно воздействует на пресуппозицию; обычное отрицание, как в (1б), ее сохраняет:

(1) а. Джон *не огорчен* провалом на экзамене, потому что он не провалился;
б. Джон *не огорчен* провалом на экзамене.

Ясно, что построения типа (1а) не соответствуют реальному узусу и допустимы разве что на уровне языковой игры — для создания экивока. Известны, например, эксперименты этого рода, принадлежащие перу Льюиса Кэрролла (см. о них в [Падучева 1982/1997]). Если, однако, P находится в контексте снятой утвердительности (например, имеет модальность возможности), то отрицание, которое распространяется на пресуппозицию (т. е. отменяет ее), становится языковой реальностью:

(2) Он *не может быть огорчен* провалом на экзамене, потому что он не провалился.

Тем самым понятие внешнего отрицания обретает смысл как глобальное отрицание, возникающее в контексте снятой утвердительности.

Отмена пресуппозиций в контексте снятой утвердительности видна на примере (3). Глаголы эмоции (типа *омрачить*, *затруднить*, *огорчить*), известные своей фактивностью, в этом контексте допускают как фактивное, так и нефактивное понимание (ср. [Кустова 1996]). Более того, нефактивное понимание становится более вероятным или даже единственно возможным:

(3) Квартирохозяин мой, почтальон, учится играть на скрипке, потому что любит свою мамашу и не хочет *огорчать* ее женитьбой. «Жена все-таки чужой человек», — говорит он (Горький).

Как легко видеть, семантический сдвиг, состоящий в утрате фактивности, имеет в точности ту же природу, что при отрицании глагольно-адвербиального комплекса: в контексте снятой утвердительности может пропадать фактивная пресуппозиция P, обычная для этих глаголов. Без отрицания фраза вида X *огорчил* X-*а* Y-*ом* имеет пресуппозицию ‘Y имеет место’, см. (4а), которая сохраняется при отрицании, см. (4б); в (4в), в контексте снятой утвердительности и при данном членении на тему-рему, отрицание воздействует и на пресуппозицию, отменяя ее:

(4) а. Я *огорчил* свою мать *женитьбой* [‘я женился’ — пресуппозиция];
б. Я не *огорчил* свою мать *женитьбой* [‘я женился’ — пресуппозиция];
в. Я не *огорчу* свою мать *женитьбой* [= ‘не женюсь и, тем самым, не огорчу’].

В (4б) презумптивное отрицание, тип III, а (4в) — это то глобальное отрицание, которое отменяет пресуппозицию. Частное отрицание, тип I, имело бы вид

(4г) Я *огорчил* свою мать тем, что *не* женился.

Степень различия между частным отрицанием по типу I и общим презумптивным по типу III зависит, так сказать, от врожденной презумптивности исходной структуры: для непрезумптивных глаголов, таких как *хотеть* или *считать*, различие слабое — отсюда то, что называется подъемом отрицания, Neg-raising. Так, (5а), тип I, почти синонимично (5б), тип II; а тип III, поскольку он требует пресуппозиции P, исключен:

(5) а. хочу (не участвовать) [тип I, частное отрицание];
б. не (хочу участвовать) [тип II, глобальное отрицание].

Аналогично в примере (6):

(6) а. Думаю, что у него *не* получится [тип I];
б. *Не* думаю, что у него получится [тип II].

В следующем разделе мы рассмотрим еще один пример глобального (= смещенного) отрицания.

6. Отрицание и квантификация

Замечательно то, что на этом месте не обязательно ставить точку: отрицание в составе глагольно-адвербиального комплекса может послужить основой для дальнейших обобщений. В этом разделе мы убедимся, что смысловые противопоставления, с которыми мы имели дело в глагольно-адвербиальном комплексе, имеют место и за его пределами.

Пусть имеется предложение со следующей конфигурацией соотношений синтаксического и семантического плана.

В синтаксическом плане — глагол-сказуемое и некое подчиненное ему слово (или группа), например:

Он затормозил резко.

В семантическом плане это слово является оператором, который, наоборот, подчиняет себе всю предикацию, образованную глаголом (имеет ее аргументом):

РЕЗКО (он затормозил).

Эта конфигурация создает конфликт, поскольку порождает два центра, каждый из которых притягивает к себе отрицание: сказуемое, **синтаксически** главное слово, и адвербиал, **семантически** главное слово (семантика, впрочем, требует поддержки со стороны коммуникативной структуры). На

примере глагольно-адвербиального комплекса мы описали, исчерпывающим образом, семантический спектр возможных позиций отрицания в ситуации семантико-синтаксического конфликта. Теперь мы рассмотрим по той же схеме другой случай этого конфликта.

В разных языках с разной силой действует тенденция ставить отрицание при глаголе как синтаксической вершине, не уточняя его сферу действия. У Есперсена в «Философии грамматики», см. [Есперсен 1958], приводится множество примеров того, что было названо смещенным отрицанием, — в английском языке это явление распространено гораздо шире, чем в русском. Есперсен пишет: «Общая тенденция направлена к употреблению нексусного [т. е. приглагольного. — *Е. П.*] отрицания даже в тех случаях, где более подходящим было бы специальное отрицание [не глагольное. — *Е. П.*]». Примеры Есперсена:

(1) I *don't complain* of your words, but of the tone in which they were uttered [= 'я жалуюсь не на слова, но на тон'];
(2) We *aren't* here to talk nonsense, but to act 'Мы здесь не для того, чтобы болтать, а для того, чтобы действовать';
(3) I *didn't go* because I was afraid =
   а. I went, but the reason was not fear 'Я пошел, но причиной был не страх';
   б. I didn't go, and the reason for not going was fear 'Я не пошел, и причиной этому был страх'.

Есперсен отмечает роль интонации в выражении различия между обычным глагольным и смещенным глагольным отрицанием: «…правда, в устной речи двусмысленность может устраняться интонацией». Его пример:

(4) а. I didn't \ call because I wanted to see her (but for some other reason) [смещенное отрицание];
   б. I didn't call / | because I wanted to avoid her [обычное глагольное отрицание — частное].

Существенно, что во всех примерах смещения отрицания (с синтаксически более низкого слова на более высокое) предложение при обоих позициях отрицания является семантически общеотрицательным; отрицание «логически», в соответствии с ощущением Есперсена, должно было бы присоединиться к этому низко стоящему слову потому, что оно коммуникативно выделено, т. е. является ремой, так что отрицание пропозиции с именно этим словом является по смыслу отрицанием высказывания в целом.

Понятие смещенного отрицания возникло именно на базе предложений с кванторными словами [Падучева 1974: 143 и след.][4]. Так, (5а) очевидным образом связано семантически с (5б):

[4] За возможность обсуждения проблемы отрицания в контексте квантификации я благодарна Барбаре Парти, В. Б. Борщеву, Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельцу.

(5) а. Я *не* решил *всех*\ ваших задач;
б. Я решил *не все* ваши задачи.

В (5б), как и в примерах выше, синтаксическое и семантическое подчинение имеют противоположное направление (подобно тому, что мы видели в разделе 3 на примере глагольно-адвербиального комплекса *резко затормозил*): синтаксически главный глагол, а семантически — квантифицированная именная группа (ИГ), которая ему синтаксически подчинена. В самом деле, квантор — это сентенциальный оператор, он конкурирует с глаголом за право присоединить к себе отрицание при общем отрицании предложения. В результате мы имеем (5а) и (5б).

З а м е ч а н и е. Смещенному отрицанию в предложениях с кванторными словами в русском языке посвящена статья [Klenin 1978]; ср. пример из этой работы:

Не ешь весь \ *сыр* = ‘ешь не весь’ (а не ‘не ешь нисколько’).

См. о смещенном отрицании в [Богуславский 1985].

Смещение отрицания — явление капризное; условия, при которых в русском языке предложения со смещенным отрицанием грамматически правильны, до сих пор не до конца понятны. В строчке из пушкинского «Памятника»

(6) Нет, весь я не умру

смещенное отрицание, причем глобальному пониманию отрицания благоприятствует контекст снятой утвердительности: NB буд. время. Интересно, что соответствующая строчка у Горация звучит как *non omnis moriar*; отрицание не смещенное, оно стоит при кванторном слове, с которым соотносится по смыслу.

Кванторные слова со значением общности (∀-кванторы) и существования (∃-кванторы) ведут себя по-разному: для ∀-кванторов смещение носит более регулярный характер.

Пусть в предложении имеется сочетание вида ∀x P, где P — глагол, а ∀x — подчиненная ему квантифицированная ИГ (глагольно-кванторный комплекс). Для такого сочетания имеются все те возможности взаимодействия с отрицанием, которые были описаны в разделе 3 для глагольно-адвербиального комплекса.

А) Возможно семантически частноотрицательное предложение с отрицанием при глаголе, тип I; соотношение семантических сфер действия — ∀ > НЕ > P:

(7) *Всем* \ не хотелось возвращаться домой.

См. пример (8) (из Национального корпуса русского языка), со структурой ∀ > НЕ >P (т. е. с отрицанием в сфере действия квантора общности); важную роль здесь играет *почти*, которое усиливает коммуникативное превосходство кванторного слова *все* над отрицанием:

(8) Фитнес-центр *почти всем* не по карману.

Надо иметь в виду, что кванторное слово типа ∀, если оно в семантической структуре подчиняет отрицание, может отражаться в предложении как отрицательное местоимение. Неудивительно поэтому, что в (8) *всем* можно заменить на *никому*[5]:

(8′) Фитнес-центр почти *никому* не по карману.

В предложении, где отрицание стоит при ∀, общеотрицательном, это исключено.

Предложение (8′) нельзя, однако, однозначно квалифицировать как семантически частноотрицательное, поскольку отрицательное местоимение может интерпретироваться также как порождаемое семантической конфигурацией НЕ ∃x P (x), общеотрицательной.

Б) Возможно общеотрицательное предложение с отрицанием при кванторном слове, тип III (семантическая структура — НЕ > ∀ > P):

(9) *Не все* хотели решать задачу;
Решить задачу удалось *не всем*;
Я решил *не все* ваши задачи.

В) Наконец, есть два формально различных типа общеотрицательных предложений с отрицанием при глаголе.

а) Отрицание в контексте снятой утвердительности. Такой контекст порождает, в частности, глагол с модальным значением. В примере (10) отрицание выше квантора — как если бы оно стояло перед кванторным словом:

(10) *Всех* не перечислишь; *Всего* не обойдешь; На *всех* не хватит; *Все* не поместятся.

Отрицание при глаголе тут беспрепятственно понимается как «смещенное», т. е. включает в свою сферу действия кванторное слово; семантическая формула — НЕ > ∀ > P.

Контекст снятой утвердительности могут, кроме того, создавать операторы типа *пока*, *если*, *чтобы*, о которых уже шла речь. Отрицание как бы приклеивается к союзу, что обеспечивает ему максимально широкую сферу действия:

(11) Буду молчать, <u>пока</u> *все* не успокоятся = ‘пока не будет так, что все успокоились’;
(12) ⟨…⟩ <u>если</u> только *все* не умерли в один день = ‘<u>если</u> только неверно, что *все* умерли в один день’.
(13) Выставили вино, <u>чтобы</u> *все* не разбежались.

[5] Что объясняет логика предикатов: ∀x ¬ P (x) ≡ ¬∃x P (x):

Так что контекст снятой утвердительности обеспечивает отрицанию глобальную интерпретацию в контексте кванторных слов совершенно так же, как в контексте наречий.

б) Смещенное отрицание, т. е. глобальное отрицание вне контекста снятой утвердительности. Смещенное отрицание требует особого интонационного контура; как правило, смещение маркируется просодией — контрастным ударением на *все*:

(14) Всех / ваших задач я не решил \ ; Я не решил всех \ ваших задач; Не ешь весь \ сыр.

Что касается семантики смещенного отрицания, то оно для глагольно-кванторного комплекса столь же парадоксально, как и для глагольно-адвербиального. В чем можно видеть смысловое различие между (15а), с отрицанием при кванторном слове, и (15б) с отрицанием, смещенным на глагол?

(15) а. *Всех* / ваших задач я *не* решил \ ; б. Я решил *не все* ваши задачи.

Сочетание *не все* x P (x) порождает импликатуру:

не все x P (x) ⊃ ‘некоторые x не P (x)’.

Между тем отрицание при глаголе не несет такой импликатуры. Нельзя, однако, не признать, что предложение со смещенным отрицанием типа (15а) без этой импликатуры должно вводить в заблуждение.

Структурное различие между глобальным и смещенным отрицанием обнаруживает пример (16). В (16а), где отрицание смещенное, возможен вин. и род. падеж и на кванторном слове обязательно должно стоять усиленное ударение; а в (16б) генитив практически исключен и специального ударения не требуется:

(16) а. Он не пропьет *всех* \ денег (*все* деньги);
б. Он купит машину, если только не пропьет *все* деньги (**всех* денег).

Смещение отрицания свойственно разным языкам в разной степени. Например, английскому — в большей, чем русскому. Так, согласно [Horn 1989], предложения примера (17) имеют две интерпретации:

(17) а. *Every man* didn’t win; б. *Everybody* isn’t happy. в. *All* that glitters isn’t gold.

Для фразы (17в) есть готовый перевод на русский, поскольку это пословица: *Не все золото*, *что блестит*. А первые две вообще не имеют хорошего перевода на русский язык: отрицание при кванторном слове не будет в точности передавать смысл английского предложения, а отрицание при глаголе звучит не по-русски.

В (18) ИГ со словом *все*, *весь* определенная. Это конкретно-референтная ИГ, которая не входит в противопоставления, касающиеся сферы дей-

ствия. Глагольное отрицание здесь не требует интонационных выделений, характерных для смещения:

(18) *Мы все* этого не хотим; *Все эти страны* не входят в ОПЕК; Им *это всё* не принадлежит.

Для примера (7) выше частноотрицательная интерпретация (т. е. структура ∀ > НЕ > Р) обусловлена контекстной определенностью, т. е. референтностью этого *всем*.

Теперь о кванторных словах типа ∃. Они тоже допускают семантическое противопоставление частного отрицания при глаголе, тип I, и общего при кванторном слове, тип III; см. известный пример Есперсена:

(19) а. *Not many* of us wanted the war ‘Не многие из нас хотели войны’: НЕ > ∃ > Р [тип I];
б. *Many* of us *didn’t* want the war ‘Многие из нас не хотели войны’: ∃ > НЕ > Р [тип III] .

Отрицание при кванторе возможно только для слов с количественным значением; слова *какой-то* и *некоторый*, как и все конкретно-референтные, не допускают «сферических» противопоставлений.

Что же касается смещения отрицания в предложениях со словами типа ∃, то тут следует принять во внимание различие между наречием и прилагательным. Для *много*, как и для *мало*, смещение возможно:

(20) а. Много / народу не придет \ ;
б. Мало / не покажется \ (в значении ‘покажется не мало’).

Между тем *многое* и *многие* — это слабоопределенные ИГ: они не допускают противопоставлений, касающихся сферы действия, в частности смещения. Некорректность фразы примера (21) показывает, что даже контекста снятой утвердительности недостаточно для возникновения глобальной интерпретации у *многое* в контексте глагольного отрицания:

(21) ⟨…⟩ она [Анна Григорьевна Достоевская], “чтобы *многого не забыть*, обещала завести записную книжку”[6] = ‘чтобы не оказалось так, что она многое забыла’.

Термин «смещенное отрицание» возник в 70-е годы, когда представление о синонимии было свободное. Казалось, что семантически это то самое глобальное отрицание, которое мы видели в глагольно-адвербиальном комплексе. Смещенное отрицание, как и глобальное отрицание в контексте снятой утвердительности, отменяет пресуппозиции — это presupposition free interpretation.

---

[6] Из письма А. Г. Достоевской матери — цит. по: Устинов А. Путешествие из Петербурга в Ленинград: Послесловие к книге Л. Цыпкин. Лето в Бадене. М.: НЛО, 2003.

7. Понижение отрицания: возникновение новых пресуппозиций

Наконец, последний вопрос, который естественно затронуть в данной связи. Что если отрицание стоит не при сирконстанте, как в примере (4) из раздела 1, а при актанте? Какая разница между глагольным глобальным и неглагольным сирконстантным отрицанием, мы уже знаем. А чем различаются семантически, например, предложение (1а), с глагольным отрицанием, и (1б), с отрицанием при актанте:

(1) а. Белоконев не работает в ВИНИТИ [отрицание при глаголе];
б. Белоконев работает не в ВИНИТИ [отрицание при актанте]?

Это различие легко сформулировать с помощью имеющихся в нашем распоряжении формальных средств: разница в том, что в (1б) есть пресуппозиция ‘Белоконев где-то работает’, а в (1а) ее нет.

Такая формулировка подтверждается следующими примерами. Если пресуппозиция, связанная с P, оказывается в контексте того или иного P тривиальной и ее нет смысла выражать, то предложение с глагольным отрицанием звучит странно — перенос отрицания на актант становится почти обязательным:

(2) а. Военное министерство не находится на Фрунзенской набережной;
б. Военное министерство находится не на Фрунзенской набережной.

Почему? Да потому, что если военное министерство существует (а фраза, по своему синтаксису, предполагает его существование), то оно где-то находится. Так что презумпция ‘военное министерство где-то находится’ тут обязательна. Могло бы быть так, что вариант со смещенным глагольным отрицанием полностью синонимичен варианту с актантным. На самом деле, однако, это смещенное, т. е. семантически не оправданное, глагольное отрицание иногда возможно, а иногда звучит совсем плохо. Еще более очевидны примеры (3) и (4):

(3) а. Человек произошел не от обезьяны;
б. ?Человек не произошел от обезьяны;
(4) а. Пожар возник не от замыкания; б. ?Пожар не возник от замыкания.

Ясно, что человек произошел, а пожар возник. И в русском языке это обстоятельство необходимо отразить в структуре отрицательного предложения.

Тем самым подтверждается «синтаксическое» объяснение глобальной интерпретации отрицания, данное в разделе 3. Глобализация отрицания *устраняет* пресуппозицию, связанную с предикацией P, за счет того, что атрибут превращается в дополнительный актант предиката. Теперь можно сказать, что верно и обратное: отрицание при одном из актантов предиката *порождает* пресуппозицию, связанную с предикацией P, тем самым превращая отношение между предикацией и отрицаемым уча-

стником из актантного в атрибутивное. При этом в русском языке вывод участника из числа актантов происходит, при соответствующей коммуникативной структуре, свободно, а расширение набора актантов (лицензирующее глобальное отрицание) затруднено — отсюда связь глобального отрицания с контекстом снятой утвердительности. В английском языке положение явно обратное.

* * *

В заключение вернемся к связи отрицания с пресуппозициями. Отрицание в русском языке существенным образом опирается на коммуникативную структуру предложения, и естественно, что хорошее отрицание есть у предложений, смысл которых включает одну ассерцию, а все остальные пропозиции имеют более низкий статус.

В работе были выявлены разные типы взаимодействия отрицания с компонентами потенциально двуассертивного комплекса. Тип I — это частноотрицательные предложения; в сфере действия отрицания находится одна пропозиция; вторая пропозиция за пределами СД, так что предложение не является отрицательным коррелятом какого-либо утвердительного. В типе III (отрицание не при глаголе) двуассертивность преодолевается за счет того, что коммуникативное членение превращает глагольную предикацию в пресуппозицию. Главный интерес представлял тип II, глобальное приглагольное отрицание. Стратегия, с помощью которой русский язык справляется с двуассертивностью исходного (неотрицательного) предложения, состоит в том, чтобы две пропозиции слить в одну. Это может достигаться разными путями. Один — снятая утвердительность, которая лишает глагольную предикацию статуса отдельной пропозиции; второй — семантика ожидания, которая превращает адвербиал-сирконстант в обязательного участника, т. е. в актант.

В контексте снятой утвердительности глагольная пропозиция P, которая в утвердительном контексте была бы в типе I ассерцией, а в типе III — пресуппозицией, не существует как отдельный семантический компонент предложения. Что делает P отдельной пропозицией — это утвердительность. В контексте снятой утвердительности отдельной пропозиции P просто не существует; сочетание глагола с адвербиалом обращается в единый смысловой комплекс, который способен отрицаться как целое.

Все сказанное свидетельствует о том, что снятая утвердительность влияет на самые разные аспекты структуры языка. Наверняка будут найдены и другие применения этого понятия**.

** Эта работа докладывалась на семинаре «Теоретическая семантика» под руководством Ю. Д. Апресяна в ИППИ в 2004 г. и на конференции Диалог-21 — в 2005. Автор благодарен всем, кто принял участие в обсуждении докладов, за соображения, которые способствовали устранению некоторых недосмотров первона-

Литература

Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.

Богуславский 1998 — И. М. Богуславский. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры; Рус. словари, 1998.

Богуславский 2002 — И. М. Богуславский. Сандхи в синтаксисе // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 19—37.

Вежбицкая 1999 — А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.

Есперсен 1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Англ. ориг.: O. Jespersen. The Philosophy of Grammar. London, 1924.

Зализняк 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1.

Зализняк 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

Зельдович 1998 — Г. М. Зельдович. О типах семантической информации: слабые смыслы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1998. № 2.

Кустова 1996 — Г. И. Кустова. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 240—261.

Левонтина 2003 — И. Б. Левонтина. Во-время, своевременно // Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки рус. культуры, 2003.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М., 1981 (= «Малый» академический словарь).

Падучева 1969 — Е. В. Падучева. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12.

Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М.: Наука, 1974.

Падучева 1982/1997 — Е. В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. М.: ВИНИТИ, 1982. Вып. 18. (Перепечатано в: Семиотика и информатика. Opera selecta. М., 1997. С. 184—220).

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки рус. культуры, 1996.

Падучева 2004а — Е. В. Падучева. Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2—7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479—486.

чального варианта. Особая благодарность — Я. Г. Тестельцу, который сочувственно прочел эту работу.

Падучева 2004б — Е. В. П а д у ч е в а. О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2004. № 5. С. 10—15.

Пеньковский 2004 — А. Б. П е н ь к о в с к и й. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Филипенко 2003 — М. В. Ф и л и п е н к о. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.

Giannakidou 2002 — A. G i a n n a k i d o u. Licensing and sensitivity in polarity items: From downward entailment to (non)veridicality. Chicago, 2002 (Chicago Linguistic Society; 39).

Haspelmath 1997 — M. H a s p e l m a t h. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Horn 1989 — L. R. H o r n. A natural history of negation. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Jackendoff 1990 — R. S. J a c k e n d o f f. Semantic structures. Cambridge etc., 1990.

Kempson 1975 — R. M. K e m p s o n. Presupposition and the delimitation of semantics. Cambridge: Univ. Press, 1975.

Klenin 1978 — E. K l e n i n. Quantification, partitivity and the Genitive of negation in Russian // Classification of grammatical categories / Ed. B. Comrie. Urbana: Linguistics Research, 1978. P. 163—182.

Klima 1964 — E. K l i m a. Negation in English // The structure of language / Ed. J. Fodor, J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 246—323.

Pereltsvaig 2000 — A. P e r e l t s v a i g. Monotonicity-based vs. veridicality-based approaches to negative polarity: evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Philadelphia Meeting 1999 / Ed. T. H. King, I. A. Sekerina. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2000. P. 328—346.

Weinreich 1963/1970 — U. W e i n r e i c h. On the semantic structure of language // Universals of Language / Ed. J. Greenberg. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1963. P. 114—171. Перепечатано в: U. W e i n r e i c h. On semantics. [Philadelphia:] Univ. of Pennsylvania Press, 1980. P. 37—96. Русский перевод (И. А. Мельчука): В е й н р е й х У. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1970. С. 163—249.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ФАКТОРЫ СОЧЕТАЕМОСТИ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА, УЗУС*

1. Предварительные замечания

Данная работа в какой-то степени продолжает тему, намеченную в статьях [Добровольский 2001; 2003]. Она посвящена вопросам динамики узуса — постепенным и едва заметным изменениям норм сочетаемости лексических единиц, которые могут иметь своим следствием изменение их семантических или прагматических характеристик. Предпринимается попытка на отдельных примерах описать эти нормы как подвижные, но вместе с тем и достаточно регулярные механизмы выбора контекстуальных партнеров, установить роль как собственно семантических, так и других — несемантических — факторов в сфере сочетаемости, а также влияние динамики контекстного поведения слова на его лексическое значение.

Мы исходим из допущения, что область сочетаемости любого слова (его комбинаторный потенциал)[1] имеет центр и периферию. Иными словами, одни словосочетания воспринимаются как абсолютно нормативные и стилистически безупречные, другие — как неправильные, а третьи — как допустимые в большей или меньшей степени, причем степень их приемлемости зависит не только от объективных параметров (т. е. от лингвистических свойств контекстуальных партнеров), но и от индивидуальных предпочтений носителей языка. Если первые словосочетания образуют центр комбинаторного потенциала, а вторые оказываются за его пределами, то третьи образуют широкую и размытую область периферии.

Именно эта область оказывается наиболее значимой с точки зрения языковых изменений[2]. Трудно представить себе, что то или иное слово резко и скачкообразно может изменить свое контекстное поведение или даже свое лексическое значение. Гораздо более правдоподобной представ-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 05-04-04026а).

[1] Ср. распространенный в англоязычной литературе термин *combinatorial profile*.

[2] Значимость периферийных феноменов языковой системы для диахронической динамики отмечалась — в ином теоретическом контексте — еще С. О. Карцевским [Karcevskij 1929].

ляется гипотеза, согласно которой периферийные для того или иного слова сочетания могут со временем изменить свой статус. Одни из них могут из периферийных стать центральными, а другие — быть вытесненными за пределы нормы. В отдельных случаях подобные сочетаемостные изменения могут привести к модификации семантической структуры слова вплоть до возникновения новых и исчезновения старых значений.

Эти и некоторые другие вопросы будут обсуждаться здесь на примере двух слов: наречия степени *чрезвычайно* и прилагательного *замечательный*. В качестве методов исследования используется анализ текстовых корпусов и лингвистический эксперимент (в понимании Л. В. Щербы [1974]). Толчком к исследованию сочетаемостных и семантических особенностей слов *чрезвычайно* и *замечательный* послужили мои наблюдения за употреблением этих слов в произведениях Ф. М. Достоевского при работе над русско-немецким корпусом параллельных текстов, создаваемым в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта «Корпус Австрийской академии» — подробнее о проекте см. [Biber, Breiteneder, Dobrovol'skij 2002].

2. *Чрезвычайно*: анализ сочетаемости

2.1. Наречие степени ч*резвычайно* относится к числу излюбленных слов Ф. М. Достоевского. Только в романе «Идиот» оно встречается 124 раза (а вместе с прилагательным *чрезвычайный* — 238 раз). Одни употребления наречия *чрезвычайно* в художественных текстах Достоевского вполне соответствуют современным нормам (*чрезвычайно важный секрет*, *чрезвычайно простой вопрос / ответ*, *чрезвычайно интересная история*, *чрезвычайно сильное воображение*, *чрезвычайно любопытная болезнь*, *чрезвычайно странный / загадочный случай*, *чрезвычайно умные вещи*, *чрезвычайно рискованные меры*, *чрезвычайно выгодное положение*, *чрезвычайно довольный собой*, *чрезвычайно умный / образованный человек*; *чрезвычайно остроумен*, *чрезвычайно рад*, *чрезвычайно взволнован*, *чрезвычайно благодарен*; *чрезвычайно серьезно*, *чрезвычайно внимательно*, *чрезвычайно приятно / неприятно*, *чрезвычайно редко*, *чрезвычайно трудно*, *чрезвычайно много нового / неясного*; *его чрезвычайно огорчает*, *что…*, *ему тоже многое чрезвычайно не понравилось*, *чрезвычайно ценила подобные посещения*), другие, напротив, воспринимаются современным читателем как ненормативные; ср. контексты (1—4).

(1) В крайних случаях генеральша обыкновенно *чрезвычайно выкатывала глаза* и, несколько откинувшись назад корпусом, неопределенно смотрела перед собой, не говоря ни слова [Ф. М. Достоевский. Идиот].

(2) ⟨…⟩ он визжал без умолку и без перерыва, выпучив на всех глаза и *чрезвычайно раскрыв свой рот*, а ногами мелко топотал по земле, точно выбивая по ней барабанную дробь [Ф. М. Достоевский. Бесы].

(3) ⟨…⟩ с маленькими правильными седенькими подстриженными бакенбардами, в виде двух колбасок, по обеим щекам *чрезвычайно плоского и злого лица* [Ф. М. Достоевский. Подросток].
(4) Добежав до угла, я увидел вход на лестницу; лестница была узкая, *чрезвычайно грязная* и совсем неосвещенная… [Ф. М. Достоевский. Идиот].

Ср. также такие словосочетания, как **чрезвычайно скоро*, **расхохотался чрезвычайно*, **чрезвычайно ошиблась*, **чрезвычайно искажается лицо*, **бумажки чрезвычайно попортились*, **чрезвычайно желаю избежать дальнейших объяснений*, **чрезвычайно ветхая старуха*, ??*чрезвычайно влюблен*, ??*чрезвычайно совестно*, ??*чрезвычайно развеселилась*[3]. В корпусах современных текстов примеров подобных употреблений не встретилось.

Некоторые сочетания с *чрезвычайно* воспринимаются как не вполне соответствующие современному узусу, хотя их вряд ли можно квалифицировать как абсолютно неприемлемые; ср. (5—8).

(5) Затем есть бесчисленные свидетельства, что вас, ребенка, он *полюбил чрезвычайно* [Ф. М. Достоевский. Идиот].
(6) В это самое мгновение раздался *чрезвычайно громкий удар колокольчика* из передней [Ф. М. Достоевский. Идиот].
(7) Капитан Лебядкин, вершков десяти росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и *чрезвычайно пьяный*, едва стоял предо мной и с трудом выговаривал слова [Ф. М. Достоевский. Бесы][4].

Ср. также ?*в чрезвычайно возбужденном состоянии духа*, ?*чрезвычайно забавно*. В ряде случаев бывает довольно трудно сказать, насколько данное словосочетание соответствует современным нормам. Например, неоднократно встречающееся в произведениях Достоевского выражение *чрезвычайно бледный* кажется вполне допустимым и сегодня, но в проанализированных корпусах современных текстов не встретилось ни разу, а сочетание *чрезвычайно удивить / удивиться* — два раза. Впрочем, очевидно, что подобные оценки достаточно субъективны, зависят от индивидуального языкового опыта и от широкого контекста, причем степень нормативности словосочетания в оценках говорящих может не совпадать со степенью его реальной употребительности[5]. Такие случаи образуют ближайшую пери-

[3] Знаки *, ?? и ? приписывались более или менее интуитивно. О проблемах адекватной оценки степени приемлемости языковых выражений см. [Перцов 1996: 31—34].

[4] В корпусах современных текстов встречаются единичные примеры подобной сочетаемости: *Уже лет моих с шести мы начали с ней заниматься рисованием и чрезвычайно полюбили эти занятия* [Н. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери (1952–1971)]; *Сегодня он был как-то особенно возбужден и говорил чрезвычайно громко* [Д. Соколов-Митрич. «Известия», 25.01.2002].

[5] Вообще вопрос о соотношении реальной употребительности того или иного словосочетания и его интуитивной оценки как соответствующего языковой норме

ферию комбинаторного потенциала слова *чрезвычайно*. (Полный список зафиксированных в текстах Достоевского словосочетаний с участием этого наречия содержится в [Ружицкий 2003].)

Для того чтобы сделать хотя бы некоторые предварительные утверждения относительно изменений, происшедших в сочетаемости слова *чрезвычайно* с середины XIX в., необходимо ответить на два вопроса:

— какова была норма употребления этого слова в то время?
— какова эта норма сегодня?

Дать исчерпывающий в точном смысле ответ на первый вопрос невозможно из-за отсутствия надежных эмпирических данных по разговорному узусу XIX в. и ограниченности (по сравнению с имеющимися корпусами современных текстов) данных по различным жанрам письменной речи. Иными словами, здесь в принципе невозможно работать с понятием репрезентативного корпуса. Представляется также весьма сомнительным, что применительно к XIX в. можно говорить о «языке эпохи» как о некоем едином по своей природе явлении, основанном на системе общепринятых и универсальных норм. Тем не менее если ослабить требования к репрезентативности данных и, сознавая наличие соответствующих ограничений, ориентироваться на доступные источники, то можно составить себе представление о специфике нормы того времени — вполне достаточное для анализа динамики узуса (см., например, [Булаховский 1954; Успенский 1984], а также работы Н. Ю. Шведовой об особенностях русского синтаксиса XIX в.).

Что касается ответа на второй вопрос, то он требует решения весьма непростых лингвистических задач, поскольку — как показывает материал текстовых корпусов — сочетаемостные предпочтения и запреты слова *чрезвычайно* в современном языке довольно прихотливы и зависят от нескольких разнородных факторов. Попытка выделения и описания этих факторов предпринимается в разделе 2.2. Решение этой задачи представляет интерес и с чисто синхронной точки зрения. Понятно, что возможно более точные данные по сочетаемости каждого слова — важная часть описания лексической системы языка. Кроме того, попытка выделения факторов сочетаемости способствует выработке методов исследования слов, для которых характерна практически полная синонимия. В частности, случаи полной синонимии наблюдаются внутри класса показателей степени признака. Ср. словарную статью БЕСКОНЕЧНО 2, БЕЗГРАНИЧНО, БЕЗМЕРНО 1 в НОСС [Григорьева 2004а][6]. Предварительный просмотр тек-

исследован еще явно недостаточно. Хотя предположение о наличии между этими параметрами прямой корреляции представляется самоочевидным, оно нуждается в экспериментальной проверке.

[6] Этот ряд толкуется в НОСС следующим образом: «*бесконечно* ⟨*безгранично*, *безмерно*⟩ *P* = ‘P в очень высокой степени; говорящий считает, что степень P настолько высока, что это трудно представить’» [Григорьева 2004а: 15].

стовых корпусов позволяет допустить, что и у *чрезвычайно* есть синонимы, практически полностью совпадающие с ним по значению (ср. в первую очередь *необычайно* и *необыкновенно*), каждый из которых характеризуется, однако, уникальным набором партнеров по сочетаемости.

Возвращаясь к вопросу о норме употребления слова *чрезвычайно* в XIX в., отметим, что, хотя любые попытки найти на него ответ связаны с упомянутыми выше объективными ограничениями, вполне возможно сформулировать некоторые правдоподобные гипотезы. Для этого необходимо обратиться к произведениям других авторов той эпохи. В этом случае мы сможем, по крайней мере в первом приближении, определить, идет ли в приведенных примерах речь о специфических особенностях языка Достоевского (что само по себе тоже было бы довольно интересным результатом) или о надындивидуальных сочетаемостных характеристиках.

Уже обращение к «Словарю языка Пушкина» [СЯП] подтверждает предположение, что наречие *чрезвычайно* обладало в XIX в. более широкой сочетаемостью, чем сегодня.

(8) Я *чрезвычайно любопытствовал* узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. *КД* 335.12. Московской выговор *чрезвычайно изнежен* и прихотлив. *Ж*$_1$ 149.4. Мы сели за стол; хозяин был *чрезвычайно в духе*, и скоро веселость его соделалась общею. *В* 68.4 [СЯП].

Словосочетания, противоречащие современным нормам, находим также в произведениях Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Д. В. Григоровича, Н. А. Некрасова, А. И. Герцена, А. А. Бестужева-Марлинского, В. В. Вересаева, П. Д. Боборыкина, А. Ф. Писемского, М. Н. Загоскина, А. П. Чехова, В. Г. Короленко[7]; ср. контексты (9—12).

(9) Легкий ветерок, пробегая по листве деревьев, по моим волосам и вспотевшему лицу, *чрезвычайно освежал* меня [Л. Н. Толстой. Детство].

(10) ⟨…⟩ и к ней по-прежнему почему-то *чрезвычайно идет* название чистенькой девочки [Л. Н. Толстой. Отрочество].

(11) Приехал другой сосед, с унылым, беззубым лицом, но *чрезвычайно чисто одетый* ⟨…⟩ [И. С. Тургенев. Новь].

(12) ⟨…⟩ толкнул кулаком в брюхо и откинул его от стены на целую сажень. Слесарный ученик отлетел еще далее и вдобавок *чрезвычайно несчастливо* воткнулся головою в кучу снега ⟨…⟩ [Н. С. Лесков. Островитяне].

Ср. также следующие словосочетания из произведений этих авторов, в той или иной степени отклоняющиеся от современного узуса: ??*обед чрез-*

[7] Использовались корпусы русских текстов Тюбингенского университета (Германия) — Tübinger Russische Korpora (http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/korpora.html).

вычайно вкусен, ??*держась чрезвычайно прямо*, ??*в чрезвычайно открытом жилете*, ??*с чрезвычайно определенными интонациями*, ??*чрезвычайно тугой галстух*, ??*чрезвычайно узкие и короткие панталоны*, ??*чрезвычайно прославился*, ??*одетую чрезвычайно к лицу*.

Таким образом, мы можем предположительно исходить из того, что наречие степени *чрезвычайно* со временем сузило свою сочетаемость. Встает вопрос, какие именно секторы области сочетаемости этого наречия подверглись изменениям. Для этого необходимо выявить и описать особенности его современного употребления.

2.2. Перейдем к обсуждению современных сочетаемостных норм наречия *чрезвычайно*. Отклоняющиеся от этих норм контексты выполняют при этом роль отрицательного языкового материала (в духе Л. В. Щербы). Анализ этих контекстов в их сопоставлении с контекстами из корпусов современных текстов[8] показывает, что для современного употребления слова *чрезвычайно* характерны следующие тенденции (которые, естественно, нельзя интепретировать как жесткие правила).

1. В сфере действия[9] показателя степени признака *чрезвычайно* чаще находятся прилагательные или наречия; сочетания с глаголами встречаются существенно реже (*чрезвычайно интересный*/*заинтересован* лучше, чем *чрезвычайно интересуюсь*).

2. Слова, находящиеся в сфере действия *чрезвычайно*, чаще обозначают «нефизические» сущности (*чрезвычайно тяжелое положение* лучше, чем *чрезвычайно тяжелый чемодан*).

3. Эти слова обозначают свойства, тяготеющие скорее к положительному, чем к отрицательному полюсу различных шкал (*чрезвычайно широкий* ⟨*одаренный*, *энергичный*⟩ встречаются чаще, чем *чрезвычайно узкий* ⟨*бездарный*, *вялый*⟩)[10].

Прежде чем обсудить каждую из этих тенденций более подробно, отметим еще одну особенность современных контекстов с *чрезвычайно*, по которой они могут быть противопоставлены ряду контекстов XIX в. Сегодня *чрезвычайно* воспринимается как необиходное слово, что привязывает его к определенным тематическим областям и к дискурсу определенного типа. Появление этого наречия явно менее вероятно в контекстах, где речь идет о бытовых деталях, чем в контекстах, в которых обсуждаются, например,

---

[8] Здесь был использован Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru), корпусы русских текстов Тюбингенского университета (Германия), текстовая база данных Машинного фонда русского языка и корпусы Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

[9] О понятии сферы действия см. в первую очередь [Богуславский 1996].

[10] Понятно, что из всех этих «правил» есть исключения. Ср. совершенно приемлемое с точки зрения современного словоупотребления сочетание *чрезвычайно исхудал*, нарушающее сразу все три «правила» (пример Ю. Д. Апресяна).

произведения искусства или научные проблемы. К этому наблюдению мы вернемся ниже.

2.2.1. Рассматривая первую из отмеченных тенденций, хотелось бы выяснить, связаны ли ограничения на употребление глаголов в сфере действия *чрезвычайно* с принадлежностью этих глаголов к определенным семантическим классам. Понятно, что для некоторых классов (например, для глаголов положения в пространстве, параметра или существования) взаимодействие со словами типа *чрезвычайно* невозможно в принципе. С точки зрения обсуждаемых здесь вопросов это тривиально, поскольку такие глаголы вообще не могут находиться в сфере действия показателей степени признака, ср. **сильно / очень / слишком сидеть* ⟨*вмещать*, *бывать*⟩, причем это касается как модификаторов степени, ориентированных на «стандартную» (*очень*, *сильно*, *крайне*; *слегка*, *чуть-чуть*), так и на «телеологическую» норму (*слишком*, *чересчур*, *непомерно*; *недостаточно*)[11].

Вообще предпочтительная сочетаемость наречий степени с прилагательными и наречиями, а не с глаголами — факт достаточно известный. Эта особенность их синтактики отмечалась еще А. М. Пешковским [2001: 101]. Слово *чрезвычайно* отличается от других наречий степени (например, от *очень*) тем, что в современном языке сфера его сочетаемости с глаголами еще у́же; ср. *я очень опоздал* ⟨*спешу*, *прошу*, *жалею кого-л.*⟩, но ??*я чрезвычайно опоздал* ⟨*спешу*, *прошу*, *жалею кого-л.*⟩. Пожалуй, проще и экономнее выделить те глаголы, которые допускают такую сочетаемость, чем те, которые ее запрещают. В корпусах современных текстов в сочетании с *чрезвычайно* неоднократно встречаются такие глаголы, как (*по*)*нравиться*, (*за*)*интересовать*, *возрасти*, *ценить*(*ся*), (*вз*)*волновать*, *обрадовать*(*ся*); ср., например, (13—14), несколько реже *углублять*(*ся*), *расширять*(*ся*), *напоминать что-л.*, *дорожить чем-л.*, *способствовать чему-л.*; ср. (15).

(13) *Нравился* мне «дядя Андрей» *чрезвычайно* [М. Тарковский. Жизнь и книга].

(14) За последние десятилетия в самых широких кругах многих стран мира *чрезвычайно возрос* интерес к религиозному, общественному и общекультурному движению XIV века в Византии и других странах Восточной Европы [Иоанн Мейендорф. Св. Григорий Палама, его место в предании Церкви и в современном Богословии (1992)].

(15) ⟨…⟩ Уфа *чрезвычайно напоминает* новую столицу Казахстана Астану [В. Каганский. Внутренний Урал].

Попытка описать различия между «нормальными» и «ненормальными» глаголами (ср. *чрезвычайно желать*, *чрезвычайно вспылить*, *чрезвычайно*

[11] Подробнее о противопоставлении этих типов нормы и соответствующих шкал см. [Червенкова 1975; Баранов 1984]. Ср. также раздел 2.2.3. Понятие нормы обсуждается в различных теоретических контекстах, и в работах [Lakoff 1973; Janus 1981; Урысон 2000].

мучить в романах Достоевского, а также контексты (1), (2), (5), (9) и (10)) в терминах тематических классов[12] не дает положительных результатов. Те классы глаголов, в семантике которых есть поддающийся градуированию признак, обнаруживают на первый взгляд непредсказуемую избирательность в сочетании с модификаторами степени признака. Ср., например, в классе ментальных и эмоциональных глаголов: *его это чрезвычайно заинтересовало*, *ему это чрезвыйно понравилось*, но ?*он это чрезвычайно полюбил*.

Также и обращение к фундаментальным классам [Апресян 2003] или к таксономическим категориям [Падучева 1996; 2003] не позволяет обнаружить четких семантических корреляций, полностью объясняющих эту сочетаемостную избирательность, хотя на этом пути скорее можно нащупать какие-то значимые тенденции (см. ниже). Обратимся сначала к отрицательным результатам. Так, в классе предрасположений (диспозиций)[13] встречаются глаголы, хорошо сочетающиеся с *чрезвычайно* (*его это чрезвычайно настораживает*), но также и глаголы, плохо допускающие такую сочетаемость: ?*кофе его чрезвычайно возбуждает*[14]. В классе интерпретационных глаголов (по Апресяну [2004а]), которые в принципе хорошо поддаются градуированию и с этой точки зрения должны были бы легко сочетаться с наречием *чрезвычайно*, наблюдается существенный разброс. Так, на сочетание *чрезвычайно заблуждаться* в корпусах и в Интернете нашлось всего три контекста, на *чрезвычайно поощрять* ⟨*ошибаться*⟩ — по одному, на *чрезвычайно обманываться* ⟨*выручить*, *подвести кого-л.*, *приукрасить что-л.*, *мешать кому-л.*⟩ — ни одного, а на *вы меня/нас чрезвычайно обяжете* — 110 контекстов.

Также глаголы абстрактных действий, т. е. глаголы с неспецифицированным способом действия типа *упростить*, *улучшить*, *испортить* (ср. [Плунгян, Рахилина 1990]), в принципе хорошо сочетаются с наречиями-интенсификаторами. По ряду параметров они напоминают интерпретационные глаголы. Здесь также наблюдаются различия в степени приемлемости конкретных сочетаний: ср. *чрезвычайно упростить описание*, но ?*чрезвычайно увеличить темпы работы*, ?*чрезвычайно задержать сдачу статьи в сборник*. Видимо, помимо соблюдения базового семантического условия — наличия в значении глагола градуируемого признака, с которым могут взаимодействовать показатели степени, — для появления слова

[12] Имеются в виду крупные семантические классы глаголов, известные по работам Е. В. Падучевой [Падучева 1996; 2003].

[13] Подробнее об этом классе см. [Падучева 2003].

[14] Ср., однако, гораздо более приемлемое сочетание *вино его чрезвычайно возбудило* (пример Ю. Д. Апресяна), что позволяет предположить наличие определенных корреляций между наличием признака ‘изменение актуального состояния’ в семантической структуре глагола и его способностью сочетаться с наречием *чрезвычайно*. Ниже мы вернемся к этому вопросу.

чрезвычайно необходимо соблюсти еще какие-то дополнительные семантические и прагматические условия.

2.2.1.1. Материал показывает, что семантические признаки, регулирующие сочетаемость этого наречия с глаголами, не совпадают с признаками, конституирующими тематические классы, т. е. вряд ли можно утверждать, что запреты на сочетаемость *чрезвычайно* с тем или иным глаголом, в принципе допускающим градуирование, мотивированы принадлежностью этого глагола к определенному классу. Это, однако, не означает, что такие запреты семантически немотивированы. Отдельные семантические признаки, существенные с точки зрения таксономических категорий, оказываются значимыми для объяснения комбинаторного поведения слова *чрезвычайно*, причем признаки, способствующие сочетаемости глагола с этим наречием, действуют не на всем пространстве языка, а внутри определенного тематического класса. Иными словами, релевантные тенденции можно, видимо, обнаружить прежде всего на пересечении классификации глаголов, задаваемой таксономическими категориями и тематическими классами.

Проанализированные контексты позволяют выделить несколько мотивирующих признаков, причем ни один из них нельзя интерпретировать как «жесткий». Все они не является предсказующими, а носят скорее характер тенденций. Разберем эти семантические признаки последовательно.

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Сочетаемости глагола с наречием *чрезвычайно* способствует наличие в семантике глагола признака ‘актуальное состояние’. Естественно, эта зависимость не абсолютна, т. е. не любой глагол с признаком ‘актуальное состояние’ может оказываться в сфере действия *чрезвычайно*. Эта зависимость действует лишь внутри семантических групп, для которых такая сочетаемость в принципе представляется допустимой, и характерна в первую очередь для ментальных и эмоциональных глаголов. Ср., например, глаголы *нравиться* и *любить*. Первый из них хорошо сочетается с *чрезвычайно*, а второй — нет. Такая избирательность кажется на первый взгляд необъяснимой. Очевидно, причина предпочтительности сочетаний типа *мне это чрезвычайно нравится* по сравнению с *я это чрезвычайно люблю* кроется в том, что в значении глагола *нравиться* (по крайней мере в определенных употреблениях) есть признак ‘актуальное состояние’[15], а *любить* обозначает постоянное свойство / отношение[16]. Естественно, из этого «правила» можно найти исключения, ср. (16).

---

[15] Ср. также *X меня чрезвычайно радует* ⟨*огорчает*, *настораживает*⟩.

[16] Впервые на это противопоставление обратила внимание Т. В. Булыгина [1982]. Интересно, что противопоставление *нравиться* и *любить* по признаку ‘актуальное состояние’ vs. ‘постоянное свойство’ — характерная особенность именно этих русских глаголов. Их английские квазиэквиваленты *like* и *love* оба могут обозна-

(16) Но и я, право, *чрезвычайно люблю* поэзию Мандельштама, и, кроме того, на моей стороне есть еще то преимущество, что и его самого, чудаковатого, смешного, странного — неотделимого от его стихов — люблю не меньше и очень давно, очень близко знаю [М. И. Цветаева. История одного посвящения].

Хотя контексты, подобные примеру (16), встречаются не столь часто, они не воспринимаются как странные или устаревшие. Однако в целом тенденция к предпочтительной сочетаемости глаголов ментального или эмоционального актуального состояния с наречием *чрезвычайно* представляется весьма устойчивой. В этом отношении интересно словосочетание *чрезвычайно ценить кого-л. / что-л.*, которое на первый взгляд может восприниматься как контрпример, поскольку обнаруживает некоторое семантическое сходство со словосочетаниями типа *чрезвычайно любить кого-л. / что-л.* Глагол *ценить* обозначает, однако, не столько постоянное свойство / отношение, сколько перфектное состояние от ментального действия, выражаемого несобственным видовым коррелятом *оценить*[17]. Ср. контекст (17).

(17) Сергей *чрезвычайно ценил* это качество [А. Генис. Довлатов и окрестности].

Очевидно, что выражение *он ценил это качество* квазисинонимично выражению *ему нравилось это качество*, а не сомнительному сочетанию ??*он любил это качество*.

НАЧАЛО АКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ. Глаголы, в значении которых есть признак ‘начало актуального состояния’, обнаруживают более сильную тенденцию к сочетаемости с наречием *чрезвычайно*, чем их лексико-семантические корреляты, обозначающие сами состояния или процессы постепенного перехода из одного состояния в другое. Так, сочетания *чрезвычайно понравилось* ⟨*заинтересовало*, *возросло*, *взволновало*⟩ встречаются в корпусах чаще, чем *чрезвычайно нравится* ⟨*интересует*, *возрастает*, *волнует*⟩. Поскольку идея ингрессивности передается глаголами совершенного вида, в целом создается впечатление, что при наличии видовой пары, члены которой в принципе могут сочетаться с *чрезвычайно*, для глагола СВ такая сочетаемость более типична. Ср. *меня чрезвычайно обрадовало* ⟨*огорчило*, *насторожило*⟩ *то обстоятельство*, *что*… vs. *меня чрезвычайно радует* ⟨*огорчает*, *настораживает*⟩ *то обстоятельство*, *что*…

Отметим, что подобные различия в частоте встречаемости необязательно связаны с положением того или иного сочетания на шкале нормативно-

---

чать актуальное состояние. Так, *I love it* — это не только ‘я это люблю’, но и ‘мне это нравится’. Этим наблюдением я обязан Ю. Д. Апресяну.

[17] Я благодарю Е. В. Падучеву за помощь в анализе семантико-синтаксических особенностей этого глагола.

сти. Вряд ли можно утверждать, что, например, контекст (18) в большей степени соответствует современным нормам, чем (19).

(18) ⟨…⟩ а поезд шел и шел и в конце концов доставил меня после суток пути на вокзал в город, где была родина Георгия, где жила его законная жена с сыном, где стоял дом, в котором он провел детство, и так далее, — все эти соображения меня *чрезвычайно взволновали* ⟨…⟩ [Л. С. Петрушевская. Сети и ловушки].

(19) Не осознав того, что я делаю, и глядя на Анненского, присутствие которого меня *чрезвычайно волновало*, так как я чтил его поэзию, я закрыл книгу и стал читать по памяти мой перевод ⟨…⟩ [Ю. Анненков. Дневник моих встреч].

Видимо, признак ингрессивности является менее сильным фактором, способствующим сочетаемости глагола с этим модификатором степени, чем признак ‘актуальное состояние’, и влияет скорее на количественные характеристики. Тем не менее за подобными количественными различиями стоят определенные тенденции, отвечающие за динамику комбинаторного потенциала лексических единиц. Признак ‘начало актуального состояния’ оказывается нерелевантным при сопоставлении глагола и отглагольного прилагательного с коррелирующим лексическим значением (ср., например, ?*чрезвычайно удивился* ⟨*расстроился*⟩ vs. *чрезвычайно удивлен* ⟨*расстроен*⟩). Сочетание *чрезвычайно* с прилагательным ощущается как более узуальное. Общая тенденция в сочетаемостном поведении слова *чрезвычайно*, согласно которой оно избегает комбинации с глаголами, оказывается более сильным фактором, чем наличие признака ингрессивности в семантике его контекстуального партнера (ср. «правило 1»).

«НЕ-ДЕЙСТВИЕ». Наречие *чрезвычайно* в целом предпочитает сочетания со словами, в значении которых отсутствует признак ‘действие’. Редкими исключениями являются здесь единичные глаголы абстрактных действий типа *упростить* (см. выше). Чем более явно представлен признак ‘действие’ в семантике глагола, тем более странно он смотрится в сфере действия модификатора *чрезвычайно*; ср. **чрезвычайно выкатывать глаза* или **чрезвычайно раскрыть рот* из примеров (1) и (2).

Развивая эту мысль, можно предположить, что этот семантический фактор определяет общую тенденцию к «неглагольной» сочетаемости данного модификатора. Глаголы — прототипические названия действий. Даже те из них, которые относятся к неагентивным таксономическим классам, ощущаются до известной степени как обозначения неких «квазидействий». Это особенно заметно при сопоставлении глагола в личной форме с соответствующим причастием или прилагательным. Ср., например, *чрезвычайно распространить* ⟨*распространиться*⟩ vs. *чрезвычайно распростанен* ⟨*распространенный*⟩. В использованных корпусах не встретилось ни одного примера на сочетаемость первого типа, при том что сочетаемость второ-

го типа представлена достаточно полно. Сходным образом, в корпусах не встретилось примеров на сочетание *чрезвычайно* с глаголами *беспокоить*, *беспокоиться*, *обеспокоить* ни в личной форме, ни в инфинитиве, однако контексты типа (20—21) оказываются довольно типичными.

(20) В письме твоем прозвучала одна *чрезвычайно обеспокоившая* меня нотка ⟨…⟩ [Ю. Даниэль. Письма из заключения].

(21) ⟨…⟩ *чрезвычайно обеспокоены* ростом зарплат игроков и также не знают, как с этим бороться [А. Демин. «Известия», 20.01.2003].

Таким образом, «правилу 1» может быть дано некоторое семантическое объяснение.

2.2.1.2. Помимо рассмотренных семантических факторов, влияющих на сочетаемость наречия *чрезвычайно*, существует еще и определенное прагматическое условие, соблюдение которого весьма желательно для глаголов, находящихся в сфере действия этого наречия. Глагол должен отвечать указанным выше дискурсивно-прагматическим параметрам, т. е. быть пригодным для обсуждения ситуаций, связанных с необиходными тематическими областями. Этому условию отвечают в первую очередь глаголы абстрактной семантики, а также глаголы, нетипичные для разговорной речи. Например, бóльшая приемлемость сочетания *чрезвычайно заблуждаться* по сравнению с *чрезвычайно ошибаться*, по-видимому, объясняется тем, что *заблуждаться* — явно необиходное слово. Ср. также представленные в корпусах сочетания *чрезвычайно преуспеть*, *чрезвычайно вдохновить*. Сказанное, естественно, не означает, что соблюдение этих условий гарантирует приемлемость сочетаемости каждого конкретного глагола с *чрезвычайно*.

Оценка нормативности сочетаний модификатора *чрезвычайно* с конкретными глаголами может быть описана в терминах прототипических эффектов[18]. Так, контекст (5) представляется более приемлемым с точки зрения современного узуса, чем контекст (9), поскольку в (9) нарушается не только «правило 1» — нетипичность сочетаемости с глаголом, но и «правило 2» — нетипичность появления слов «физической семантики» в сфере действия *чрезвычайно*. В контекстах (1) и (2) нарушается еще и «правило 3», в соответствии с которым предпочтительные контекстуальные партнеры слова *чрезвычайно* должны обозначать положительно оцениваемые или желательные признаки, что делает эти контексты еще менее приемлемыми. Кроме того, для физических действий, подобных «выкатыванию глаз»[19], плохо задается ОБЛАСТЬ ОБЫЧНОГО (см. подробнее

[18] Ср. использование идеи прототипических эффектов применительно к исследованию конфигураций семантических признаков в значении глагола *climb* у Ч. Филлмора [Филлмор 1983: 30].

[19] Контексты такого типа у Достоевского не единичны; ср.: ⟨…⟩ *она как бы замерла на месте и смотрела на представлявшуюся ей кутерьму*, *по-видимому*, *рав-*

ниже), что дополнительно понижает приемлемость сочетания их обозначений со словом *чрезвычайно*.

Интересно, что у Достоевского встречаются контексты с наречием *чрезвычайно*, в которых нестандартность словоупотребления оговаривается эксплицитно. Ср. контекст (22) из монолога Ипполита, находившегося в тот момент в крайне напряженном эмоциональном состоянии и сознававшего, что его высказывания формально небезупречны.

(22) ⟨…⟩ (я, впрочем, согласен, что не так выражаюсь), я всё это *чрезвычайно хвалю* и глубоко уважаю ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Идиот].

В таких случаях нестандартность сочетания *чрезвычайно* с глаголом может рассматриваться как сознательный художественный прием. В просмотренных текстах XIX в. больше не нашлось ни одного сочетания этого наречия с глаголом *хвалить*. Тем не менее нельзя с полной уверенностью утверждать, что словосочетание *чрезвычайно хвалю* воспринималось как нестандартное и в XIX в. Немецкое слово *außerordentlich*, максимально близкое русскому *чрезвычайно* по значению, комбинаторному потенциалу и морфологическому составу и восходящее к тому же латинскому прообразу[20], в XIX в. употреблялось как модификатор глагола *loben* ‘хвалить’ различными авторами. Ср. (23):

(23) Dabei verhehlte der Arzt so wenig als bei folgenden Unterredungen, daß er sich mir in Absicht auf religiöse Gesinnungen nähere, *lobte* dabei den Oheim *außerordentlich* wegen seiner Toleranz und Schätzung von allem, was den Wert und die Einheit der menschlichen Natur anzeige [J. W. Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre].

В современном немецком языке такое употребление невозможно. Не исключено, что в значении глагола *loben* (а возможно, и глагола *хвалить*) за последние 150—200 лет произошел определенный сдвиг и что раньше этот глагол интерпретировался не только как речевой, но и как ментальный — что-то вроде ‘высоко ценить’. Это обстоятельство могло повлиять на изменение его сочетаемости с показателями степени признака[21].

В произведениях Достоевского используется особый синтаксический прием, который создает ощущение явной нестандартности соответствующих словосочетаний — существенно большей, чем в произведениях других русских писателей XIX в. Ср. (24):

(24) — Про вас я уже много слышал, в этом же роде… с большою радостию… *чрезвычайно научился вас уважать*, — продолжал Ипполит [Ф. М. Достоевский. Идиот].

Глагол *научиться* по своей семантике не допускает сочетания с интенсификаторами: **очень / сильно / слишком научился*. Трудно представить себе, что подобная модификация этого глагола была возможна ранее. В таких случаях мы

нодушно, *но с чрезвычайно выкатившимися глазами*; *потом вдруг залилась раздирающим воплем* ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Крокодил].

[20] См. этимологическую справку в разделе 2.2.3.

[21] На возможность такой интерпретации мое внимание обратил Хольгер Кусе.

имеем дело с довольно типичным синтаксическим механизмом — смещением границ сферы действия: *чрезвычайно научился вас уважать* ← *научился вас чрезвычайно уважать*. То, что словосочетание *чрезвычайно уважать* также небезупречно с точки зрения современного узуса, — другой вопрос[22]. Ср. аналогичный пример (25):

(25) — Я ее *чрезвычайно успел удивить* сегодня, сообщив ей самую свежеиспеченную светскую новость ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Подросток].

Очевидно, сочетание *чрезвычайно успел удивить* следует интерпретировать как *успел чрезвычайно удивить*. Ср. также выражение *тот почти начал его иногда как будто слушаться* из контекста (37) ниже. При обсуждении проблем диахронических изменений в области сочетаемости подобные случаи, естественно, должны остаться за рамками рассмотрения.

В целом можно утверждать, что сочетаемость слова *чрезвычайно* с глаголами в современном языке в высокой степени лексикализована[23]. За последние 150 лет сфера сочетаемости *чрезвычайно* с глаголами заметно сузилась. Не исключено, что сочетаемость *чрезвычайно* с глаголами наиболее адекватным образом может быть представлена в виде списка этих глаголов, что, естественно, не исключает возможность поиска семантических и прагматических объяснений.

2.2.2. Рассмотрим кратко второе и третье «правила», характеризующие современные сочетаемостные нормы слова *чрезвычайно*. Речь идет о тенденциях, согласно которым *чрезвычайно* сочетается скорее (а) с обозначениями «нефизических» сущностей и (б) со словами, тяготеющими к положительному полюсу различных шкал, — например со словами, содержащими в своей семантической структуре признак положительной оценки или желательности. Эти ограничения будут рассмотрены на материале прилагательных и наречий, так как являющиеся более сильными ограничения на сочетаемость с глаголами были рассмотрены в предыдущем разделе. Естественно, тенденции (а) и (б) распространяются и на глаголы.

В принципе, любое качественное прилагательное или наречие может находиться в сфере действия интенсификатора, поэтому любое ограничение в этой области нуждается в объяснении. Почему одни качественные прилагательные / наречия предпочитают в качестве интенсификатора *чрезвычайно*, другие — *крайне*, третьи — *неимоверно*, а четвертые — *бесконечно*? Чисто умозрительно можно предположить, что подобные предпочте-

[22] Ср., однако, следующий контекст из Национального корпуса русского языка: *Между прочим*, *Ида Ноддак очень уважала русскую науку*, *Менделеева чрезвычайно уважала*, *была в СССР* [Капица, Тамм, Семенов].

[23] Однако это и не чистый случай лексической сочетаемости (в понимании Ю. Д. Апресяна [1974]), поскольку список глаголов, допускающих сочетание с *чрезвычайно*, достаточно обширен. См. подробнее ниже.

ния не имеют семантических причин и объясняются исключительно капризами узуса. Более правдоподобной представляется, однако, гипотеза, согласно которой в основе сочетаемостных ограничений лежат некоторые семантически мотивированные тенденции, такие как (а) и (б).

2.2.2.1. Некоторые из обсуждавшихся выше контекстов (например, (6) и (11)) воспринимаются как не вполне нормативные из-за того, что в сфере действия этого модификатора находятся такие прилагательные и наречия, как *громкий* или *чисто*. Ср. также (26):

(26) Наш небольшой городок *чрезвычайно разбросан*, и расстояния в нем бывают довольно большие [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Значимость этого параметра особенно заметна при сопоставлении двух значений одного и того же слова, одно из которых имеет своим денотатом явление «видимого мира», а второе — «мира невидимого». Так, слово *простой* в контексте (27), где речь идет о платье, образует с модификатором *чрезвычайно* явно не вполне стандартное сочетание, в то время как в контекстах, где речь идет о задачах, принципах, обстоятельствах некоторой ситуации и пр. (28—29), такое сочетание полностью соответствует современным нормам. Ср. такие выделяемые в МАС значения, как «безыскусственный, не замысловатый, не вычурный», с одной стороны, и «не сложный, не трудный, легко доступный для понимания, выполнения, управления и т. п.» — с другой.

(27) — ⟨…⟩ все, что я могла сделать, — улыбаясь, сказала она Анне, которая в третьем, опять в *чрезвычайно простом*, платье вышла к ней [Л. Н. Толстой. Анна Каренина].

(28) Иванов надеется, даже совершенно уверен, что это *чрезвычайно просто* [М. А. Булгаков. Роковые яйца].

(29) — Какие там васюкинцы! Васюкинцы денег платить не будут. Они будут их по-лу-чать! Это же все *чрезвычайно просто* [И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев].

Ср. также такие контексты из корпусов современных текстов, как *указание чрезвычайно простое на вид*, *это оказалось для него чрезвычайно простым делом*, *принцип поиска чрезвычайно прост*[24]. Это не единичный случай. Сочетание *чрезвычайно высокий / высоко* воспринимается в контекстах типа *чрезвычайно высоко ценить кого-л. / что-л. ⟨отзываться о ком-л. / чем-л.⟩* (ср. (30)), *чрезвычайно высокий уровень безработицы*, *чрезвычайно высокая стоимость*, *чрезвычайно высокий рейтинг / статус* как отвечающее современным нормам, а в контекстах типа (31) — как устаревшее.

[24] В качестве исключения можно назвать словосочетание *чрезвычайно простое здание*, встретившееся в Тюбингенском корпусе.

(30) — Они искренне были привязаны к Борису Леонидовичу и действительно *чрезвычайно высоко* ценили его талант [Д. А. Пригов. Живите в Москве].
(31) — ⟨…⟩ подъезжавший английский, в шорах, экипаж с *чрезвычайно высоко* поставленным крошечным кузовом коляски [Л. Н. Толстой. Анна Каренина].

Естественно, здесь мы имеем дело не с абсолютным запретом на сочетание *чрезвычайно* с обозначениями внешних, физических признаков, а лишь с определенной (пусть и достаточно сильно выраженной) тенденцией. В качестве контрпримера можно привести контексты со словосочетанием *чрезвычайно красивый*, встречающиеся как в текстах XIX в. (32), так и в современных корпусах (33) и представляющиеся вполне допустимыми.

(32) — ⟨…⟩ *чрезвычайно красивый* перстень с желтым камнем ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание].
(33) Другая ⟨…⟩ с сердоликовым брелоком (цвет желтка с прожилками крови), *чрезвычайно красивая*, просвечивает изящными надписями с той и с другой стороны ⟨…⟩ [Огонек 2000, № 12].

2.2.2.2. Что касается «тенденции к положительному полюсу», наблюдаемой в сочетаемости слова *чрезвычайно*, отметим, что речь здесь идет не только о противопоставлении «хорошего / желательного» «плохому / нежелательному»[25], но и о всех других семантических шкалах, полюса которых могут интерпретироваться как положительные vs. отрицательные; ср. противопоставление «большого» «маленькому», «высокого» «низкому» и т. п. Эта тенденция также отнюдь не абсолютна. Она проявляется скорее в виде количественных предпочтений, чем в виде абсолютных запретов. Сочетания типа *чрезвычайно высоко* ⟨*активно*, *ярко*⟩ встречаются в корпусах современных текстов существенно чаще, чем сочетания типа *чрезвычайно низко* ⟨*пассивно*, *бледно* / *тускло*⟩.

Рассмотрим некоторые особенности сочетаемости модификатора *чрезвычайно* с оценочными словами. С одной стороны, в произведениях русской литературы XIX в. встречаются ненормативные с современной точки зрения примеры типа (12) или (34), необычность которых объясняется наличием в сфере действия этого наречия отрицательно оценочного слова, с другой — мы находим достаточно много современных контекстов, где в сфере действия *чрезвычайно* оказываются обозначения нежелательных

[25] Чувствительность слова *чрезвычайно* к оценочным характеристикам своих контекстуальных партнеров отмечалась и ранее, см., например, [Червенкова 1975: 17]. Это мнение разделяется, однако, не всеми исследователями. Так, в [Ховалкина 1995: 121] наречие *чрезвычайно* получает следующее толкование: «ЧРЕЗВЫЧАЙНО: указание на очень высокую степень признака. В сочетании со словами, обозначающими безоценочный признак». Наш материал опровергает это утверждение.

свойств и состояний, причем эти контексты не воспринимаются как нарушающие норм узуса (35).

(34) Сцена выходила *чрезвычайно безобразная* ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Идиот].

(35) Не было у нее и положенного на каждую комнату кухонного стола, что говорило о *чрезвычайно низком* ее социальном статусе [Д. А. Пригов. Живите в Москве].

Различия здесь проявляются, как уже было сказано, прежде всего в количественном распределении. Так, в проанализированных корпусах современных текстов словосочетание *чрезвычайно интересный / интересно* встречается приблизительно в 15 раз чаще, чем *чрезвычайно скучный / скучно*. Особенно явственно ограничения на сочетаемость слова *чрезвычайно* проявляются в тех случаях, когда в сфере его действия оказываются обозначения нежелательных или отрицательно оцениваемых физических свойств, т. е. нарушается одновременно и «правило 2» и «правило 3»; ср. контексты (3), (4), (7), а также такие примеры из романа «Идиот», как *молодой человек* ⟨…⟩ *с чрезвычайно угреватым лицом* или *он стал как-то вдруг чрезвычайно сален и запачкан*. Отдельные примеры из современных текстов, в которых эти запреты нарушаются (см. (36)), не опровергают сказанного, так как они явным образом стилистически маркированы.

(36) Ей приходилось много готовить специально для мужа и стирать его *чрезвычайно запачканное* белье [С. Алешин. Встречи на грешной земле].

Видимо, здесь (как и в области глагольной сочетаемости — ср. 2.2.1.2) наблюдаются своего рода прототипические эффекты, когда для прототипически «хорошего», как и для прототипически «плохого», употребления требуется выполнение сразу нескольких условий, ни одно из которых само по себе не является ни необходимым, ни достаточным.

У Достоевского встречаются также словосочетания, необычность которых объясняется нестандартной (по крайней мере с точки зрения современного узуса) комбинацией слова *чрезвычайно* с другим адвербиальным модификатором, так что модифицируемое выражение оказывается в сфере действия этого сочетания модификаторов. Иными словами, имеет место конфигурация [[модификатор$_1$] и [модификатор$_2$] [модифицируемое слово]]], где модификатор$_1$ = *чрезвычайно*. Ср. (37—38).

(37) ⟨…⟩ молодой человек имел даже видимое влияние на старика; тот почти начал его иногда как будто слушаться, хотя был *чрезвычайно и даже злобно* подчас *своенравен* ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы].

(38) ⟨…⟩ худенькая, лицо бледненькое, губы побелели, — меня все это, в целом, вместе с задумчивостью, *чрезвычайно и разом фраппировало*. [Ф. М. Достоевский. Кроткая].

Ср. далее такие сочетания, как *чрезвычайно и радостно доверчив* [Бесы]; *чрезвычайно и эффектно отдалив от глаз*; *расхохотался наконец чрезвычайно и со-*

вершенно искренно [Идиот]; *чрезвычайно и как-то робко почтительна* [Подросток]. Подобная конфигурация в современном языке невозможна. Вопрос, была ли она допустима нормами языка XIX в. или это особенность авторского словоупотребления, требует отдельного изучения. У других авторов XIX в. мы (пока) таких примеров не обнаружили, что позволяет считать, что здесь мы имеем дело не с глубинными изменениями в области синтаксиса адвербиальных модификаторов, а с особенностью индивидуального стиля Ф. М. Достоевского.

2.2.2.3. Прежде чем перейти к интерпретации полученных результатов, рассмотрим характерные особенности сочетаемости анализируемого слова в корпусах современных текстов. В качестве наиболее частотных контекстуальных партнеров наречия степени *чрезвычайно* выступают такие слова, как *важный* / *важно*, *высокий* / *высоко*, *сложный* / *сложно*, *интересный* / *интересно*, *сильный* / *сильно*, *редкий* / *редко*, *опасный* / *опасно*, *простой* / *просто*, *любопытный* / *любопытно*, *много*, *мало*, *велик*, *актуальный* / *актуально*, *выгодный* / *выгодно*, *популярный*, *широкий* (в контекстах типа *чрезвычайно широкая огласка* ⟨*широкие полномочия*⟩), *разнообразный*, *эффективный* / *эффективно*, *распространенный*, *полезный*.

Эти данные в принципе подтверждают предложенные здесь «правила» сочетаемости. Даже те сочетания, которые при изолированном предъявлении могли бы быть проинтерпретированы как контрпримеры, на самом деле часто таковыми не являются. Например, сочетание *чрезвычайно сложный* может относиться к устройству механизма, социальным структурам, психологической организации личности и не иметь, таким образом, признака ‘нежелательно’.

Приведенный список словосочетаний и разобранные в предыдущих разделах примеры показывают, что предпочтительную сочетаемость наречия *чрезвычайно* трудно описать в терминах семантических классов. Можно лишь отметить, что среди слов, находящихся в сфере его действия, довольно много прилагательных общей (причем чаще положительной) неэмоциональной оценки. Видимо, для описания сочетаемости слов, подобных *чрезвычайно*, более значимыми оказываются какие-то иные — в первую очередь прагматические — параметры. Сопоставление слов приведенного выше списка позволяет выделить одну общую для них всех черту — а именно, способность каждого из этих слов употребляться в необиходном дискурсе. Ср. также такие типичные (хоть и не попавшие в список наиболее частотных) словосочетания, как *успешный*, *благоприятный*, *многообразный*, *пространный*, *трудоемкий*, *противоречивый*, *напряженный*, *ответственный*, *привлекательный*, *впечатлительный*, *одаренный*, *плодотворный*, *энергичный*, *динамичный*, *гибкий*, *красноречивый*, *активный*. Таким образом, отмеченная выше дискурсивно-прагматическая характеристика модификатора *чрезвычайно* оказывается весьма сильным фактором, регулирующим его сочетаемость в современном словоупотреблении.

2.2.3. Интерпретация полученных результатов, очевидно, должна состоять прежде всего в попытке найти нечто общее между обсужденными в предыдущих разделах тенденциями, на первый взгляд представляющимися независимыми друг от друга. Подобные попытки обычно сводятся к вопросу, существуют ли в семантике и / или прагматике анализируемого слова такие особенности, которые объясняли бы установленные сочетаемостные ограничения и предпочтения.

2.2.3.1. Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно сформулировать (хотя бы эскизное) толкование наречия степени *чрезвычайно*:

чрезвычайно P ≈ ‘P в очень высокой степени; говорящий считает, что степень P настолько высока, что она выходит за пределы области обычного’.

Под «пределами области обычного» здесь понимаются привычные пределы вариативности признака P, т. е. пределы его вариативности, внутри которых степень P воспринимается как не нарушающая стандартных ожиданий. В эту область входит и высокая степень выраженности признака, т. е. значение ‘очень P’.

Сопоставим это толкование с толкованиями квазисинонимичных наречий степени — таких как *бесконечно*, *безгранично*, *безмерно* в [Григорьева 2004а] — см. сноску 6 — или *крайне*, которое может быть приблизительно истолковано следующим образом:

крайне P ≈ ‘P в очень высокой степени; говорящий считает, что степень P настолько высока, что она близка к пределу, возможному для P’.

Соответствующие семантические различия[26], естественно, влияют на смысл высказывания, содержащего данные модификаторы. По сути, эти семантические различия сводятся к специфике внутренней формы, которая как «этимологическая память» может проявляться в актуальном значении лексических единиц (см. подробнее [Добровольский 1996; Баранов, Добровольский 1998]). Подобные семантические различия оказываются важными прежде всего в контекстах, профилирующих именно те элементы значения, которые наследуются из внутренней формы. Тем не менее, поскольку следы исходного концепта в латентной форме присутствуют в плане содержания лексической единицы, естественно предположить, что они каким-то образом могут влиять на сочетаемость.

Прилагательное *чрезвычайный* пришло в русский язык из польского на рубеже XVII и XVIII вв. и сначала употреблялось только в выражении *чрезвычай-*

[26] Ср. несколько иную интерпретацию семантических различий между *чрезвычайно* и *крайне* в [Червенкова 1975: 17]: «КД [количественные детерминаторы признака] *чрезвычайно* и *крайне* означают степень признака, более высокую, чем *очень*, причем *чрезвычайно* подчеркивает исключительность данной меры ($Magn^{IV}$ = $Magn^{extra}$), а *крайне* — максимальность ее ($Magn^{IV}$ = $Magn^{max}$) при возможности меньшей меры».

ный посол. Дериват *чрезвычайно* зафиксирован в первой половине XVIII в. *Чрезвычайный* — это гибридная калька с польского *nadzwyczajny* с поморфемной субституцией: префикс *чрез-* из церковнославянского, вместо польского *nad-* + *звычайный* (ср. польское *zwyczajny*) = *чрез-звычайный*, перешедшее в *чрез-вычайный* (см. подробнее [Gardiner 1983: 512—517]). Усвоение этого слова облегчалось наличием слова *звычайный*, заимствованного из польского во второй половине XVII в. [Kochman 1975: 50—51]. Польское *nadzwyczajny* — это калька с латинского, ср. *extraordinarius legatus*, закрепившаяся под немецким и французским влиянием: *außerordentlicher Gesandter*, *envoyé extraordinaire* [Otten 1985: 342].

Из этого принципиального допущения вытекает гипотеза о наличии определенных сочетаемостных следствий из внутренней формы наречия *чрезвычайно*. Из приведенного выше толкования этого слова можно вывести предположение о его предпочтительной сочетаемости с обозначением свойств, для которых естественным образом может быть задана ОБЛАСТЬ ОБЫЧНОГО. Идея ОБЛАСТИ ОБЫЧНОГО связана с понятием НОРМЫ. Здесь мы предпочитаем не употреблять слово *норма* в качестве элемента метаязыка, исходя из соображений его многозначности (ср. сходные соображения в [Урысон 2000]). Так, применительно к ОБЛАСТИ ОБЫЧНОГО следовало бы эксплицитно указать, что речь здесь идет о «стандартной» норме (т. е. о представлении о характеристиках, обычных для данной ситуации или данного объекта), а не о «деонтической» или «телеологической» норме, понимаемых как степень выраженности признака, допустимая в данной ситуации или необходимая для достижения данной цели (ср. также понятия «шкала N» vs. «шкала N_m» в [Червенкова 1975: 9] и «норма 1» vs. «норма 2» в [Баранов 1984]). Если под «стандартной» нормой понимать среднее значение признака, то «область нормы» должна интерпретироваться как область его обычной (привычной) вариативности, допускающая определенные отклонения от среднего значения в направлении обоих полюсов. Границы этой дисперсии определяются ожиданиями говорящего. Для обозначения понимаемой таким образом «области нормы» здесь и введено понятие ОБЛАСТИ ОБЫЧНОГО[27].

С точки зрения противопоставления «стандартной» нормы норме «деонтической» или «телеологической» интересно, что словарь синонимов Абрамова, в котором все интенсификаторы делятся на два синонимических ряда ОЧЕНЬ и СЛИШКОМ, включает *чрезвычайно* и в тот и в другой ряд. Ср.:

Очень, весьма, безгранично, бесконечно, крайне, невыносимо, необыкновенно, непомерно, разительно, сильно, страшно, ужасно, в высшей степени, адски, донельзя, дюже, вконец, колоссально, неимоверно, непроходимо, несказанно, чрезвычайно, больно, далеко, много; на диво, вовсю, на чем свет стоит; вельми,

[27] Я благодарю Ю. Д. Апресяна и Е. В. Урысон за плодотворное обсуждение проблем, связанных с понятием нормы и его места в семантических метаязыках.

зело. **Слишком,** чрезвычайно, чрезмерно, через силу, чересчур, сверх меры; больно, ультра- [28].

В современном словоупотреблении *чрезвычайно* не воспринимается как синоним слов *слишком*, *чрезмерно*, *чересчур* и пр. Ср.: *он чрезвычайно хорошо образован* vs. *он слишком / чрезмерно / чересчур хорошо образован*. В основе значения слов из ряда СЛИШКОМ лежит идея ‘в большей степени, чем нужно или можно’ [Левонтина 2004: 1042], а в основе ряда ОЧЕНЬ — ‘в высокой степени’. При этом в рамках ряда ОЧЕНЬ на основе параметра меры превышения нормы выделяются свои группы слов: ср. *очень*, *весьма*, *сильно 2* ‘в большой степени’ [Григорьева 2004б: 747] и *чрезвычайно*, *крайне*, *бесконечно*… ‘в очень высокой степени’. Эта группа, в свою очередь, делится по параметру внутренней формы на синонимические ряды, такие как *бесконечно*, *безгранично*, *безмерно* [Григорьева 2004а]; *чрезвычайно*, *необычайно*, *необыкновенно* и пр. Если словарь [Абрамов] действительно отражает особенности словоупотребления периода его создания (что представляется маловероятным), то можно говорить о перестройке семантической структуры наречия *чрезвычайно*. Однако и в этом случае не все зафиксированные изменения в его сочетаемости получили бы объяснение.

2.2.3.2. Итак, не исключено, что признак ‘область обычного’ до известной степени ответствен за особенности сочетаемости слова *чрезвычайно*. В силу относительно прозрачной морфологической структуры этого слова его «этимологическая память», фиксирующая семантические связи с ОБЛАСТЬЮ ОБЫЧНОГО, обращается не к «норме» как нулевой отметке на некоторой шкале, а к идее границ стандартных ожиданий. Связь наречия *чрезвычайно* с идеей выхода за пределы обычного поддерживается также семантикой прилагательного *чрезвычайный*, причем даже не столько в коррелирующем значении (*чрезвычайно удивлен — чрезвычайное удивление*), сколько в значении, реализуемом в таких сочетаниях, как *чрезвычайное положение / происшествие*, *чрезвычайные меры* [29].

В том или ином понимании идея нормы значима для семантики всех модификаторов степени. Отличие *чрезвычайно* от, например, *очень* видится в том, что для *очень* НОРМА предстает в виде точки на шкале. Все проявления признака P, которые находятся между этой точкой N и полюсом интенсивности I, могут быть обозначены как *очень P*. Для *чрезвычайно* НОРМА — не точка, а целый отрезок шкалы между N и I, на котором рас-

---

[28] *Чрезвычайно* представляет собой в этом смысле исключение. Такие близкие по значению слова, как *необыкновенно*, *в высшей степени*, *крайне*, попали только в ряд ОЧЕНЬ.

[29] Сочетаемость этого прилагательного также сузилась за последние 150 лет. Эти комбинаторные изменения во многом коррелируют с обсуждаемыми здесь изменениями сочетаемости наречия *чрезвычайно*. В известном смысле можно говорить о семантическом параллелизме между наречием и прилагательным, причем как в синхронии, так и в диахронии. В первую очередь это, естественно, относится к коррелирующим лексемам.

полагаются все значения признака P, не выходящие за рамки привычного. Лишь когда степень проявления признака P оказывается за пределами этого отрезка, приближаясь к полюсу I, проявление признака P может быть охарактеризовано как *чрезвычайно P*. Это соответствует интуитивному представлению о том, что *чрезвычайно P* сильнее, чем просто *очень P*. А, например, *крайне* отличается от своих квазисинонимов тем, что фокусирует идею «края», максимальной близости к полюсу I[30].

Рассуждая чисто абстрактно в этом направлении, можно сформулировать гипотезу, согласно которой признак ‘область обычного’ окажется тем самым связующим звеном, которое позволит увидеть за обсужденными выше разрозненными факторами сочетаемости (или по крайней мере за некоторыми из них) некую единую семантическую сущность. Так, ОБЛАСТЬ ОБЫЧНОГО крайне трудно определить для таких действий, как «выкатывание глаз» или «смех». Видимо, поэтому употреблявшиеся Достоевским словосочетания *чрезвычайно выкатывала глаза* и *чрезвычайно расхохотался* воспринимаются как неправильные и, судя по отсутствию аналогов в текстах других писателей XIX в., воспринимались как маргинальные уже и тогда. Следовательно, можно предположить, что и за характерной для *чрезвычайно* тенденцией к сочетаемости со словами, в семантике которых отсутствует признак ‘действие’, стоит идея области обычного. В целом состояния и свойства, видимо, более естественно ассоциируются с областью обычного, чем действия[31]. Например, ментальные и эмоциональные состояния, значимые для говорящего свойства ситуаций и т. п. хорошо описы-

[30] Традиционные представления о том, что различия между такими модификаторами, как *чрезвычайно* и *крайне*, сводятся прежде всего к противопоставлению «сильнее—слабее» (ср., например, [Ховалкина 1995: 118, 121]), не подтверждаются материалом. Дело в том, что они необязательно привязаны к одной шкале; «о единой шкале мер уместно было бы говорить только в том случае, если бы разные ее элементы прилагались бы к одним и тем же объектам (были бы определены — в математическом смысле слова — на одном и том же множестве объектов)» [Филипенко 2003: 69]. В целом слово *чрезвычайно* обнаруживает более широкую сочетаемость, чем *крайне* [Janus 1981: 189].

[31] Это логика рассуждений не позволяет, однако, объяснить, почему прилагательные и наречия, обозначающие постоянные свойства / отношения, хорошо сочетаются с *чрезвычайно*, а глаголы с этим семантическим признаком — нет и, тем более, почему признак ‘начало актуального состояния’ в семантике глагола оказывается фактором, способствующим сочетаемости этого глагола с *чрезвычайно*. Видимо, здесь мы имеем дело с семантическими тенденциями, действующими только в рамках определенных классов слов, т. е. с тенденциями, на которые не распространяются более общие объяснения, восходящие к внутренней форме данного модификатора. Что касается тенденции к «нефизическому», она тоже явно не вписывается в рамки объяснений с помощью апелляции к концепту ОБЛАСТЬ ОБЫЧНОГО. Представляется, что за эту тенденцию отвечает скорее прагматическая маркированность слова *чрезвычайно*.

ваются в терминах «привычное» vs. «выходящее за пределы привычного», а действия — скорее нет. В какой-то степени с идеей области обычного коррелирует, видимо, и «тенденция к положительному полюсу» (см. 2.2.2.2). Хотя при такой трактовке понятие ОБЫЧНОГО, восходящее к идее «стандартной» нормы, получает дополнительную деонтическую окраску.

2.2.3.3. Для того чтобы понять, насколько правдоподобна предложенная здесь семантическая гипотеза, нужно найти независимые свидетельства присутствия следов внутренней формы в плане содержания слов типа *чрезвычайно*. Вообще, наличие подобных семантических следов отнюдь не очевидно. В обычных (т. е. не содержащих контрастных противопоставлений, не фокусирующих элементы внутренней формы) контекстах собственно семантические различия между такими словами, как *чрезвычайно*, *бесконечно*, *крайне* редко оказываются в фокусе. При противопоставлении отдельных словосочетаний можно обнаружить некоторые различия между ними, связанные с тем, что каждый из этих модификаторов по-своему профилирует идею высокой степени (ср. приведенные выше толкования). Так, каждое из квазисинонимичных словосочетаний *бесконечно признателен*, *чрезвычайно признателен* и *крайне признателен* расставляет свои коммуникативные акценты. Они означают примерно то же самое, но фокусируют различные аспекты признательности. Эти различия проявляются, например, в том, что *бесконечно признателен* сильнее, чем *чрезвычайно признателен* (признак ‘степень Р настолько высока, что это трудно представить’ сильнее фокусирует высокую степень Р, чем признак ‘степень Р настолько высока, что она выходит за пределы области обычного’). Иными словами, идея отсутствия границ в плане содержания модификатора *бесконечно* фокусирует иные аспекты концепта «очень высокая степень», чем идея выхода за пределы привычного, фиксированная в *чрезвычайно*. С другой стороны, сочетания *крайне интересные наблюдения* и *чрезвычайно интересные наблюдения* вряд ли отличаются друг от друга семантикой, прагматикой или коммуникативным акцентом. При этом все эти сочетания вполне узуальны, т. е. ограничения на сочетаемость слов такого типа, явным образом, не всегда следуют непосредственно из семантических различий между ними.

Явное влияние внутренней формы на сочетаемость наблюдается скорее у «молодых» модификаторов с яркой внутренней формой типа *чудовищно*. Ср. запреты на сочетаемость типа ??*мне чудовищно приятно*. Яркая внутренняя форма подобных модификаторов обеспечивает связь с другими (первичными) значениями этих слов. Наличие таких семантических мостов, отвечающих за внутреннее единство слова, отличает подобные слова от прочих наречий степени (ср. [Филипенко 2003: 73])[32]. В значительно меньшей степени влияние внутренней формы на сочетаемость наблюдает-

[32] Здесь можно говорить о различной степени грамматикализованности; ср. [Bolinger 1972: 17—20], а из работ последних лет [Paradis 2000].

ся у модификаторов типа *жутко*, при том что и здесь внутренняя форма, казалось бы, не совсем стерта: ср. вполне допустимое сегодня сочетание *жутко весело*. У таких модификаторов, как *чрезвычайно* или *крайне*, внутренняя форма стерта в существенно более значительной степени. Следовательно, можно допустить, что в этих случаях особенности внутренней формы лишь в незначительной степени влияют на сочетаемостные ограничения и сформулированная выше гипотеза вряд ли обладает серьезной объяснительной силой. Тем не менее следует отметить (и это особенно важно для ответа на поставленный вопрос), что внутренняя форма даже столь «старых» и «бледных» слов, как *чрезвычайно* и *крайне*, продолжает жить и проявляется в определенных контекстах, отвечая за коммуникативный акцент соответствующего выражения.

Есть еще одно потенциальное возражение, которое необходимо обсудить, прежде чем принять решение о целесообразности привлечения внутренней формы к объяснению особенностей сочетаемости лексических единиц, подобных *чрезвычайно*[33]. Со временем внутренняя форма обычно стирается. Следовательно, запреты на сочетаемость, если они мотивированы внутренней формой, должны скорее ослабевать, чем усиливаться, ведь в XIX в. внутренняя форма должна была ощущаться сильнее. Однако в случае со словом *чрезвычайно* перед нами противоположная картина. Этот аргумент, представляющийся весьма сильным на первый взгляд, может быть, тем не менее, поставлен под сомнение. Во-первых, к XIX в. слово *чрезвычайно* уже достаточно долго бытовало в языке. Его внутренняя форма к тому времени, по-видимому, уже перестала ощущаться столь же явственно, как, например, ощущается сегодня внутренняя форма слова *чудовищно*, употребляемого в функции интенсификатора. Во-вторых, здесь есть и более общее соображение: «этимологическая память» слова может влиять на его употребление, при том что носители языка не обращаются к его внутренней форме на сознательном уровне. Ср. отмеченные Анной А. Зализняк [1998] этимологически мотивированные особенности значения глагола *подозревать* в сопоставлении с его немецким квазиэквивалентом *verdächtigen*; причем и в том и в другом случае внутренняя форма этих глаголов обычным носителям языка неизвестна. Значит, в принципе можно представить себе, что комбинаторный потенциал слова *чрезвычайно* был изначально ориентирован на те тенденции, которые охватываются семантическим признаком, фиксированным в его внутренней форме[34]. Допусти-

[33] Существуют фрагменты лексической системы — в первую очередь идиомы и конвенциональные метафоры, — для которых значимость внутренней формы как элемента плана содержания, влияющего на актуальное употребление, не вызывает сомнений. Таким образом, вопрос здесь скорее в том, насколько целесообразно распространить этот принцип на описание «необразных» лексических единиц.

[34] Это становится достаточно очевидным, например, при обращении к контекстам из произведений Достоевского. Сочетания *чрезвычайно* с глаголами встреча-

мо также, что со временем эти тенденции не стали слабее. Напротив, те периферийные употребления, которые не соответствовали данным тенденциям, возможно, стали восприниматься со временем как более маргинальные. Кроме того, сужение комбинаторного потенциала в существенной степени могло регулироваться другими факторами (см. ниже).

Видимо, в целом можно сделать вывод, что гипотеза о влиянии внутренней формы на употребление лексических единиц, в том числе на их сочетаемость, оказывается продуктивной эвристикой не только для идиом и конвенциональных метафор, но и для неметафорической лексики, в частности для модификаторов степени типа *чрезвычайно*. Применительно к особенностям употребления этого слова вполне можно допустить, что выделяемый на основе его внутренней формы признак ‘область обычного’ оказывается своего рода семантическим мостиком между отдельными тенденциями, регулирующими его сочетаемость.

2.2.3.4. На этом фоне особо важно отметить, что семантика — не единственный (и, возможно, не главный) фактор, влияющий на сочетаемость. Ограничения на сочетаемость могут быть любой природы. Ср., например, наблюдение ван Оса [van Os 1989], что немецкий модификатор признака *höchst* ‘≈ в высшей степени’ никогда не сочетается с односложными словами. В русском языке также можно найти достаточно случаев, в которых ограничения на сочетаемость следуют скорее из формальных свойств контекстуальных партнеров, чем из особенностей их плана содержания. Ср. **крайне красив* и вполне допустимое (хоть и редко встречающееся в современных текстах) *чрезвычайно красив*[35]. Видимо, сочетание **крайне красив* невозможно из-за нежелательности аллитерации на *кр-*. Частично такие ограничения объясняются общей тенденцией к сочетаемости модификатора *крайне* с обозначениями нежелательных свойств (см. об этом, например, [Червенкова 1975: 17]). В этом смысле *крайне* до известной степени противопоставлено *чрезвычайно*. Примеры показывают, что семантические объяснения неуниверсальны, ср. вполне допустимое сочетание *крайне мил*, *крайне привлекательный* ⟨*симпатичный*⟩.

Важная группа факторов, регулирующих сочетаемость наречия *чрезвычайно*, должна описываться в терминах прагматики. Причем наиболее значимым параметром оказывается здесь тип дискурса, т. е. набор тех тематических областей и стилистических регистров, которые являются естест-

---

ются в них существенно реже, чем сочетания с прилагательными и наречиями. Наблюдается, хотя и не столь явно, как на материале современных текстов, также и «тенденция к положительному полюсу». Ср. [Ружицкий 2003].

[35] Слова *красивый* и *красиво* чаще оказываются в сфере действия таких модификаторов, как *удивительно*, *необычайно*, *необыкновенно*. Одна из причин такой избирательности — отсутствие у этих модификаторов ограничений на сочетаемость по параметру «физическое—нефизическое».

венным окружением для слова *чрезвычайно*. Как уже было сказано выше, представляется, что именно этот параметр объединяет столь разнородные в семантическом отношении лексические единицы, узуально появляющиеся в сфере действия этого модификатора[36]. Предпочтительность необходимых контекстов в качестве окружения модификатора *чрезвычайно* особенно рельефно проявляется при противопоставлении таких сочетаний, как *чрезвычайно короткий* ⟨*длинный*⟩ *доклад*, с одной стороны, и ?*чрезвычайно короткие* ⟨*длинные*⟩ *волосы* — с другой. Различие в оценке приемлемости этих контекстов объясняется не столько противопоставлением физического—нефизического (хотя временные значения слов *короткий* и *длинный*, видимо, менее «физичны», чем их пространственные значения), а прежде всего именно темой обсуждения[37]. Конечно, между данным прагматическим фактором и тенденцией к сочетанию с обозначениями «нефизического» имеется связь: для дискурса необходимого типа более характерно обсуждение абстрактных сущностей, чем внешних, физических свойств предметов и людей. Ср. также обсуждавшиеся выше примеры (30) и (31). Более того, можно предположить, что тенденция к «нефизическому» регулируется прагматическими характеристиками слова *чрезвычайно*. В этом смысле показательно также, что сочетание *чрезвычайно грязный*, воспринимаемое как устаревшее в контекстах типа *чрезвычайно грязная лестница* (см. (4)), хорошо вписывается в такие контексты, как (39).

(39) Наркотик, произведенный в кустарных условиях, — продукт, как правило, *чрезвычайно грязный* как в химическом, так и в гигиеническом отношении [«Еженедельный журнал», 08.04.2003].

Интересно, что «необходимый» характер слова *чрезвычайно*, влияющий на его дискурсивные предпочтения, а также связанная с этим тенденция к «нефизическому» — явления относительно недавние. Ср. контексты (40) и (41), в которых прилагательное *длинный*, находящееся в сфере действия *чрезвычайно*, употребляется во вполне физическом смысле и которые не маркированы как необходимые.

---

[36] Сказанное, естественно, не означает, что все релевантные сочетаемостные ограничения слова *чрезвычайно* могут быть сведены к данному прагматическому свойству. Так, например, нежелательность сочетания этого слова с определенными глаголами при допустимости его сочетания с соответствующими причастиями — явление прежде всего синтаксическое, мотивированное до известной степени семантически (ср. обсуждавшийся выше признак ‘не-действие’), но не прагматически.

[37] То, что решающим здесь оказывается не противопоставление «время — пространство», а прагматические особенности дискурса, доказывает наличие таких не противоречащих современным нормам контекстов, как *чрезвычайно длинное письмо*. С другой стороны, слово *чрезвычайно* странно смотрится в чисто «временных» контекстах, если они встроены в бытовой дискурс; ср. стилистически неудачное сочетание ?*чрезвычайно короткое время приготовления супа*.

(40) — Майданов, — сказала княжна высокому молодому человеку с худощавым лицом, маленькими слепыми глазками и *чрезвычайно длинными* черными волосами, — вы, как поэт, должны быть великодушны и уступить ваш билет мсьё Вольдемару ⟨…⟩ [И. С. Тургенев. Первая любовь].

(41) ⟨…⟩ я помню еще огромное серое деревянное здание с фальшивыми окнами, намалеванными сажей и охрой, и огороженное *чрезвычайно длинным* полуразвалившимся забором [Н. С. Лесков. Тупейный художник].

2.3. Выводы. В разделе 2 обсуждались три вопроса:

— в чем состоят особенности сочетаемости наречия *чрезвычайно* в современном словоупотреблении?

— являются ли эти особенности мотивированными, и если да, какими факторами?

— как изменилась сочетаемость этого слова за последние 150 лет?

Для ответа на первый вопрос были привлечены значительные по объему корпусы современных текстов. Их анализ показал, что *чрезвычайно*, во-первых, чаще сочетается с прилагательными и наречиями, чем с глаголами, во-вторых — с обозначениями «нефизических» сущностей, в-третьих — со словами, обозначающими свойства, тяготеющие скорее к положительному, чем к отрицательному полюсу различных шкал, и, в-четвертых, воспринимается сегодня как необиходное слово, что привязывает его к определенным тематическим областям и к дискурсу определенного типа.

Естественно, это лишь тенденции, а не правила, обладающие предсказательной силой. В действии этих тенденций наблюдаются прототипические эффекты, т. е. нарушение сразу двух и более «запретов» обычно приводит к более аномальным сочетаниям, чем нарушение лишь одного из них. Впрочем, и из этого «правила» имеются исключения.

Ответ на второй вопрос связан с поиском факторов более общего характера, которые могли бы объяснить непосредственно наблюдаемые факты. Эти факторы могут быть по своей природе **семантическими**, **прагматическими** или **узуальными**. Так, до известной степени семантически мотивированной представляется тенденция к «неглагольной» сочетаемости. Эта тенденция объясняется тем, что наречие *чрезвычайно* в целом предпочитает сочетания со словами, в значении которых отсутствует признак ‘действие’. Поскольку глаголы — прототипические обозначения действий, они редко оказываются в сфере действия модификатора *чрезвычайно*. Причастия и отглагольные прилагательные как формы с менее выраженной «глагольностью» более естественно сочетаются с этим модификатором, чем соответствующие глаголы в личных формах. Этот семантический фактор вместе с «тенденцией к положительному полюсу» может быть — до известной степени гипотетически — возведен к определенным компонен-

там плана содержания слова *чрезвычайно*, а именно той части толкования, которая фиксирует его внутреннюю форму. В плане содержания этого слова (как и его ближайших синонимов *необыкновенно* и *необычайно*) содержится идея выхода за пределы некоего привычного пространства. Этот семантический компонент оказывается мотивирующим, поскольку, с одной стороны, ОБЛАСТЬ ОБЫЧНОГО, понимаемая как пределы допустимой привычной вариативности признака, более естественным образом задается для свойств и состояний, чем для действий, а с другой — отрицательные значения параметров понимаются в наивной картине мира как нарушение нормы и, соответственно, плохо соотносятся с понятием области привычного.

Подобные корреляции представляются наиболее интересными с теоретической точки зрения, поскольку выводят ограничения на сочетаемость из самой семантической структуры анализируемого слова. Возможны и другие — более слабые — семантические объяснения. Например, наблюдения за комбинаторными предпочтениями слова *чрезвычайно* в случаях, когда в его сфере действия оказывается глагол, показали, что наличие в семантической структуре глагола признака ‘актуальное состояние’ (а еще лучше ‘вход в актуальное состояние’) благоприятствует сочетаемости. Это семантическое объяснение носит частный характер, оно распространяется только на глаголы (прилагательные и наречия в сфере действия *чрезвычайно* могут обозначать не только актуальные состояния, но и постоянные свойства) и не возводится к значению этого модификатора. Тем не менее и такие — более частные — корреляции представляют интерес, поскольку они упорядочивают определенные фрагменты комбинаторного потенциала анализируемого слова, показывая, что его сочетаемость не является непредсказуемо-произвольной, а зависит от семантических факторов. Как ограничения на сочетаемость, так и сочетаемостные предпочтения должны описываться в подобных случаях скорее в терминах классов слов, близких по сути к лексикографическим типам Ю. Д. Апресяна, чем в терминах больших тематических классов.

Прагматические факторы — в частности, маркированность слова *чрезвычайно* как необиходного — проявляются прежде всего в том, что это слово более естественно смотрится в контекстах небытовых тематических областей, т. е. привязано к «образованному дискурсу». Далее этот фактор влияет на стилистические параметры непосредственного контекстуального партнера слова *чрезвычайно*. Ср. *чрезвычайно алчный*[38] vs. стилистически небезупречное *чрезвычайно жадный*. Этот же прагматический фактор объясняет «тенденцию к нефизическому» и до известной степени — «тенден-

[38] Например, *человек он был чрезвычайно алчный*. Интересно, что ??*очень алчный* звучит более чем странно, при том что *очень жадный* — абсолютно правильно. Ср. также вполне нормативное сочетание *чрезвычайно скупой*. Прилагательное *скупой* воспринимается сегодня как не вполне обиходное слово, хотя, разумеется, отличается по своим стилистическим характеристикам от прилагательного *алчный*.

цию к положительному», поскольку в дискурсе необходного типа чаще обсуждаются абстрактные, нефизические сущности и относительно редко — по сравнению с бытовым дискурсом — употребляется лексика с ярко выраженной отрицательной оценочностью. Именно прагматические свойства отличают модификатор *чрезвычайно* от его ближайших синонимов *необычайно* и *необыкновенно*. Не будучи встроены в дискурс определенного типа, эти слова не обнаруживают запретов на сочетаемость с обозначениями физических свойств. Так, *необыкновенно хорош собой* звучит лучше, чем *чрезвычайно хорош собой*, а *необычайно большие глаза* — лучше, чем *чрезвычайно большие глаза*. С точки зрения сочетаемости прагматика оказывается, таким образом, не менее сильным фактором, чем семантика.

Комбинаторный потенциал слова *чрезвычайно* обнаруживает также и такие свойства, которые не удается объяснить ни в терминах семантики, ни в терминах прагматики. Это, так сказать, чистый узус. Наличие подобных случаев в определенном смысле закономерно, поскольку известно, что в русском языке сочетаемость показателей степени признака (как, впрочем, и многих других классов лексических единиц) в высокой степени лексикализована.

В целом, однако, сочетаемость слова *чрезвычайно* оказывается в известной степени мотивированной. Это позволяет вписать рассмотренные здесь проблемы в более широкий теоретический контекст. В последнее время все более актуальной становится идея наличия семантической мотивации у комбинаторных феноменов, традиционно считавшихся немотивированными. См. работы Ю. Д. Апресяна о мотивированности определенных лексических функций, например [Апресян 2004б]. На метаязыке лексических функций (ЛФ) модификатор *чрезвычайно* описывается как Magn, причем реализация этой ЛФ оказывается далеко не столь произвольной, как это могло показаться на первый взгляд. В качестве одного из важных результатов отметим, что факторы, мотивирующие выбор *чрезвычайно* в качестве Magn'а, имеют не только семантическую природу. А в случаях семантической мотивации ведущая роль принадлежит внутренней форме.

Таким образом, можно говорить о наличии переходной зоны между лексической и семантической сочетаемостью (в смысле Ю. Д. Апресяна [1974]), т. е. о сочетаемости, которая не является полностью предсказуемой и выводимой из лексического значения соответствующих слов (как это имеет место в семантической сочетаемости), но которая и не полностью произвольна. Такая «промежуточная» сочетаемость описывается в терминах тенденций, действующих в рамках определенных лексических классов и групп, а не просто задается списком, как это имеет место в случае лексической сочетаемости[39]. Соответствующие лексические классы и группы постулируются на основе любых общих свойств, которые оказыва-

[39] Ср. тезис Ю. Д. Апресяна [2004б: 10] о том, что «выбор значения ЛФ ⟨…⟩ семантически мотивирован, хотя и не вполне свободен».

ется лингвистически релевантными, и в этом смысле скорее напоминают лексикографические типы, чем семантические классы в традиционном понимании.

Что касается третьего из поставленных здесь вопросов, т. е. вопроса о том, как изменилась сочетаемость слова *чрезвычайно* за последние 150 лет, ответ на него достаточно очевиден. Сфера его сочетаемости заметно сузилась. Причем уменьшение объема сочетаемости произошло за счет периферии комбинаторного потенциала. Есть основания считать, что сужение сочетаемости коррелирует прежде всего с изменениями прагматических характеристик этого слова, которое явным образом поменяло свой стилистический регистр и приобрело определенный дискурсивный профиль. Важно подчеркнуть, что если на синхронном уровне привычнее говорить о влиянии прагматических (как и семантических) параметров лексической единицы на ее сочетаемость, то в диахронии мы имеем дело скорее с противоположной ситуацией. Логичнее предположить, что сначала изменилась сочетаемость данного слова, а лишь затем, как следствие, оно модифицировало свои прагматические характеристики. Изменение сочетаемости может привести также и к изменению лексического значения слова. Это в известном смысле предел диахронического комбинаторного варьирования. О таком случае речь пойдет в следующем разделе.

3. *Замечательный*: пример комбинаторно обусловленного семантического развития

3.1. В качестве примера, иллюстрирующего изменения, произошедшие в семантической структуре слова вследствие изменения его сочетаемости, может служить прилагательное *замечательный*. В романе «Идиот» это слово встречается как в контекстах, соответствующих современным нормам сочетаемости (1), так и в контекстах, воспринимаемых сегодня как явно устаревшие (2—3).

(1) Если бы вы пожили больше с людьми, а в свете, я надеюсь, вам будут рады, как *замечательному молодому человеку*, то, конечно, успокоите ваше одушевление и увидите, что всё это гораздо проще… [Ф. М. Достоевский. Идиот].

(2) Ну, так как, по-вашему, будет: это извращение понятий и убеждений, эта возможность такого *кривого и замечательного взгляда на дело*, есть ли это случай частный или общий? [Ф. М. Достоевский. Идиот].

(3) Это был человек *замечательный по своим беспрерывным и анекдотическим неудачам*, — один отставной офицер, хорошей дворянской фамилии, и даже в этом отношении почище Тоцкого, некто Филипп Александрович Барашков [Ф. М. Достоевский. Идиот].

Очевидно, что слово *замечательный* изменило свое значение. В современном языке это прилагательное (в первую очередь при употреблении в атрибутивной функции) квазисинонимично таким словам, как *отличный*, *прекрасный*, *восхитительный*, *чудесный* и приблизительно означает ‘исключительный по своим достоинствам, выдающийся’ [Ожегов, Шведова] (в дальнейшем изложении для указания на это значение я использую упрощенную форму ‘очень хороший’), в то время как ранее оно значило ‘заметный’, ‘привлекающий внимание’ или ‘достойный внимания’[40] (ср. употребляемое сегодня в близком значении слово *примечательный*, а также его квазисинонимы *необычный*, *удивительный*, *выделяющийся* и пр.). В значении ‘заметный’ прилагательное *замечательный* встречается и в других романах Достоевского; ср. *страшный фанфарон и замечательный трус*; *он принадлежал к особенному и замечательному типу* [Записки из мертвого дома]; *произнесены были эти ядовитые слова с замечательным раздражением* [Бесы]), а также в произведениях А. С. Пушкина[41], М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова. Ср.: *совершается противодвижение с востока на запад с замечательным сходством с предшествовавшим движением с запада на восток* [Л. Н. Толстой. Война и мир]; *я ненавидел любопытные памятники*, *замечательные собрания* [И. С. Тургенев. Ася]; *замечательное бескорыстие* [И. С. Тургенев. Степной король Лир]; *главное ее достоинство состояло в замечательной легкости характера* [А. Ф. Писемский. Боярщина]; *замечательный чудак*; *с замечательным достоинством* [Н. С. Лесков. Однодум]; *любуясь его весьма замечательными невежествами* [Н. С. Лесков. Неоцененные услуги].

Это исходное значение слова *замечательный* непосредственно связано с его внутренней формой: прилагательное *замечательный* является производным от глагола *замечать* и изначально сохраняет значение ‘такой, что его замечают’, т. е. ‘заметный’ (для указания на это значение я далее буду в основном использовать эту форму), непосредственно выводимое из семантики производящего глагола. Ср. нем. *bemerkenswert* и англ. *remarkable* — прилагательные, сохранившие это исходное значение и сегодня. Для русского прилагательного *замечательный* данное значение представляется устаревшим. Оно не отмечено ни в [Ожегов, Шведова], ни в [Уша-

[40] Здесь мы имеем дело либо с несколькими близкими друг другу значениями, либо с одним достаточно широким значением, фокусирующим в соответствующих контекстных условиях признак ‘быть заметным, необычным’ или признак ‘быть достойным внимания’. Поскольку для вопросов, обсуждаемых в данной работе, это не столь существенно, мы будем говорить об одном — «исходном» — значении. Я благодарен Дитеру Вирту за обсуждение некоторых особенностей семантической структуры этого слова.

[41] Ср. в [СЯП: 74]: *Прошло несколько времени без всякого замечательного случая* [Дубровский]. *Первое замечательное место есть крепость Минарет* [Путешествие в Арзрум].

ков] и известно скорее по произведениям русской классической литературы XIX в.[42]

Естественно предположить, что в основе семантического сдвига ‘заметный’ → ‘очень хороший’ лежат изменения сочетаемостных предпочтений. Новое значение возникло в этом случае путем лексикализации одного из вариантов употребления. Слово *замечательный* в своем исходном значении входило в контексты, не имеющие оценочных ограничений, т. е. в контексты как с положительной (1), так и с отрицательной (2—3) оценочной составляющей. Это вполне понятно, так как «быть заметными» могут самые различные, неоднородные с оценочной точки зрения сущности. При этом, однако, уже в XIX в. в узусе доминировал (по крайней мере в количественном отношении) определенный тип сочетаемости — контексты с положительной оценкой. Видимо, этот тип сочетаемости изначально образовывал ядро комбинаторного потенциала слова *замечательный* — его диахронически стабильный компонент. Постепенно прогрессирующее сужение узуальной сочетаемости привело к семантической спецификации ‘заметный’ → ‘заметный потому, что особенно хороший’; со временем в семантической структуре этого прилагательного сместился фокус, и смысл ‘очень хороший’ стал восприниматься как центральный семантический компонент. Таким образом, причина перестройки элементов семантической структуры усматривается в том, что, во-первых, произошло сужение узуальной сочетаемости и, во-вторых, как следствие этого, контекстно обусловленная прагматическая импликатура получила статус ассертивного компонента значения[43].

Изменения в семантике повлекли за собой дальнейшие изменения в сочетаемости. Поскольку слово *замечательный* во времена Достоевского осмыслялось как ‘заметный’, а не как ‘очень хороший’, оно могло находиться в сфере действия модификаторов степени проявления признака типа *довольно* и *очень*; ср. контексты (4) и (5).

---

[42] [МАС] и [БАС] фиксируют это значение в качестве второго, но не иллюстрируют его современными контекстами. Ср. также соответствующую словарную статью в [БТС]: «Исключительный по своим достоинствам, качествам; выдающийся // Разг. Очень хороший; красивый. *З. запах кофе. З-ое платье*». Напротив, у Даля это значение фиксируется в качестве единственного: *«замѣчательный*, стоющій замѣчанія, вниманія, примѣчательный, необычайный или удивительный» [Даль: 1517].

[43] Ср. сходное историческое развитие немецкого прилагательного *wunderbar*, изоморфного по внутренней форме русскому *чудесный*: современное значение ≈ ‘очень хороший’ развилось из значения ‘имеющий отношение к действию сверхъестественных сил, к проявлению сверхъестественной природы’ путем семантической спецификации (смещения к полюсу положительной оценки) с последующей нейтрализацией семантических компонентов, указывающих на сверхъестественный источник «хорошего». Русское слово *чудесный* отличается от *wunderbar* тем, что сохранило наряду с чисто оценочным и свое исходное значение: *чудесное исцеление/избавление*.

(4) В одном из вагонов третьего класса, с рассвета, очутились друг против друга, у самого окна, два пассажира — оба люди молодые, оба почти налегке, оба не щегольски одетые, оба *с довольно замечательными физиономиями* и оба пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор [Ф. М. Достоевский. Идиот].

(5) А между тем там про него все узнали (и даже весьма скоро) *одно очень замечательное обстоятельство* ⟨…⟩ [Ф. М. Достоевский. Идиот].

Сочетаемость такого рода типична для языка XIX в. (а не только для прозы Достоевского), ср. контекст из «Пиковой дамы» Пушкина: *С нею был коротко знаком человек очень замечательный* (подробнее [Добровольский 2001]). Если интерпретировать *замечательный* как ‘очень хороший’, то словосочетания *довольно замечательный* и *очень замечательный* оказываются семантически неприемлемыми. Смысл ‘очень хороший’ не мог бы быть модифицирован с помощью *довольно*, поскольку значение этого адвербиала вступило бы в противоречие с семантическим компонентом ‘очень’. Также и интенсификаторы высокой ступени[44] типа *очень* не могут выступать здесь в качестве модификаторов степени проявления признака, так как смысл ‘очень’ уже «встроен» в современное значение слова *замечательный*. Словосочетание *очень замечательный* оказывается корректным, если интерпретировать его в смысле ‘в высокой степени заметный’. Современное значение слова *замечательный* допускает лишь его сочетания с интенсификаторами экстремально высокой ступени (Intensivierer der extrem hohen Stufe, по [van Os 1989]): ср. *в высшей степени замечательный*, так как в этом случае имеется определенное приращение смысла. Естественно, это объяснение оказывается неуниверсальным. Не все интенсификаторы экстремально высокой ступени узуально приемлемы в таких сочетаниях; ср. ?*чрезвычайно замечательный*, ?*крайне замечательный*[45]. Это лишний раз доказывает, что не все запреты на сочетаемость могут быть объяснены семантически.

3.2. Обратимся к корпусам современных текстов. Довольно легко установить, что сегодня прилагательное *замечательный* (по крайней мере в атрибутивной функции) употребляется почти исключительно — о некоторых исключениях см. ниже — в своем вторичном значении ‘очень хороший’. Ср. контексты (6) и (7).

(6) ⟨…⟩ сейчас в Москве с визитом какой-то совершенно *замечательный гуру*, имя не произнести, Пафнутий, допустим, Эпаминондо-

[44] По классификации интенсификаторов в [van Os 1989].

[45] Ср. в связи с этим характерный немецкий пример *ein äußerst bemerkenswerter Film* (букв. «крайне примечательный фильм»), доказывающий, что немецкое *bemerkenswert* соотносится скорее с исходным значением русского *замечательный* или с современными употреблениями прилагательного *примечательный*.

вич, он излечивает верующих в него плевками [Т. Толстая. Сомнамбула в тумане].

(7) Так вот, на следующее утро мы проснулись на улице имени Алексея Толстого. Потом мы прочитали *замечательные книжки*, написанные этим советским писателем. Потом я даже познакомился с его многочисленными внуками и внучками, самими по себе *людьми замечательными* [Д. А. Пригов. Живите в Москве].

Интересно, что краткая форма этого прилагательного в предикативной функции употребляется в близком к исходному значении и в современном языке; ср. *наше время замечательно тем*, *что поп-звездой можно стать*, *даже совершенно не умея петь*; *ситуация замечательна тем*, *что сделанные наблюдения не поддаются обобщению*. Заметим, однако, что подобные контексты могут прочитываться и как содержащие известную долю иронии[46]. Это естественно, так как доминирующее сегодня значение вряд ли может полностью подавляться, что придает таким контекстам осциллирующий характер. В любом случае очевидно, что здесь отсутствует семантический изоморфизм между атрибутивным и предикативным употреблениями (что в принципе характерно для многих прилагательных). Ср. также конструкцию[47] (*и* / *но*) *что замечательно — Р*, имеющую открытую семантическую валентность на предложение.

(8) *Но что замечательно* — Пастернак-1 — единственный из семи совершенно не изменившийся и не притронувшийся ни к интерьеру, ни к erregen-объекту [В. Сорокин. Голубое сало].

Однако в, казалось бы, весьма близкой по форме и по функции конструкции *замечательно*, *что Р* слово *замечательно* (традиционно характеризуемое в подобных позициях как предикативное наречие) в большинстве случаев реализует вторичное, современное значение, т. е. *замечательно*, *что Р* почти всегда понимается в смысле ‘хорошо, что Р’, а не в смысле ‘примечательно, что Р’. Ср.: *Замечательно*, *что ум в человеке может так хорошо сочетаться с оптимизмом*, *светлым восприятием жизни*, *доброжелательностью и готовностью всегда прийти на помощь*. Контексты, в которых это слово обнаруживает некоторую семантическую амбивалентность и может осмысляться и как ‘примечательно, что Р’, встречаются относительно редко; ср.: *Замечательно*, *что Библия не рисует упоминаемых на ее страницах персонажей*, *даже совершивших серьезные прегрешения*, *одними темными красками*. В этом контексте интерпретация ‘примечательно, что Библия…’

[46] Я благодарю участников конференции «Диалог 2004», участвовавших в обсуждении моего доклада [Добровольский 2004] и обративших мое внимание на эти семантические особенности. Очевидно, что это явление относительно новое и связано по времени с семантическим сдвигом в атрибутивном употреблении этого прилагательного. Так, в первой трети XX в. А. М. Пешковский — разумеется, безо всякой иронии — писал: *Наречия эти замечательны тем*, *что*…

[47] Термин *конструкция* употребляется здесь в понимании, характерном для «грамматики конструкций» [Fillmore 1990].

представляется мне более естественной, чем прочтение ‘хорошо, что Библия…’ хотя бы потому, что оценка содержания Библии в терминах «хорошо—плохо» звучала бы комично (а для людей верующих — кощунственно).

Конструкция *как замечательно*, *что Р*, минимально отличающаяся от только что описанной конструкции, напротив, допускает только одно осмысление — ‘хорошо, что Р’; ср. *Как замечательно*, *что я перестала быть баптисткой и стала православной* [примеры из Интернета].

В приглагольной позиции наречие *замечательно* также осмысляется сегодня исключительно как ‘очень хорошо’, а в текстах XIX в. оно встречается и в функции модификатора степени (≈ ‘очень’); ср. *Известно было*, *что они замечательно любили друг друга и одна другую поддерживали* [Ф. М. Достоевский. Идиот].

Перейдем к рассмотрению более сложных и спорных случаев. В корпусах современных текстов встречаются контексты атрибутивного употребления прилагательного *замечательный*, которые на первый взгляд воспринимаются как контрпримеры[48]. Ср. (9—12):

(9) ⟨…⟩ оказались в круглой комнате, где царил *замечательный беспорядок* [Б. Акунин. Азазель].

(10) Трехэтажный дом этот принадлежал графу Дмитрию Александровичу Решетовскому и был одним из *тех замечательных в своем роде домов*, к коим по вторникам или четвергам ⟨…⟩ тянется светская петербургская публика [В. Сорокин. Голубое сало].

(11) ⟨…⟩ Союза писателей тысяч десять приходилось тоже, между прочим, живых душ. Они, а не кто-то один, *замечательный в своем роде*, составляют подлинную физиономию эпохи. Единственная трудность (перед которой обычно пасуют мемуаристы): кого избрать [«Огонек», 1999, №17].

(12) ⟨…⟩ тогда подлецу Московкису век было бы не видать председательского молотка… Вообще этот самый Иван Ильич тоже *в своем роде замечательный человек*, ибо он как-то умудрился пропустить финскую кампанию и Великую Отечественную войну… [«Огонек», 1997, № 39].

Контексты такого рода обнаруживают те или иные нетривиальные особенности, объясняющие эти семантические отклонения: либо речь идет о стилистическом приеме архаизации (ср. (9) и в какой-то степени (10)), либо *замечательный* употребляется во фразеологически связанном значении (10—12). Видимо, сочетание *замечательный в своем роде* следует рассматривать как коллокацию со своим собственным значением — нечто вроде ‘редкий, уникальный’, причем в контекстах (10) и (11) это понимание не противоречит интерпретации прилагательного *замечательный* и как ‘очень хороший’, а в (12) мы имеем дело с антифразисом, т. е. ироническим переосмыслением сказанного.

---

[48] На контексты такого рода мое внимание обратил Дитер Вирт, которому я очень благодарен.

К контекстам употребления слова *замечательный*, в которых оно в той или иной степени обнаруживает следы своего исходного значения, можно (по крайней мере на основе первого впечатления) отнести и пример (13).

(13) Из этого можно было сделать вывод, что убийца в период между первым и вторым преступлением остриг ногти. *Замечательная деталь*! Если бы по ней еще маньяка можно было найти [А. Маринина. Игры].

В значении выражения *замечательная деталь*, безусловно, присутствует указание на то, что эта *деталь* заслуживает внимания. Однако и этот контекст не противоречит центральному для *замечательный* смыслу ‘очень хорошо’, поскольку в характеристике обсуждаемого обстоятельства как *замечательной детали* содержится идея «хорошо для говорящего», т. е. «хорошо, что эту деталь удалось обнаружить». Еще важнее здесь наличие семантической валентности на адверсативную пропозицию, т. е. в целом смысл этого контекста перифразируется как «это, конечно, очень хорошо, что удалось обнаружить данную деталь, но…». Иными словами, и в (13) мы имеем дело скорее с семемой ‘очень хороший’, хотя и обнаруживающей определенные следы исходного значения.

В целом можно исходить из того, что имеются контексты лексической сочетаемости, сохраняющие следы утраченных значений и не поддающиеся описанию в терминах строго композиционного соположения смыслов (в отличие от случаев семантической сочетаемости), причем такие лексикализованные словосочетания совсем необязательно должны быть коллокациями, т. е. устойчивыми и (частично) идиоматичными фразеологизмами (ср. разобранный выше пример *замечательный в своем роде*)[49].

Примером нефразеологической конструкции, в которой значение слова *замечательный* естественнее интерпретировать как близкое к исходному, может служить также сочетание этого прилагательного с предлогом *по*, где *замечательный* употребляется, строго говоря, в исходном значении, хотя и указывает главным образом на положительно оцениваемые качества, т. е. *замечательный по* значит не ‘очень хороший по некоторому основанию X’, а ‘заметный, выделяющийся по некоторому основанию X, причем X — это хорошо’. Ср. *регулярный парк — замечательный по красоте — раскинулся вокруг замка*; *очень небольшой по размеру и замечательный по удобству использования микрофон*, где *замечательный по красоте* ⟨*удобству использования*⟩ — это не столько ‘очень хороший из-за того, что красивый ⟨удобный в использовании⟩’, сколько ‘выделяющийся своей красотой ⟨удобством в использовании⟩’. Когда основанием X оказывается отрицательно оцениваемое свойство, соответствующий контекст воспринимается либо как устаревший (ср. (3)), либо как иронично-игровой: ⟨…⟩ *а удалось мне в*

[49] О лингвистических особенностях коллокаций и их месте во фразеологической системе см. [Баранов, Добровольский 1996].

эти выходные попасть в кинотеатр, *где просмотрел я замечательный по своей тривиальности голливудовский продукт* «*Ванильное небо*». Почему в одних случаях сочетание конструкции *замечательный по* с обозначениями отрицательно оцениваемых свойств воспринимается как несоответствующее норме (*замечательный по своим беспрерывным и анекдотическим неудачам*), а в других — как допустимое, хотя и нестандартное, — вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения. Здесь важно лишь отметить, что, входя в определенные конструкции, слова могут обнаруживать «рецидивы» ушедших значений. Как правило, этим «рецидивам» могут быть даны семантические объяснения. Так, понятно, что семантика предлога *по* влияет на интерпретацию прилагательного *замечательный*: конструкция с *по* эксплицирует основание, по которому то или иное явление характеризуется как *замечательное* и тем самым открывает дополнительную семантическую валентность — «основание X».

Существование таких конструкций (как, впрочем, и любых конструкций в смысле Филлмора) ставит задачу их описания и лексикографического представления в виде списка «семантических исключений», т. е. особых лексических единиц. Наличие в языке разнообразных «реликтов» — вещь совершенно естественная. Было бы странно ожидать, что от лексемы, находившейся в активном употреблении всего сто лет назад, в современном языке не осталось никаких следов. Другое дело, что подобные следы семантических фактов предыдущих состояний языка при отсутствии достаточной регулярности и системности не могут рассматриваться как феномены, конституирующие самостоятельное значение.

3.3. Итак, мы можем с достаточной степенью уверенности исходить из того, что в основе современных употреблений слова *замечательный* (в отличие от узуса XIX в.) лежит семантика положительной оценки. Встает вопрос, когда произошел семантический сдвиг ‘заметный’ → ‘очень хороший’. Имеющиеся в нашем распоряжении контексты позволяют предположить, что активная фаза процесса изменения значения прилагательного *замечательный* в основном приходится на булгаковское время, т. е. на эпоху творческой активности русских писателей XX в., язык которых сформировался еще в XIX в., но в дальнейшем обогащался и изменялся под влиянием новой языковой ситуации. В прозе М. А. Булгакова встречаются отдельные контексты, в которых слово *замечательный* употреблено в его исходном значении (14—15), однако контекстов, в которых это слово используется в современном значении, уже существенно больше; ср. (16—18):

(14) Первыми *сколько-нибудь замечательными людьми* в уездном городе оказываются помещики Петры Ивановичи Бобчинский и Добчинский. Оба низенькие, коротенькие, очень любопытные ⟨…⟩ [М. А. Булгаков. Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)].

(15) — Итак, товарищи, — заговорил конферансье, — мы с вами видели сейчас *замечательный случай* так называемого массового гипноза. Опыт научный, доказывающий как нельзя яснее, что никаких чудес не существует [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Черновые редакции романа)].

В контексте (14) интерпретация *замечательный* как ‘заметный’ подтверждается, помимо чисто семантических оснований, еще и наличием модификатора степени *сколько-нибудь*. Ср. аномальность **сколько-нибудь очень хороший / великолепный / восхитительный / отличный*. В контексте (15) реализуется вариант исходного значения ‘достойный внимания’.

(16) Надо сказать, что Рудольфи был *замечательным редактором* и попасть к нему в журнал считалось приятным и почетным [М. А. Булгаков. Театральный роман].
(17) — *Пальцы у вас замечательные*. Вам бы пианисткой быть [М. А. Булгаков. Псалом].
(18) — О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи… (Увидел картину.) Ай, *замечательный художник… Замечательный художник… прямо замечательный* [М. А. Булгаков. Зойкина квартира].

Некоторые контексты могут рассматриваться как амбивалентные; ср. (19) и (20):

(19) — Видно, ты не очень примечательная личность! Ты лучше обрати внимание, какой у профессора *замечательный аппарат*! [М. А. Булгаков. Адам и Ева].
(20) За прилавком круглый купец в жилетке объегоривает мужика. В толпе взмывает смех. И действительно, *мужик замечательный*. От картуза до котомки за спиной. Какое-то особенное специфически мужицкое лицо [М. А. Булгаков. Сборник. Статьи, рассказы, наброски].

В контексте (19) *замечательный аппарат профессора* может пониматься как ‘очень хороший аппарат’ и как ‘аппарат, достойный быть замеченным’. Эта амбивалентность усиливается за счет противопоставления *замечательного аппарата* и *не очень примечательной личности* (*примечательный* здесь также амбивалентно: ‘привлекающий внимание’ vs. устаревшее сегодня значение ‘внимательный’). В контексте (20) речь идет о статуэтке, вызывающей восхищение рассказчика. Словосочетание *замечательный мужик* может быть понято, с одной стороны, как «замечательное по своим художественным достоинствам изображение мужика» (в этом случае *замечательный* осмысляется как ‘очень хороший’), с другой — как «изображение мужика, привлекающее внимание наблюдателя».

Уже в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова мы не находим однозначных примеров на употребление прилагательного *замечательный* в его ста-

ром значении. Из этого можно заключить, что соответствующий семантический процесс завершился ко времени создания их больших романов. Ср. типичный контекст, в котором *замечательный* однозначно понимается как ‘очень хороший’.

(21) *Гарнитур замечательный*. Пальчики оближете [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев].

Встречаются единичные контексты, в которых еще ощущается известная амбивалентность; ср. (22).

(22) «…у меня две контрамарки в кино. Хотите? Только моментально». И молодой человек в *замечательных сандалиях* увлек Зосю под тусклую вывеску кино «Камо грядеши», бывш. «Кво-Вадис» [И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок].

3.4. Выводы. Причиной семантического развития лексической единицы часто оказывается изменение ее сочетаемости. Комбинаторный потенциал слова в нормальном случае характеризуется значительной подвижностью — большей, чем собственно семантическое варьирование. С одной стороны, между значением и сочетаемостью обнаруживается тесная взаимосвязь. С другой — между этими двумя явлениями всегда существует некий «зазор», т. е. не всякое словосочетание, допустимое с точки зрения соположения смыслов, санкционируется узусом как соответствующее норме и не всякое узуально приемлемое словосочетание характеризуется идеальным семантическим согласованием своих составляющих. Этот «зазор» представляет собой потенциал возможных языковых изменений. Если нестандартные (или не вполне стандартные) с семантической точки зрения словосочетания становятся стандартными — например, за счет увеличения частоты их встречаемости или за счет образования новых сочетаний такого типа по аналогии, — это может привести к модификации семантической структуры одного из слов, входящих в их состав.

Комбинаторный потенциал слова можно представить как область, имеющую свой центр и свою периферию. Сочетания с данным словом, воспринимаемые как абсолютно нормативные и стилистически безупречные, образуют центр его комбинаторного потенциала. Такие сочетания находятся в полном соответствии с семантикой своих составляющих и, кроме того, санкционированы узусом. На периферии находятся словосочетания более или менее сомнительные с точки зрения узуса. Причиной их периферийного статуса может быть как неидеальная семантическая «стыковка» составляющих, так и наличие узуальных предпочтений несемантического характера, в том числе и субъективных, т. е. зависящих от индивидуальных речевых вкусов и привычек носителей языка. Таким образом, степень приемлемости периферийных сочетаний зависит от ряда разнородных факторов и характеризуется отсутствием стабильности в диахронии.

Семантическое развитие слова может проходить по следующей схеме. Сначала на периферии его комбинаторного потенциала происходят некоторые изменения[50]: либо какие-то не вполне стандартные употребления начинают восприниматься как нормативные и тем самым перемещаются с периферии в центр, либо, наоборот, они вытесняются за пределы допустимой сочетаемости. Нечто похожее произошло с рассмотренным здесь словом *замечательный*. Его сочетания с обозначениями отрицательно оцениваемых (а затем и нейтральных в оценочном отношении) свойств со временем становились все более периферийными[51], пока, наконец, не стали восприниматься как откровенные нарушения норм сочетаемости.

Столь радикальная перестройка комбинаторного потенциала может (но не должна) иметь своим следствием соответствующий семантический сдвиг: диктуемое сочетаемостью смещение фокуса на определенные компоненты значения, нейтрализацию других, повышение импликатур в ранг ассертивных семантических компонентов и пр. Говоря проще, сдвиги в сочетаемостных предпочтениях слова могут привести к изменению его лексического значения. Интересно, что с диахронической точки зрения, по крайней мере в случаях, подобных разобранному здесь, сочетаемость слова оказывается первичной по отношению к его семантике, при том что в синхронно ориентированных исследованиях мы привыкли описывать язык в терминах обратных зависимостей, т. е. описывать особенности сочетаемости лексической единицы как эпифеномены ее значения. Нормальный ход рассуждений при этом таков: слово А сочетается со словом В и не сочетается со словом С потому, что в значении слова А есть семантические компоненты, коррелирующие со значением слова В, а не слова С. Этот способ описания является наиболее экономным и разумным, поскольку позволяет выводить комбинаторное поведение лексической единицы из ее толкования, не перечисляя эксплицитно все возможные сочетаемостные предпочтения и запреты (конечно, если они действительно выводимы из значения).

При диахроническом взгляде на те же проблемы более адекватным оказывается другой способ описания. Первичным в процессе развития языка представляется не изменение значения, а изменение сочетаемости. Соответствующие семантические сдвиги могут, в свою очередь, повлечь дальнейшие изменения комбинаторного потенциала; ср., например, невозможность модификации слова *замечательный* в его современном значении с

---

[50] Причина этих изменений — отдельный вопрос. Очевидно, здесь речь идет о явлениях не чисто лингвистической природы. Ср. такие феномены, как языковая мода, влияние определенных текстов на узус и т. п.

[51] Строго говоря, мы можем наблюдать только частоту их встречаемости в исследуемых текстах. Соответственно, любые утверждения о центральности vs. периферийности того или иного явления — это экстраполяция, представляющаяся, однако, вполне допустимым приемом в семантических исследованиях, учитывающих диахронический аспект.

помощью наречий степени — явление очевидным образом вторичное по отношению к перестройке его семантической структуры. Однако изначально механизм семантической перестройки «запускается» изменениями в комбинаторике.

4. Заключение

Подводя итоги, отметим, что сочетаемость оказывается наиболее подвижным элементом языковой структуры. Комбинаторный потенциал лексической единицы в нормальном случае обнаруживает как центральную, ядерную область, отвечающую за стабильность сочетаемостных норм, так и периферию, обеспечивающую их динамику. На синхронном уровне это проявляется в том, что механизмы, регулирующие сочетаемость, редко могут быть описаны в терминах жестких правил. Речь идет скорее о факторах, мотивирующих сочетаемость, чем о правилах, ее предсказывающих. Таким образом, «грамматика сочетаемости» имеет дело с семантическими и прагматическими закономерностями, в той или иной степени подвергшимися лексикализации. На диахронном уровне наличие в области сочетаемости слова центра и периферии проявляется в способности сочетаемостных норм к изменениям, которые в некоторых случаях могут приводить к сдвигам в прагматическом потенциале слова и — в предельном случае — к появлению у него новых значений. При том что жесткие правила в сфере комбинаторики для лексических единиц (по крайней мере для слов, подобных тем, которые обсуждались в данной работе) практически отсутствуют, удается обнаружить ряд гетерогенных факторов, мотивирующих особенности их сочетаемости, что имеет серьезные теоретические следствия. Между абсолютно прозрачной семантической сочетаемостью и лексической сочетаемостью, характеризующейся непредсказуемостью и немотивированностью, выделяется промежуточная зона — зона частично мотивированной лексикализованной сочетаемости.

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2003. С. 7—21.

Апресян 2004а — Ю. Д. Апресян. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5—22.

Апресян 2004б — Ю. Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3—18.

Баранов 1984 — А. Н. Баранов. Наречия *едва*, *еле* и их семантика // Československá rusistika. 1984. Roč. 29. № 4. S. 173—181.

Баранов, Добровольский 1996 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51—64.

Баранов, Добровольский 1998 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Изв. АН. Серия лит. и яз. Т. 57. 1998. № 1. С. 36—44.

Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Булаховский 1954 — Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. 2-е изд. М., 1954.

Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.

Григорьева 2004а — С. А. Григорьева. Словарная статья БЕСКОНЕЧНО… // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 15—17.

Григорьева 2004б — С. А. Григорьева. Словарная статья ОЧЕНЬ… // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 747—752.

Добровольский 1996 — Д. О. Добровольский. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71—93.

Добровольский 2001 — Д. О. Добровольский. К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 161—178.

Добровольский 2003 — Д. О. Добровольский. Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узуальных норм) // Русский язык сегодня. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX в. М., 2003. С. 125—138.

Добровольский 2004 — Д. О. Добровольский. Корпус параллельных текстов в исследовании лексической семантики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2004». М., 2004. С. 179—184.

Зализняк 1998 — Анна А. Зализняк. О месте внутренней формы слова в семантическом моделировании // Труды Международного семинара «Диалог'98» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 61—68.

Левонтина 2004 — И. Б. Левонтина. Словарная статья СЛИШКОМ… // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 1042—1047.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2003 — Е. В. Падучева. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2. С. 192—216.

Перцов 1996 — Н. В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 9—66.

Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М., 2001.

Плунгян, Рахилина 1990 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Сирконстанты в толковании? // Metody formalne w opisie języków słowianskich / Red. Z. Saloni. Białystok, 1990. S. 201–210.

Ружицкий 2003 — И. В. Ружицкий. Словарная статья ЧРЕЗВЫЧАЙНО // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. Вып. 3. М., 2003. С. 427—435.

Урысон 2000 — Е. В. Урысон. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 243—252.

Успенский 1984 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1984.

Филипенко 2003 — М. В. Филипенко. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.

Филлмор 1983 — Ч. Филлмор. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. М., 1983. С. 23—60.

Ховалкина 1995 — А. А. Ховалкина. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь, 1995.

Червенкова 1975 — И. В. Червенкова. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1975.

Щерба 1974 — Л. В. Щерба. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—39.

Biber, Breiteneder, Dobrovol'skij 2002 — H. Biber, E. Breiteneder, D. Dobrovol'skij. Corpus-based study of collocations in the AAC // Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress. Vol. 1. Copenhagen, 2002. P. 85—95.

Bolinger 1972 — D. Bolinger. Degree words. The Hague; Paris, 1972.

Fillmore 1990 — C. J. Fillmore. Construction grammar: Course reader for linguistics 120 A. Berkeley: University of California, 1990.

Gardiner 1983 — S. C. Gardiner. Loan adaptation and the discovery of the genetic relationships of language // Slavic and East European Review. Vol. 61. № 4. London, 1983. P. 512—517.

Janus 1981 — E. Janus. Wykładniki intensywności cechy (na materiale polskim i rosyjskim). Wrocław etc., 1981.

Karcevskij 1929 — S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1929. № 1. P. 88—93.

Kochman 1975 — S. Kochman. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVII w. Opole, 1975.

Lakoff 1973 — G. Lakoff. Hedges. A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2. P. 458—508.

Otten 1985 — F. Otten. Untersuchungen zu den Fremd- und Lehnwörtern bei Peter dem Großen. Köln; Wien, 1985.

Paradis 2000 — C. Paradis. Reinforcing adjectives. A cognitive semantic perspective on grammaticalization // Generative theory and corpus studies. Berlin etc., 2000. P. 233—258.

van Os 1989 — C. van Os. Aspekte der Intensivierung im Deutschen. Tübingen, 1989.

Словари

Абрамов — Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М., 1999.

БАС — «Большой академический словарь» = Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 5—6. М., 1994.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное воспроизведение издания 1903—1909 гг. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ). Т. 1. М., 1994.

МАС — «Малый академический словарь» = Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е, стереотип. изд. М., 1985—1988.

НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

СЯД — Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. Вып. 1—3. М., 2001—2003.

СЯП — Словарь языка Пушкина. Т. 1—4. 2-е изд., доп. М., 2000. (1-е изд.: 1956—1961).

Ожегов, Шведова — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994. (1-е изд.: 1935—1940).

Источники

Austrian Academy Corpus:

[Идиот] — Ф. М. Достоевский. Идиот // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 8. Л., 1973.

[Geier] — F. Dostojewskij. Der Idiot / Übersetzt aus dem Russischen von Swetlana Geier. 3. Aufl. Zürich, 1996. (1. Aufl.: 1996).

[Herboth] — F. Dostojewski. Der Idiot / Übersetzt aus dem Russischen von Hartmut Herboth // F. Dostojewski. Sämtliche Romane und Erzählungen. Bde 1—11. Berlin; Weimar, 1994 (1. Aufl.: 1986).

Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru).

Текстовые корпусы Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

Tübinger Russische Korpora (http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/korpora.html).

Е. В. УРЫСОН

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛИСЕМИИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ (СЛОВО *СЛЯКОТЬ* В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА)*

0. Задача работы

Хорошо известно, что значение слова в реальном высказывании может не совпадать с его словарным толкованием. Разумеется, причиной такого несовпадения может быть просто неточность, несовершенство данного толкования, и задача лексикографа в этом случае — дать семантике слова адекватное описание. Однако бывает так, что в одних контекстах семантика слова совпадает с его словарным толкованием, а в других чем-то от него отличается, но это различие представляется столь незначительным, что лексикограф, как правило, его не фиксирует. При этом естественно считать, что описываемое слово во всех контекстах выступает в одном и том же значении, однако в некоторых случаях его словарное значение модифицируется, претерпевает легкие изменения.

Изменчивость, лабильность лексического значения особенно хорошо видна при описании полисемичного слова: между разными его значениями нет четких границ — одно плавно перетекает в другое[1]. Однако лингвист, выделяя разные значения полисемичного слова, проводит между ними

---

* В работе используются материалы словарной статьи синонимического ряда «*ГРЯЗЬ*, *СЛЯКОТЬ*», составленной автором для [НОСС] и обсуждавшейся на рабочем семинаре сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Автор благодарит всех коллег за ценные критические замечания. Особую благодарность автор приносит руководителю семинара и всего проекта НОСС Ю. Д. Апресяну. Окончательный вариант статьи обсуждался на семинаре «Логический анализ языка» в Институте языкознания РАН. Автор глубоко признателен коллегам и в особенности руководителю семинара Н. Д. Арутюновой за плодотворную дискуссию. Автор благодарит Г. Е. Крейдлина, читавшего первый вариант работы, за полезные вопросы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 05-04-04190а), гранта Президента РФ № НШ-1576.2003.6 и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (раздел 4.15).

[1] См. об этом явлении, в частности, в книге [Шмелев 1973].

своего рода демаркационные линии, так что модификации словарного толкования, различные промежуточные случаи и т. п. обычно остаются за пределами исследования. Между тем даже незначительные изменения значения могут быть вполне системными.

Мы продемонстрируем это на небольшой группе русских слов, обозначающих атмосферные осадки: это, прежде всего, *снег*, *дождь*, *град* и само слово *осадки*, а также *изморось*, *морось*, *снегопад* и *ливень*. Предлагаемое описание верифицируется анализом слова *слякоть*. Оно привлекло наше внимание некоторыми, на первый взгляд весьма странными, особенностями семантики и сочетаемости. Оказалось, что описание выбранной группы слов позволяет дать им системное объяснение.

Прежде чем переходить непосредственно к объекту описания, сделаем одно терминологическое замечание.

В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово в одном из его значений. Лексема, как и слово, представляет собой двустороннюю единицу — у нее есть и план содержания, и план выражения[2]. Этим лексема отличается от значения — односторонней единицы, обладающей только планом содержания. Каждому значению полисемичного слова соответствует своя лексема, и наоборот — каждая лексема слова имеет свое значение. Тем самым многозначное слово представляет собой набор лексем. Этот набор структурирован в виде иерархии: одна из лексем выступает в качестве центральной, первой, другие отпочковываются непосредственно от нее или же от какой-то другой, уже нецентральной лексемы.

В русской лексикографии принято различать отдельное значение как самостоятельную единицу системы языка и «оттенок значения» — не вполне развившуюся семантическую единицу, выделяемую в рамках полноценного значения. Однако термин «оттенок значения» не имеет четкого определения и поэтому в Московской семантической школе не принят[3]. Его более строгим аналогом может служить понятие «модификация значения» [ТКС; Апресян 1974].

Модификация значения лексемы — это, очевидно, односторонняя единица плана содержания. Семантику лексемы в общем случае естественно представлять как совокупность модификаций. Данная совокупность тоже структурирована: одна из модификаций значения выбирается в качестве основной и фиксируется в словаре в виде толкования данной лексемы. Тем самым в плане содержания лексема может предстать как иерархичный набор значений (и в этом отношении она сближается с многозначным словом).

---

[2] Мы намеренно упрощаем здесь представление о значимых единицах языка: в современной лингвистике все они считаются многосторонними сущностями, имеющими не только план выражения и план содержания, но еще как минимум синтактику.

[3] См. об этом в работах [Апресян 1974: 243—248; Апресян 2001].

Модификация значения лексемы может строго определенным образом коррелировать со спецификой ее поведения в тексте, т. е. с особенностями плана выражения. В этом случае мы наблюдаем новую двустороннюю единицу, зародившуюся внутри данной лексемы, но отдельной, самостоятельной лексемой не ставшую. Такую двустороннюю единицу Ю. Д. Апресян называет употреблением лексемы [Апресян 2001].

Структура полисемии многозначного слова уже давно является объектом лингвистического описания и изучена относительно хорошо. Во-первых, установлено, что слова одного и того же семантического класса, в частности синонимы, развивают аналогичный набор значений, т. е. имеют аналогичную структуру полисемии [Покровский 1959/1895; Апресян 1974: 225 слл. и ссылки там же; Падучева 2004][4]. Во-вторых, выявлены «топологические типы многозначности»: радиальный (одна из лексем выступает в качестве первой, центральной, другие отпочковываются непосредственно от нее) и цепочечный (лексема отпочковывается от какой-то нецентральной лексемы) [Апресян 1974: 182, историческая справка и ссылки там же]. В-третьих, описаны регулярные типы многозначности [Апресян 1974: 193—215; Падучева 2004]. И, наконец, выявлены некоторые внутренние механизмы образования нового значения слова [Падучева 2004; Кустова 2001; Розина 2004].

Задача данной работы — продемонстрировать, что слова одного и того же семантического класса развивают не только аналогичные значения, но и аналогичные модификации, причем те и другие представляют собой реализацию некой общей схемы, лежащей в основе семантики слов выбранного класса. Мы опишем один тип модификации лексического значения и покажем, что механизм данной модификации подобен одному из механизмов образования нового значения слова.

1. Группа слов со значением ‘атмосферные осадки’

Русские толковые словари толкуют слова *снег*, *дождь*, *град* и некоторые другие через компонент ‘атмосферные осадки’. С точки зрения научной картины мира ‘осадки’ — это действительно родовое понятие для данных объектов. Однако с лингвистической точки зрения слово *осадки* представляется не менее простым, чем *снег* или *дождь*. Оно входит в ту же группу лексем и точно так же нуждается в описании (хотя, может быть, и является в каком-то отношении привилегированным). Ниже будет продемонстрировано, что толкование слов типа *снег*, *дождь*, *град* через компонент ‘осадки’ не позволяет полностью раскрыть их смысловые особенности. Поэтому мы будем представлять семантику выбранных слов иначе.

[4] Действие этой «полисемической аналогии» позволяет объяснить на первый взгляд совершенно нелогичную семантику целого ряда слов [Урысон 2003].

1.1. *Снег*

Слово *снег* — это прежде всего обозначение вещества. Ср. *сверкающий* ⟨*серый*, *грязный*⟩ *снег*, *плотный* ⟨*слежавшийся*, *свежий*, *старый*, *рыхлый*, *пушистый*, *талый*⟩ *снег*, *кучи снега*, *комок снега*, *стряхнуть снег*, *чистить снег*, *лепить из снега бабу*, *расчищать дорожки от снега*, *идти по снегу* ⟨*по колено в снегу*⟩, *проваливаться* (*по пояс*) *в снег*, *Снег выпал* ⟨*сошел*⟩, *Снег лежит* ⟨*тает*⟩, *Все покрыто снегом*, *Снегу много намело* и т. п. Ср. также: *Проводник*, *сбивая ногой снег*, *налипший на пороге*, *прикрыл двери* (А. Рыбаков); *Снег перемешался с опилками*, *песком и мелкими щепками* (А. Ким); *В 1924 году вышла первая научная работа Курчатова о радиоактивности снега* (С. Сыров).

«Вещественная» семантика слова *снег* четко ощущается в некоторых его семантических производных. Ср. *сугроб* ≈ ‘куча снега’, *снежок 2* = ‘комок снега, предназначенный для бросанья, обычно в игре, который сжимали в руках, чтобы он стал плотным’ (ср. *играть в снежки*, *попасть снежком в окно*), а также *снеговик*, *снежная баба*, *снегоочиститель*, *снеготаялка*, *снегоуборочный* и т. п. К этой семантической группе относится уходящее слово *пороша* ≈ ‘только что выпавший снег’; ср. *В горах выпал снег*, *на чистой пороше отчетливо рисовались отпечатки круглых кошачьих лап* (Соколов-Микитов, пример из [МАС]). К данной группе примыкает специальное слово *подлип*, обозначающее прилипание снега (т. е. вещества) к скользящей поверхности лыж.

Ближайшие семантические аналоги слова *снег* как обозначения вещества — *фирн*, *наст*, *иней*, *лед*. В целом слово *снег* в данном случае входит в класс вещественных существительных, ср. *грязь*, *глина* и т. п.

Слово *снег* как обозначение вещества естественно истолковать так:

(c1) ‘рыхлое или плотное белое вещество, обычно лежащее зимой на земле и на объектах, находящихся под открытым небом, которое образовано очень мелкими и легкими частицами, зимой в определенную погоду упавшими из облаков, и которое тает, превращаясь в воду, при температуре выше нуля’.

Это толкование хорошо обслуживает приведенные контексты. Однако в некоторых других случаях оно все же не вполне удовлетворяет интуиции. Ср. *В воздухе порхает* ⟨*летает*, *кружится*⟩ *снег*; *Сыпал колючий*, *мелкий-премелкий снег* (В. Пьецух); *Мелькает*, *вьется первый снег*, / *Звездами падая на брег* (А. С. Пушкин). В подобных случаях говорящий фокусирует внимание не на массе данного вещества, лежащего на земле, а на частицах, находящихся в воздухе, еще не долетевших до земли. (Эти частицы представляют собой особые ледяные кристаллики, но данная информация относится к научному, а не к обыденному знанию и вряд ли должна фиксироваться в толковании.)

Семантику слова *снег* в подобных контекстах естественно представить так:

(c2) ‘очень мелкие и легкие обычно плоские белые звездообразные частицы, возможно слипшиеся между собой, которые зимой в определенную погоду падают из облаков и образуют белое вещество, обычно лежащее зимой на земле и на объектах, находящихся под открытым небом, и которые тают, превращаясь в воду, при температуре выше нуля’.

Семантическая структура (1) слова *снег* перестроилась: в ее вершину вынесен компонент ‘частицы’. Данная перестройка представляет собой конверсное преобразование:

(I) ‘вещество, которое образовано частицами’ ↔ ‘частицы, которые образуют вещество’.

Действительно, выражения *X*, *который образован Y-ами* и *Y-и*, *которые образуют X* являются конверсивами, т. е. описывают одну и ту же ситуацию, но с различной расстановкой семантических акцентов [Апресян 1974: 256 слл.]. Употребляя выражение *X*, *который образован Y-ами*, говорящий фокусирует внимание на целом, которое состоит из частей, поэтому обозначение целого является первым актантом, а обозначение частей — вторым. Употребляя выражение *Y-и*, *которые образуют X*, говорящий, наоборот, фокусирует внимание на частях, из которых состоит целое, так что обозначение частей выступает в качестве первого актанта, а обозначение целого — в качестве второго. Таким образом, данная перестройка касается прежде всего логического подчеркивания. Она представляет собой сдвиг семантического акцента в значении лексемы: в вершине толкования был компонент ‘вещество’, а стал компонент ‘частицы’. Кроме того, *снег* как обозначение отдельных частиц предполагает, что они еще падают, находятся в воздухе, а не лежат на земле.

Поскольку в фокусе находятся теперь отдельные частицы, то естественно обратить внимание на их цвет и форму, на то, что они могут слипаться (выражение (c1) содержит указание лишь на цвет вещества, подразумевается, что цвет частиц такой же). В данном случае важен процесс падения, поэтому подверглись незначительному изменению соответствующие семантические компоненты, ср. ‘падать’ vs. ‘упасть’. По той же причине естественно не сосредоточиваться на консистенции вещества, образуемого многими частицами, поэтому в выражении (c2) нет указания на возможную рыхлость или плотность снега, лежащего на земле или каких-либо объектах. Сдвиг семантического акцента повлек за собой еще одно, «синтаксическое» изменение: информация о превращении в воду теперь связывается не с массой вещества, а с частицами, из которых оно состоит.

Снег как обозначение отдельных частиц образует стандартное сочетание *хлопья снега*. Кроме того, это обозначение стандартно сочетается с предикатами, обозначающими перемещение в воздухе очень легких, невесомых объектов, ср. *летать*, *порхать*, *кружиться* и т. п., см. приведенные примеры. Данная единица обладает и собственными парадигматическими

связями: ср. ее стилистически отмеченный синоним *белые мухи*, семантический аналог *крупа 2* (часто в составе словосочетания *снежная крупа*) и сингулятив *снежинка*.

(В толкование слова *снежинка* входит указание на ее отдельность и — в связи с этим — на некоторые особенности ее вида. *Снежинка* = ‘отдельная очень маленькая и легкая, обычно плоская белая звездообразная частица размером намного меньше ногтя мизинца, с очень сложным рисунком, которая обычно входит в совокупность очень многих других подобных частиц, в определенную погоду зимой падающих из облаков, и которая тает, превращаясь в воду, при температуре выше нуля’.)

Семантические различия между *снегом* как обозначением массы вещества и *снегом* как обозначением отдельных частиц не так малы. Это аргумент в пользу того, чтобы считать слово *снег* многозначным: одна его лексема — ‘вещество’, а другая — ‘частицы’.

Но строго говоря, трансформации толкования как таковой недостаточно для того, чтобы говорить о новом значении слова, о новой лексеме. Перед нами может быть единая лексема, но имеющая две модификации значения или, возможно, два разных употребления (последнее — в случае, если каждая модификация значения строго коррелирует с определенными особенностями поведения лексемы в тексте).

Быть может, *снег* = ‘частицы’ — это всего лишь особое употребление «вещественной» лексемы *снег*[5]? Если это так, то можно задать четкий набор условий, при наличии которых толкование (с1) обязательно трансформируется в выражение (с2) и при отсутствии которых этого изменения не происходит. Ясно, однако, что это невозможно — многие высказывания со словом *снег* неоднозначны. Ср. *под снегом* (ср. *Деревья стоят под снегом* vs. *Идем под снегом*); *Смотрю на снег* (*под ногами* vs. *кружащийся над головой*); *Мокрый снег* (*прилипает к лыжам* vs. *падает хлопьями*) и т. п. Остается признать, что слово *снег* полисемично — оно обладает как минимум двумя лексемами.

Лексема *снег* = ‘вещество’ хотя и беднее семантически, нежели *снег* = ‘частицы’, но обладает гораздо более богатыми сочетаемостными возможностями и более развитыми парадигматическими связями. Поэтому лексему со значением ‘вещество’ естественно признать первой (*снег 1*), а лексему со значением ‘частицы’ — второй (*снег 2*)[6].

Примечание. В некоторых контекстах данные две лексемы сливаются. Ср. *Дорога засыпана снегом*. С одной стороны, смысл ‘сыпать’ как таковой (и НСВ *засыпáть* кого / что чем) предполагает частицы вещества, т. е. лексему *снег 2*. С другой стороны, СВ *засы́пать* указывает на уже достигнутое состояние, т. е. на

[5] Заметим, что [СУ] и [МАС] подают *снег* = ‘частицы’ как оттенок основного, вещественного значения слова *снег*.

[6] [БАС] считает значение ‘падающие частицы’ основным значением слова *снег*, а значение ‘вещество’ — «оттенком» основного.

большую массу вещества, покрывающую объект, а значит предполагает лексему *снег 1*. При этом СВ *засы́пать* толкуется через НСВ *засыпа́ть*[7]. В результате в семантической структуре высказывания *Дорога засыпана снегом* значение словоформы *снег* будет представлено дважды, причем в одном случае — как ‘падающие частицы’, а во втором случае — как ‘вещество’. Аналогичным образом обстоит дело в контексте *Ночью выпал снег* и в ряде подобных. В подобных случаях Д. Н. Шмелев говорит о диффузности лексического значения: «Семантическая структура целого ряда слов характеризуется тем, что отдельные значения, отчетливо отграничиваемые друг от друга в определенных позициях, в других позициях оказываются совместимыми, выступающими нераздельно. …Совместимость, диффузность значений может проявиться, конечно, только в случае их тематической общности» [Шмелев 1973: 77]. Ю. Д. Апресян описывает сходные ситуации как «синкретичное выражение разных значений многозначного слова» [Апресян 1974: 181].

Продемонстрируем теперь, что слово *снег* в некоторых контекстах выступает отнюдь не как обозначение вещества или отдельных его частиц. Примеры: *Начался снег*; *Снег кончился* ⟨*перестал*⟩; *Снег усилился*; *На завтра обещали небольшой снег*. В таких контекстах *снег* — это обозначение процесса и именно поэтому данное слово сочетается с фазовыми глаголами[8].

Как обозначение процесса слово *снег* сближается со словом *снегопад*. Ср. *сильный снег* ⟨*снегопад*⟩; *Снег* ⟨*снегопад*⟩ *кончился так же неожиданно*, *как и начался*, и т. п. Ближайшие семантические аналоги процессного слова *снег* — *метель*, *вьюга*, *пурга*, *буран*. У «процессного» *снега* есть и семантический дериват, правда неупотребительный и стилистически отмеченный. Это глагол *снежить*; ср. *То дождит*, *то снежит* (пример из [СУ]); *Своим чередом шла зима. Снежило и таяло*, *а в промежутках ударяло азиатским морозцем* (Л. Леонов, пример из [МАС]). [МАС] фиксирует также прилагательное *снежливый*, со следующим примером: *Ночь была ужасная — ноябрьская*, *мокрая*, *туманная*, *дождливая*, *снежливая* (Ф. М. Достоевский).

Однако в целом слово *снег* как обозначение процесса остается как бы недоразвитым. Оно не образует многих стандартных сочетаний, свойственных нормальным, полноценным образованиям процессов. Так, нормально *во время снегопада*, но плохо **во время снега*; нормально также *Снегопад продолжался всю ночь*, но не вполне стандартно *Снег продолжался всю ночь*. Ср. также нормальное высказывание *После снегопада поля стали чистыми*, *белыми* и непонятное, а потому сомнительное ?*После снега поля стали белыми*, и т. п.[9]

---

[7] См. описание типов видового противопоставления в [Гловинская 2001: 133 слл.].

[8] Заметим, что подобные контексты не учтены ни в [МАС], ни в [БАС], ни в других известных нам толковых словарях. Три типа контекстов со словом *снег* и, соответственно, три разных значения этого слова четко выделены в специальном метеорологическом словаре [Хромов, Мамонтова 1963].

[9] Следующий пример свидетельствует о том, что два значения слова *снег* — ‘частицы вещества’ и ‘процесс’ — очень тесно связаны друг с другом. Ср. *Шагом*

Тем не менее семантику слова *снег* как обозначения процесса требуется описать. Предлагаем следующее ее представление:

(c3) ‘падение из облаков в определенную погоду зимой очень мелких и легких обычно плоских белых звездообразных частиц, возможно слипшихся между собой, которые образуют белое вещество, обычно лежащее зимой на земле и на объектах, находящихся под открытым небом’.

Выражение (c3) получается из толкования (c2) следующим преобразованием:

(II) ‘падающие частицы’ ↔ ‘падение частиц’.

Это преобразование, как и преобразование (I), представляет собой сдвиг семантического акцента в значении слова. Выражение (c2) предполагает, что в фокусе внимания говорящего находится субъект процесса ‘падать’, ср. ‘падающие частицы’. Выражение (c3) предполагает, что в фокусе сам процесс. При этом смена фокуса ведет к определенному обеднению семантики: некоторые особенности вещества уже неактуальны для говорящего и поэтому отсутствуют в толковании. Так, уже не отмечается тот факт, что при температуре выше нуля данное вещество тает. (Разумеется, эта информация все равно известна говорящему — речь идет лишь об организации лексического значения[10].)

въехали в проезд, *снег сразу перестал и только вокруг одинокого фонаря он вяло летал и не падал*, *словно там вытряхивали перину* (М. Агеев). Очевидно, что слово *снег* обозначает здесь процесс, ср. *Снегопад перестал*. Очевидно также, что анафорическое местоимение *он* отсылает в этой фразе к слову *снег*. Однако в контексте *Снег вяло летал и не падал* слово *снег* — это уже обозначение не процесса, а частиц вещества. Такое употребление анафорического местоимения не порождает явной неправильности, скорее всего, потому, что лексема и ее употребление чрезвычайно близки семантически. Отметим, что анафорическая отсылка к существительному, когда имеется в виду другая его лексема, в тщательной речи как минимум нежелательна. Действительно, следующий пример выходит за рамки нормы: *После первого снега дети катают из него шары* (Жизнь человека в русском фольклоре: Мудрость народная. Вып. 1. М., 1991) [здесь *снег* = ‘снегопад’, *он* = ‘вещество’]. В случаях, подобных последнему, лучше повторить слово. Ср. *И вместе с клубами холода*, *ветра и снега в дом ввалились облепленные снегом молодые шоферы* (Ч. Айтматов) [в первом вхождении *снег* — ‘частицы’, во втором вхождении — ‘вещество’].

[10] Можно ли верифицировать такое обеднение семантики? На наш взгляд, правомерна следующая гипотеза. Если считать, что толкование представляет собой некоторое высказывание, то естественно предположить, что оно подчиняется определенным законам коммуникации, в частности — оно не должно быть слишком громоздким, не должно быть перегружено лишней информацией и т. п. (ср. в связи с этим постулаты коммуникативности Грайса). Если дополнить выражение (c3) указанием на то, что снег тает при температуре выше нуля, то полученное толкование потеряет ясность: станет непонятно, о чем идет речь — о процессе падения частиц или о свойствах образующегося на земле вещества.

Никаких других изменений при переходе от толкования (с2) к выражению (с3) не происходит. Однако сдвиг семантического акцента внутри толкования привел к смене его вершинного компонента, к изменению genus proximum слова: им стало обозначение процесса. Как это ни парадоксально, получается, что вещественная в целом семантика (‘частицы’) преобразуется в процессную.

Однако этот парадокс — кажущийся. Преобразование лексического значения, заключающееся в сдвиге семантического акцента без сколько-нибудь существенного изменения компонентов значения и без какой-то другой их перестройки, но при этом влекущее за собой смену genus proximum, — явление достаточно распространенное в языке. Другие аналогичные случаи описаны нами в работах [Урысон 1998; 2003].

Что же представляет собой в данном случае результат описанного преобразования — новое значение слова (и тогда перед нами отдельная лексема) или всего лишь модификацию толкования (с2) — и тогда перед нами специфическое употребление лексемы *снег 2*? Ответ на этот вопрос зависит от принятых соглашений. В частности, требуется решить, каково минимальное (пороговое) количество различий между двумя лексемами одного слова. Если различие между двумя «кандидатами в отдельные лексемы» меньше порогового, то мы имеем дело с лексемой и ее употреблением; см. об этом работу [Апресян 2001].

Различия между «вещественным» и «процессным» *снегом* очень невелики. Обратим также внимание на то, что обозначение частиц вещества и обозначение процесса четко распределены по разным типам контекстов — это обусловлено совершенно различными вершинными компонентами их толкований. Поэтому будем считать, что лексема с вещественным значением ‘частицы’ имеет отдельное процессное употребление. Образно говоря, внутри данной лексемы *снег 2* «созрела» новая двусторонняя единица, которая, правда, не дотягивает до статуса отдельной лексемы.

Для полноты описания следует отметить еще один тип контекстов со словом *снег*, нормальный, по крайней мере, для разговорной речи. Ср. *Куда ты пойдешь в такой снег?*; *Люблю гулять в снег* и т. п. В этих контекстах слово *снег* выступает как обозначение погоды, ср. *Куда ты пойдешь в такую погоду?*; *Люблю гулять в такую погоду* и т. п. Семантику слова *снег* в подобных контекстах естественно представлять так:

(с4) ‘определенная погода зимой, характеризующаяся падением из облаков очень мелких и легких обычно плоских белых звездообразных частиц, возможно слипшихся между собой, которые образуют белое вещество, обычно лежащее зимой на земле и на объектах, находящихся под открытым небом’.

В данном случае в фокусе внимания говорящего погода. Как и в предыдущих случаях, в основе данной модификации значения лежит сдвиг семантического акцента. В качестве исходного выражения, подвергающегося

данной модификации, естественно принять (с3) ‘падение’. Модификация (с4) ограничена контекстами с предлогом *в* + ВИН. Следовательно, перед нами особое употребление лексемы *снег 2* ‘частицы’.

Внутри лексемы *снег 2* как бы намечена цепочечная полисемия: от основной ее модификации ‘частицы’ отпочковывается употребление ‘падение’, а от последнего — употребление ‘погода’.

Примечание. В стандартном сочетании *Снег идет* глагол *идти* естественно рассматривать как семантический аналог других глаголов перемещения, ср. *Снег падает*, *сыплет*, *валит*. Правда, в приведенном контексте *падать*, *сыпать* и *валить* сохраняют указание на особенности данного перемещения. А глагол *идти*, если речь не идет о человеке, птице или животном (ср. *Мальчик* ⟨*цапля*, *собака*⟩ *идет по песку*), указывает на перемещение вообще, не конкретизируя никаких его особенностей. Ср. *Поезд* ⟨*автобус*, *машина*⟩ *идет*, *Рыба идет*, *Лед идет*, *Тучи идут*, *Из трубы идет дым* и т. п. Тем не менее с определенной точки зрения сочетание *Снег идет* вполне аналогично сочетанию типа *Снег падает*. При такой интерпретации глагола *идти* перед нами лексема *снег 2* = ‘частицы’.

Глагол *идти* имеет еще и абстрактное значение, в котором указывает на протекание процесса, т. е. на то, что процесс имеет место, причем в разные моменты времени положение дел может меняться. Ср. *Процесс* ⟨*полет*⟩ *идет нормально*; *Тихо*, *идет операция*; *Жизнь идет*; *Все идет своим чередом* и т. п. Сочетание *Снег идет* вполне естественно интерпретировать так: ‘имеет место падение частиц…’, и тогда значение слова *идти* сближается здесь со значением абстрактного процессного глагола.

Мы выявили у слова *снег* два значения. Одно из них имеет две модификации, причем каждой из них соответствует специальное употребление[11]. Приведем выявленный фрагмент полисемии слова *снег* (для лучшей обозримости толкования приводятся в упрощенном виде):

снег 1 [*Земля покрыта снегом*]. ‘Вещество, которое образовано особыми частицами, зимой падающими из облаков’: (с1);

снег 2 [*В воздухе кружится снег*]. ‘Особые частицы, падающие зимой из облаков’: (с2);

употребление 1 [*Снег не перестает*]. ‘Падение из облаков зимой особых частиц’: (с3);

употребление 2 [*В такой снег лучше дома сидеть*]. ‘Определенная погода зимой, характеризующаяся падением из облаков особых частиц’: (с4).

---

[11] За пределами нашего рассмотрения осталась форма МН *снегá*, ср. *Затерялась деревня в сибирских снегах*. Слово *снегá* обозначает обширную территорию, покрытую очень большим количеством снега (аналогичную семантику имеют формы МН *льды*, *пески* и т. п., ср. *Судно застряло во льдах*, *А дальше — пески с редкими оазисами* и т. п.). Для дальнейшего рассуждения анализ формы МН *снегá* не существен.

1.2. *Дождь*

Для слова *дождь* характерны два в каком-то смысле полярных типа контекстов.

Первый тип: *во время* ⟨*после*⟩ *дождя*, *перед дождем*, *кратковременный* ⟨*короткий*, *затяжной*⟩ *дождь*, *Опять дождь*, *Начался дождь*, *Дождь кончился* ⟨*прекратился*, *перестал*⟩, *На завтра обещали* (*небольшой*) *дождь* и т. п. Слово *дождь* в подобных контекстах имеет процессную семантику (и сближается тем самым с процессным употреблением слова *снег*). Эту семантику естественно представить так:

(д1) ‘падение из облаков в определенную погоду летом, весной или осенью капель или струй воды’.

Как обозначение процесса слово *дождь* в форме МН сочетается с прилагательными *редкий* и *частый*, ср. *редкие* ⟨*частые*⟩ *дожди*. Его семантические дериваты — прилагательное *дождливый* (ср. *дождливая погода*), стилистически отмеченный глагол *дождить* (ср. *С утра дождило*), а также существительное *дождевание* (‘искусственное орошение путем разбрызгивания воды’).

Во втором типе контекстов слово *дождь* имеет скорее вещественную семантику — оно обозначает сами падающие с неба капли или струи, т. е. перемещающиеся частицы воды. Ср.: *Капает дождь*, *Дождь хлещет* (*по мостовой*), *Дождь стучит* ⟨*барабанит*⟩ *по крыше*, *прятаться* ⟨*укрываться*⟩ *от дождя*; *Дождь проникал к нам запросто / сквозь дырявую крышу* (Ю. Левитанский). Семантика слова *дождь* в этом типе контекстов такова:

(д2) ‘капли или струи воды, падающие из облаков в определенную погоду летом, весной или осенью’.

В этом же виде слово *дождь* выступает в сочетаниях *мелкий* ⟨*частый*, *редкий*⟩ *дождь*, *косой дождь*, *капли* ⟨*струи*⟩ *дождя* (в последнем случае повторяющийся компонент ‘капли’ (‘струи’) в семантической структуре всего сочетания, по общему правилу, зачеркивается [12]).

Слово *дождь* как обозначение капель или струй воды имеет семантический дериват — сингулятив *дождинка* (это слово, правда, стилистически отмечено как разговорное).

Выражения (д1) и (д2), при том что они описывают, казалось бы, совершенно разную семантику (‘частицы воды’ vs. ‘процесс’), различаются только местом семантического акцента. Эти выражения получаются друг из друга следующим преобразованием:

(II) ‘падение капель или струй воды’ ↔ ‘падающие капли или струи воды’.

---

[12] См. «правило зачеркивания совпадающей части сочетающихся значений» в [Апресян 1974: 68 слл.].

Выражение (д1) предполагает, что в фокусе внимания говорящего процесс (‘падение’). Выражение (д2) предполагает, что в фокусе внимания субъект данного процесса (‘капли или струи’).

Ситуация совершенно аналогична той, с которой мы столкнулись при описании слова *снег*: при одном фокусе внимания *снег* обозначает частицы вещества (снежинки), а при другом — процесс (снегопад). Тогда мы убедились, что перед нами единая лексема *снег 2*, значение которой выступает в двух модификациях. Естественно считать, что так же обстоит дело и со словом *дождь*.

Однако в данном случае в качестве словарного толкования выбирается процессная модификация, т. е. выражение (д1). Дело в том, что представление о дожде как о процессе разработано в языке в несколько большей степени — «процессный» *дождь* имеет более развитую сочетаемость и более богатые парадигматические связи.

Лексема *дождь* имеет еще одну модификацию значения. Она представлена в контекстах типа *обложной дождь*, *Дождь прошел* ⟨*обошел нас*⟩ *стороной*, *Дождь шел полосой*, *Дожди шли с запада* (К. Паустовский). В этих случаях в фокусе внимания говорящего — одновременно и капли (струи) воды, и облака, из которых они падают. Ср. экспликацию данной семантики:

(д3) ‘капли или струи воды, падающие из облаков в определенную погоду летом, весной или осенью, и сами эти облака’.

Лексема *дождь* в данной модификации значения выступает в очень ограниченном круге контекстов — по существу, лишь в составе сочетаний, приведенных выше.

Данная модификация слова *дождь* обладает слишком небольшой собственной спецификой, и поэтому представлять ее как отдельное значение кажется антиинтуитивным. (Заметим, что имеющиеся толковые словари не выделяют в слове *дождь* ни отдельных значений, ни оттенков значения, соответствующих выявленным модификациям.)

Отметим еще один тип контекстов со словом *дождь*. Ср. *Куда ты пойдешь в такой дождь?*; *В сильный дождь на улицах пусто*; *И в жару*, *и в дождь шагает сельский почтальон с тяжелой сумкой на боку* и т. п. В этих контекстах слово *дождь* выступает как обозначение погоды. Ср.

(д4) ‘определенная погода летом, весной или осенью, характеризующаяся падением из облаков капель или струй воды’[13].

В данном случае в фокусе внимания говорящего погода. Данная модификация значения, подобно (д2) и (д3), отличается от исходной лишь сдви-

[13] Тот факт, что слово *дождь* может обозначать не только атмосферное явление, но и погоду, отмечается в [ТКС] в словарной статье «ДОЖДЬ» [Иорданская 1984].

гом семантического акцента. Модификация (д4) ограничена контекстами с предлогом *в* + ВИН [14].

Может ли слово *дождь*, подобно слову *снег*, обозначать вещество? Иными словами, может ли слово *дождь* обозначать дождевую воду? На первый взгляд — нет. Действительно, дождевую воду *дождем* не называют. Нормально высказывание типа *Очень полезно мыть голову дождевой водой*, однако соответствующий смысл нельзя выразить фразой типа **Очень полезно мыть голову дождем*. Тем не менее в некоторых контекстах со словом *дождь* в фокус внимания помещается именно компонент ‘вода’. Ср. *потоки дождя* = ‘потоки воды, которая падает из облаков в виде капель или струй в определенную погоду летом, весной или осенью’. Аналогичным образом можно интерпретировать и пример *Улицы были залиты дождем* — ‘залиты дождевой водой’. Возможно, к этой же группе примеров относится и *Хлынул дождь*. Следовательно, можно найти контекст, в котором словарное толкование слова *дождь* перестраивается так, что в вершине его помещается компонент ‘вода’. При этом модификация значения сводится исключительно к сдвигу семантического акцента в толковании слова. Вряд ли, однако, можно строго задать те условия, в которых происходит такая перестройка словарного значения слова *дождь*. Поэтому у слова *дождь*, в отличие от слова *снег*, нет даже особого употребления со значением ‘вещество’. (Это легко объяснимо с психологической точки зрения. Снег — это действительно особое вещество, а дождевая вода слишком незначительно отличается от «воды вообще». Вероятно, поэтому в русской языковой картине мира дождевая вода — это не особая жидкость, а просто вода.)

Итак, перед нами единая лексема *дождь*, словарное значение которой — это выражение (д1) — имеет ряд модификаций. Выделяются ли у данной лексемы разные употребления?

На первый взгляд, слово *дождь*, если исключить из рассмотрения модификацию (д3), вполне аналогична лексеме *снег 2* (‘падающие частицы’ или ‘падение частиц’). Единственное различие между ними сводится как будто к выбору словарного толкования: у слова *дождь* словарным значением признается процессное (‘падение’), а значение ‘частицы’ относится к употреблению; а у лексемы *снег 2*, наоборот, основным признается значение ‘частицы’, а на долю процесса остается употребление.

Тем не менее лексема *дождь* по своему внутреннему устройству принципиально отличается от лексемы *снег 2*.

Дело в том, что те диагностические контексты, в которых четко различаются употребления лексемы *дождь*, могут совмещаться в одном и том же высказывании. Тогда одна часть высказывания предполагает процессную семантику слова *дождь* и сочетается с компонентом ‘падение’, а дру-

[14] Заметим, что «погодная» модификация слова *дождь* гораздо употребительнее, чем та же модификация слова *снег*.

гая — вещественную семантику того же слова и сочетается с компонентом ‘капли’ (или же семантику, соответствующую модификации (д3), и тогда контекст сочетается с компонентом ‘капли и облака’). Ср. *Начавшийся утром дождь весь день стучит по крыше* — здесь компонент контекста ‘начаться’ предполагает процесс (‘падение’), а компонент ‘стучать’ предполагает частицы (‘капли’). Ср. также *Начался мелкий дождь* — здесь глагол *начаться* предполагает процесс, и значит, *дождь* — это обозначение процесса (‘падение’), а определение *мелкий* предполагает компонент ‘капли’; *Редкие дожди обходили деревню стороной*: здесь значение ‘обходить стороной’ предполагает модификацию (д3), т. е. ‘капли или струи и облака’, а компонент ‘редкие’ предполагает модификацию (д1), т. е. ‘падение’.

Перед нами обычная в языке ситуация синкретизма. Действительно, в одних контекстах слово *дождь* выступает как обозначение процесса, а в других — как обозначение капель или струй, и тогда перед нами как будто два разных употребления лексемы *дождь* с разными genus proximum. Однако существует еще третья группа контекстов: погружаясь в них, лексема *дождь* по-разному взаимодействует с их составными частями, так что тот ее компонент, который в предыдущем случае выступал в качестве вершинного, теперь функционирует как особый, выделенный компонент, взаимодействующий с контекстом. Синкретизм — свидетельство «слитости» модификаций, их не полной отчленности друг от друга.

В рассмотренном отношении интересна форма МН *дожди*. Лексема *дождь* может выступать в форме МН в своих разных модификациях, ср. *редкие дожди* (процесс), *мокли под дождями* (‘капли воды’). Однако в любом случае в семантическую структуру формы МН входит указание ‘в разные интервалы времени’, которое всегда присоединяется к одному и тому же предикату — ‘падение’ или ‘падающие’.

Единственная модификация слова *дождь*, которая, по-видимому, породила особое употребление, — это (д4) ‘погода’.

Модификации значения лексемы *дождь* не создали отдельных лексем, отдельных значений. В данном случае естественно говорить не о структуре многозначности, а о структуре модификаций (и употреблений) слова. Эту структуру можно представить так (толкования приводятся в упрощенном виде)[15]:

дождь

Синкретичные модификации:

модификация 1 [*Начался дождь*]. ‘Падение из облаков капель воды’: (д1);

[15] Мы отвлекаемся сейчас от персонифицированного употребления слова *дождь*, ср. *Дождь вымочит, а солнышко высушит*. Нас не интересуют также переносные значения, представленные в контекстах: *На них сыпался дождь цветов*; *А с небосвода холодным дождем падали звезды* (В. Высоцкий); *На елку набросили нить золотого дождя*.

модификация 2 [*вымокнуть под дождем*]. ‘Падающие из облаков капли воды’: (д2);

модификация 3 [*Дождь прошел стороной*]. ‘Падающие из облаков капли воды и сами облака’: (д3);

употребление [*и в жару*, *и в дождь*]. ‘Определенная погода летом, весной или осенью, характеризующаяся падением из облаков капель или струй воды’: (д4).

1.3. *Град*

Слово *град* в первом приближении естественно истолковать так:

(г1) ‘падение из облаков в определенную погоду летом, весной или осенью округлых льдинок обычно величиной с горошину’.

Ср. *Внезапно начался град*, *Град кончился*, *В результате сильного града пострадали виноградники во многих селах Восточной Грузии*; *После сильного града травы и кусты до того холодеют*, *что язык перестает чувствовать ядовитость растения* (Ф. Искандер).

Однако в целом ряде контекстов слово *град* обозначает не процесс падения, а сами льдинки. Ср. *град величиной с куриное яйцо*; *Град побил виноградники*; *Посыпался град* (Ф. Искандер); *Вместе с водяной пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы*, *листья магнолий*, *маленькие сучья и песок* (М. Булгаков). Однако и в этом случае слово *град* предпочтительно в контекстах, содержащих эксплицитное указание на движение льдинок. Поэтому нормально высказывание типа *Выпал град с голубиное яйцо*, но плохо ??*Град лежал на земле*.

Слово *град* как обозначение падающих льдинок толкуется так:

(г2) ‘округлые льдинки обычно величиной с горошину, падающие из облаков в определенную погоду летом, весной или осенью’.

От слова *град* как обозначения льдинок образуется сингулятив *градина*. Ср. *Подойдя к окну*, *Сергей увидел прыгающие на полу балкона градины* (А. Битов). Именно этот сингулятив употребляется, когда речь идет о льдинках, лежащих на земле. Ср. *Слава Богу*, *гроза кончилась*, *градины на земле так и сверкают*, *а я радуюсь жизни и иду* (Ф. Искандер).

Выражения (г1) и (г2) различаются только местом семантического акцента. Эти выражения получаются друг из друга по следующему преобразованию:

(III) ‘падение льдинок’ ↔ ‘падающие льдинки’.

Ситуация совершенно аналогична той, с которой мы столкнулись при описании лексем *снег 2* и *дождь*: при одном фокусе внимания эти лексемы обозначают частицы вещества (снежинки или капельки воды), а при другом — процесс (снегопад или падение капель воды). В случае слова *град* смена фокуса внимания тоже приводит к модификации значения лексемы,

а не к появлению новой лексемы. При этом слово *град* имеет два разных употребления: в одном типе контекстов реализуется только процессная модификация его значения, а в другом — только вещественная.

В качестве словарного толкования выбирается процессная модификация — высказывания с ней представляются более стандартными и, в отличие от высказываний с вещественной модификацией данной лексемы, абсолютно нейтральны стилистически.

Слово *град*, в отличие от слова *снег* (и даже *дождь*), не может обозначать массу вещества, лежащего на земле. Можно предположить, что это связано как с редкостью данного атмосферного явления, так и с недолговечностью и недостаточной специфичностью самого вещества, мало отличающегося от обычного льда.

Может ли слово *град*, подобно *снегу* и *дождю*, обозначать погоду? Иными словами, возможно ли употребить это слово в контексте *в* (*такой*) *град*, ср. *Куда ты идешь в такой град?* Подобные высказывания возможны, но, по-видимому, не вполне стандартны (вероятно потому, что град, как уже говорилось, — это довольно редкое атмосферное явление). Поэтому мы не будем специально выделять данную модификацию.

Структуру употреблений слова *град* можно представить так[16]:

град [*Внезапно начался град*]. ‘Падение из облаков льдинок’: (г1);

употребление [*град с куриное яйцо*]. ‘Падающие из облаков льдинки’: (г2).

1.4. *Осадки*

Осадки — это гипероним слов, рассмотренных выше. Для него нормален контекст типа *X*, *Y*, *Z и другие* (*виды*) *R*, характерный для родовых обозначений. Ср. *дождь*, *снег*, *град и другие виды осадков*; *трамвай*, *троллейбус*, *метро и другие виды транспорта*; *картофель*, *свекла*, *репа*, *морковь и другие корнеплоды*.

Слово *осадки* обладает таким же модифицируемым значением, что и его гипонимы.

С одной стороны, *осадки* — это процесс падения из облаков частиц снега или воды, возможно замерзшей. Ср. *Обещали погоду без осадков*; *Осадки не ожидаются*; *Возможны осадки* и т. п. Данные контексты не вполне нейтральны стилистически — они несут легкий терминологический налет, но в целом слово *осадки* как обозначение процесса постепенно теряет стилистическую окраску и переходит из разряда терминов в класс общеупотребительных слов.

С другой стороны, *осадки* — это само упавшее на землю вещество, количество которого можно измерить. Ср. *годовой объем осадков*, *количество атмосферных осадков*; *В субтропиках выпадает около 2,5 м осадков в*

---

[16] Мы отвлекаемся от переносных значений слова *град*. Ср. *Шли под градом пуль*, *Посыпался град упреков* и т. п.

год. Как обозначение вещества слово *осадки* является термином, причем выступает в ограниченном круге специальных контекстов, когда речь идет о количестве данного вещества. Заметим, что дериваты слова *осадки* — ср. *осадкомер*, *осадконакопление* — являются семантическими производными от слова *осадки* как обозначения вещества, а не процесса.

Попытаемся истолковать слово *осадки* [17]. Сразу оговорим, что мы не имеем возможности обсуждать сложные теоретические проблемы, возникающие при толковании родовых обозначений.

Семантику слова *осадки* как обозначения процесса мы представляем так:

(о1) ‘падение из облаков в определенную погоду дождя, снега или града’.

Слово *осадки* как обозначение вещества толкуется следующим образом:

(о2) ‘вода, снег или град, упавшие в определенную погоду на землю из облаков’.

Заметим, что хотя слова *дождь*, *снег* и *град*, используемые в выражениях (о1) и (о2), могут обозначать и процесс, и частицы, однако эта неоднозначность полностью устраняется контекстом: в контексте предиката ‘падать’ слова *дождь*, *снег* и *град* понимаются только как обозначение частиц.

В предлагаемом описании тот факт, что *осадки* — это гипероним слов *снег*, *дождь* и *град*, фиксируется не в толковании данных видовых обозначений, а в его собственном толковании — поскольку значение гиперонима раскрывается через значение гипонимов. (Аналогичным образом обстоит дело, например, со словами *автомобиль*, *автобус*, *трамвай* и т. п. — их гиперонимом является слово *транспорт*, однако толкование типа *автомобиль* = ‘такой-то вид транспорта’ представляется совершенно неестественным.)

Впрочем, как бы ни представлять слово *осадки*, перед нами та же ситуация, с которой мы столкнулись при описании лексем *снег 2*, *дождь*, *град*. Действительно, выражения (о1) и (о2) различаются прежде всего genus proximum: в (о1) в вершине толкования — обозначение процесса, а в (о2) — субъект этого процесса. Смена genus proximum обусловлена сдвигом семантического акцента: (о1) предполагает, что в фокусе внимания говорящего находится процесс, а (о2) — что в фокусе находится вещество.

Усматривать у слова *осадки* два значения (о1) и (о2) кажется антиинтуитивным. Действительно, основное различие между ними — в месте семантического акцента, сами же семантические компоненты подверглись очень незначительному изменению, ср. ‘падать’ vs. ‘упасть’, в связи с чем в (о2) имеется и указание на локализацию вещества (‘на земле’).

Поэтому мы считаем, что слово *осадки* имеет одно значение, которое выступает в двух модификациях. Эти модификации четко распределены по

[17] Мы пытаемся описать слово *осадки* так, как его употребляет средний образованный носитель русского языка. В метеорологии этот термин определяется несколько иначе.

контекстам, а кроме того, коррелируют с различной стилистической окраской слова. Следовательно, каждой модификации соответствует свое употребление. В качестве словарного значения лексемы мы выбираем (о1), поскольку данное употребление менее отмечено стилистически.

Никаких других модификаций значения слово *осадки*, по-видимому, не допускает. Специально отметим, что оно не может употребляться как обозначение погоды; невозможно **Куда ты пойдешь в такие осадки?*; **И в засуху, и в осадки* и т. п.

Структура употреблений слова *осадки* представляется так:

осадки [*На завтра обещали осадки*]. ‘Падение из облаков частиц’: (о1);

употребление [*годовой объем осадков*]. ‘Частицы, упавшие на землю из облаков’: (о2).

1.5. *Изморось и морось*

В семантический класс «атмосферные осадки» входят еще слова *изморось* и *морось* — ближайшие аналоги лексемы *дождь*[18]. В реальных текстах они встречаются гораздо реже, чем *дождь*, *снег*, *град* и даже *осадки*[19]. Замечательно, что при этом данные слова подвергаются тем же семантическим модификациям, что и гораздо более употребительные слова того же класса.

Изморось и *морось* в известных нам словарях определяются как разновидности дождя. По [МАС]: *изморось* = ‘очень мелкий дождь’; *морось* = ‘очень мелкий, медленно падающий дождь’.

При этом в реальном высказывании слово *изморось* может обозначать:

(измрс1) ‘падение из облаков в определенную погоду очень мелких капель воды’;

ср. *День был пасмурный, начиналась изморось* (Ф. М. Достоевский);

(измрс2) ‘очень мелкие капли воды, падающие в определенную погоду из облаков’;

ср. *Серый, ненастный день почти незаметно превращался в сумерки*; *в воздухе сеялась мелкая изморось* (Слепцов, [МАС]); *Радужная мельчайшая изморось оседала на палубу* (Диковский, [МАС]);

---

[18] С научной точки зрения к атмосферным осадкам относятся также роса, иней и туман. Однако в значении этих слов нет указания на то, что соответствующие частицы выпадают из облаков: они образуются на тех или иных объектах (ср. роса и иней) или же в воздухе (туман). Тем самым существительные *роса*, *иней* и *туман* не входят в исследуемый нами семантический класс.

[19] Слово *морось*, по-видимому, можно считать редким.

(измрс3) ‘очень мелкие капли воды, упавшие в определенную погоду из облаков и лежащие на земле или на объектах, находящихся под открытым небом’;

ср. *Большой двор*, *кудрявый от репейника и усыпанный желтыми листьями*, *слегка серебрился осенней изморосью* (А. П. Чехов)[20] .

Слово *изморось* представляет собой единую лексему, значение которой предстает в трех модификациях: ‘процесс’ — ‘падающие частицы’ — ‘вещество’. Механизм модификации состоит в сдвиге семантического акцента. Набор модификаций слова *изморось* ближе всего к структуре полисемии (и модификаций) слова *снег*.

Слово *морось* в реальных высказываниях может выступать в следующих модификациях:

(мрс1) ‘падение из облаков в определенную погоду мельчайших капель воды, перемещающихся так медленно, что кажется, будто большое их количество стоит в воздухе’;

ср. *С каждым днем погода портилась все сильнее и сильнее. Снегопад*, *пурга*, *морось — все эти малоприятные приметы арктической осени приходилось все чаще и чаще вписывать в вахтенный журнал* (Бадигин, [МАС]); *Холодным*, *противным днем* (*серое небо*, *ледяная морось*, *чавкающая грязь*) *Варя возвращалась на специально нанятом извозчике в расположение армий* (Б. Акунин);

(мрс2) ‘мельчайшие капли воды, падающие в определенную погоду из облаков и перемещающиеся так медленно, что кажется, будто большое их количество стоит в воздухе’;

ср. *Воздух*, *весь бисерный от ровной мороси*, *оставался тепл и зелен* (В. Набоков) [ср. *весь бисерный от снежинок*];

(мрс3) ‘мельчайшие капли воды, упавшие в определенную погоду из облаков и лежащие на земле или на объектах, находящихся под открытым небом’;

ср. *Часа через три можно было увидеть с садовой площадки ее небольшую фигуру в плаще с капюшоном — бисерная морось на зеленовато-бурой шерсти плаща образовывала вокруг нее подобие дымчатого ореола* (В. Набоков).

Малоупотребительное слово *изморось* и редкое слово *морось* реализуют три модификации значения: ‘процесс’ — ‘падающие частицы’ — ‘вещество’, свойственные и другим членам класса «атмосферные осадки». Правда, о модификации ‘вещество’ применительно к слову *морось* можно

[20] Впрочем, в последнем примере слово *изморось* может обозначать мельчайшие капельки воды, которые образовались в результате таяния инея.

говорить лишь с определенной долей условности: в контексте *морось на шерсти плаща* речь идет скорее не о влаге, а о совокупности отдельных капелек.

Словам *изморось* и *морось*, в отличие от слова *дождь*, несвойственно обозначать погоду. Нестандартно *В изморось* ⟨*морось*⟩ *лучше дома сидеть*. В целом, однако, поведение слов *изморось* и *морось* полностью подчиняется закономерностям, определяющим реальную семантику слов, обозначающих «атмосферные осадки».

1.6. *Снегопад и ливень*

Слово *снегопад* — это неточный синоним «процессного» *снега*. При этом *снегопад* тоже обозначает как падение снега из облаков (ср. *Начался снегопад*), так и соответствующую погоду, ср. *В такой снегопад лучше в степь не выезжать*. Существенно, что обозначение процесса и обозначение погоды — это не разные значения, а всего лишь отдельные употребления слова. (Отметим, что ни у одного из членов рассматриваемого класса обозначение погоды не выделилось в отдельную лексему.) Иными словами, из всех трансформаций значения, присущих нашему семантическому классу, слово *снегопад* имеет лишь модификации ‘падение’ и ‘погода’.

Основные семантические различия между «процессным» *снегом* и *снегопадом* сводятся к интенсивности обозначаемого процесса: *снегопад* предполагает большое количество падающего снега — редкие снежинки *снегопадом* не называют. Отметим также, что у слова *снегопад* нормальна форма МН, ср. *частые снегопады*, а у «процессного» *снега* форма МН как минимум нестандартна. Наконец, слово *снегопад* отмечено стилистически (как книжное или нарративное).

Слово *ливень* — неточный синоним слова *дождь*. В рассматриваемом отношении *ливень* совершенно аналогичен *снегопаду*. Слово *ливень* выступает в двух модификациях — как обозначение процесса (ср. *Начался ливень*; *Подожди*, *пока ливень кончится*) и как обозначение погоды (ср. *Куда ты пойдешь в такой ливень?*). Подобно слову *снегопад*, слово *ливень* указывает на интенсивный процесс: небольшой, несильный дождь *ливнем* не называют.

Не исключено, что отсутствие «вещественной» семантики у слов *снегопад* и *ливень* имеет системное объяснение. Во-первых, эти слова содержат указание на интенсивность процесса. Во-вторых, на процесс указывает их внутренняя форма: оба образованы от глаголов, ср. *падать*, *лить*. Взаимное действие этих факторов и обусловливает невозможность сдвига семантического акцента в их значении на компонент ‘частицы’. Отметим, что слово *осадки* по своей внутренней форме тоже указывает на процесс, ср. *осаждаться*, однако не указывает ни на какие характеристики процесса и, видимо, поэтому вполне допускает вещественную модификацию.

1.7. Определение семантического класса

Семантический класс — это совокупность слов, удовлетворяющих следующему условию: у каждого из этих слов есть значение или хотя бы семантическая модификация, вершиной которого является определенное выражение ‘K’. Так, семантический класс «атмосферные осадки» состоит из слов, у каждого из которых есть отдельная лексема, употребление или просто семантическая модификация вида ‘падение из облаков на землю таких-то частиц’. Примеры других семантических классов: обозначения детенышей, цветообозначения, глаголы движения, глаголы речи и т. д.

Подчеркнем, что членом семантического класса является не отдельная лексема, а слово, взятое во всех своих значениях, употреблениях и семантических модификациях. Выделение именно этого типа множеств диктуется поставленной задачей: мы описываем закономерности полисемии и потому должны брать слово в совокупности его значений. Тем самым семантический класс (в предлагаемом понимании) отличается как от лексикографического типа Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], так и от тематического класса и релевантного семантического класса, выделяемых в системе «Лексикограф» [Кустова, Падучева 1994]: единицами этих множеств являются лексемы.

Ясно, что одно и то же слово может входить в разные семантические классы. Иными словами, семантические классы могут пересекаться. Так, некоторые слова из класса «атмосферные осадки» входят в класс обозначений веществ, ср., прежде всего, *осадки* и *снег*. Наш семантический класс пересекается и с классом обозначений погоды (к области пересечения классов относятся, например, слова *дождь* и *снег*, но не слово *осадки*).

Рассмотренный материал еще раз демонстрирует, что слова из одного и того же семантического класса обладают сходными полисемическими возможностями. Так, члены класса «атмосферные осадки» в каком-то одном значении (или модификации) обозначают процесс падения частиц, а в другом значении (модификации) — сами эти падающие частицы, а кроме того, погоду и т. д. Интересно рассмотреть полисемические возможности слов, которые при всей своей близости к данному семантическому классу все же в него не входят.

Одно из таких слов — *пороша*. Оно обозначает только что выпавший снег, лежащий на земле. Существенно, что в значение слова *пороша* входит указание на процесс (ср. ‘только что выпавший’) и даже, по данным словаря [Даль], на соответствующую погоду: *пороша* предполагает, что снег падал в безветрие и поэтому ровно покрыл землю. Однако формально данное слово не удовлетворяет определению члена рассматриваемого семантического класса: компонент ‘падение из облаков частиц…’ если и выделяется в его значении, то лишь при разложении других компонентов, и, разумеется, не является вершинным.

Организации значения слова *пороша* замечательным образом соответствуют его полисемические возможности: сдвиг семантического акцента

на компонент ‘падение’ или ‘погода’ в данном слове недопустим — *пороша* обозначает только вещество, лежащее на земле. Поэтому, хотя в слове *пороша* и выделяются те же компоненты, что и в обозначениях осадков, оно оказывается ближе к словам *наст*, *фирн*, *иней* и т. п., которые хотя и обозначают вещества, образовавшиеся в результате каких-то процессов в атмосфере, но ни в каком своем значении не могут служить обозначениями самих этих процессов. Тем самым мы не видим необходимости включать слово *пороша* в класс «атмосферные осадки» (заметим, что это было бы не столь сложно — достаточно соответствующим образом смягчить требования к семантике входящих в него слов).

Другие слова, близкие нашему семантическому классу, — это *метель*, *вьюга*, *пурга*, *буран*. Являясь ближайшими аналогами «процессного» *снега* и *снегопада*, эти слова обозначают, тем не менее, не падение снега из облаков как таковое, а перемещение его под воздействием сильного ветра[21]. В реальности это явление обычно имеет место в сочетании с обильным снегопадом, однако в значение данных слов это указание не входит. Рассматриваемые слова допускают модификацию, обозначающую погоду; ср. *В метель* ⟨*пургу*, *буран*, *сильную вьюгу*⟩ *легко потерять дорогу*[22]. Тем самым *метель*, *вьюга*, *пурга*, *буран* имеют две модификации значения (ср. ‘процесс’ — ‘погода’), что и *снегопад* и *ливень*, а также другие слова из класса «атмосферные осадки». Это естественно: данные две модификации присущи всему множеству обозначений природных процессов (ср. *непогода*, *ненастье*, *буря*, *вёдро*, *жара*: *Пришла жара*, *холода*; *Наступили холода* и т. п.)[23].

2. Логическая структура полисемии данного семантического класса

2.1. Обобщенное представление семантики слова: схемы значения, их логическая и реальная иерархии

Слова, входящие в класс «атмосферные осадки», обладают однотипной семантикой. Все они могут обозначать процесс падения из облаков частиц

---

[21] В сводках и прогнозах погоды обычна поэтому формулировка типа *Ожидается снег*, *метель*. Заметим, что, по данным словаря [Даль], в языке различаются два вида вьюги, метели и бурана — со снегопадом и без него. Ср., например, в статье БУРАН: «*Буран снизу*, когда вихорь вздымает и крутит снежинки с земли, *буран сверху*, когда в то же время идет снег».

[22] Именно эта модификация легла в основание словарного описания слова *метель* в работе [Апресян, Жолковский, Мельчук 1984] и синонимического ряда *метель*, *вьюга*, *пурга*, *буран* в статье [Левонтина 2004]: в качестве вершинного элемента значения данных слов выбран компонент ‘непогода’.

[23] С точки зрения фундаментальной классификации предикатов лексемы со значением ‘погода’ — это подкласс ‘процессов’.

вещества (воды или льда). Некоторые слова могут также обозначать сами эти падающие частицы. Часть слов может обозначать погоду, при которой имеет место данный процесс. И наконец, некоторые из рассмотренных слов (*снег* и *осадки*) могут обозначать эти частицы, уже упавшие на землю и образующие массу вещества. В обобщенном виде семантику данных слов, включая разные их значения, употребления или модификации, можно представить в виде набора следующих обобщенных семантических схем:

(схема 1, «процесс падения») ‘падение из облаков в определенную погоду в определенное время года таких-то частиц’ [*Завтра погода без осадков*; *Завтра будет снег* ⟨*дождь*, *град*, *снегопад*, *ливень*⟩];

(схема 2, «падающие частицы») ‘такие-то частицы, падающие из облаков в определенную погоду в определенное время года’ [*В воздухе мелькает снег*; *Дождь барабанит по крыше*; *град величиной с куриное яйцо*];

(схема 3, «вещество») ‘такие-то частицы, в определенную погоду в определенное время года упавшие из облаков’ [*сугробы снега*; *годовое количество осадков*].

(схема 4, «погода») ‘определенная погода в определенное время года, характеризующаяся падением из облаков таких-то частиц’ [*В дождь* ⟨*в снег*, *в снегопад*, *в ливень*⟩ *лучше не выходить*].

Если бы у рассмотренных слов соответствующая семантика оформлялась в виде отдельных значений (самостоятельных лексем), мы могли бы, вслед за Е. В. Падучевой, говорить о «парадигме многозначности» данной группы слов, причем у некоторых из них эта парадигма оказалась бы дефектной [Падучева 1998]. Однако исследуемый нами материал организован тоньше.

Мы наблюдаем в нем разные стадии формирования полноценной самостоятельной лексемы. Это: а) модификация толкования, которой не соответствует даже отдельное употребление, т. е. никакая двусторонняя единица; при этом данные модификации могут быть синкретичными (ср. *дождь*) или вполне расчлененными (ср. *изморось*); б) модификация толкования, которой соответствует отдельное употребление, ср. лексему *снег 2*, а также *град*, *осадки*, *снегопад*, *ливень*; в) сформированное отдельное значение, т. е. отдельная лексема, ср. *снег 1* и *снег 2*.

В работах [Урысон 1998; 2003] мы предложили называть явление модификации значения лексемы «несостоявшейся полисемией». Теперь мы убедились, что «несостоявшаяся полисемия» сама по себе неоднородна: она объединяет разные стадии вычленения нового значения из уже имеющегося. В настоящее время известны две хорошо разграниченные стадии этого процесса, ср. (а) и (б). Для того чтобы иметь возможность представить в описании такие промежуточные стадии образования нового значения, мы будем говорить о логической структуре полисемии класса слов и о той или иной ее реализации применительно к конкретному слову из класса.

Подчеркнем, что, говоря о процессе формирования значения, мы имеем в виду только логику семантического развития слова, но не его реальную историю (она может оказаться прямо противоположной, ср. обратное словообразование).

Логическая структура полисемии семантического класса представляется в виде иерархичного набора обобщенных схем значения с ясным переходом от одной схемы к другой. Для нашей группы слов это четыре схемы, приведенные выше, — «процесс», «частицы», «вещество», «погода». Тем самым структура полисемии класса, подобно структуре многозначности конкретного слова, — это иерархичный набор семантических структур. Однако в случае конкретного слова это набор отдельных значений, каждое из которых эксплицируется своим толкованием. В случае семантического класса значению соответствует обобщенная схема.

То или иное слово может по-разному реализовать структуру полисемии своего класса. Например, какое-то слово из класса может иметь всю совокупность значений, соответствующую данному набору схем, а какое-то слово — лишь часть этих значений, а другим схемам у него соответствуют не отдельные значения, а модификации (или, возможно, употребления), причем некоторые схемы могут оказаться вообще нереализованными[24].

Иерархия схем в логической структуре полисемии определяется законами, действующими в семантической системе языка. Для нас определяющим является тип регулярной многозначности, под который подпадают рассматриваемые схемы [25]. Так, в русском языке есть регулярный тип многозначности «действие (процесс)» — «субъект действия (процесса)»; ср. *испарение воды — ядовитые испарения*, *охрана здания — охрана перебита*, *командование парадом — высшее командование* и т. п. По этой причине слова из нашего семантического класса, например *осадки* или *снег*, могут употребляться и как обозначение процесса, и как обозначение субъекта процесса, т. е. частиц. С точки зрения системы языка исходным значением существительного является обозначение процесса, а обозначение субъекта — это результат семантической деривации. Поэтому и в струкутре полисемии нашего семантического класса мы считаем логически исходной, первой, схему (1) «процесс»[26].

---

[24] Ср. «дефектные парадигмы многозначности» Е. В. Падучевой [Падучева 1998]. Теоретически возможна и ситуация, когда каждое слово из класса реализует свою часть набора схем значения, так что ни одно из слов не обладает всей совокупностью значений (модификаций) целиком.

[25] Мы опираемся на перечень типов регулярной многозначности, данный Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974: 193 сл.].

[26] Слова *охрана*, *командование* и т. п. являются производными именами действий, а *снег*, *дождь* и *град* (с точки зрения современного языка) — существительные непроизводные. Можно было бы ожидать, что основной для них окажется «вещественная» семантика. Однако это не так: слова внутри данного класса объединяет указание на процесс.

В нашем случае переход от одной схемы к другой заключается в сдвиге семантического акцента. Это полностью соответствует концепции полисемии, разрабатываемой Е. В. Падучевой. Теперь мы убедились, что модификации значения (в том числе такие, которым соответствует отдельное употребление лексемы) подчиняются тем же закономерностям, что и семантический переход от одной лексемы к другой.

Существенно, что логически исходная схема не обязательно реализуется в виде центрального значения конкретного слова. Ср. слово *снег*, где логически исходная схема ‘процесс’ реализуется всего лишь как употребление второй лексемы, в то время как центральным значением этого слова предстает реализация третьей схемы ‘вещество’. Это неудивительно: реально ощущаемая иерархия значений слова (а именно она представляется в словарях) базируется не столько на логической выводимости одного значения из другого, сколько на таких «внешних» факторах, как употребительность лексемы, богатство ее парадигматических связей в лексической системе, стилистическая отмеченность / неотмеченность и т. п. Отсюда следует, что логическая структура полисемии и реальная иерархия значений — это два разных лингвистических объекта, которые могут не совпадать. Дело в том, что логическая структура полисемии семантического класса, реализуясь в том или ином конкретном слове, может подвергаться перестройке, в результате которой логически исходное значение оказывается на периферии, а логически производное значение становится центральным. Заметим, что в некоторых случаях естественно говорить о логической структуре полисемии не только семантического класса, но и отдельного слова, различая при этом логическую и реальную иерархии его значений; см. статьи [Урысон 1999; 2000]. Возможность перестройки логической иерархии значений при переходе к структуре полисемии конкретного слова — одно из отличий нашего подхода от концепции Е. В. Падучевой.

Реализация логической структуры полисемии рассматриваемого семантического класса представлена в следующей таблице (для простоты явление синкретизма не учитывается):

	«процесс»	«частицы»	«вещество»	«погода»
СНЕГ	*снег 2* употр.	*снег 2*	*снег 1* центральная лексема	*снег 2* употр.
ДОЖДЬ 1	центр. модиф.	модиф. 2	(—)	употр.
ГРАД 1	центр. употр.	употр.	—	(—)
ОСАДКИ 1	центр. употр.	—	употр.	—
ИЗМОРОСЬ	центр. употр.	модиф. 2	модиф. 3	(—)
МОРОСЬ	центр. употр.	модиф. 2	модиф. 3	(—)
СНЕГОПАД	центр. употр.			употр.
ЛИВЕНЬ	центр. употр.			употр.

Еще раз подчеркнем, что в исследуемой группе слов для образования как значения слова, так и просто его модификации используется один и тот же механизм: это сдвиг семантического акцента в значении лексемы, приводящий к перестройке значения, к изменению его genus proximum.

2.2. Степень реализации логической структуры полисемии. Ядро и периферия класса

Ни одно из описанных выше слов, кроме слова *снег*, не реализует структуру полисемии своего класса полностью. Иными словами, только слово *снег* имеет отдельные лексемы или хотя бы модификации, соответствующие выделенным четырем обобщенным схемам значения «процесс» — «частицы» — «вещество» — «погода». Слово *дождь* реализует три схемы, менее употребительные слова *град* и *осадки*, а также *снегопад* и *ливень* — по две[27]. Слова *изморось* и *морось* хотя и являются редкими, но тоже имеют по три модификации — возможно, благодаря своей «необкатанности», незакрепленности ни за каким типом контекстов.

Для описания подобных различий внутри семантического класса естественно ввести понятие степени реализации логической структуры полисемии в конкретном слове. Эта степень определяется несколькими факторами.

Один из них — количество обобщенных схем значения, получивших какое бы то ни было воплощение в данном слове (воплощением схемы может быть самостоятельная лексема, отдельное употребление или просто модификация значения). Действительно, слово тем полнее реализует логическую структуру полисемии своего класса, чем больше у него лексем, употреблений или модификаций, соответствующих обобщенным схемам значения. С точки зрения данного фактора слово *снег* реализовало структуру полисемии своего класса в наибольшей степени. За ним следуют слова *дождь*, *изморось* и *морось*, а уже за ними — *град*, *осадки*, *снегопад* и *ливень*.

Второй фактор — количество самостоятельных лексем и (отдельно) количество отдельных употреблений, противопоставленных модификациям как таковым. Чем больше внутри слова самостоятельных двусторонних единиц, тем отчетливее и глубже реализация логической структуры полисемии. С этой точки зрения в рассматриваемом классе вновь выделяется слово *снег*: оно обладает наибольшим количеством лексем и употреблений. Последнее место в классе занимают теперь *изморось* и *морось*.

В наборе обобщенных схем значения, присущих данному классу, можно выделять специфичные и неспецифичные. К специфичным мы относим те, которые определяют лицо семантического класса. В нашем случае это схемы «процесс», «частицы» и «вещество». Что касается схемы «погода»,

---

[27] Меньшая употребительность слов *град* и *осадки* обусловлена разными причинами: слово *осадки* стилистически отмечено, а *град* обозначает относительно редкое природное явление.

то она присуща классу природных процессов вообще (см. об этом выше), а потому относится к неспецифичным.

Один из факторов, определяющих степень реализации логической структуры полисемии, — это соотношение между специфичными и неспецифичными схемами, воплотившимися в данном слове.

На первое место по данному признаку опять выходит слово *снег*, а кроме того, *изморось* и *морось*. Последнее место в классе занимают *снегопад* и *ливень*: они реализуют всего две схемы, из которых одна — «погода» — является неспецифичной. Заметим, что слово *осадки* тоже реализует всего две схемы значения, но обе они относятся к специфичным.

Выделив те признаки, по которым определяется степень реализации логической структуры полисемии семантического класса, естественно принять какие-то соглашения об их суммировании. Мы не будем касаться этого вопроса, потому что не располагаем достаточными лингвистическими данными даже для его предварительного решения. Впрочем, независимо от принципов суммирования видно, что с точки зрения реализации логической структуры полисемии в нашем семантическом классе естественно выделяется ядро — ср. *снег*, периферия — ср. *снегопад*, *ливень* — и область перехода от ядра к периферии. (Заметим, что если бы мы включили в наш класс слово *пороша*, то по принятым соглашениям оно реализовало бы всего одну схему значения, присущую данному классу (это схема «вещество»), и тем самым оказалось бы на самой дальней периферии.)

3. Слово *слякоть*

В современном литературном языке для слова *слякоть* характерны два типа контекстов.

В первом типе контекстов слово *слякоть* является обозначением сырой погоды осенью или зимой. Ср. *в жару и слякоть*; *В такую слякоть лучше не выходить — того и гляди простудишься*; *Морозы внезапно сменились теплом и слякотью* (А. Маринина); *В слякоти мерзкой сижу в Москве* (В. Аксенов). Словарь [МАС] толкует слово *слякоть* в подобных контекстах следующим образом: ‘сырая погода с дождем или мокрым снегом, с жидкой грязью на земле’. Аналогичные толкования слова *слякоть* в подобных контекстах даются в словарях [СУ, БАС].

Во втором типе контекстов *слякоть* — это обозначение вещества. Ср. *Шла по лужам, по слякоти и жалела, что не надела резиновые сапоги*. Слово *слякоть* сближается здесь со словом *грязь*. Однако для слова *слякоть* нехарактерны многие стандартные сочетания, типичные для обычных вещественных существительных. Плохо или нестандартно **комок* ⟨*горсть*⟩ *слякоти*, **бросаться слякотью*, ?*забрызгать слякотью*. Заметим, что примеры со словом *слякоть* ‘грязь’, приводимые в [БАС], воспринимаются как совершенно устаревшие. Ср. *Слякоть на дороге невылазная*

(Салтыков, [БАС]); [*Туберозов*] *медленно ступал по глубокой слякоти немощеных улиц за гробом своей усопшей жены* (Лесков, [БАС]); *Слышно, как чавкает слякоть, как булькают капли дождя по лужам, как жидкая грязь заливает следы* (Пришвин, [БАС]). По нормам современного языка во всех этих случаях следовало бы употребить слово *грязь*.

Ущербность вещественного значения слова *слякоть* представляется «капризом» языка, а соседство в данном многозначном слове столь несхожих значений — чем-то идиоматичным, несистемным.

Присмотримся, однако, к слову *слякоть* внимательнее.

Как обозначение вещества слово *слякоть* содержит указание на погоду и на определенное время года: *слякотью* можно назвать только грязь, образующуюся поздней осенью или зимой, причем в результате дождя или снега с дождем, а кроме того, в результате таяния снега. Ср. *Прохожие месили ногами мокрый снег, слякоть была ужасная*; плохо, однако ??*Здесь даже в жару слякоть* (нормально было бы *Здесь даже в жару грязь*). Указание на погоду, содержащееся в семантике вещественного существительного, — это тот мост, который объединяет два значения слова *слякоть* — «погодное» и «вещественное»[28]. При этом наличие подобных значений внутри одного слова отнюдь не идиоматично: в этом отношении слово *слякоть* похоже на слова из семантического класса «атмосферные осадки», которым среди прочих свойственны схемы значения «вещество» и «погода». Картина стала бы совершенно ясной, если бы слово *слякоть* могло означать атмосферные осадки. Тогда оно входило бы в описанный выше семантический класс и реализовало бы присущие этому классу схемы значения. Можно даже утверждать, какие именно осадки могло бы обозначать данное слово — это снег с дождем[29]. На это предположение наталкивают не только толкования слова *слякоть* в имеющихся словарях, но и анализ его «вещественного» значения, см. выше.

Разумеется, в современном русском литературном языке слово *слякоть* никакого подобного значения не имеет. Нужные нам контексты зафиксированы за пределами этих временных и территориальных рамок.

В архангельских говорах *слякотью* называют снег с дождем. Типичный контекст с данным словом: *Слякоть идет* (как *Снег идет*, *Дождь идет*)[30].

---

[28] Наиболее эксплицитно эта связь представлена в [БТС]. «Вещественное» значение слова *слякоть* (оно, кстати, подается первым) толкуется так: ‘жидкая грязь на земле, дороге от дождя или мокрого снега’. «Погодное» значение: ‘сырая погода с дождем или мокрым снегом’.

[29] Заметим, что снег с дождем — это прагматически важное погодное явление. По данным метеорологического словаря [Хромов, Мамонтова 1963], оно обозначается двумя разными терминами: *дождь со снегом* и *снег с дождем*, причем у последнего термина есть синоним *мокрый снег*.

[30] Благодарим за консультацию по архангельским говорам О. Г. Гецову и А. Копылову.

В Картотеке Словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка РАН зафиксирован следующий (единственный) пример со словом *слякоть* (из «Записок Болотникова»): *не трудно себѣ вообразить*, *каково было иттить всей пехотѣ и тащиться всѣмъ обозамъ по таковой грязи*, *и притом подъ слякотью и при великомъ и холодномъ ненастьѣ*. Здесь слово *слякоть* тоже, по-видимому, обозначает снег с дождем.

Семантика слова *слякоть* в данных случаях описывается обобщенной схемой «падающие частицы».

В некоторых говорах нет слова *слякоть* как такового, а есть его однокоренные: *сляк*, *сляка*, *слякиша*, *сляча* и т. п.[31] Если привлечь к рассмотрению и их, т. е. считать, что слово *слякоть* может выступать в разных «обличьях», то окажется, что данное слово может обозначать процесс падения частиц дождя и снега (обобщенная схема «процесс падения»). Ср. *Самый ветер был*, *самый сляк*, *а я пешком десять километров шла* [Словарь Новосибирской области]. Это именно то значение (или модификация), наличие которого по определению позволяет отнести слово к классу «атмосферные осадки».

Не ограничиваясь рамками современного литературного языка и взяв слово *слякоть* во всех его «обличьях», мы видим, что перед нами нормальный представитель класса «атмосферные осадки», которому свойственны все четыре выделенные выше обобщенные схемы значения. Правда, в современном литературном языке слово *слякоть* реализует лишь две схемы значения — «погода» и «вещество» — и оказывается за пределами данного семантического класса. Похожим образом обстоит дело в говорах юга Красноярского края: здесь *сляка* — это только обозначение грязи [Словарь южных районов Красноярского края]. Напротив, по нашим данным, в архангельском говоре, представленном на средней Пинеге, слово *слякоть* реализует схему «процесс падения» (и тем самым попадает в класс «атмосферные осадки»), однако не развивает при этом значений или хотя бы модификаций, свойственных словам данного семантического класса. (Разумеется, не исключено, что в некоторых говорах слово *слякоть* реализует всю логическую схему полисемии класса «атмосферные осадки».)

Тот факт, что слово *слякоть* не стало полноценным вещественным существительным, вполне закономерен: таковы почти все слова из класса «атмосферные осадки» (исключением является слово *снег*).

Современное русское литературное слово *слякоть* реализует структуру полисемии своего семантического класса в редуцированном виде — мы видим лишь фрагменты данного слова, причем отсутствует реализация основной схемы: «падение частиц». В результате данное слово оказывается не связанным с классом «атмосферные осадки». Это проявляется прежде всего в семантике слова: современное литературное слово *слякоть* не со-

[31] См. [Словарь южных районов Красноярского края; Словарь Прибайкалья; Словарь Новосибирской области; Словарь Среднего Урала].

держит указания на специфические осадки, т. е. на снег с дождем. Как обозначение погоды слово *слякоть* предполагает сырость и холодный дождь, возможно (но не обязательно) сопровождающийся снегом. Как обозначение вещества *слякоть* — это не только весенняя, но и осенняя грязь, образовавшаяся из-за дождей (возможно, без снега).

Кроме того, два значения современного литературного слова *слякоть* сильно расходятся, так что различаются не только местом семантического акцента. В семантику слова *слякоть* как обозначения вещества входит специфическое указание на локализацию: данное вещество находится на дороге. Неудачно ?*В лесу и в поле слякоть*, хотя нормально *Мостовые чистят, а на тротуарах слякоть*. Ср. также стандартное: *Что за погода! То слякоть, то гололед!* При этом данное вещество, если оно переместилось куда-либо с дороги, слякотью обычно не называют; невозможно **У тебя даже на носу слякоть* (ср. нормальные высказывания *У тебя даже на носу снег* ⟨*грязь*⟩). Указание на локализацию заставляет трактовать обозначение вещества не как модификацию, а как отдельное значение слова[32].

Заметим, что современное литературное слово *слякоть* обладает некоторыми семантическими особенностями, которые естественно интерпретируются как следы указания на снег с дождем. Так, слово *слякоть* в «вещественном» значении предполагает определенную консистенцию вещества: оно содержит достаточно много воды, а наличие земли в нем необязательно — слякоть может состоять только из мокрого (талого) снега. По этой причине слякоть не имеет цвета. Этим *слякоть* отличается от слова *грязь*, которое — в соответствующих контекстах — всегда предполагает наличие земли (поэтому грязь может быть гораздо гуще слякоти) и, как следствие, включает указание на обычно черный цвет. Ср. приведенные примеры; ср. также абсолютно нормальное высказывание *Дорога превратилась в реку черной грязи* и нестандартный пример *Сияли крыши, гремел Исакий, и нигде я не видел такой фиолетовой слякоти, как на петербургских мостовых* (В. Набоков).

Описание слова *слякоть* с точки зрения логической структуры полисемии всего класса «атмосферные осадки» позволяет представить особенности этого слова в системном виде, поместив его в историческую и территориальную перспективу.

Что касается реальной структуры полисемии, то современное литературное слово *слякоть* имеет два значения, первое из которых — «вещественное», а второе — «погодное». При этом как обозначение вещества слово *слякоть*, по-видимому, стандартно лишь в выражении *идти по слякоти*.

---

[32] В еще большей степени изменилось (по сравнению с логически исходным значением) значение слова *сляка* в говорах юга Красноярского края. Оно обозначает только вещество на дороге, причем, по-видимому, не содержит даже указания на время года. Ср. *Тут такая дорога, чуть дождь затянет, сляка по колено* [Словарь южных районов Красноярского края].

Заключение

Мы попытались показать, что для описания полисемии недостаточно имеющегося понятия «структура многозначности слова». Его естественно дополнить понятием «логическая структура полисемии». Действительно, структура многозначности фиксирует иерархию значений, отражающую современное употребление слова. При этом не ставится цель выделить логически исходное значение слова и описать логику развития остальных значений. В результате в структуре многозначности логически исходное значение слова может оказаться на периферии, а логически производное подаваться как центральное, поскольку оно наиболее употребительно, стилистически нейтрально и т. п. Логическая структура полисемии, напротив, отражает логику развития значений многозначного слова. Кроме того, она не ограничивается фиксацией значений как таковых, но отражает и модификации значения, а это позволяет описать «перетекание» одного значения в другое.

При этом можно говорить о логической структуре полисемии не только конкретного слова, но и семантического класса. Мы убедились, что каждый представитель данного класса может реализовать эту структуру по-своему.

Весьма вероятно, что во многих случаях логическая структура полисемии отражает историческое развитие многозначности слова. Однако это необязательно — реальный исторический процесс может оказаться прямо противоположным (ср. обратное словообразование).

Введенные нами конструкты — логическая структура полисемии и обобщенная схема значения — имеют целый ряд аналогов в современных лингвистических исследованиях[33].

Логическая структура полисемии в большой степени сближается с «семантической сеткой» Н. И. Толстого, которая представляет собой набор семем, отражающий значение слов некоторого семантического класса. При этом значение конкретного слова из класса может выводиться из данного набора удалением (но не добавлением) каких-то элементов. Такая семантическая сетка предназначается для сравнительно-типологического исследования синхронной семантики родственных (славянских) языков [Толстой 1997]. В работе [Бабаева 1998] рассматривается аналогичный конструкт, предназначенный для описания исторического развития семантики слова. Это «семантический потенциал» слова — набор семантических компонентов, из которого можно получить все зафиксированные значения данного слова, моделируя при этом пропущенные или утраченные «промежуточные» звенья развития семантики.

---

[33] Заметим, что с помощью аналогичных конструктов мы уже пытались описать один класс служебных слов [Урысон 2003а].

Наши конструкты близки концептуальной схеме и различным ее реализациям в работе [Анна Зализняк 2002], тоже введенным для описания структуры многозначности языковых единиц[34].

Обобщенные семантические схемы, с помощью которых мы представляем значения слов выбранного семантического класса, аналогичны разного рода обобщенным толкованиям, неоднократно предлагавшимся для описания семантической специфики классов слов. Один из примеров такого обобщенного толкования — это толкование синонимического ряда в [НОСС], которое является конструктом, отражающим общую часть значения синонимов. Другим примером может служить «формат толкования», разработанный в проекте Е. В. Падучевой «Лексикограф» для описания глагольной лексики [Кустова, Падучева 1994]. Похожий конструкт используется в работе [Анна Зализняк 1992] для описания семантики предикатов внутреннего состояния. Отметим определенное сходство данных конструкций с понятием обобщенной ситуации в функциональной грамматике, см., например, работу [Теремова 1986].

Основной результат предлагаемой работы мы формулируем так. Хорошо известная изменчивость значения слова в контексте может быть описана как «несостоявшаяся полисемия», причем механизм модификации значения — тот же, что и один из механизмов образования нового значения: в основе того и другого лежит сдвиг семантического акцента.

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Типы информации для словаря синонимов // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 305—347.

Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3—22.

Апресян, Жолковский, Мельчук 1984 — Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. «*Метель*» // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. S.-Bd. 14). С. 422—423.

Бабаева 1998 — Е. Э. Бабаева. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 94—106.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1956.

БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

[34] Ср. также когнитивную модель ситуации, предложенную в работе [Кустова 2001].

Даль — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1956.

Анна Зализняк 1992 — Анна А. З а л и з н я к. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

Анна Зализняк 2002 — Анна А. З а л и з н я к. Многозначность в языке и способы ее представления: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М., 2002.

Иорданская 1984 — Л. Н. И о р д а н с к а я. «*Дождь*» // И. А. М е л ь ч у к, А. К. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. S.-Bd. 14). С. 267—276.

Кустова 2001 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2001.

Кустова, Падучева 1994 — Г. И. К у с т о в а, Е. В. П а д у ч е в а. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 96—106.

Левонтина 2004 — И. Б. Л е в о н т и н а. «*Метель*, *вьюга*, *пурга*, *буран*» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 535—548.

МАС — Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1990.

НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

Падучева 1998 — Е. В. П а д у ч е в а. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3—23.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Покровский 1959/1895 — М. М. П о к р о в с к и й. Семасиологические исследования в области русских языков [1-е изд.: 1895] // М. М. П о к р о в с к и й. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Розина 2004 — Р. И. Р о з и н а. Семантическое развитие слова в русском языке и современном сленге: глагол: Автореф. дисс. … докт. филол. наук. М., 2004.

Словарь Новосибирской области — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Словарь Прибайкалья — Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 4: С—Я. Иркутск, 1989.

Словарь Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 6. Свердловск, 1982.

Словарь южных районов Красноярского края — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд. Красноярск, 1988.

СУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Теремова 1986 — Р. М. Т е р е м о в а. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.

ТКС — И. А. М е л ь ч у к, А. К. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. S.-Bd. 14).

Толстой 1997 — Н. И. Т о л с т о й. К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии // Н. И. Т о л с т о й. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997. С.114—119.

Урысон 1998 — Е. В. У р ы с о н. «Несостоявшаяся полисемия» и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 226—262.

Урысон 1999 — Е. В. Урысон. *Дух* и *душа*: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 11—25.

Урысон 2000 — Е. В. Урысон. Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 97— 121.

Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Урысон 2003а — Е. В. Урысон. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 217—246.

Хромов, Мамонтова 1963 — С. П. Хромов, Л. И. Мамонтова. Метеорологический словарь. 2-е изд. Л., 1963.

Шмелев 1973 — Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

В. З. Санников

ИЛЛОКУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ИЛИ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС?*

Вводные замечания

Начинается, как это нередко бывает в русистике, с Виктора Владимировича Виноградова. В трудах этого замечательного исследователя встречается, кроме детально и глубоко разработанных вопросов, множество отдельных наблюдений, «сделанных мимоходом», иногда даже отдельных примеров, которые со временем замечаются нами и служат отправной точкой для важных теоретических обобщений. К их числу относится следующий пример из статьи «Основные вопросы синтаксиса предложения»:

(1) — *Ветерок в аллее? — Да,* ***потому что листья дрожат*** [Виноградов 1975: 267].

Эту особенность данного класса сложных предложений, на которую лингвисты обратили внимание лишь в XX в., обыгрывал еще Гоголь — в «Мертвых душах» (т. 1, V):

(2) …*он* [чубарый конь], *положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо,* ***вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.***

Дрожание листьев не может быть причиной в е т р а (как раз наоборот!). Точно так гоголевский Чубарый нашептывает чепуху не потому, что приезжий конь встряхивает ушами. В обоих примерах сложное предложение (точнее — союз) объединяет не два факта, а нечто иное. Что же именно? М. В. Ляпон и некоторые другие русисты интерпретировали эти конструкции как «несобственно-причинные (причинно-аргументирующие)», имеющие характер обратной обусловленности, «связанные с перераспределением функций между главной и придаточной частью» (Грамматика 1980: 578, 580). Другими исследователями была принята интерпретация, предла-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-04-00263а, и РФФИ, грант № 04-07-90179.

гаемая в работах Е. В. Падучевой [Падучева 1985] и Л. Н. Иорданской [Иорданская 1988]: подчинительный союз объединяет факт (пропозицию) и речевой акт или иллокутивный показатель речевого акта (утверждение, вопрос, побуждение и т. д.)[1].

Интерпретация Падучевой и Иорданской достаточно убедительна, ее на материале сочинительных конструкций принял и я [Санников 1989]. Однако анализ примеров, содержащихся в моих работах и работах других исследователей (в первую очередь — в замечательной статье [Иорданская 1988]), убедили меня в чрезвычайной сложности объекта исследования и целесообразности его дальнейшего рассмотрения.

В работе Л. Н. Иорданской приводится широкий, может быть даже слишком широкий, круг иллокутивных конструкций (некоторые из них она заимствует из работ Е. В. Падучевой и других исследователей).

(1) *Ну, раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.*
(2) *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?*
(3) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).
(4) *Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*
(5) *Видно, Петю это задело, раз* ⟨*так как*, *поскольку*, *потому что*, *если*⟩ *он так много говорит об этом.*
(6) *Раз* ⟨*поскольку*, *если*⟩ *холодно, надень пальто.*
(7) *Раз на улице дождь, буду работать дома.*
(8) *Зачем ты пойдешь в Университет, раз* ⟨*если*⟩ *там никого нет?*
(9) *Раз* ⟨*если*⟩ *занавес закрылся, почему публика не расходится?*
(10) *Где Иван, а то им начальство интересовалось.*

По мнению Л. Н. Иорданской, многие русские подчинительные союзы имеют кроме значений, выделяемых словарями, параллельные, иллокутивные значения. Так, союз *раз* (основной объект работы Иорданской) толкуется следующим образом (с. 264):

Раз 1 Y, *X* = ‘говорящий считает, что в ситуации Y, которая имеет место, совершенно естественно то, что имеет место ситуация X’ [Y — пресуппозиция, данное, не может быть ремой].

Раз 2 Y, *X* = ‘говорящий считает, что в ситуации Y, которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание X’ [Y — пресуппозиция, данное или квазиданное, не может быть ремой].

Обращает на себя внимание «неэкономность» этого решения, «раздваивание» значения многих союзов (и, как мы увидим, не только подчинительных!). Достаточно ли оправданно это решение?

Главное наше возражение состоит, однако, даже не в этом.

[1] Вслед за Ш. Балли некоторые исследователи в этом или сходном значении говорят о диктуме (пропозиции) и модусе, или модальности.

При рассмотрении приводимых исследователями примеров иллокутивного употребления обращает на себя внимание крайняя их неоднородность (см. выше примеры (1)—(10)).

Л. Н. Иорданская связывает эту неоднородность с различиями в типе речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные фразы) или с интонационными характеристиками (восклицательные фразы). Эти признаки, на мой взгляд второстепенные, она считает решающими при определении круга иллокутивных конструкций и при их классификации. При этом она, очевидно, исходит из предпосылки о несовместимости разных типов речевых актов в пределах одного сложного предложения. Этой же точки зрения придерживается, видимо, Е. В. Падучева, отмечающая как необычные случаи объединения разных типов речевых актов в пределах одного сложного предложения. Однако такое объединение вполне обычно — не только в пределах сложноподчиненного, но и в пределах сложносочиненного предложения, ср.: *Я туда не пойду*, *и ты не ходи* ⟨*а ты сходи*⟩; *Я туда не пойду*, *а ты пойдешь?*

По нашему мнению, первостепенное значение имеет характер семантической связи между двумя частями сложного предложения, точнее, между двумя пропозициями — пропозицией главного и пропозицией придаточного предложений. И тогда отчетливо проявляются существеннейшие различия между приведенными выше примерами. Основное различие — в наличии / отсутствии смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями) и в характере этой связи: в (5)—(10) связь, бесспорно, есть; в (1)—(2) ее, бесспорно, нет (желание знать правду не связано с отъездом отца, эрудированность собеседника — с наименованием столицы Южной Дакоты). В (3)—(4) связь, бесспорно, есть, но она крайне необычна: ветерок в аллее не потому, что листья дрожат, а как раз наоборот; наличие мяса в холодильнике — реальность, не обусловленная аппетитом собеседника (хотя и здесь налицо смысловая связь, пусть далекая от обычной условной, выражаемой союзом *если*).

Причина сложностей и «несогласий», видимо, в том, что нет четкого определения иллокутивных употреблений.

На первый взгляд, предлагаемые исследователями определения иллокутивных употреблений достаточно близки. Е. В. Падучева: «Союз в этих случаях выражает соответствующее отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого» [Падучева 1985: 46]. Л. Н. Иорданская: «Под иллокутивным употреблением союза мы подразумеваем такое употребление, когда союз выражает отношение между смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению (например, во фразе *А так как ты все знаешь*, *какой город — столица Южной Дакоты?* придаточное выражает обоснование того, что говорящий задает вопрос, составляющий главное предложение ⟨…⟩; в ситуации ‘тебе холодно’ естественно сделать высказывание *надень пальто*» [Иорданская 1988: 239, 243].

Остается непроясненным один вопрос (по-моему, главный). О чем же все-таки идет речь: 1) об отношении между смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого или же 2) об отношении между смыслом одного предложения, иллокутивной функцией другого + сам смысл другого предложения? Это, понятное дело, разные вещи. Ср. фразу (11а), где части неразрывны, тесно связаны по смыслу причинно-следственной зависимостью, и (11б), где смысл главного не связан со смыслом придаточного и может быть заменен другим:

(11а) *Раз холодно, надень пальто.*

(11б) *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?* ⟨*какой город — столица Дагестана?*; *в какое море впадает Темза?*; *когда Маша и Коля поженятся?* и т. д.⟩.

Рассмотрим перечень «кандидатов» в иллокутивные употребления, отметим черты сходства и различия между этими «кандидатами». На основании этого попытаемся уточнить понятие иллокутивного употребления и показать, что, с одной стороны, к иллокутивным могут быть отнесены некоторые употребления, не включаемые ранее в класс иллокутивных, а с другой — что не все «кандидаты», выдвигаемые другими исследователями, соответствуют этому понятию. При этом возникают два важных вопроса, касающиеся самой природы явления: 1) не имеем ли мы дело в обсуждаемых конструкциях или в части из них с хорошо известным явлением синтаксического эллипсиса? и 2) как соотносятся эти два разных (хотя и тесно связанных) понятия — иллокутивное употребление и синтаксический эллипсис?

Решение задачи затруднительно без определения (хотя бы предварительного) границ и внутренней структуры явления.

Объем и границы иллокутивных употреблений

1) В работах Е. В. Падучевой и Л. Н. Иорданской вопрос исследуется на материале сложноподчиненных предложений с союзами. Между тем это более широкое явление. В другой работе [Санников 1989: 220] я отмечал, что иллокутивные употребления можно было бы видеть в некоторых сочинительных конструкциях, ср.:

(1) *Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах* (Л. Толстой).

Говорящий извиняется, разумеется, не за то, что его собеседник ничего не понимает в женщинах, а за свое заведомо неприятное для слушателя высказывание. Сходную природу имеют, видимо, и примеры типа (2):

(2) *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой. Война и мир).

В (2) противопоставляются не молчание говорящего и дурное поведение слушающего, фраза имеет более сложный смысл: ‘Я не утверждала, но могла бы утверждать и утверждаю сейчас: *Ты дурно с ней поступал*’.

В приведенных сочинительных конструкциях мы имеем дело с явлением, которое в подчинительных конструкциях интерпретируется обычно как иллокутивное употребление. Здесь в первой части сложносочиненного предложения — некоторые оговорки, извинения и т. п., и она без нарушения общего смысла высказывания могла бы быть опущена. Раз так, мы должны приписать иллокутивные значения также и некоторым сочинительным союзам, «раздваивая» тем самым и значения некоторых (а может, многих?) сочинительных союзов.

2) Иллокутивное употребление связывается обычно с союзом (подчинительным) и союзу приписывается. Между тем почти все приводимые Л. Н. Иорданской примеры допускают опущение союза или оформление частей сложного предложения как отдельных предложений — без резкого изменения смысла и без существенных изменений в соотношении их частей. Ср. приведенные в Введении союзные конструкции (1)—(10) с примерами (1а)—(10а):

(1а) *Ты хочешь знать правду — отец уехал навсегда.*
(2а) *Ты все знаешь: какой город — столица Южной Дакоты?*
(3а) *Захочешь есть — в холодильнике есть мясо.*
(4а) *Ветерок в аллее — листья дрожат.*
(5а) *Видно, Петю это задело — он так много говорит об этом.*
(6а) *Холодно, надень пальто.*
(7а) *На улице дождь, буду работать дома.*
(8) *Зачем ты пойдешь в Университет? Там никого нет!*
(9а) *Занавес закрылся, почему публика не расходится?*
(10а) *Где Иван? Им начальство интересовалось.*

Видимо, иллокутивные употребления возможны не только в сложноподчиненных предложениях (и союзных, и бессоюзных), но и в сложносочиненных предложениях и даже в сочетаниях независимых (синтаксически независимых) предложений.

Для удобства полемики сознательно пойдем на повторы: будем приводить преимущественно не собственный собранный материал, а внимательно рассмотрим приведенные выше примеры других исследователей (в основном это примеры Л. Н. Иорданской). По соображениям, которые будут ясны из дальнейшего изложения, мы рассматриваем их лишь как «кандидаты» в иллокутивное употребление и делим на четыре группы .

«Кандидаты» в иллокутивные употребления

I тип. «Собственно» иллокутивные употребления
Примеры

(1) *Ну раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.*
(2) *Пока не забыл, Вика передает тебе привет.*
(3) *Если верить преданиям, прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол* (И. Бунин).
(4) *Ну раз ты любишь пословицы, не в свои сани не садись!*
(5) *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?*
(6) *Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?*
(7) *Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?*
(8) *Пока ты не забыл, что было в институте?*
(9) *Если ты помнишь, в каком году Андрей окончил университет?*
(10) *Пока я не забыл, подмети-ка пол.*
(11) *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой. Война и мир).

В приведенных примерах содержание второй части не связано по смыслу с содержанием первой. Так, в (6) местонахождение словаря никак не связано с бодрствованием собеседников, смысл фразы: ‘Поскольку ты еще не спишь и в состоянии дать нужную информацию, скажи…’. Поэтому содержание второй части может быть самым разным, иногда прямо противоположным. Ср. приведенные примеры со следующими: *Ну раз ты хочешь знать правду*, *отец завтра вернется*; *Ну раз ты любишь пословицы*, *семеро одного не ждут* и т. д.

Конструкции ощущаются как неполные, «что-то пропущено», и именно к этому «пропущенному» относится придаточное:

(1а) *Ну раз ты хочешь знать правду,* [сообщаю правду:] *отец уехал навсегда.*
(2а) *Пока не забыл,* [скажу:] *Вика передает тебе привет.*
(3а) *Если верить преданиям,* [можно утверждать:] *прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол* (И. Бунин).
(4а) *Ну раз ты любишь пословицы,* [я сообщаю пословицу или: облекаю свое высказывание в форму пословицы:] *не в свои сани не садись!*
(5а) *А так как ты все знаешь,* [стоит обратиться с вопросом именно к тебе:] *какой город — столица Южной Дакоты?*
(6а) *Пока ты не спишь,* [спрошу:] *куда ты положила словарь?*
(7а) *Чтобы не спутать,* [спрошу:] *в котором часу завтра собрание?*
(8а) *Пока ты не забыл,* [скажи:] *что было в институте?*
(9а) *Если ты помнишь,* [скажи:] *в каком году Андрей окончил университет?*
(10а) *Пока я не забыл,* [попрошу:] *подмети-ка пол.*
(11а) *Я тебе не говорила, но* [необходимо сказать сейчас:] *ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой. Война и мир).

В первой части содержится обоснование типа речевого акта, обоснование того, почему в (1а)—(3а) и (11а) говорящий делает утверждение, в (4) облекает его в форму пословицы, в (5)—(9) обращается с вопросом, а в (10) — с просьбой.

Конструкции этого типа, обычно бессоюзные, характерны и для разговорной речи. Ср.:

Забуду я телефон / дай ручку (пример из [РРР 1981]).

Обращаю внимание на два существенных обстоятельства: 1) среди приведенных примеров есть высказывания разного типа — утверждения, вопросы, побуждения; 2) «пропущенные звенья» — это не обязательно модус, иллокутивный показатель речевого акта (*сообщаю*, *скажи* и т. д.), — ср. примеры (1а), (4а), (5а), (11а).

Приведенные фразы с восстановленными смысловыми звеньями становятся «обычными», неиллокутивными конструкциями с прямой речью (ср. также «обычную» целевую конструкцию *Чтобы не спутать*, *я спросил*: *«В котором часу завтра собрание?»*).

Парадоксальным образом эти эллиптичные конструкции в другом аспекте могут квалифицироваться как избыточные. Ведь здесь придаточное относится к опущенному элементу — который сам избыточен (не грамматически — информационно)! Тем самым и само придаточное тоже избыточно, можно было его не давать, а просто сообщить, спросить, попросить: *Отец уехал навсегда*; *Какой город — столица Южной Дакоты?*; *Куда ты положила словарь?*; *Подмети-ка пол.*

Это почти внутренний диалог, «мысли вслух» («Спрошу-ка у него, пока он не уснул ⟨пока я не забыл⟩!»).

Особенно интересны фразы с придаточным типа *Пока я не забыл…* В сущности, это — универсальное обоснование любого высказывания. Придаточное *Пока я не забыл* можно поставить, видимо, перед любым утверждением, вопросом, побуждением, а может и перед другими речевыми актами, ср.: *Пока я не забыл*, *вчера приходил Петя* ⟨*куда ты положила словарь?*; *сходи-ка за хлебом*⟩.

Здесь говорящий сознает, что он способен сделать высказывание, но эта способность может быть утрачена, поэтому он обращается именно сейчас.

В ряде случаев конструкция приобретает дополнительные компоненты значения. Ср.:

— *Зачем ты вчера разбил стекло в классе?*
— *Если хочешь знать ⟨если на то пошло⟩, я вообще вчера в школе не был.*

Здесь придаточное (точнее, конструкция в целом) выражает досаду говорящего, нечто типа: ‘Твое высказывание вызывает во мне чувство досады, оно не оправданно, поскольку имеет место ситуация *Я вообще вчера в школе не был*’ (ср. [Иорданская 1988]).

II тип. Конструкции «предупредительного поведения»

Примеры

(12) *Если вам ⟨ему⟩ нужно позвонить, то телефон в соседней комнате.*
(13) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).
(14) *Если захочешь поговорить, я дома до 10 часов.*

В отличие от конструкций I типа, где содержание, пропозиции обеих частей не связаны по смыслу, в конструкциях данного типа смысловая связь, несомненно, присутствует: желание позвонить и наличие телефона; желание поесть и содержимое холодильника. Части соединены союзом *если*, но это не обычная условная связь: ведь наличие телефона или мяса в холодильнике — реальность, никак не обусловленная желаниями слушающего. Эти конструкции называются в лингвистической литературе условными конструкциями «предупредительного поведения» или же конструкциями «каузации знания» относительно реально существующего положения дел [Колосова 1980].

Смысл фраз этого типа примерно такой: ‘Если ты захочешь есть, то [учти, что…]’. Казалось бы, в конструкциях этого типа есть еще дополнительный смысл: ‘к этому нет препятствий’ (см. приведенные примеры). Ср. также странность фраз типа **Если ты захочешь есть*, *холодильник пустой* (лучше: *учти*, *что*…).

Это, однако, не всегда так. Ср. (15а) и (15б), где противоположные смыслы главной части вполне допустимы:

(15а) *Если в поле их застанет дождь, там стогов полно стоит.*
(15б) *Если в поле их застанет дождь, там кругом ни деревца.*

В первой части описывается потенциально возможная ситуация. Смысл второй части во фразах (15а) и (15б): ‘естественно спрятаться; этому естественному следствию способствует (или препятствует) Y’.

Ср. также следующие фразы, где трудно видеть компонент смысла ‘к этому нет препятствий’:

(16) *Если пойдешь на рынок, у нас там вор на воре* (предостережение, предупреждение).
(17) *Если ты бежишь в Мексику, все дороги туда перекрыты* (бегство не исключено, но затруднено и требует особых мер предосторожности).
(18) *Если на меня нападут хулиганы, я недаром мастер спорта по боксу* [= ‘... то это не страшно’].

В условных конструкциях этого типа в придаточном говорится о настоящем или будущем, о возможном действии или состоянии слушающего (или другого лица). Поэтому здесь недопустимы другие ситуации, кроме

относящихся к настоящему или будущему (ср. странную фразу *Если вам ⟨ему⟩ нужно было позвонить*, *телефон был в соседней комнате*). Исключение — конструкции, описывающие ирреальные ситуации в прошлом, ср.: *Если ты ⟨он⟩ хотел бы вчера позвонить*, *телефон был в соседней комнате*; *Если ты ⟨он⟩ действительно хотел позвонить*, *телефон был в соседней комнате*

Недопустимы здесь также и другие союзы, кроме союза *если*, — даже близкий по значению союз *раз.* Ср.: **Поскольку ⟨раз⟩ он захочет позвонить*, *телефон в соседней комнате.*

Отметим еще один структурный признак, отличающий рассматриваемые конструкции от «обычных» условных: придаточное, как правило, препозитивно (ср. странную фразу *Телефон в соседней комнате*, *если вам ⟨ему⟩ нужно позвонить*).

В. С. Храковский утверждает, что в этих конструкциях субъектом положения дел, называемого в зависимой части, вводимой союзом *если*, является слушающий [Храковский 1998]. С этим вряд ли можно согласиться, ср.:

(19) *Если* ***я*** *захочу позвонить, телефон в соседней комнате.*
(20) *Если* ***захочешь*** *позвонить, телефон в соседней комнате.*
(21) *Если* ***ему*** *нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате.*
(22) *Если* ***придут*** *гости, гастроном пока открыт.*

Конструкции этого типа возможны не только в утверждениях, но и в речевых актах другого типа, чаще всего — в вопросах:

(23) *Если мне ⟨ему⟩ нужно будет поговорить, ты вечером дома?*
(24) *Если мне ⟨ему⟩ нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате?*
(25) *Если мне ⟨ему⟩ нужно будет позвонить, где телефон?*

Смысл: ‘Возможно X (например, желание позвонить); на тот случай, если возникает X, говорящий спрашивает собеседника об осуществимости (или неосуществимости) события X или о способах его осуществления’.

Вероятно, к этому типу сложных предложений относятся и отдельные сочинительные, конструкции, те, которые также воспринимаются как неполные, допускают вставку компонента [*учти*, *что*…]:

(26) *Приходи, но меня не будет дома.*

III тип. Конструкции обоснования
Примеры

(27) *Ветерок в аллее, потому что ⟨раз⟩ листья дрожат.*
(28) *Коля вчера уехал, потому что в окнах свету нет.*
(29) *Если в окнах нет свету, Коля вчера уехал.*
(30) *Видно, Петю это задело, раз ⟨так как*, *поскольку*, *потому что*, *если⟩ он так много говорит об этом.*

(31) *Дело казалось необыкновенной важности, ибо при городничем была даже новая шпага* (Н. Гоголь. Повесть о том, как поссорились…).

(32) — *Беспокойна, насмешлива, двуязычна, вскидчива… — Двуязычна и вскидчива? — Вскидчива; ибо вмале не вцепилась мне прошлый раз в волосы за один разговор…* (Ф. Достоевский).

Эти конструкции мы склонны считать эллиптичными, поскольку в них нет эксплицитного указания на обоснование, вывод, и они допускают расширение, ср.: [Думаю / считаю / вижу] *ветерок в аллее*, *потому что листья дрожат.* Этим они принципиально отличаются от соответствующих «полных», неэллиптичных конструкций с аргументирующим значением, где есть «специализированный коррелят» (термин М. В. Ляпон): *значит*, *следовательно*, *выходит*, *стало быть*, *знать* (см. [Грамматика 1980: 573]).

Показательно, что многие из приведенных эллиптичных конструкций (27)—(32) синонимичны конструкциям с коррелятами. Ср.:

⟨*Если*⟩ *в окнах нет свету,* ***значит****, Коля вчера уехал.*

При городничем была даже новая шпага, ***значит*** ⟨***стало быть***⟩, *дело казалось необыкновенной важности.*

Значит*, была башка на плечах, если из нищего, едва умевшего читать мальчишки вышел не Тишка, а Тихон Ильич…* (И. Бунин).

Конструкции со словом *значит* и другими коррелятами не раз привлекали внимание исследователей. Богатый материал приводится М. В. Ляпон в «Русской грамматике» [Грамматика 1980: 572—575; 578—583].

Рассматривая пример *Если температура воздуха упадет ниже нуля*, *то*, *значит*, *циклон переместился на запад*, В. С. Храковский отмечает, что здесь следствие предшествует условию, и объясняет это следующим образом: «…слово *значит* является маркером специфического речевого акта, представляющего одно из возможных риторических действий говорящего… положение дел, выражаемое в условии, в случае его осуществления служит говорящему основанием для того, чтобы он сделал речевой акт логического вывода (ср. [Разлогова 1988; Рахилина 1989])».

Вернемся к эллиптичным конструкциям типа (27)—(32). Между пропозициями существует отчетливая причинно-следственная зависимость, но «обратная»: содержание главного предложения является причиной содержания придаточного. Так, в примере (27), наблюдая следствие (*листья дрожат*), можно делать умозаключение о причине, о наличии ветра. Поэтому ни здесь, ни в любом другом примере этого типа недопустимо принципиально иное содержание главного предложения, в частности постановка в нем отрицания, ср.: **Нет ветерка в аллее*, *потому что листья дрожат.*

Значение этих конструкций можно описать следующим образом:

Раз ⟨*так как*, *поскольку*, *если*, *потому что*⟩ *X*, (*то*) *Y* =

‘Имеет место непосредственно наблюдаемое X;

известно, что обычно X бывает вызвано Y-ом и следует по времени за Y-ом;

поэтому естественно умозаключение (и высказывание):
Имеет место непосредственно не наблюдаемое Y'.

Показательно, что близкие по значению конструкции с расчленением союза (*потому*, *что*) допускают только «обычное», «прямое» причинное осмысление. Ср. правильную фразу *Листья дрожат* ***потому***, ***что*** *ветерок в аллее* и недопустимую: **Ветерок в аллее* ***потому***, ***что*** *листья дрожат.*

Вероятно, к этому типу (конструкциям обоснования) можно отнести некоторые метаязыковые конструкции:

Пальцы тискают селедку...
Водка капает с усов,
И сосед соседям кротко
Отпускает «подлецов».

Те дают ему ***по морде****,*
*(****Так как лиц у пьяных нет****),*
И летят в одном аккорде
Люди, рюмки и обед.
(Саша Черный. Русское)

Придаточное причины указывает здесь не на причину события (начавшейся драки), и не на обоснование ее внешних проявлений (*Те дают ему* ***по морде***), оно содержит обоснование самой **формы** высказывания, указывает на причину того, почему автор употребляет не слово *лицо*, а бранно-просторечный синоним — *морда.*

Еще пример этого типа:

[Жених — невесте, давшей в газете объявление об их помолвке]: *…зачем трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?* (Пэлем Г. Вудхауз. Держим удар, Дживс!, пер. И. Шевченко).

IV тип. Спорные случаи
Примеры

(33) *Раз* ⟨*поскольку*, *если*⟩ *холодно, надень пальто.*
(34) *Раз* ⟨*так как*, *поскольку*, *если*⟩ *она не любит грустные рассказы, напиши* ⟨*напишу*⟩ *веселый.*
(35) *Раз* ⟨*если*⟩ *занавес закрылся, почему публика не расходится?*

Конструкции этого типа (уже неоднократно упоминавшиеся выше) я, безусловно, не включал бы в число иллокутивных и рассматриваю здесь только потому, что их относят к иллокутивным некоторые авторитетные исследователи. На наш взгляд, в каждой из фраз (33)—(35) необычность заключается лишь в отнесенности частей сложного предложения к разным

типам речевого акта (утверждение + обещание; утверждение + пожелание и т. д.). Что же касается смысловой связи между частями, между их пропозициями, то она не только существует — она полностью совпадает с соответствующими «обычными» сложными предложениями (типа *Раз ⟨поскольку⟩ было холодно*, *я надел пальто*; *Раз ⟨поскольку⟩ занавес закрылся*, *публика разошлась*). Иорданская, отводящая главную роль типу речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные, восклицательные фразы), во фразе *Раз на улице дождь*, *работай ⟨буду работать⟩ дома* видит иллокутивное употребление, а во фразе *Раз ⟨поскольку*, *так как⟩ на улице был дождь*, *я работал дома* — неиллокутивное, «обычное». Это противопоставление утверждений другим типам речевых актов представляется недостаточно оправданным. Не вижу оснований для того, чтобы в (36а) видеть иллокутивное употребление, в (36б) — неиллокутивное, а фразе (36в) приписывать двойную интерпретацию:

(36а) *Если будет холодно, надень пальто.*
(36б) *Если будет холодно, я надену пальто.*
(36в) *Если будет холодно, ты наденешь пальто.*

Показательна в этой связи возможность свободного объединения вторых частей, относящихся к разным типам речевых актов:

(37а) *Раз ⟨поскольку*, *если⟩ холодно, надень пальто, и я надену.*
(37б) *Раз ⟨поскольку*, *если⟩ холодно, надену пальто, и ты надень.*
(37в) *Раз ⟨поскольку*, *если⟩ холодно, наденем-ка пальто.*

Настораживает также то обстоятельство, что многие утверждения получают двойную интерпретацию — иллокутивную и неиллокутивную. Причина, видимо, в том, что, как мы уже отмечали, нет четкого определения иллокутивных конструкций.

Некоторые итоги. Иллокутивные употребления или синтаксический эллипсис?

В описываемых нами синтаксических конструкциях части сложного предложения непосредственно не связаны между собой, в конструкции что-то пропущено (исключение составляет часть конструкций вывода-обоснования, те из них, где есть специальные показатели обоснования — «корреляты»: *значит*, *следовательно* и т. д. — и где заведомо нельзя говорить об эллипсисе).

Это «что-то пропущенное» может иметь принципиально разную природу. Существенно, однако, что фразы, относящиеся к каждому из четырех рассмотренных типов (кроме, может быть, спорных конструкций IV типа), допускают расширение и тем самым могут интерпретироваться как эллиптичные. Ср. ниже фразы (а) и (б):

(1а) *Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?*
(1б) *Пока ты не спишь,* [скажи/спрошу:] *куда ты положила словарь?*
(2а) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо.*
(2б) *Если ты захочешь есть,* [учти, что] *в холодильнике есть мясо.*
(3а) *Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*
(3б) [Думаю/считаю/вижу, что] *ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*

Разумеется, «полные» фразы (1б)— (3б) менее естественны, но ведь и другие, бесспорно эллиптичные сложные предложения выглядят естественнее своих «родителей» — полных конструкций. Ср.:

(4а) *Я купил белую рубашку, а он — голубую.*
(4б) *Я купил белую рубашку, а он купил голубую рубашку.*

По нашему мнению, мы имеем здесь дело с общим явлением, с которым постоянно сталкиваются лингвисты на материале разных уровней, хотя называют его по-разному: эллипсис, редукция, сокращение, неполнота. Единицы (реально существующие в языке!) редуцируются — иногда до неузнаваемости — на разных языковых уровнях, в том числе на низшем — фонетическом, ср. примеры Г. А. Бариновой: *пчу* (почему), *чек* (человек), *Я мот к те выду* (вм. *Я*, *может*, *к тебе выйду* — пример Г. К. Комяковой) [Баринова 1973]. Это явление «путает все карты, портит всю игру». Его описание и представление (особенно формальное) связано с большими трудностями. Не будем же мы в словарные статьи слов *почему*, *человек*, *мочь* включать *пчу*, *чек*, *мот* как произносительные варианты!

Наиболее детально, на богатом материале русской разговорной речи, с привлечением обширной литературы, вопрос о синтаксическом эллипсисе рассматривается Е. Н. Ширяевым (см. [РРР 1973; РРР 1981]). Впрочем, он и другие авторы РРР считают термин эллипсис «скомпрометированным» (см. [РРР 1973: 289]) и предпочитают говорить о «незамещенной синтаксической позиции». Выделяются три основных типа этих конструкций: а) обусловленные контекстом (*Ему он рассказывает одно*, / *а мне совсем другое*); б) предопределенные конситуацией (термин Е. А. Земской): «*Два* // у билетной кассы означает ‘дайте (продайте) мне два билета’; при обращении к хозяйке семьи, раскладывающей блинчики на тарелки — ‘положи мне два блинчика’ и т. п.» [РРР 1981: 197]; в) системно обусловленные, такие, которые понятны говорящему (читающему) вне контекста и вне знания ситуации: *Татьяна в лес*; *медведь за нею.* Это разделение представляется вполне оправданным. Все рассматриваемые нами конструкции относятся к третьему типу: они системно обусловлены и понятны вне контекста и без знания ситуации.

К классу эллиптичных относятся, видимо, также и некоторые другие сложные предложения, в частности некоторые уступительные конструкции, где первая часть связана уступительной связью не со второй частью, а с неким «пропущенным» звеном:

(5) *Хоть высоко окно в Маргаритин приют,*
У насмешника лестница есть
(Н. Гумилев. Маргарита).

Ср. (5) с соответствующими «полными» конструкциями: *Хоть высоко окно в Маргаритин приют*, (*но*) *это не имеет значения — у насмешника лестница есть*; *Хоть высоко окно в Маргаритин приют*, (*но*) *насмешник к ней заберется*: *у него лестница есть.*

Иллокутивное употребление. Попытка уточнить понятие

Из сказанного следует, что рассмотренные конструкции (кроме, пожалуй, конструкций IV типа: *Раз* ⟨*поскольку*, *если*⟩ *холодно*, *надень пальто*), интерпретируемые многими авторами как иллокутивные, бесспорно, относятся к классу эллиптичных конструкций. Значит ли это, что мы отказываемся от понятия «иллокутивное употребление» и сводим дискуссию до уровня споров о терминологии (которые всегда представлялись мне достаточно бесплодными)? Отнюдь нет. Термин «иллокутивное употребление» и соответствующее понятие вполне оправданны, однако нуждаются в более точном определении.

Дело в том, что, как мы уже видели, рассматриваемые эллиптичные конструкции крайне неоднородны по составу. Напомним вкратце о существеннейших различиях между конструкциями, входящими в эти группы.

Во фразах I типа (*Пока не забыл*, *Вика передает тебе привет*; *Ну раз ты любишь пословицы*, *не в свои сани не садись!*; *Пока ты не спишь*, *куда ты положила словарь?*; *Чтобы не спутать*, *в котором часу завтра собрание?*) события, описанные в главном и придаточном, никак не связаны: забывчивость говорящего не связана с любезностью Вики, любовь к пословицам — с запретом садиться в чужие сани, рассеянность — с местонахождением словаря или временем будущего собрания.

Во фразах II типа (*Если захочешь есть*, *в холодильнике есть мясо*) содержание главного и придаточного гораздо теснее между собой связаны: чувство голода и наличие продуктов. Но это связь опосредованная, существенно отличающаяся от связи частей «обычной» условной конструкции: мясо в холодильнике — реальность, оно есть независимо от желаний гостя (ср. с «обычной» условной конструкцией: *Если захочешь есть*, *пошарь в холодильнике*).

Во фразах III типа (*Ветерок в аллее*, *потому что листья дрожат*; *Если в окнах нет свету*, *Коля вчера уехал*) содержание главного и придаточного также тесно связаны, что выражается постановкой причинного или условного союза. Но здесь главное и придаточное как бы меняются местами. Как справедливо отмечают исследователи, дрожание листьев не может быть причиной ветра (как раз наоборот!), но этот факт может быть

причиной умозаключения о том, что есть ветер, и делает уместным соответствующее утверждение.

Мне кажется, иллокутивные конструкции — это частный вид эллиптичных конструкций, это те из них, где нет смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями). К иллокутивным следует относить такие, где содержание второй части полностью абстрагировано от содержания первой и обусловливает лишь сам тип речевого акта, объясняет, почему (или при каких условиях) вторая часть оформлена как побуждение (а не, например, как вопрос или утверждение), и наоборот. Другими словами: к иллокутивным мы склонны относить лишь конструкции I типа (см. с. 115—117): ⟨*Раз*⟩ *ты все знаешь*, *какой город — столица Южной Дакоты?*; *Ну*, *раз хочешь знать правду*, *отец уехал навсегда* (напомню, что эти примеры, как и многие другие, — из работы Л. Н. Иорданской). Глубокие познания собеседника или его правдолюбие обусловили обращение к собеседнику, но не само содержание высказывания.

Это резкое ограничение сферы иллокутивных употреблений может показаться слишком строгим и недостаточно оправданным. Но ведь в противном случае само понятие становится слишком неопределенным, а его границы — слишком размытыми!

К иллокутивным следует относить, по моему мнению, также и некоторые сочинительные и бессоюзные конструкции, такие как *Я тебе не говорила*, *но ты дурно с ней поступал* (Л. Толстой. Война и мир); *Ты все знаешь*: *какой город — столица Южной Дакоты?*

Тем самым если строго придерживаться критерия иллокутивности, то парадоксальным образом мы вынуждены исключить из числа иллокутивных даже «классические» иллокутивные конструкции II и III типа (*Если ты захочешь есть*, *в холодильнике есть мясо*; *Ветерок в аллее*, *потому что листья дрожат*), с которых, собственно, и началось исследование данного явления!

Впрочем, не следует преувеличивать различие подходов: вполне допустимо понимание рассматриваемых конструкций (кроме все-таки конструкций IV типа и конструкций с коррелятами типа *значит*) как иллокутивных. Но необходимо при этом учитывать различия между отдельными группами этих конструкций и резкое отличие конструкций I типа, «собственно иллокутивных», от всех остальных.

* * *

Автор благодарен Л. Л. Иомдину и А. В. Санникову за ценные критические замечания.

Литература

Арутюнова 1970 — Н. Д. Арутюнова. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44—58.

Балли 1955 — Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Баринова 1973 — Г. А. Баринова. Фонетика // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 40—150.

Виноградов 1975 — В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254— 294.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980.

Иорданская 1988 — Л. Н. Иорданская. Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 1988. № 12. P. 239—267.

Колосова 1980 — Т. А. Колосова. Русские сложные предложения асимметрической структуры. Воронеж, 1980.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Разлогова 1988 — Е. Э. Разлогова. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 98—107.

Рахилина 1989 — Е. В. Рахилина. Отношение причины и цели в русском тексте // ВЯ. М., 1989. № 6. С. 46—54.

РРР 1973 — Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.

РРР 1981 — Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М.: Наука, 1989.

Санников 2001а — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза ЕСЛИ // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 68—89.

Санников 2001б — В. З. Санников. Еще раз о союзе РАЗ // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 109—116.

Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7—96.

О. Е. Фролова

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ
(антропоцентрический аспект)

Человек постоянно обращает внимание на свое сходство с животными, фиксирует его в языке и даже отмечает разную природу этого сходства. Более того, видя в себе черты животных, люди и их наделяют своими качествами, поэтому сравнение становится обоюдонаправленным.

Названия животных, традиционный предмет лексикографического описания, по-прежнему остаются в фокусе внимания лингвистов [Адаменко 1971; Гутман и др. 1977; Соколов 1988; ПСНЖ. Амфибии; ПСНЖ. Рыбы; Луцкая 1999; Белова 2000; Чжэн Инкуй 2002; Козлова 2001; 2003; Джахангири Азар 2003; РКП] [1].

Употребления названий животных в антропоцентрических значениях зафиксированы и в фольклоре, и в древнерусских текстах.

От названий животных на основании семантического переноса произошли клички людей типа *Кошка*, позже преобразовавшиеся в многочисленные русские фамилии: *Баранов*, *Белкин*, *Быков*, *Волков*, *Воробьев*, *Ежов*, *Зайцев*, *Зверев*, *Козлов*, *Коровьев*, *Коровин*, *Котеночкин*, *Куропаткин*, *Куницын*, *Курицын*, *Лебедев*, *Медведев*, *Орлов*, *Птицын*, *Рыбкин*, *Синицын*, *Соколов*. Подобные фамилии проанализированы Б. О. Унбегауном. Автор выделил группу фамилий, образованных от прозвищ, которые в свою очередь произошли от названий птиц, млекопитающих, рыб и насекомых: *Жаворонков*, *Кабанов*, *Налимов*, *Комаров*. Подобные фамилии сформировались, как пишет автор, «в результате естественного исторического процесса» [Унбегаун 1995: 169]. Вторую группу составили возникшие вне этого процесса «искусственные» фамилии *Орловский*, *Голубинский* [Унбегаун 1995: 148—152, 175].

Несмотря на то что названия животных в переносных значениях давно употребляются в речи, словари отмечают такие значения иногда со значительным опозданием.

---

[1] Мы хотели бы выразить благодарность Н. М. Луцкой и Ж. Ж. Варбот за помощь в написании данной работы.

Предметом настоящей статьи и являются русские названия животных в переносных значениях, касающихся человека и обозначающих какие-либо черты его характера, внешности или социального поведения, т. е. названия животных в антропоцентрическом аспекте, а также глаголы, образованные от названий животных. Уточним: нас интересует не употребление названий животных в переносных значениях в живой устной или письменной речи, а фиксация их в толковых словарях. Для нас важно не то, когда возникло то или иное переносное антропоцентрическое употребление названия животного в речи, а когда и как это переносное значение зафиксировано словарями.

Ограничим предмет нашего рассмотрения. Во-первых, мы не предполагаем анализировать этимологию переносных значений интересующей нас группы существительных и, во-вторых, не рассматриваем предметные переносные значения названий животных.

Еще одно ограничение касается так называемых аллегорических и символических переносных значений, когда то или иное животное устойчиво ассоциируется с каким-либо мифологическим существом или абстрактным понятием. Например, *змий* — «дух зла, дьявол» [Словарь 1891, т. 2, вып. 4—9: стб. 2714]; «дьявол в образе змея (в христианской мифологии)» [Ушаков 1: стб. 1106]; *бегемот* — «одно из видовых названий сатаны» [Словарь 1891, т. 1: стб. 129]; *агнец* — «в священных книгах называется так Иисус Христос, поелику он не только был незлобивый и невинный страдалец, но и жизнь свою по подобию агнцев в Ветхом Завете жертвоприносимых принес в жертву за спасение мира» [САР—1, 1: стб. 6, 7].

Четвертое важное ограничение: в круг нашего внимания не попадают вокативы, так как при их употреблении говорящий не имеет в виду никаких черт характера адресата: *ласточки*, *зайчики*, *рыбки* не отражают ни внешности, ни поведения человека.

Пятое ограничение касается функционирования названий животных в составе фразеологизмов и паремий. Такие речения демонстрируют значительно большее разнообразие семантических ролей, нежели переносные значения названий животных, и часто эти роли входят в противоречие друг с другом [Козлова 2001; 2003].

Наконец, шестое ограничение «отсекает» семантику названий животных в жаргонах.

Итак, нас интересует то, как и когда фиксируются антропоцентрические значения названий животных в словарях. Можно сказать, что появление такого значения в словаре является фактом его лексикографического осознания. Часто между отмеченными употреблениями названия животного в переносных значениях в устной и письменной речи и фиксацией подобных значений в словарях существует временная дистанция. Мы попытаемся понять, чем можно объяснить подобное отставание. Кроме этого, мы хотим выяснить, какие типы переносных значений отмечаются толковыми словарями.

Употребления, отраженные в словарях и рассматриваемые нами, объединяются по признаку возможности исполнять роль семантического предиката, см. [Виноградов 1977: 184]. В языке употребление названий животных в подобной позиции градуировано. На одном полюсе находятся конструкции *S cop P*, где *S* — субъект, *P* — предикат, а *cop* — связка, в которых позицию предиката занимает название животного. На другом полюсе сравнительные полипредикативные конструкции с союзом *как* и экспликацией основания сравнения: *кричит*, *как выпь*; *назойлив*, *как муха*. Между этими полюсами, видимо, следует поместить конструкции с творительным сравнения, накладывающие ряд ограничений на имя, имеющих конвенциональную природу: например, по-русски нельзя сказать **кричать выпью*, **летать мухой*, но можно *петь* / *заливаться соловьем*, *взвиться соколом*, *кинуться ястребом.* Триада конструкций: а) с союзом *как*, б) с творительным сравнения и в) *S cop P* — демонстрирует возрастающие ограничения на сочетаемость. Они минимальны в первой конструкции. Н. Д. Арутюнова показала, что сравнение с союзом *как* имеет максимально широкую сочетаемость благодаря тому, что говорящий может выделять как основание для сопоставления предметов и явлений любой признак: постоянный, неотъемлемо присущий объекту, временный или кажущийся [Арутюнова 1979: 155—158].

Итак, мы намереваемся проследить, как отражены переносные антропоцентрические значения названий животных и их глагольные дериваты в толковых словарях.

Названия животных выявлены нами в 13 словарях (см. список источников в конце статьи). Они дают лексикографическое описание синхронного состояния лексики. Исторические словари нами не рассматриваются.

Применительно к названиям животных, зафиксированным в толковых словарях, мы видим свои задачи в следующем:

1) определить корпус названий животных, которые принимают антропоцентрические значения;

2) определить соотношение антропоцентрических значений гипонимов и гиперонимов;

3) выявить динамику формирования переносных значений в группах названий животных: 3.1. домашние / дикие, 3.2. привычные / экзотические;

4) выявить случаи изменения переносных значений одних и тех же лексических единиц;

5) выявить типы антропоцентрических значений;

6) определить динамику формирования разных типов переносных значений у названий животных.

В словарях нами обнаружено 138 названий животных, у которых отмечены переносные антропоцентрические значения. Большинство из них, за исключением некоторых слов, например *орел*, объединяют отрицательные коннотации. Таким образом, мы имеем дело с негативно оцениваемыми качествами человека.

Среди переносных значений названий животных только девять гиперонимов: *зверь*, *животное*, *гад*, *скотина*, *хищник*, *птица*, *птенец*, *рыба*, *паразит*.

Переносные антропоцентрические значения гиперонимов *зверь*, *животное*, *птенец*, *гад* появляются уже в САР—1. При этом не все слова сохраняют постоянство в значениях. Одна сема ‘лютость’ — ‘жестокость’ объединяет значения слова *зверь* во всех словарях: «Придается имя сие человеку жестокому и суровостию лютым зверям подобному» [САР—1, т. 3: стб. 35]; «*перен*. О бессмысленно жестоком, бессердечном, грубом человеке, о свирепом, насильнике» [БАС 4: стб. 1152]; «2. *разг*. О жестоком, свирепом человеке; 3. *на что в сравн.* О человеке, делающем что-л. с азартом, рьяно» [БТС: 361].

В семантике слова *животное* сема ‘глупость’, отмечавшаяся САР—1, САР—2, СЦСРЯ—1, СЦСРЯ—2, Словарем 1891, в Словаре Ушакова дополняется еще одной — ‘грубость’. В. И. Даль ввел в толкование переносного значения слова *животное* лексему *скотина*. Авторы БАС уже не отмечают сему ‘глупость’, но возвращаются к Далю.

Животное — «В смысле укорительном означает глупого человека» [САР—1, т. 2: стб. 1133]; «В смысле укорительном означает человека глупого, бессловесным животным подобного» [САР—2, 2: стб. 445]; «Глупый человек, подобный бессловесным животным» [СЦСРЯ—1, 1: 409; СЦСРЯ—2, 1: стб. 852]; «*бранно*. Скотина, недостойный имени человека» [Даль 1: 540]; «В приложении к человеку: синоним грубого, неразумного (употребляется обыкновенно в бранном смысле); || О жалком, несчастном человеке» [Словарь 1891, т. 2, вып. 2: стб. 453]; «Неумный и грубый человек (*разг. бран.*)» [Ушаков 1: стб. 867]; «О человеке грубом, с неразвитыми нравственными понятиями» [БАС 4: стб. 125]; «*разг.* О человеке грубом, с низменными инстинктами» [МАС 1: 483]; «*перен.* О грубом, неразвитом и неумном человеке. (*разг. презр.*)» [Ожегов 1999: 194]; «*разг.-сниж.* О человеке грубом, с низменными инстинктами» [БТС: 305]. В. В. Виноградов полагал, что в литературном языке XVIII в. данное слово было лишено бранного оттенка и означало «живое существо» [Виноградов 1999: 761]. Однако уже в конце XVIII в. в толковании переносного значения слова *животное* в САР—1 фиксируется отрицательная коннотация.

У слова *хищник* произошла мена прямого и переносного значений. Словари конца XVIII и XIX вв. в качестве первого значения приводят следующее: «тать, грабитель, вор» [САР—1, 6: стб. 538, САР—2, 6: стб. 1145; СЦСРЯ—1, 4: 401; СЦСРЯ—2, 4: стб. 842; Даль 4: 549]. В словаре Ушакова данное значение отмечается как переносное [Ушаков 4: стб. 1148]. В БАС также в качестве прямого значения приводится обозначение плотоядного животного: «1. Хищный зверь; хищное животное. О хищном звере. О рыбе, морском животном. О птице. // *перен*. О том, кто своими наклонностями, повадками (алчностью, жестокостью и т. п.) напоминает хищное животное» [БАС 17: стб. 156]. Виноградов отмечает, ссылаясь на высказы-

вания М. Е. Салтыкова-Щедрина, что в русских газетах 1860—1870-х гг. слово *хищник* в переносном значении обозначало темного дельца, вора или конокрада. По мнению Салтыкова-Щедрина, в то время подобное употребление воспринималось как неясное и «щеголеватое» [Виноградов 1999: 816].

В ряду гиперонимов выделяется слово, называющее детеныша — *птенец* — и толкуемое в САР—1 как «малолетнее дитя» [САР—1, 4: стб. 1169]. У слова *птица* антропоцентрическое значение отмечается только в XX в. Ушаковым, однако в этом словаре переносное значение данного имени описывается в составе словосочетаний: *важная птица*, *что за птица*, *невелика птица* [Ушаков 3: стб. 1061].

Так же поздно, в XX в., у Ушакова фиксируется переносное значение гиперонима *рыба*: «*перен*. О человеке вялом, неэнергичном, равнодушном, бесстрастном (*разг*. *пренебр*.)» [Ушаков 3: стб. 1412]. И здесь наблюдается интересное хронологическое и семантическое противоречие. Переносные значения гипонимов *ерш* и *щука* отмечаются словарями с конца XVIII в. Интерпретируются они следующим образом: *ерш* — «мальчик огрызливой» [САР—1, 2: стб. 1017]; *щука* — «в просторечии уподобительно называется лукавый, хитрый, пронырливый человек» [САР—1, 6: стб. 971].

Если пытаться сгруппировать названия животных, у которых словари отмечают переносные значения, мы получим такую картину:

домашние животные и птицы (*собака*, *пес*, *кобель*, *сука*, *щенок*, *ищейка*, *легавая*, *лошадь*, *жеребец*, *кобыла*, *кляча*, *корова*, *бык*, *теленок*, *телок*, *телка*, *свинья*, *боров*, *поросенок*, *кот*, *овца*, *баран*, *ягненок*, *коза*, *курица*, *петух*, *наседка*, *гусь*, *индюк*, *осел*, *ишак*);

дикие животные, птицы — в эту группу мы включаем также земноводных и рыб (*бирюк*, *волк*, *лиса*, *медведь*, *заяц*, *байбак*, *тюлень*, *пыжик*, *кабан*, *крыса*, *хомяк*, *еж*, *зубр*, *морж*, *лев*, *львица*, *обезьяна*, *мартышка*, *дикобраз*, *бегемот*, *ворона*, *голубь*, *воркун*, *бормотун* (порода голубей), *сорока*, *орел*, *пигалица*, *попугай*, *лебедь*, *стервятник*, *ястреб*, *кукушка*, *соловей*, *сокол*, *сова*, *жаворонок*, *цапля*, *черепаха*, *хамелеон*, *змей*, *щука*, *ерш*, *акула*, *гадюка*, *аспид*, *крокодил*).

Видимо, следует отдельно выделить беспозвоночных, насекомых и паразитов: *трутень*, *клоп*, *пиявка*, *паук*, *козявка*, *букашка*, *тля*, *гнида*, *червь*, *стрекоза*, *глист*.

Если же группировать названия животных на основании критерия *свой* / *чужой* и выделить последние, то будет такая картина: *лев*, *бегемот*, *каракатица*, *акула*, *обезьяна*, *мартышка*, *слон*, *шакал*, *ехидна*, *пава*, *гиена*, *мастодонт*.

Некоторые переносные значения названий диких животных были заимствованы, например, значение слова *лев* ‘законодатель мод, правил светского поведения’ возникло, как указывает Виноградов, под влиянием французского языка [Виноградов 1999: 268].

Анализируя получившиеся тематические группы, видим, что существительные, обозначающие домашних животных, демонстрируют тяготение к

детализации: внутри этого разряда образуются подгруппы с довольно четкой структурой — название вида, мужская особь, женская особь, детеныш.

По данным толковых словарей, в группе диких животных не отмечены различия в возрасте — *взрослая особь / детеныш*, а также различия по полу, за исключением пары *лев / львица*; переносные значения данных существительных не демонстрируют значительных расхождений. В группе же домашних животных переносные значения названия мужской и женской особи характеризуются существенными отличиями в семантике: *жеребец / кобыла*.

Группа *собака*, *пес*, *сука*, *кобель*, *щенок* уникальна, так как ее члены получают разные, не сводимые к единому знаменателю значения, к тому же отмечаемые словарями в разное время. В переносных значениях сближаются только слова *собака* и *пес*.

Собака — «3. *перен*. Хищник, насильник (*ритор*. *бран*.); 4. *перен*. Негодяй, презренный человек; употр. также вместо ругательства *сукин сын*, *черт* и т. п. (*простореч*. *бран*.)» [Ушаков 4: стб. 829]; «*перен*. *С оттенком пренебрежения.* О человеке, с излишним рвением охраняющем интересы кого-либо, служащем кому-, чему-либо. 2. *перен. простореч.* О злом, жестоком, дурном и т. п. человеке. 3. *перен. простореч.* О знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатоке своего дела» [БАС 14: стб. 6]; «2. *прост*. Употребляется как бранное слово. 3. *прост*. Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.» [МАС 4: 168].

Пес — «2. О человеке, вызывающем негодование, заслуживающем презрения (*ритор*.) || Бранное слово (*простореч*.)» [Ушаков 3: стб. 239; БАС 9: стб. 1071]; [МАС 3: 113; БТС: 826]; «2. *перен*. О человеке, готовом на любые низкие поступки, дела» [Ожегов 1961: 504; 1972: 471; 1999: 516].

Кобель — «*бранно*: молодой человек любострастных наклонностей» [Словарь 1891, т. 4, вып. 4: стб. 1219]; «*перен*. О человеке с грубо чувственным отношением к женщине (*вульг*. *бран*.)» [Ушаков 1: стб. 1387]; «*перен*. *грубо*. *простореч*. *бранно*. О здоровом, похотливом мужчине» [БАС 5: стб. 1083]; «*груб*. *прост*. О похотливом мужчине» [МАС 2: 64].

Сука — «*бран*. негодная женщина, особ. наушница, сплетница» [Даль 4: 358]; «*грубо*. *простореч*. Употребляется как бранное слово, обычно по отношению к женщине» [БАС 14: стб. 1175]; «*груб*. *прост*. Употребляется как бранное слово» [МАС 4: 303—304].

Щенок — «*перен*. Несовершеннолетний, молокосос, мальчишка (*простореч*. *бран*.)» [Ушаков 4: стб. 1385]; «*перен*. *простореч*. О молодом, неопытном человеке» [БАС 17: стб. 1672]; «*прост*. *бран*. О молодом, неопытном в каком-л. деле человеке, молокососе, мальчишке» [МАС 4: 742].

Теперь выясним, на каких основаниях образуются переносные антропоцентрические значения у названий животных.

Проанализируем несколько примеров:

Медведь — «*перен*. *разг*. О человеке, чем-либо напоминающем это животное» [БАС 6: стб. 754, 755]; «*разг*. О крупном, сильном, но грузном и

неуклюжем человеке» [БТС: 528]. *Бегемот* — «*переносно*: О толстом неуклюжем человеке» [БАС 1: стб. 309]; «*разг.-сниж.* О крупном, полном, неуклюжем человеке» [БТС: 63]. *Цапля* — «*перен. разг. шутл.* или *бранно*. По отношению к лицам мужского и женского пола. О высоком, длинноногом человеке» [БАС 17: стб. 534].

Для приведенных выше названий животных перенос происходит по внешнему, перцептивно воспринимаемому сходству человека и животного. Подобных имен не так много: *корова* (по Ушакову), *каракатица*, *слон*, *глиста*, *крокодил* (по БТС), *дикобраз* (по БТС). Назовем этот тип квалитативно-перцептивным.

Наиболее распространен второй тип, который можно было бы назвать квалитативно-поведенческим. С нашей точки зрения, в предложенном нами термине нецелесообразно разделять свойство характера и поведение, так как они взаимосвязаны. К этому типу относятся следующие имена в переносных значениях: *осел* — «Называют также уподобительно всякого ленивого, непонятного — неповоротливого человека» [САР—2, 4: стб. 392]; «*перен*. Глупец, дурак, тупой упрямец (*бран.*)» [Ушаков 2: стб. 861]; «*перен*. О глупом человеке» [БАС 8: стб. 1085]; *лиса* — «Любящий или любящая ласкаться вокруг кого-либо с корыстною целью» [СЦСРЯ—1, 2: 255]; «лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра; корыстный льстец» [Даль 2: 254]; «*переносно*: лукавый, хитрый человек» [Словарь 1891, т. 5. вып. 3: стб. 634]; «*перен.* Льстец, хитрый обманщик» [Ушаков 2: стб. 68]; «*перен*. О хитром человеке, льстеце» [БАС 6: стб. 249].

К этому же типу можно отнести следующие названия животных: *ворона*, *трутень*, *свинья*, *баран*, *петух*, *хомяк*, *щука*, *еж*. Перенос в таких случаях происходит на основании сходства поведения и реконструируемых черт характера.

Существительное *черепаха*, по-видимому, можно интерпретировать как принадлежащее обеим группам, так как, чтобы говорить о чьей-либо медлительности, нужно наблюдать объект; с другой стороны, это и поведенческая характеристика.

В приведенных ниже примерах основание для переноса иное. *Морж* — «Любитель зимнего плавания в открытых водоемах» [МАС 2: 299]. *Заяц* — «Boersenhasen, courtiers, marrons. Кроме маклеров, вопреки ст. 2209 и 2210 т. XI ч. II, существует на биржах множество незаконных маклеров, именуемых зайцами. Их еще называют сводниками и негласными биржевыми агентами; coulisiers (Григорьев). // Железнодорожные зайцы — безбилетные пассажиры, т. е. не купившие проездных билетов по железной дороге. // Театральные зайцы — безбилетные зрители или посетители театра. // В пограничных местечках зайцем назыв. человек, перебирающийся через границу нелегально, без паспорта, не через таможню, а окольными путями и тайком (сообщ. Пахман)» [Словарь 1891, т. 2, вып. 4: стб. 2430, 2431]. К этому же типу следовало бы отнести слово *кукушка* — «Беззаботная мать, покидающая детей»; «Зловещий человек» [Даль 2: 214]; «*простореч*. У во-

енных — снайпер, стреляющий с дерева» [БАС 5: стб. 1808], а также существительное *паразит*.

Данные значения тоже выделяются на основании поведения, только в отличие от предыдущего случая здесь подчеркивается его социальный аспект, поэтому мы назовем третий тип социально-поведенческим. В этом типе можно говорить об имплицитно присутствующем представлении о социальной норме или обычае, язык же фиксирует поведение, оцениваемое как непривычное или не принятое. В Словаре 1891 в статье *заяц* наряду с социально-поведенческим приводится также квалитативно-поведенческое значение «трус» [Словарь 1891, т. 2, вып. 4: стб. 2430].

Четвертая группа крайне малочисленна. Название животного в этом случае находится в позиции реляционного предиката, его нельзя назвать социально-квалитативным. Это существительные *клоп* и *птенец*. *Клоп* — «*общ. шутливо*: маленький мальчик или маленькая девочка; малыш» [Словарь 1891, т. 4. вып. 4: стб. 1071]. *Птенец* — «малолетнее дитя» [САР—1, 4: стб. 1169]. Для того чтобы употребить подобную номинацию в речи, говорящий не должен быть ровесником адресата или объекта номинации, т. е. назвать кого-либо *клопом* может или взрослый, или ребенок, старший по возрасту. Этот тип переносного значения мы назовем релятивным.

В качестве промежуточного случая между квалитативно-поведенческим и релятивным типами можно рассматривать семантику слов *ерш* — «мальчик огрызливой» [САР—1, 2: стб. 1017] и *стрекоза* — «*разг*. О живой, подвижной девочке, девушке» [МАС 4: 285].

И наконец, пятый тип переносного значения можно выделить у слов *кобель*, *жеребец*, *кот*. *Жеребец* — «*разг.-сниж*. О мужчине, до неприличия проявляющем свои физиологические наклонности» [БТС: 303]. *Кот* — «Мужчина волокита ⟨…⟩ Прелюбодей, любовник» [Словарь 1891, т. 4, вып. 8: стб. 2483]; «*перен*. О похотливом, сластолюбивом мужчине (*прост. пренебр.*)» [Ожегов 1999: 300]; «*разг*. О похотливом, сластолюбивом мужчине» [БТС: 463]. *Кобель* — «*бранно*: молодой человек любострастных наклонностей» [Словарь 1891, т. 4, вып. 4: стб. 1219]; «*перен*. О человеке с грубо чувственным отношением к женщине (*вульг. бран.*)» [Ушаков 1: стб. 1387]; «*перен. грубо. простореч. бранно*. О здоровом, похотливом мужчине» [БАС 5: стб. 1083]; «*груб. прост*. О похотливом мужчине» [МАС 2: 64]. В наиболее «чистом» виде подобное значение словари единодушно отмечают по отношению к слову *кобель* [Словарь 1891, т. 4. вып. 4: стб. 1219; Ушаков 1: стб. 1080; БАС 5: стб. 1083; МАС 2: 64; БТС: 435]. Мы можем отвлечься от различий в толкованиях и выделить сему, которая объединяет толкования переносных значений данных имен в словарях: ‘чрезмерно активное сексуальное поведение’. При этом словари отмечают особенности гендерного поведения только у мужских особей для денотатов мужского пола.

Значения, отмечаемые разными словарями у названий мужских особей, можно объединить на основании того, что данные слова описывают сексуальную активность человека.

Назовем пятый тип переносных значений гендерным.

Что касается названия женской особи *сука*, толкование БАС: «*грубо. простореч*. Употребляется как бранное слово обычно по отношению к женщине» [БАС 14: стб. 1175] — не позволяет однозначно судить о том, какую характеристику женского поведения имели в виду авторы. Данное толкование недостаточно для того, чтобы говорить именно о сексуальном поведении. В более поздних словарях [МАС; Ожегов 1999] из толкования изымается упоминание о женщине как объекте номинации. С нашей точки зрения, в современном употреблении слово *сука* можно считать существительным общего рода, близким по значению имени *сволочь*, так как в речи оно приложимо как к женщине, так и к мужчине: *Он — сука*, *Она — сука*. Словари последнего времени [Ожегов 1999; БТС] не фиксируют различий в семантике существительных *сука* и *сучка*, а между тем, по-видимому, сексуальный аспект присутствует в диминутиве. Подобное, гендерное значение у слова *сучка* отмечается и в жаргоне [БСРЖ: 576].

Переносные значения квалитативно-поведенческого типа также чувствительны к полу объекта номинации. Слова *бык*, *индюк*, *петух* характеризуют только черты характера и поведение мужчин, а *кляча*, *выдра*, *корова*, *наседка* — женщин.

Итак, можно говорить по крайней мере о пяти типах антропоцентрических значений названий животных: квалитативно-перцептивном, квалитативно-поведенческом, социально-поведенческом, релятивном и гендерном. Разумеется, границы между выделенными типами не могут быть жесткими.

Наша типология переносных значений не совпадает с более дробной классификацией, предложенной в работе Чжэн Инкуй: оценка качества; внешний вид; определенный темперамент; черты характера, отражающие отношение человека к другим людям; черты характера, отражающие отношение человека к труду, к делу; черты характера, отражающие волевые качества человека; репутация [Чжэн Инкуй 2002: 88]. Предложенная нами типология строится на иных основаниях и представляется более компактной.

Теперь обратимся к хронологии. Наблюдения над тем, как переносные значения названий животных отражены в толковых словарях, показывают, что разные типы антропоцентрических значений фиксируются словарями в разное время. В САР—1 отмечено несколько квалитативно-поведенческих значений (у слов *осел*, *трутень*), одно релятивное (у слова *птенец*) и еще одно, которое мы выше охарактеризовали как промежуточное между релятивным и квалитативно-поведенческим (у слова *ерш*). При этом в САР—1 нет ни одного очевидно квалитативно-перцептивного, социально-поведенческого или гендерного переносного значения у слов — названий животных.

«Массово» социально-поведенческие значения фиксируются толковыми словарями на рубеже XIX — начала XX вв. (см. *заяц* по Словарю 1891). Перцептивно-квалитативные значения отмечаются словарями позже, в середине XX в. Наконец, переносные значения гендерного типа фиксируются в конце XIX в. и во второй половине XX в.

Возможны случаи образования антропоцентрической полисемии, сосуществования двух разных типов переносных значений. Проиллюстрируем это на примере толкования значений слов *жеребец* и *кот*.

Жеребец — «*разг.-сниж.* О молодом мужчине (обычно рослом и сильном). || *Разг.-сниж.* О мужчине, до неприличия проявляющем свои физиологические наклонности» [БТС: 303]. В БТС представлены квалитативно-перцептивное и гендерное значения.

Кот — «*обл.* Бродяга. // Мужчина волокита, сутенер. Золоторотец, босяк. Оборванец. Прелюбодей, любовник. Человек, живущий на средства своей любовницы, падшей женщины. Служитель в публичном доме, вышибала» [Словарь 1891, т. 4. вып. 8: стб. 2483]; «*перен.* О похотливом, сластолюбивом мужчине (*прост. пренебр.*)» [Ожегов 1999: 300]; «*разг.* О похотливом, сластолюбивом мужчине. *жарг.* О сутенере» [БТС: 463]. В Словаре 1891 и БТС отмечены социально-поведенческое и гендерное значения («мужчина волокита»).

Возвращаясь к диахроническому аспекту рассмотрения антропоцентрических значений названий животных, выявим группу, которую фиксирует в конце XVIII в. САР—1: *зверь*, *животное*, *гад*, *байбак*, *хомяк*, *тюлень*, *трутень*, *пиявица*, *бык*, *ворона*, *осел*, *ерш*, *щука*, *бормотун* (порода голубей), *агнец*, *агница*. По-видимому, природа переносных значений названий животных *агнец*, *агница*, *ехидна*, *осел* книжная. *Агнец*, *ехидна*, *осел* — название животных, упоминаемых в Библии. В толкованиях для слов *агнец* и *агница* соседствуют переносные аллегорические и символические и квалитативно-поведенческие типы значений. Что касается существительного *осел*, этот вид не был распространен на территории Европейской части России.

В этой группе интересно практически полное отсутствие слов, обозначающих домашних животных, за исключением существительных *агнец*, *бык* и, с некоторыми оговорками, *трутень*. Сюда же следует отнести и слово *осел* с той оговоркой, что в качестве домашней скотины это животное было распространено на юге России и на Кавказе.

Еще одна черта, заслуживающая внимания: отсутствие в САР—1 названий диких животных, обитающих в средней полосе и являющихся основным предметом охотничьего промысла: *лиса*, *волк*, *медведь*, *заяц*, при том что именно эти названия животных формируют «основной состав» русского повествовательного фольклора — сказок. У слова *лиса* переносное значение фиксируется только СЦСРЯ—1, у слова *волк* — словарем Даля, у слова *медведь* — еще позже Ушаковым. САР—1 фиксирует переносное значение у словосочетания *бирюк бирюком* — «В * смысле означает угрюмого человека» [САР—1, 1: стб. 170]. Это переносное значение отмечается далее всеми словарями. Среди «привычных» видов, распространенных в средней полосе России, САР—1 отмечает переносные значения у существительных *ворона*, *щука* и *ерш*.

САР—1 демонстрирует также широкий географический охват, включая переносные значения слов, обозначающих животных, чьи ареалы обитания не совпадают: с одной стороны, *тюлень*, с другой — *байбак*, *хомяк*.

В качестве рабочей гипотезы выскажем предположение, что, для того чтобы переносное значение было зафиксировано толковым словарем и осознано как переносное, само животное должно быть не только хорошо знакомо человеку, наблюдаемо, но, по-видимому, должно обладать ограниченным набором характеристик / одной характеристикой.

Этим можно объяснить отсутствие в толковых словарях переносных значений как у домашних, так и у диких животных, ставших персонажами русских сказок, пословиц и поговорок до середины XIX в.

Словари XX в. показывают резкий рост переносных значений у названий животных всех групп:

домашние животные: *жеребец*, *кобыла* (с учетом гендерного фактора), *кляча*, *собака*, *сука*, *кобель*, *щенок*, *пес*, *свинья*, *корова*, *теленок*, *индюк*, *петух*, *наседка*;

дикие животные, обитающие в средней полосе России: *кабан*, *гадюка*, *пигалица*, *зубр*;

дикие экзотические животные: *каракатица*, *слон*, *бегемот*, *пава*, *черепаха*.

В качестве одной из причин мы можем предположительно назвать развитие лексикографической техники, но данная проблематика не входит в круг решаемых в настоящей статье задач и требует специального рассмотрения.

Как же объяснить массовое появление переносных значений у названий домашних животных (*корова*, *свинья*, *лошадь*, *собака*) только в XX в.?

Исторические события начала века сопровождаются массовой миграцией сельского населения в города. Это увеличивает дистанцию между домашними животными — объектом наблюдения — и человеком — субъектом наблюдения. Более схематичное представление животного позволяет выделить переносное значение.

Для названий диких животных можно говорить об аналогичном процессе. Слово *лиса*, как мы отметили выше, получает в толковых словарях переносное значение раньше других названий животных данной группы, так как выделена семантическая доминанта, одна характеристика в поведении животного, на основе которой совершается перенос. Самые большие трудности авторы словарей испытывают при фиксации переносных значений у слов, обозначающих животных со сложным поведением, например *волк*: «Человек угрюмый, нелюдимый» [Даль 1: 233]; «*перен*. Угрюмый, недоброжелательный человек (*обл.*)» [Ушаков 1: стб. 349]; «старый, стреляный, травленый — о человеке, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям, морской волк» [БАС 2: стб. 609]; «*в словосоч. разг*. о много испытавшем, привыкшем к невзгодам и опасностям человеке» [БТС: 146]. Появление значений, отмечаемых словарями, можно объяснить тем, что данное животное не только обладает сложным поведением, но и практически недоступно наблюдению в естественных условиях.

Причина того, что переносное значение «одинокий, угрюмый, нелюдимый человек» у слова *бирюк* фиксируется начиная с конца XIX в. всеми

словарями, на наш взгляд, в том, что данное существительное обозначает не всякого волка, а животное, отличающееся своим поведением: «волк одиночка» [БАС 1: стб. 459]. С середины XIX в. словари сопровождают прямое значение слова *бирюк* пометой *обл.* [СЦСРЯ—1, 1: 47; СЦСРЯ—2, 1: стб. 98, 99; Даль 1: 88; Словарь 1891, т. 1, вып. 1: стб. 186; Ушаков 1: стб. 142; Ожегов 1961: 46; 1972: 47; 1999: 48; МАС 1: 91]. Несмотря на то что в БТС прямое значение данного слова определяется как *народно-разговорное*, носители современного русского языка не знают его. На просьбу определить, что значит *бирюк*, сорок человек, для которых русский язык является родным, привели только переносное значение, на дополнительный вопрос, что еще может значить это слово, два человека сказали: «животное», но не смогли уточнить, какое, и только двое знали, что *бирюком* называют волка.

Фиксация в словарях переносных значений названий экзотических животных связана с тем, что эти животные становятся предметом наблюдения и изучения. По данным словарей, первым экзотическим животным, с которым человек сравнивает себя, становится *обезьяна* в значении «человек, безрассудно подражающий другим» [СЦСРЯ—1, 3: 9]. Более того, когда носитель языка узнает повадки и характер животного, меняется характер семантического переноса. Ср.: *Бегемот* — «одно из видовых названий сатаны» [Словарь 1891, т. 1: стб. 129]; «*перен*. Плотный неуклюжий человек, увалень (*шутл.*)» [Ушаков 1: стб. 99]; «*переносно*: О толстом неуклюжем человеке» [БАС 1: стб. 309];. «*разг.-сниж.* О крупном, полном, неуклюжем человеке» [БТС: 63].

Что касается остроты зрения, по сравнению со словарями конца XVIII и XIX вв. словари XX в. демонстрируют «приближение» человеческого глаза к объектам наблюдения. Это касается небольших по размеру представителей животного мира. В словарях САР—1, САР—2 представлено название только одного насекомого — *трутень*. Более поздние словари значительно расширяют этот список: *гнида*, *клоп*, *паук*, *тля*, *вошь*.

Наконец, выделим те названия животных, в семантике которых переносные антропоцентрические значения прослеживаются с конца XVIII до XX в. во всех проанализированных нами словарях: *зверь*, *животное*, *гад*, *байбак*, *тюлень*, *осел*, *ворона*.

Теперь обратимся к отыменным глагольным дериватам, образованным от названий животных и сохранившим антропоцентричность в семантике.

Рассматривая этот материал в толковых словарях, попытаемся выяснить,

1) как количественно представлены в словарях отсубстантивные дериваты;

2) сохраняют ли глаголы переносную семантику существительных;

3) как выглядит соотношение *субстантив — глагол* в диахронном плане;

4) какова семантика глаголов.

Оговоримся: мы не намереваемся рассматривать этимологию отыменных глаголов.

В словарях количество глагольных дериватов, образованных от названий животных и сохраняющих антропоцентрическую семантику, значительно уступает соответствующим существительным с переносными значениями. Список их таков: *звереть*, *зверствовать*, *гадить*[2], *оскотиниться*, *хищничать*, *паразитировать*, *ершиться*, *ежиться*, *ехидничать*, *бычиться*, *собачить*, *собачиться*, *присобачить*, *насобачиться*, *проворонить*[3], *ишачить*, *окрыситься*, *обезьянничать*, *попугайничать*, *свинячить*, *петушиться*, *советь*, *приголубить*, *моржевать*, *прищучить*, *козлить*.

Если не учитывать жаргонные глаголы типа *крысятить* и *крысятничать*, словари отмечают 26 глаголов.

Из группы гиперонимов, которые образовывали переносные значения, отпадают четыре: *животное*, *птица*, *насекомое*, *рыба*, которые не дают отыменных глаголов.

По-видимому, глаголы сохраняют типы переноса, выявленные у существительных.

Квалитативно-поведенческими можно считать значения глаголов: *звереть*, *зверствовать*, *гадить*, *оскотиниться*, *ершиться*, *ехидничать*, *собачиться*, *присобачить*, *насобачиться*, *проворонить*, *ишачить*.

В качестве квалитативно-перцептивного мы рассматриваем современный глагол *набычиться.* Уже в САР—1, когда был зафиксирован глагол *бычиться*, в толковании отражен перцептивный компонент: «*бычусь* — упрямлюсь, исподлобья смотрю, неподвижно глаза свои устремляю на кого являя упрямство» [САР—1, 1: стб. 409]. Несмотря на то что ряд более поздних словарей отражает данный компонент в толковании иначе, с помощью прилагательного *угрюмый*, например СЦСРЯ—1, 2: «1) *казаться суровым, принимать угрюмый вид. 2)* Упрямиться» [СЦСРЯ—1, 1: 92], МАС возвращается к развернутому перцептивному образу в толковании глагола СВ *набычиться* — «*прост*. Нахмурившись и слегка опустив голову, смотреть исподлобья, насупиться» [МАС 2: 329] — и выделяет данный компонент в «свернутом виде» в глаголе НСВ: бычиться — «быть угрюмым, хмурым» [МАС 1: 131].

К разряду социально-поведенческих отнесем *паразитировать*, *моржевать*.

Однако, по данным толковых словарей, у глаголов не обнаруживаются релятивные и гендерные переносные значения.

Между тем важнейшей характеристикой, объединяющей все переносные глаголы, образованные от названий животных, является выделение одного качества, представленного переносным значением имени.

---

[2] См. [Фасмер 1: 381].

[3] Вопрос о происхождении глагола *проворонить* сложен. В языке существует близкие по значению фразеологизмы *ловить ворон*, *считать ворон*, однако Ж. Ж. Варбот полагает, что данный глагол происходит не от названия животного, а от предметного существительного *воронка* [Варбот 1987].

В качестве семантически преемственных глаголов можно назвать следующие: *звереть*, *зверствовать*, *оскотиниться*, *проворонить*, *обезьянничать*, *попугайничать*.

Глагол *свинячить*, фиксируемый словарем с пометой *разг.*, «отсекает» одно из переносных значений существительного *свинья*: «2. *перен.* Грязный, неопрятный человек, неряха (*разг. презрит.*); 3. *перен.* О человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-н., грубом, неблагодарном (*разг.*, *бран.*)» [Ушаков 4: стб. 92]. Эти же два переносных значения слова *свинья* отмечают БАС, МАС и БТС. Ср. толкование семантики глагола *свинячить*: «*простореч.* Загрязнять что-либо, мусорить, пачкать где-либо» [БАС 13: стб. 377]; «проявлять крайнюю неряшливость, свинство, загрязнять, пачкать что-л.» [БТС: 1160].

В современном языке изменяется семантическая мотивировка для глагола *бычиться*.

Бык — «*разг.* О крупном, здоровом, сильном (обычно упрямом) человеке» [БТС: 106]. *Набычиться* — «*прост.* Нахмурившись и слегка опустив голову, смотреть исподлобья, насупиться» [МАС 2: 329; БТС: 571].

МАС не отмечает переносного значения у существительного *бык*, но БТС фиксирует антропоцентрические переносные значения и у имени, и у глагола *набычиться*.

Что касается возникновения отыменных глаголов, логично предположить, что в переносном значении они отмечены в словарях после того, как эти значения уже зафиксированы у соответствующих существительных. Анализ же толковых словарей позволяет говорить о трех случаях: а) переносное значение существительного предшествует фиксации переносного значения у глагола; б) переносные значения существительного и отыменного глагола фиксируются одновременно; в) переносное значение у глагола фиксируется словарями раньше, чем у существительного.

К первой группе мы должны отнести пары *щука — прищучить* (переносные значения имени и глагола отмечены соответственно в САР—1 и в Словаре Ушакова), *ворона — проворонить* [САР—1, Даль], *ерш — ершиться* [САР—1; СЦСРЯ—1].

Ко второй группе можно отнести пары: *гад — гадить*, *зверь — зверствовать*, *бык — бычиться*, зафиксированные уже в САР—1, а также пары *обезьяна — обезьянничать*, *скотина — оскотиниться*, переносные значения которых отмечены в СЦСРЯ—1.

К третьей группе принадлежат пары *ехидничать — ехидна*, *окрыситься — крыса*. Глагол *ехидничать* отмечается уже в САР—1 в значении «ненавистовать, злиться» [САР—1, 2: стб. 1027], а переносное значение «злой, злорадный человек» у слова *ехидна* фиксируется только у Даля [Даль 1: 523]. Аналогично глагол *окрыситься* в значении «озлиться, изъявить злость» также отмечен в САР—1, но первоначально он относится к животным, на что указывает специальная помета в толковании «глагол… употребляемый в просторечии, говоря о животных» (см. также пример из

САР—1 *Собака окрысилась на кошку*) [САР—1, 3: стб. 1030], а переносное значение слова *крыса* фиксируется только в XX в. у Ушакова. Глагол *окрыситься* в переносном антропоцентрическом значении отмечен в СЦСРЯ—1 — «изъявлять лицом и телодвижениями гнев и негодование» [СЦСРЯ—1, 2: 229].

У некоторых названий животных в словарях XX в. переносные значения не отмечаются, например у слова *щука*: «В просторечии уподобительно называется лукавый, хитрый, пронырливый человек» [САР—1, 6: стб. 971]. После Даля словари не отмечают переносного значения у этого существительного. Словарь Ушакова и более поздние словари фиксируют глагол *прищучить*, значение которого меняется: «(*простореч. фам.*) Сделать строгий выговор, строго пригрозить кому-л.» [Ушаков 3: стб. 884]; «*прост.* Поймать, захватить» [МАС 3: 460].

От существительного *собака* происходят несколько глаголов: *собачить* — «*простореч.* Ругать, бранить» [БАС 14: стб. 11], «*груб. прост.* Ругать, бранить» [МАС 4: 169]; *собачиться* — «ломать и портить что // браниться, ругаться, поносить кого и друг друга» [Даль 4: 252], «*простореч.* Ругаться, браниться» [БАС 14: стб. 11; МАС 4: 169]; *присобачить* — «*простореч.* Приделывать, прикреплять, прилаживать к чему-л.» [БАС 11: стб. 739]; *насобачиться* — «Приобрести навык в чем-л., научиться ловко что-л. делать» [МАС 2: 397].

Глагол *присобачить* при его конкретном акциональном значении оказывается в этой группе, так как в современном языке употребляется применительно к субъектам, называющим людей: нельзя сказать **Белка присобачила орех к ветке и разгрызла его*. Исключением можно считать фразу *Обезьяна присобачила банан к ручке двери*. Возможность подобного употребления, по-видимому, связана с принадлежностью данного вида к приматам.

Итак, животный мир в антропоцентрическом аспекте воплощается в языке в переносных значениях существительных и отыменных глаголов. Типы переноса для существительных: а) внешнее, зрительно воспринимаемое сходство; б) сходство внутренних качеств, проявляющихся в поведении; в) сходство в социальном поведении; г) релятивные отношения говорящего и объекта номинации; д) сходство в гендерном поведении. Для глаголов сохраняются те же типы переносов, кроме релятивного и гендерного.

Образование переносного антропоцентрического значения у существительного, называющего животное, требует выделения некоторой доминанты в его облике или поведении. Иногда, чтобы человек мог выявить важнейшую черту у животного, дистанция между субъектом и объектом наблюдения должна быть увеличена — как с домашними животными, а иногда расстояние между человеком и животным должно сократиться — как с дикими зверями. Видимо, поэтому словари достаточно поздно отмечают переносные антропоцентрические значения у существительных, называющих домашних и диких животных, обитающих в средней полосе России.

Литература

Адаменко 1971 — П. А. Адаменко. Лексико-семантическая группа слов, обозначающих сельскохозяйственных животных: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

Арутюнова 1979 — Н. Д. Арутюнова. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147—173.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965.

Белова 2000 — О. В. Белова. Славянский бестиарий. М., 2000.

БСРЖ — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Авт. и рук. проекта С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

Варбот 1987 — Ж. Ж. Варбот. О происхождении русского *проворонить* // Л. А. Булаховский и современное языкознание: К 100-летию со дня рождения. Киев, 1987. С. 234—236.

Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.

Виноградов 1999 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1999.

Гура 1997 — А. В. Гура. Символика животных в славянской народной мифологии. М., 1997.

Гутман и др. 1977 — Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. С. 147—165.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1978—1980.

Даль 1984 — В. И. Даль. Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.

Джахангири Азар 2003 — Х. А. Джахангири Азар. Национально-языковая картина мира в русском и персидском языках. М., 2003.

Ермолов 1905 — А. Ермолов. Животный мир в воззрениях народа. М., 1905.

Козлова 2001 — Т. В. Козлова. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М., 2001.

Козлова 2003 — Т. В. Козлова. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. М., 2003.

Луцкая 1999 — Н. М. Луцкая. Совокупность единиц, относящихся к животному миру, и ее лексикографическое окружение как объект лингвистики и смежных наук // Актуальные проблемы современной лексикографии / Отв. ред. Ю. А. Бельчиков. М., 1999. С. 202—209.

МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1—4. 2-е изд. М., 1981—1984.

Ожегов 1961 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1961.

Ожегов 1972 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.

Ожегов 1999 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

ПСНЖ. Амфибии — Пятиязычный словарь названий животных. Амфибии и рептилии / Под общ. ред. В. Е. Соколова. М., 1988.

ПСНЖ. Рыбы — Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы / Под общ. ред. В. Е. Соколова. М., 1988.

РКП — Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М., 2004.

САР—1 — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794.

САР—2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. СПб., 1806—1922.

Словарь 1891 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 1—9. СПб., 1891—1930.

Соколов 1988 — В. Е. Соколов. Словарь названий животных. Млекопитающие. М., 1988.

СЦСРЯ—1 — Словарь церковнославянского и русского языка. Ч. 1—4. СПб., 1847.

СЦСРЯ—2 — Словарь церковнославянского и русского языка. Ч. 1—4. СПб., 1867.

СЯП — Словарь языка А. С. Пушкина. Т. 1—4. М., 1956—1961.

Унбегаун 1995 — Б. О. Унбегаун. Русские фамилии. М., 1995.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1996.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Чжэн Инкуй 2002 — Чжэн Инкуй. Названия животных в русском языке: опыт системного анализа. М., 2002.

Приложение

Таблица

Переносные антропоцентрические значения названий животных, отраженные в толковых словарях[4]

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
акула/ аккула	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	+
аспид	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+

[4] Названия животных даны в алфавитном порядке. Незаполненная ячейка означает, что, поскольку соответствующие тома словаря не вышли, информация о наличии переносного значения названия животного отсутствует. Если переносные значения образуются от нескольких слов (название вида, мужская, женская особь, детеныш), то данная группа приведена по слову, называющему вид животного. Заголовочное слово выделено курсивом и подчеркиванием. Полужирным курсивом выделены слова, переносные значения у которых фиксируются всеми тринадцатью словарями.

+ — переносное антропоцентрическое значение зафиксировано;

– — переносное антропоцентрическое значение не зафиксировано;

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
бабочка	–	–	+?	+	–	?	+	– об-раз.	–	–	–	–	–
байбак	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
бегемот	–	–	–	–	–	симв.	+	+	–	–	–	–	+
бирюк	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	+	+	+	+	+	+	+	+
блоха	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
божья коровка	–	–	–	–	–		+	+	нет	нет	+	нет	+
бормотун	+	+	+	+	+	+	+	омо-ним	нет	омо-ним	омо-ним	омо-ним	+
букашка	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
буревест-ник	нет	нет	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–
волк	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–
волчонок	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
воркун	–	+	+	+	+	+	+	+	нет	нет	нет	нет	нет
ворона	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
воронье	нет	нет	нет	нет	–	–	+	+	нет	нет	+	нет	+
вошь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
выдра	–	–	–	–	обл.	+	+	+	–	+	+	+	+
гад	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+	+	+	+
гадюка	нет	нет	–	–	–	–	+	+	–	–	+	–	+
гиена	–	–	–	–	–	–	–	?	–	–	–	–	+
глист/ глиста	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	+	–	+
гнида	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	+	+	+
голубь	+?	+?	–	–	–	ласк.	+	–	–	–	+	–	+
голубица	см. *голубь*	–	–	–	–	–	–	+	нет	нет	+	+	+

? — не представлено развернутое толкование переносного значения или по представленному толкованию трудно определить, является ли оно антропоцентрическим или символическим;

! — в толкованиях происходит мена прямого и переносного значений;

ласк. — ласкательное;

нет — слово не представлено в словаре;

обл. — областное;

обр. — обращение;

образ. — образно;

симв. — символическое;

фр. — зафиксировано в составе фразеологизма.

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
голубка	–	–	+?	+ обр.	–	ласк.	+	–?	обр.	обр.	+	+	+
гусь	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	+	+
гусыня	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–
дикобраз	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	+
динозавр	нет	нет	нет	нет	нет	нет	–	–	–	–	–	+	–
еж	–	–	–	–	+	+	–	+	–	–	+	–	+
ерш	+	+	+	+	+	+	–	+	–	–	–	–	+
ехидна	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+
жаба	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	–
жаворонок	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+
животное	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
жук	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	+	+
заяц	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+
зверь	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
зверье	нет	нет	нет	нет	–	–	–	+	нет	нет	–	+	+
змея	–	–	–	–	+	+	+	+	–	–	+	–	+
змей	–	–	–	–	+	+	–	+	симв.	симв.	–	симв.	–
змий	–	–	–	–	+	симв.	симв.	+	симв.	симв.	–	симв.	–
змееныш	нет	нет	нет	нет	нет	+	–	+	–	–	+	–	+
зубр	нет	нет	–	–	нет		+	+	+	+	+	+	+
индейской петух / индюк	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	–
ишак	–	–	–	–	–		+	+	–	+	+	+	+
ищейка	нет	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
кабан	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	–	+
каракатица	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+
клоп	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+
коза	–	–	–	–	+	+	+	–	–	–	+	–	+
козел	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–	–	–	+
козявка	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	–	+
корова	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	+	+
бык	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
теленок (теля)	–	–	–	–	–		–	+	–	–	+	–	+
телка	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	нет	+
телок	нет	нет	нет	нет	–		–	+	–	–	–	–	+
телец	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	–
кошка	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
кот	–	–	–	–	–	обл.	+	+	–	–	–	+	+

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
						+							
крокодил	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
крыса	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
кукушка/ *кокушка*	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	+
курица	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	–
наседка	–	–	–	–	–		+	+	–	–	–	–	+
петух	–	–	–	–	+		+	+	+	+	+	+	+
цыпленок (цыпля)	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
лебедь	–	–	–	–	+	+	+ обр.		–	–	+	–	+
лев	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	–	+
львица	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
лиса	–	–	+	+	+	+	+	+	–	+	+	+	+
лис	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
лошадь	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
жеребенок	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
жеребец	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–	+
мерин	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	–
кобыла	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–	+	+	+
кляча	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	–	–	+
лягавая/ *легавый*	–	–	–	–	–		+	+	–	+	+	+	–
мартышка	–	–	–	–	–		+	+	–	–	–	–	–
мастодонт	нет	нет	–	–	–		+	+	–	–	–	–	+
медведь	–	–	–	–	–		+	+	+	+	+	+	+
медвежонок	–	–	–	–	–		–	+	–	–	+	–	+
морж	–	–	–	–	–		–	–	–	+	+	+	+
моська	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	–
мотылек	–	–	–	–	+		–	–	–	–	–	–	–
обезьяна	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
овца	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
агнец	+	+	–	–	+	симв.	+	+	–	–	+	–	+
агница	+	+	+?	– симв.	+	симв.	нет	см. аг-нец	нет	нет	нет	нет	нет
овен	–	–	–	–	–		нет	–	нет	нет	нет	нет	–
баран	–	–	–	–	+	+	–	+	–	–	–	–	+
ягненок	–	–	–	–	–		–	+	–	–	+	–	+
орел	–	–	–	–	–		–	+	+	+	+	+	+

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
осел	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
ослица	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	+
осленок	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	–
павлин	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	+
пава	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
паразит	нет	нет	нет	нет	–		+	+	+	+	+	+	+
паук	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
пигалица	–	–	–	–	обл. (+)		+	+	+	+	+	+	+
пиявица / пиявка	+	+	–	–	–		+	+	–	+	+	+	+
попугай	–	–	–	–	–		+	+	+	+	+	+	+
птица	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	+	+
птенец	+	+	+	+	–		+	+	–	–	+	+	+
пыжик	–	–	+	+	+		+	–	–	–	–	–	–
рыба	–	–	–	–	–		+	+	–	+	+	+	+
свинья	–	–	–	–	–		+	+	+	+	+	+	+
боров	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–	+	+	+
поросенок	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	+	+
скорпион	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	+
скот	–	–	+	+	–		+	+	+	+	+	+	+
скотина	–	–	+	+	–		+	+	+	+	+	+	+
слизень / слизняк	–	–	– омо-ним	– омо-ним	–		+	+	+	+	+	+	+
слон	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
слониха	–	нет	–	–	–		–	+	–	–	–	–	–
собака	–	–	–	–	–		+	+	–	+	+	+	+
пес	–	–	–	–	–		+	+	+	+	+	+	+
сука	–	–	–	–	+		–	+	–	–	+	+	+
кобель	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–	+	–	+
щенок	–	–	–	–	–		+	+	+	+	+	+	+
сова	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	+	+
сокол	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	–	+
соловей	–	–	–	–	–		+	+	–	–	–	–	–
сорока	–	–	–	–	+		–	+	–	–	+	+	+
стервят-ник	нет	нет	нет	нет	–		–	+	–	–	+	–	+
стрекоза	–	–	–	–	+		+	+	+	+	+	+	+
сыч	–	–	–	–	–		+	+	–	–	–	+	–
тварь	–	–	–	–	+		+	+	+	+	+	+	+

Название животного	САР 1	САР 2	СЦСРЯ 1	СЦСРЯ 2	Даль	1891	Ушаков.	БАС	Ож. 1961	Ож. 1972	МАС	Ож. 1999	БТС
	симв.												
тля	–	–	–	–	–		–	+	–	–	+	–	+
трутень	+	+	+	+	+		+	+	–	+	+	+	+
тюлень	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
удав		–	–	–	–		–	–	–	–	–	–	+
хамелеон	–	–	–	–	+		+	+	+	+	+	+	+
!хищный/ хищник	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
хомяк	+	+	–	–	+		–	+	–	–	–	–	+
цапля	–	–	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
червь	–	–	–	–	–		+	+	–	–	+	+	+
червяк	–	нет	–	–	–		+	+	–	–	+	+	+
черепаха	–	–	–	–	–		+	–	–	–	–	–	+
шавка	нет	–	–	–	–		–	–	–	–	–	+	+
шакал	нет	нет	–	–	–		–	+	–	–	–	–	+
щука	+	+	+	+	+		–	–	–	–	–	–	–
ястреб	–	–	–	–	–		–	–	–	–	–	+	+

И. В. Родионова

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ*

Нарицательные слова антропонимического происхождения — те, которые принято оценивать как результат процесса «деонимизации», «апеллятивации» имени собственного, — представлены в системе русских диалектов достаточно широко и разнообразно. Сфера распространения этих номинаций охватывает ряд идеограмм (т. е. позиций идеографической классификации). Номинативный комплекс включает в себя, в частности, лексику семантического поля «Природа» (названия трав, грибов, насекомых, птиц, рыб, животных), разнообразную предметную бытовую лексику (обозначения орудий труда, одежды, кушаний и др.), мифологическую лексику (имена мифологических персонажей, обозначение болезней), а также лексику семантического поля «Человек», отличающуюся многочисленностью, структурным, грамматическим и семантическим разнообразием.

Данные языковые факты периодически попадают в поле зрения исследователей, при этом имеют место различные аспекты изучения антропонимических дериватов — с точки зрения реализации универсальных культурных сценариев (ср. труды В. Н. Топорова, в том числе [Топоров 1979; 2001]), с точки зрения экспликации компрессированных прецедентных текстов [Гудков 1999], в историко-этимологическом лексикографическом ключе [Отин 2002; 2004]. В целом же можно отметить преобладание эмпирического отношения к материалу, когда изыскания носят либо единичный характер (исследуются одно имя и его производные), либо узкогрупповой (в рамках изучения лексики определенной тематической группы).

Между тем необходим взгляд на совокупность отантропонимических языковых фактов как на специфический номинативный комплекс, который представляет собой *полевую структуру*[1], *формирующуюся и развивающуюся в соответствии с определенными принципами.* Многочисленность и разнообразие единиц этого пласта лексики, «задействованность» большого

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-35.65.2004.6.

[1] О полевых структурах в этнолингвистическом аспекте см. [Толстая 2002; Березович 2004].

числа антропонимов-дериватов в рамках какой-либо одной тематической группы[2] порождает вопрос о соотношении случайного и закономерного в данном номинативном процессе, и, как следствие, встает проблема поиска неких механизмов, которым данный процесс подчиняется, которые вносят в него черты регулярности. Не отрицая важности изысканий, связанных с выявлением источников какой-либо конкретной номинации, мы настаиваем на значимости дедуктивного метода, при котором объектом исследования изначально была бы вся совокупность номинативных фактов отантропонимического происхождения, а предметом — номинативные принципы и мотивационные модели, диктуемые со стороны языковой системы.

Итак, оценивая совокупность языковых фактов отантропонимического происхождения как семантико-мотивационное поле, в данной работе мы решили подвергнуть рассмотрению один из его фрагментов — номинации-субстантивы, обозначающие особенности характера или поведения человека. Выбор обусловлен рядом причин. Во-первых, данная группа является одной из самых многочисленных в рамках поля, — таким образом, можно говорить о ее центральном статусе в структуре поля. Во-вторых, группа обладает ярко выраженными чертами системности и в большей степени, чем номинации других групп, позволяет подойти к определенным выводам относительно закономерностей использования антропонима во вторичной номинативной функции. В-третьих, группа представляет собой интерес по той причине, что здесь сохраняется исконная категориальная референция антропонима: имя соотносится не с растением, предметом или действием, а с человеком и употребляется в традиционной для себя структурно-грамматической форме — следовательно, эти номинации можно рассматривать как репрезентанты начального этапа трансформации плана содержания антропонима.

Начальным шагом в осмыслении материала стала идеографическая классификация. Номинации были распределены по 13 группам (секторам поля) в соответствии с тем, какой параметр характера или поведения человека подвергается маркированию (умственные способности, способность к труду, особенности речевого поведения и пр.). Секторы в большинстве своем также членятся на фрагменты, которые включают в себя номинации, связанные с каким-либо определенным качеством характера, особенностью поведения.

Данная классификация излагается ниже. Содержащийся в ней материал извлечен из русских диалектных словарей и источников путем фронтальной выборки. Здесь представлено абсолютное большинство известных нам

---

[2] Ср., например, ряд отантропонимических названий грибов: *оку́ли* [СРНГ 23: 172]; *ари́на*, *ари́шка* [СРНГ 1: 274—275]; *васю́ха* [ОСВГ 2: 23], *вахоме́й* [АОС 3: 56], *га́врины гу́бы* [СПГ 1: 191], *да́рьюшка*, *да́рьица*, *да́рьины гу́бы* [СГПм 1: 20, 162], *ду́ня*, *ду́нька*, *дуня́шка* [ВОС 1: 18; Жмурко, 43—44; СГПм 1: 197; СРНГ 8: 258], *ива́н*, *ива́нушка*, *ива́нчик* [КСГРС] и др.

на данный момент номинативных фактов описываемого типа. Помимо одиночных лексем-субстантивов мы сочли необходимым включить в круг анализируемых фактов фразеологические единицы, в которых фигурируют антропонимы в их традиционной форме. В некоторых случаях один и тот же номинативный факт по причине смысловой поликомпонентности словарной дефиниции бывает представлен неоднократно — в нескольких секторах. Для большей иллюстративности семантики помимо словарной дефиниции иногда даются примеры словоупотребления; в отдельных случаях они играют важную роль в уточнении значения и являются основанием для включения номинации в определенный сектор. Промежуточное положение исследуемых единиц обусловило орфографический разнобой при их подаче в различных источниках (написание со строчной или прописной буквы); мы осознаем неравнозначность представляемых единиц с точки зрения их удаленности от первичной антропонимической функции, однако сочли приемлемым унифицировать подачу — при первичном представлении номинации все лексемы даются со строчной буквы, в контекстах обычно сохраняется вариант источника.

Наконец, еще одно предварительное замечание. Мы не настаиваем на том, что все приведенные ниже языковые единицы имеют однозначно отантропонимическое происхождение. Вероятно, в некоторых случаях можно говорить о приоритете «апеллятивной» версии возникновения лексемы; например, форма *кирило* может быть рассмотрена в первую очередь в связи с глаголом *кирять*, формы *мотя*, *мотява* — как производные глагола *мотать* и т. п. Однако при этом нельзя отрицать, что закрепление таких единиц в узусе сопровождалось и поддерживалось аттракционными процессами (аттракция к антропониму), которые хоть и носили в данном случае вторичный характер, однако играли роль фактора, «вписывающего» эти единицы в определенную семантико-деривационную модель (антропоним как имя человека → антропоним как вторичная характерологическая номинация человека). Именно поэтому мы сочли возможным привести такие «спорные» языковые единицы в числе прочих, имеющих явно антропонимическое происхождение.

I. УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ (умственно ущербный vs. умственно полноценный)

<u>Iа. Умственно ущербный — дурак</u>: ***аку́люшка*** ‘глупенькая’ // *Ех ты, акулюшка: хто же так говорит?* // [СРГБаш 1: 20]; ***ва́нька*** ◊ ***ва́нька синеко́ська*** ‘о человеке непутевом, глупом’ // *Был в деревне Ванька ненормальный парень, и его звали Синекоська, а потом всех непутевых звать так стали* // [ЛК ТЭ]; ***ва́ня*** ◊ ***ходи́ть***, ***как ва́ня-дура́ня*** ‘о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке’ [СППП: 89]; ***вась-вась*** ‘глупый, дурак’ [ФС, 22]; ***еме́ля*** ‘дурак’ [СРНГ 8: 355]; ***ива́н*** ◊ ***ива́н-дура́к*** ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’ [СРГБаш 1: 159]; ***миро́н*** ◊ ***миро́ном смотре́ть*** ‘казаться глуповатым’ [СРНГ 18: 173]; ***миро́шка*** ◊ ***миро́шкой***

притвориться ‘притвориться дураком’ [СРНГ 18: 173]; ***ники́та*** ‘о глупом, бестолковом человеке’ // *Что ты сидишь, как Никита в конопях?* // [СРНГ 21: 231]; ***оку́лька*** ‘о глупой женщине’ [СРНГ 23: 173]; ***пе́трик*** ‘глупый человек’ // *Голова работает как у петрика — не соображает ничего* // [СРГО 2: 27]; ***савасья́н*** ‘о глупом человеке’ [СРНГ 36: 14]; ***сафо́н*** ‘о глупом человеке’ [СРНГ 36: 153]; ***фефёла*** ‘глупая’ [СРГЮКК: 404]; ***фила́тка*** ‘дурачок’ [Даль 4: 534]; а также, возможно: ***понтю́ха*** ‘глупый человек’ // *Он такой понтюха, ничего не понимат* //[3] [ДСРГСУ: 442]; ***паламу́ха*** ‘дура’ [СРНГ 25: 163; ЯОС 7: 78] (возможно, от *Паламо́н*, *Палемо́н* [П: 218]).

<u>Iб. Умственно ущербный — неумный, простак, простофиля</u>: ***агафо́н*** ‘простак, глупец’ // *Агафон, надень балахон да иди вон! — говорят недопускаемому в компанию. Наш Агафон доволен и на том* (пословица). *Экий агафон: все в рот тащит* (о ребенке) // [СРНГ 1: 201; СГПм 1: 12]; ***ани́ка*** ◊ ***ани́ка-смотро́к*** ‘о недальновидном человеке’ [ЯОС 1:23] (от *Аникий*, *Аникита* [П: 312]; ***ано́ха*** ‘простофиля, простак, глупец’ // *Когда человек простак, простофиля, что хошь отдаст ни за что, аноха это. Ах ты, аноха, всё тебе нипочем, ничего не жалко* // [СГПм 1: 16; СРНГ 1: 261]; ***ано́ха*** ◊ ***ано́ха-пра́ведник*** (***пра́ведный***) ‘о простофиле, простаке, глупце’ [СРНГ 1: 261]; ***ано́ха*** ◊ ***ано́ху строить*** ‘представляться простофилей, дураком, глупцом; валять дурака’ // *Эта баба хитрюща, она любит аноху строить* // [ФС: 192]; ***артю́шка*** ‘простак, недальновидный человек’ [АОС 1: 75]; ***ахраме́й*** ‘простофиля’ [СРНГ 1: 297]; ***га́врик*** ‘простак, простофиля, разиня; глупец (в том числе иногда полуласкат. о детях)’ // *Ну и голова, в гаврики записался* // [Малеча 2002, 1: 323; СРНГ 6: 85]; ***га́вря*** ‘простак, простофиля; глупец’ [СРНГ 6: 85]; ***еле́ся*** ‘простак’ [СРНГ 8: 340] (от *Елисе́й* [П: 327]); ***еме́ля*** ‘простофиля’ [СРНГ 8: 355]; ***ерёма*** ‘недогадливый, глупый человек; простофиля’ [СРНГ 8: 368; ЯОС 4: 36]; ***мака́р*** ‘простак, глупец’ // *Экой ты макар — деньги потерял* // [СРНГ 17: 308]; ***мала́нья*** ‘простушка; глуповатая, недалекая женщина, которую легко одурачить, обмануть’ [СРНГ 17: 318]; ***миро́н*** ‘о простофиле, глуповатом человеке’ // *Где наш мирон, так и урон* // [СРНГ 18: 173]; ***петря́юшка*** ‘простофиля, неотесанный’ [Малеча 2002, 3: 180]; ***саво́ська*** ‘глупый, несообразительный человек, простофиля’ [СРНГ 36: 15] (от *Савося* < *Савостьян* [П: 353]); ***фа́ля*** ‘простак, простофиля, разиня’ [Даль 4: 531] (диминутив от *Фалалей*,

[3] Данную единицу, а также другие ее фонетические и семантические варианты, приведенные в нижеследующих разделах классификации (*пантёха* ‘ротозей’, *пантю́ха* ‘нерасторопный, глуповатый человек’, *понтю́ха* ‘тихий, нерешительный человек’ и пр.), в соответствии с интерпретацией Ж. Ж. Варбот, следует считать полонизмом, восходящим к глаголу *pętać* [Варбот 1996]. Однако мы сочли возможным привести эти языковые факты в ряду отантропонимических производных, поскольку их возникновение может быть в какой-то степени мотивировано аттракционными процессами (сближение с диминутивными формами имени *Пантелей*) и действием описываемой в данной работе семантико-деривационной модели.

Евфалия и др. [П: 360]); ***фатю́й***, ***фатю́к***, ***фетю́к*** ‘разиня, простофиля’ [Даль 4: 533] (по мнению Е. С. Отина, формы могут быть диминутивами от имен *Феотих*, *Яфет*, *Феоктист* [Отин 2002: 67]); ***фефёла*** ‘простак, простофиля, разиня, растяпа’ //*Ну и фефёла, чего-нибудь не догадалась. А он стоит, фефёла*// [Даль 4: 533; Малеча 2002, 4: 359]; ***фефёла*** ◊ ***фефёла па́кли растопы́рила*** ‘о простофиле, рассеянном, несобранном человеке’ [ФЧ: 66]; ***фи́ля*** ‘простофиля, простак, разиня, недоумок’ [Даль 4: 535]; ***фо́фан*** ‘простак, простофиля, дурак, глупец’ [Даль 4: 538]; а также, возможно: ***ма́ньтя*** ‘дурак, дура; простофиля’ // *Ой, ты, маньтя, пустяка не могошь сделать* // [СРНГ 17: 366] (возможно, от *Манька*); ***савы́рка*** ‘глупый, несообразительный человек, простофиля’ [СРНГ 36: 16] (возможно, от *Савва*, *Савватий*); ***фиру́(ю)ль*** ‘простофиля, ротозей’ [Даль 4: 535] (возможно, от *Фира* < *Глафира*, *Порфирий*, *Ферапонт* и др. [П: 362]).

<u>Iв. Умственно ущербный — несообразительный, рассеянный, забывчивый</u>: ***ва́тя*** ◊ ***Ватя да нятя*** ‘рассеянный, бестолковый’ [СПГ 1: 605] (диминутив от *Ват*, *Савватий*, *Савватия* [П: 360]) ; ***мака́р*** ◊ ***слепы́е мака́ры*** ‘о невнимательном, рассеянном человеке, который отыскивает вещь, находящуюся на виду’ [СРНГ 17: 308]; ***мала́ньин*** ◊ ***мала́ньин счёт*** ‘о человеке, не умеющем правильно считать’ [СРНГ 17: 318]; ***мала́нья*** ◊ ***мала́нья бессчётная*** ‘о человеке, не умеющем правильно считать’ [СРНГ 17: 318]; ***мала́ха*** ‘о рассеянном и забывчивом человеке’ [СРГК 3: 189] (от *Мелания*, *Малахия* [П: 339]; ***мо́тя*** ◊ ***как мо́тя*** ‘о недотепе, растяпе, разине’ [СРГК 3: 265] (диминутив от *Матвей*, *Матильда*, *Матрона* [П: 343]; ***саво́ська*** ‘рассеянный, невнимательный человек, разиня’ [СРНГ 36: 15] (см. выше); ***ули́та*** ‘очень забывчивый, рассеянный человек’ // *Улита! Молоко убежало. Ох ты, улита беспамятна* // [СРГСУ 6: 127]; ***фефёла*** ◊ ***фефёла па́кли растопы́рила*** ‘о простофиле, рассеянном, несобранном человеке’ // *Нет чтоб заработать, дак последнее просвистел, всё порастащили. Растопырила Фефёла свои пакли!* // [ФЧ: 66]; ***фи́ля*** ◊ ***фи́ля тобо́льский*** ‘о несообразительном, рассеянном человеке’ // *Мужик-то такой, Филя тобольский, растяпа* // [СППП: 77]; а также, возможно: ***елёха-во́ха*** ‘растрепа; растяпа’ // *Рожу-то утри, эх ты, елёха-воха… Чижик!* // [ФС: 68] (возможно, соотносимо с *Алёха* < *Алексей*); ***пантёха*** ‘ротозей’ [СРНГ 25: 199]; ***стёха***, ***стёша*** ‘разиня, зевака, ротозей’ [Даль 4: 323] (возможно, от *Степан*, *Степанида*; ср. диминутивы от этих имен *Стеха*, *Стеша* [П: 356]); ***фиру́(ю́)ля*** ‘ротозей’ [Даль 4: 535] (см. выше).

<u>Iг. Умственно ущербный — бестолковый, неловкий, нерасторопный, неумелый, никчемный в делах</u>: ***акули́на***, ***акулю́шка***, ***аку́ля*** ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’ // *Ну и акуля же ты, тесто-то у тебя убежало* // [СРГСУ 1: 26]; ***алёша*** ‘рассеянный, нерасторопный, бестолковый человек’ [ДСРГСУ: 9]; ***алю́на*** ‘о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке’ [СРНГ 1: 247]; ***гру́ня*** ‘о нерасторопном, глуповатом человеке’ [ЯОС 3: 111]; ***ми́тя*** ‘нерасторопный, медлительный, растяпа’ // *Митя он, дурак лопоухий* // [СРГСУ 2: 133]; а также, воз-

можно: ***мотява*** (ударение?) ‘о неповоротливом, глупом человеке’[СРНГ 18: 308] (возможно, от *Мотя* < *Матвей*); ***пантю́х*** ‘неловкий, нерешительный, несметливый человек’ [ДСРГСУ: 391]; ***пантю́ха*** ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ // *А пантюха и чечас пантюха*, *значит*, *ни с чем пирожок*, *беспонятный. Муж пантюха такой*, *не работной человек*, *не добиться нигде ничего*, *у него в руках ничего не держится* // [СРНГ 25: 200]; ‘неповоротливый, несообразительный человек’ [СРГСУ 3: 112]; ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***тю́ха-пантю́ха*** ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ [СРНГ 25: 200]; ‘о никчемном (глупом, нерасторопном) человеке’ // *Несообразительный*, *это ковды шевелится*, *как неживой*, *никудышный*: *тюха-пантюха* // [СРСГСП 3: 251] (*тюха*, возможно, соотносимо с *Артамон*, *Артемий*, *Матрона*, ср. диминутив от них *Тюша* [П: 359].

<u>Id. Умственно ущербный — необразованный, некультурный, невежда</u>: ***васю́хонька*** ‘темный, неграмотный, некультурный’ // *Мы*, *вишь*, *васюхоньки*, *неправильно говорим*, *слова выговаривам старинны* // [Малеча 2002, 1: 196]; ***дунька*** ◊ ***дунька с трудоднями*** ‘деревенщина’ // *Чё с нё взять — Дунька с трудоднями*, *у её не больно обиходно* // [СПГ 1: 237]; ***кули́на*** ‘некультурная, опустившаяся женщина’ // *Кулина-то*, *скажут*, *как необразованна* // [Малеча 2002, 2: 311] (от *Акилина*, *Акулина* [П: 43]); ***петря́й***, ***петря́йка*** ‘недоразвитый, необразованный молодой человек’ [СРНГ 26: 331]; а также, возможно: ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***тю́ха-пантю́ха*** ‘невежда’ // *Чо там раньше? Тюхи-пантюхи мы были раньше*, *ничо не знали*, *не умели*, *целый день работаешь*, *когда было учиться* // [ФС: 200] (см. выше); ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***тю́ха-пантю́ха*** ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ // *Стали девки ребятишек учить*, *а сами-то тюхи-пантюхи* // [СРНГ 25: 200] (см. выше); ***пантю́ха***, ***фетю́ха*** ◊ ***фетю́ха-пантю́ха*** ‘темный, забитый человек’ [СРНГ 25: 200] (*фетю́ха*, возможно, от *Фета* < *Феоктист*, *Фетинья*, *Яфет* [П: 361]); ***пантю́ха*** ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ [СРНГ 25: 200]; ***патю́ля*** ◊ ***как патю́ля*** ‘об отсталом, неграмотном, темном человеке’ // *Как патюля живу*: *неграмотна*, *ничё не понимаю* // [СПГ 2: 79] (возможно, от *Пантя*, *Пантюха* < *Пантелеймон* [П: 347] или от *Патя* < *Ипатий*, *Клеопатра*, *Патрикий*, *Патапий* и др. [П: 348]).

<u>Ie. Умственно ущербный — легкомысленный, несерьезный</u>: ***матрёшка*** ‘пустой легкомысленный человек’ [ЯОС 6: 36].

<u>Iж. Умственно ущербный — ненормальный, сумасшедший</u>: ***епи́шка*** ‘допившийся до белой горячки человек’ [СРНГ 8, 363]; ***лёся*** ◊ ***лёся кунгу́рский*** ‘о ненормальном, психически больном человеке’ [СПГ 1: 474] (*Лёся* < *Лев*, *Леонид*; *Леся* < *Елисей*, *Леонид* и др. [П: 336]); ***мо́ня*** ‘человек, лишенный способности понимать что-либо’ // *Вот моня сидит*, *ничего не понимает. Это когда человек ничего не понимает*, *вот его моня зовут* // [СРГК 3: 256] (диминутив от *Артамон*, *Матрона*, *Мирон*, *Моисей*, *Пантелеймон*, *Парамон*, *Соломон*, *Соломония*, *Филимон* и др. [П: 343]).

I. VS. Умственно полноценный — сообразительный, догадливый, ловкий: ***васе́тка*** ‘тот, кто поступает хорошо, разумно (обычно о детях)’ // *Ой, какой васетка, все понимает* // [СПГ 1: 78]; ***марты́н*** ◊ ***марты́н с балала́йкой***; ◊ ***вывернулся, как марты́н с балалайкой*** ‘легко выйти из затруднительного положения’ [СРНГ 17: 376]; ***миро́шка*** ◊ ***и кро́шка, да миро́шка*** ‘о догадливом или плутоватом ребенке’ [СРНГ 18: 173].

II. ТРУДОСПОСОБНОСТЬ (неполноценный работник vs. полноценный работник)

IIа. Неполноценный работник — ленивый: ***ано́ха*** ◊ ***ано́ху ано́шить*** ‘бездельничать, валять дурака’ // *Ходит со двора на двор, аноху аношит целые сутки, ничё не хотит делать по домашности* // [ФС: 8]; ***ва́нька*** ◊ ***ва́нька ветров*** ‘праздношатающийся, бездельник’ [СПГ 1: 77]; ***додо́н*** ◊ ***как додо́н ходить*** ‘о неповоротливом и ленивом человеке’ [ЯОС 5: 10]; ***кири́ло*** ◊ ***как кири́ло*** ‘о ленивом человеке’ // *Как кирило он — ко рту ложку лень поднести* // [СПГ 1: 389]; ***матю́ха, тю́ха*** ◊ ***тю́ха да матю́ха да колупа́й с бра́том*** ‘о группе ленивых работников’ [ФС: 200] (*Тюха* — см. выше); ***панкру́шка*** ‘лентяй’ [ЛК ТЭ]; ***фило́ня*** ◊ ***фило́ня на фило́не едет*** ‘о ленивых людях’ // *Молоды у нас таки, что филоня на филоне едет. А огороды попластать да други пакости сделать, то куды с добром* // [ФЧ: 66] (от *Филимон* [П: 362]); а т а к ж е, в о з м о ж н о: ***варла́ня*** ‘бездельник, лентяй’ // *Варланя муж-от у меня был, не любил робить. Така варланя девка растёт, мне не поможет* // [СВГ 1: 57] (возможно, от *Варлаам*, ср. диминутивы *Варлаха*, *Варлаша* [П: 316]); ***пантю́ха, тю́ха*** ◊ ***тюха*** (***да***) ***пантю́ха да колупай с братом*** ‘о ленивых работниках’ [СРНГ 25: 200] (*Тюха* — см. выше); ***петехрю́й*** ‘лентяй, бездельник, дармоед’ [СРГСУ 4: 25] (вероятно, экспрессив от *Петр*).

IIб. Неполноценный работник — неумелый, неспособный к качественному, квалифицированному труду: ***ке́ша*** (***ке́ха***) ◊ ***ке́ша*** (***ке́ха***)-***курощу́п*** ‘о человеке без определенных занятий, не способном к квалифицированному труду’ // *Я почти что главну работу делала, колектором под землёй работала, а он-то, Кеша-курощуп, руду в таратайку насыпал, да еще врушну. Да хоть на курсы механизаторов определи, а то будет Кеха-курощуп — первый парень на деревне* // [ФЧ: 28]; ***фо́мка*** ◊ ***фомка да ерёмка*** ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща’ // *От Фомки да Еремки толку ни на грош. Фомка да Ерёмка ничо не наробят* // [ФС: 208].

IIв. Неполноценный работник — неловкий, нерасторопный, неумелый, медлительный: ***акули́на, акулю́шка, аку́ля*** ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’ // *Ну и акуля же ты, тесто-то у тебя убежало* // [СРГСУ 1: 26]; ***аку́ля, оку́ля, аку́люшка*** ‘о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке’ // *Вот акуля, все из рук валится, ничё делать не умеет. Ох, окуля, ты моя окуля: неужто по-людски сделать не можешь? Ведь всё развалила, измарала! Акулюшка чё сделат — всё нелад-*

но: *акуля и есь акуля* // [СРГБаш 1: 20; 2: 124]; ***алю́на*** ‘о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке’ [СРНГ 1: 247] (соотносится, вероятно, с *Алёна* либо с *Алюня* < *Алексей*, *Алла* [П: 312]); ***афо́ня*** ◊ ***афо́ня малахо́льный*** ‘человек, не умеющий быстро и ловко сделать что-либо’ [СРНГ 17: 319]; ***мала́ньин*** ◊ ***мала́ньины сборы*** ‘долгие, медленные, бестолковые сборы’ [Даль. Посл. 2: 298; СРНГ 17: 318]; ***мо́ня*** ‘вялый, нерасторопный, нерешительный человек’ // *Этого моню пошлёшь*, *дак уж ницяга не будя* // [СРГК 3: 256] (см. выше); ***ню́шка*** ‘робкая, неумелая женщина’ // *Ох*, *нюшка-то*, *она и со стола не умеет собрать* // [СРНГ 21: 330] (от *Анна* [П: 346]); ***соло́ха*** ‘нерасторопная женщина’ [Даль 4: 267]; ***стёпа*** ◊ ***стёпа сущовский*** ‘о неумелом, нерасторопном человеке’ [ЯОС 9: 73]; ***тимофе́ев*** ◊ ***чадо тимофе́ево*** ‘о неумелом, неловком человеке’ [ЯОС 10: 47]; ***фети́нья***, ***фе́ша*** ‘непроворная женщина’ [Даль 4: 533]; ***я́ниха*** ◊ ***портниха я́ниха*** ‘о человеке, допустившем оплошность, сделавшем что-либо неумело’ [СППП: 62]; а также, возможно: ***мала́н*** ‘нерасторопный человек’ // *У*, *какой малан*, *говорят. Що ты тихо шевелишь*, *как малан. Скоро мне надо* // [СРГСУ 2: 112]; ***оме́люшка*** ‘неумелый человек’ // *Ён в тебя*, *омелюшка какой-то*, *что ни сделает*, *всё не так* // [НОС 6: 168] (возможно, вариант формы *Емеля* < *Емельян*); ***пантю́ха*** ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ // *Муж пантюха такой*, *не работной человек*, *не добиться нигде ничего*, *у него в руках ничего не держится* // [СРНГ 25: 200]; ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***жили тюха-пантюха и кулупай с братом*** ‘о ленивых, неповоротливых’ [СРГА 2/2: 119] (*Тюха* — см. выше); ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***тю́ха-пантю́ха*** ‘о никчемном (глупом, нерасторопном) человеке’ // *Несообразительный*, *это ковды шевелится*, *как неживой*, *никудышный*: *тюха-пантюха* // [СРСГСП 3: 251]; ‘медлительный, нерасторопный’ // *Пошлёшь тюху-пантюху за молоком*, *так едва дождёшься*, *как неживой ходит* // [ФС: 200] (*Тюха* — см. выше).

<u>IIг. Неполноценный работник — попусту хлопочущий, занятый нестоящим делом</u>: ***ананий*** ◊ ***как*** (***будто***) ***ана́ний с ящиком*** ‘о человеке, который делает что-либо торопясь, суетливо, но без значительных результатов’ // *Чо ты с той собачонкой носишься? Делов полно*, *а он*, *как Ананий с ящиком*, *захлопотался*, *издохшу собаку оживляет* // [ФС: 7]; ***га́нна*** ◊ ***як га́нна биз солы*** ‘о хлопотливом, беспокойном, вечно бегающем человеке’ [Ткаченко: 230]; ***мала́нья*** ◊ (***как***) ***мала́нья с я́щиком*** ‘о том, кто занят чем-либо, не стоящим внимания’ // *Чё расклалась*, *как Маланья с ящиком*, *здеся куча*, *тама куча*, *зайти в хату нельзя* // [ФС: 109]; ‘о появившемся с какой-либо вещью, значение которой он преувеличивает’ // *Поехала к им с гостинцам*, *а сноха така сердита*, *не глядит*, *дескать*, *припёрлась*, *как Маланья с ящиком*, *не надо им ничо* // [ФС: 109]; ‘о попусту суетящейся женщине’ [СРГА 3/1: 52]; ‘о том, кто надоедает окружающим каким-либо делом или своими заботами; дурень с писаной торбой’ [СРНГ 17: 318]; ◊ ***носится***, ***как маланья с ящиком*** ‘о том, кто уделяет слишком много внимания чему-либо незначительному’ [СРНГ 21: 289; ФС: 123].

<u>IIд. Неполноценный работник — неряха, грязнуля (о женщине-хозяйке)</u>: ***алёна*** ◊ ***грязная Алёна*** ‘неряха’ [СРНГ 7: 190; СРГСУ 1: 128]; ***малáнья*** ‘неряха’ // *Взял маланью, вот и живи в гайне всю жизнь* // [СРГСУ 2: 112]; ***матрёна***, ***матрёнка***, ***матрёшка*** ‘неряха’ // *Чистая матрёна хозяйка-та у тебя, у ней никакого порядка нет. Вырастешь матрёшкой, кто тебя замуж-то возьмёт* // [СРГСУ 2: 120—121]; ***фéша*** ◊ ***фéша растатýра*** ‘неряшливая’ // *Тёрли пол с песком ли с дресвой. Песок с речки тащили. Глину в запасе имели, чтоб шесток ей подбеливать. А эта, Феша растатура, у её что в подполье, что в избе* // [ФЧ: 66] (диминутив от *Феврония*, *Фетиния* и др. [П: 361]); ***фетúнья*** ◊ ***фетúнья с макúтрой*** (***макúтеркой***) ‘неряшливая, ленивая хозяйка’ // *Жила у нас тут в соседях одна, чисто Фетинья с макитрой, в избу не пролезть от грязи* // [ФС: 65]; ***хаврóнья*** ‘неряха, грязнуля’ // *Опять ета хавронья пришла. Никакого порядка нет у этой хавроньи* // [СРГА 4: 192; СРГСУ 6: 145]; ***хóвря*** ‘неопрятный человек’ // *Ты у нас, Ирина, настояшшая ховря, лико чё накидала везде* // [СПГ 2: 503]; а т а к ж е, в о з м о ж н о: ***маря́ха*** ‘неряха’ [СРНГ 17: 380]; ***ря́ха-маря́ха*** ‘неряха’ // *Сноха-то у ей така ряха-маряха* [СРГСУ 5: 102] (ср. диминутив *Маря* < *Марианна*, *Марина*, *Мария*, *Матрона*, *Марианна* и др. [П: 340]).

<u>II. VS. Полноценный работник — трудолюбивый</u>: ***вáня*** ◊ ***вáня трёхлитóвочный***[4] ‘работящий, безотказный в работе’ // *На путях работал, гайки развинчивал, костыли выдёргивал, шпалы менял. Как был в деревне Ваня трёхлитовочный, так и здесь на саму тяжёлу работу попал. А мужик у нас один был, пришёл он в войну без руки, а работал как Ваня трёхлитовочный, радый был, что остался живой* // [ФЧ: 13]; ***вáнька*** ◊ ***вáнька с трудодня́ми*** ‘о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком’ // *Чем ён не парень — Ванька с трудоднями* // [СППП: 19].

III. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ (активное vs. пассивное)

<u>IIIа. Активное речевое поведение — разговорчивый</u>: ***кузьмá*** ◊ ***рассказ-кузьма*** ‘балагур’ // *Вот что рассказ-Кузьма: его только слушай* // [СРНГ 34: 209].

<u>IIIб. Активное речевое поведение — пустослов, болтун</u>: ***додóн*** ‘болтливый, шумный человек’ // *Додона только и слушай* // [ЯОС 4: 8]; ***éмеля*** ‘празднослов, пустомеля, пустослов’ [СРНГ 8: 355]; ***емéля*** ‘празднослов, пустомеля, пустослов’ [СРНГ 8: 355]; ***фéська*** ‘болтливая, бойкая на язык женщина’ // *Ах ты, языкаста феська* // [СРГО 2: 254] (*Феся* — диминутив от *Феодосий* [П: 361] и, вероятно, от *Феодосия*); а т а к ж е, в о з м о ж н о: ***малáн*** ‘пустослов’ // *Ох ты малан — болташ ты пустого!* // [Меркурьев 1979: 84] (см. выше); ***омéля*** ‘человек, говорящий много и попусту’ [ЯОС 7: 44]; ***омéлюшка*** ‘тот, кто много говорит и часто попусту’ // *Омелюшка опять мелет вам, все болтает. Два омелюшки собрались и мелют, и мелют* // [НОС 6: 168] (см. выше).

---

[4] *Литовка* ‘коса с длинной прямой рукоятью’; ‘короткая коса с короткой рукоятью’; ‘коса-горбуша из литой стали’ и т. п. [СРНГ 17: 73].

<u>IIIв. Активное речевое поведение — лгун, хвастун</u>: ***алёха***, ***алёша*** ‘лгун, хвастун, бахвал’ // *Кто бахвалиться любит, дак Алёха зовут; это как Иванушко — простачок, Емеля — дурак, Кузьма — плут, Наум — разумник* // [СРНГ 1: 234; СПГ 1: 9]; ***алёха*** ◊ ***алёха сельский*** ‘чрезмерно хвастливый человек’ // *Расхвастался, Алёха сельский, жить не может, чтоб не похвастать* // [ФС: 7]; ***алю́ша*** ‘лгун, хвастун; лгунья, хвастунья’ [СРНГ 1: 247] (диминутив от *Алфей, Альфий, Альфия* и др. [П: 312]); ***андро́н*** ‘о хвастуне, лжеце’ [СРНГ 1: 258]; ***дёма***, ***дёмка*** ‘обманщик(-ца), плут(-овка)’ [СРНГ 7: 349]; ***еме́ля*** ‘лгун, хвастун’ // *Экой ты емеля: ни одному слову твоему нельзя поверить* // [СРНГ 8: 355]; ***еме́ля*** ◊ ***мели́***, ***еме́ля*** ‘о человеке, говорящем неправду, ерунду’ [СППП: 39]; ***ману́йла*** ‘обманщик, льстец, угодник’ [СРНГ 17: 365]; ***ники́та*** ◊ ***запу́таться***, ***как ники́та в конопля́х*** ‘завраться, запутаться во лжи’ // *До того доврала, что запуталась, как Никита в коноплях, в своих словах* // [НОС 3: 65]; ***фа́ля*** ‘человек, склонный порисоваться, похвастаться’ // *Каждая фаля сама себя хвалит* // [ЯОС 10: 28] (*Фаля* — диминутив от *Евфалия, Фалалей* и др. [П: 360]); ***я́нька***, ***я́нюшка*** ‘бахвал’ [Даль 4: 678] (диминутив от *Северьян, Яков* и др. [П: 365]); а т а к ж е, в о з м о ж н о: ***вахру́нья*** ‘лгунья’ // *Ой, она такая вахрунья, дак не ходитё к ней* // [СВГ 1: 58] (возможно, соотносится с *Вахруша* < *Варфоломей* [П: 317]); ***оме́ля*** ‘лгун, лгунья’ [СРНГ 23: 199] (см. выше).

<u>IIIг. Активное речевое поведение — льстец, подхалим</u>: ***ана́нья*** ‘о ласковом и угодливом человеке’ // *В людях ананья, а дома не найдёшь. В людях ананья, а дома каналья. У людей ананья, а дома каналья; у людей илья, а дома свинья* // [СРНГ 1: 253]; ***еле́ся*** ‘льстец’ [СРНГ 8: 340] (см. выше); ***ману́йла*** ‘обманщик, льстец, угодник’ [СРНГ 17: 365].

<u>III. VS. Пассивное речевое поведение — неразговорчивый, молчаливый</u>: ***мо́ня*** ‘неповоротливая тихая девица’ [СРНГ 18: 254] (диминутив от *Соломония, Матрона* и др. [П: 343]); ***тёма*** (***то́ма***) ‘неразговорчивый, запуганный, забитый человек’ [Иванова: 506] (*Тёма* < *Артамон, Артемий, Тимофей*; *Тома* < *Автоном, Артамон, Тамара, Томила* и др. [П: 358]; а т а к ж е, в о з м о ж н о: ***понтю́ха*** ‘тихий, нерешительный человек’ // *Боевой-то жених к невесте сам пробирается, а пантюха-то простоит* // [СПГ 2: 167].

IV. ПОВЕДЕНИЕ В ОБЩЕНИИ, ПОЗИЦИЯ В СОЦИУМЕ (активность, склонность к противодействию, нескромность vs. пассивность, смирение, подчинение)

<u>IVа. Активность — кичливый, спесивый, зазнайка</u>: ***аброси́м***, ***абро́сим*** ‘о человеке, который важничает’ [СРНГ 1: 192]; ***андро́н*** ◊ ***андро́ны толстогубые*** ‘о том, кто важничает, зазнается’ [СРНГ 1: 259]; ***иван*** ◊ ***из себя ивана представлять*** (***корчить***) ‘зазнаваться’ // *Выбражат, из себя Ивана корчит. Сам Ванька, а Ивана представляет* // [СРНГ 31: 80; ФС: 150]; ◊ ***строить из себя ивана*** ‘важничать’ // *Съездит куда и строит из себя какого-то Ивана, и ноги на растопырку ставит* //

[ФС: 192]; ***миня́й*** ‘о спесивом человеке’ [СРНГ 18: 170]; ***павли́на*** ‘о женщине, которая важничает’ // *Подумаешь*, *павлина какая!* // [ЯОС 7: 76]; ***самуня*** (ударение?) ‘прозвище спесивого крестьянина’ [СРНГ 36: 113] (диминутив от *Самуил* [П: 353]); ***фа́ля*** ‘пошляк, самодовольный невежа’ [Даль 4: 531] (см. выше); ***я́нька***, ***я́нюшка*** ‘себялюб, эгоист’ [Даль 4: 678] (см. выше); а также, возможно: ***саму́тя*** ‘гордец’ [СРНГ 36: 113] (возможно, соотносимо с *Самуил*, ср. диминутивы *Самуня*, *Самуха* [П: 353].

<u>IVб. Активность — забияка, драчун, хулиган</u>: ***авдо́ш*** ◊ ***авдо́ш с сороково́го бо́ра*** ‘разбойник (из листовки 1910 г.)’ [СППП:15] (ср. *Авдоха*, *Авдоша* < *Авдон*; *Авдюша*, *Авдаша* < *Авдей* [П: 32, 33]); ***алеха́нка*** ‘озорная женщина, драчунья’ // *Больно дерётся она*, *вот и говорят алеханка. Ах*, *ты*, *алеханка*, *бессовестная* // [СРНГРМ 1: 32] (ср. *Алеха́н* ‘производное личное имя от Алексей’ // *Прозвище Алехан*, *зовут Алёха* // [СРНГРМ 1: 32]); ***артю́ха*** ‘разухабистый человек, головорез’ // *Артюха славный*: *с ним опасно. Наняли в батраки артюху*, *када б не нашкодил* // [СРНГ 1: 279]; ***афо́нька*** ‘о задиристом человеке, которому собираются дать отпор’ [СРНГ 1: 294]; ***га́врик*** ‘хулиган’ [СРНГ 6: 85]; ***додо́н*** ‘заносчивый человек, драчун (часто о детях)’ // *Налетел какой-то додон на маленьких* // [ЯОС 4: 8]; ***петрузик*** ◊ ***петрузик трикаянный*** ‘о любителе подраться’ [СРНГ 26: 331]; ***саватю́га*** ‘беспутный, разгульный, драчливый человек’ [СРНГ 36: 14] (вероятно, от *Савва*, *Савватий*).

<u>IVв. Активность — сварливый, сердитый, злой</u>: ***едо́ха*** ‘сварливый, ехидный человек’ [Ткаченко 1998: 92]; ‘злой, ехидный человек’ [ЯОС 4: 33] (ср. *Евдоха* < *Евдоким*, *Евдокия* [П: 326]); ***еро́ха*** ‘о сварливом человеке, задире’ // *С красулей*, *таким ерохой*, *едва ли тебе удастся кашу сварить* // [СРНГ 9: 33] (диминутив от *Геронтий*, *Ерофей*, *Иерон* [П: 328]); ***касья́н*** ‘о злом, недоброжелательном человеке’ // *Эдакой ты Касьян! Видно*, *в тебе нет крови-то человеческой* // [СРНГ 13: 199]; ***кастья́ниха*** ‘женщина, которая постоянно бранится, ругается’ // *Эта кастьяниха со всеми кастится*, *да вы внимания на нее не обращайте* // [СВГ 3: 44]; ***кири́ло*** ‘прозвище человека сердитого, мрачного, надувшего губы’ [СРНГ 13: 221]; ***кы́ра*** ◊ ***ба́бушка кы́ра*** ‘ворчливая, сварливая’ // *В ичишках пляшешь*: *шир-шир*, *никакого стуку не слышно*, *а эта бабушка Кыра все ворчит. Чё скажешь*, *глядишь*: *опять натутурилась*, *заест*, *ну чисто бабушка Кыра* // [ФЧ: 9] (ср. *Кира* < *Керкира*, *Кириакия*, *Кириана*, *Кирилла* и др. [П: 332]); ***макси́м*** ◊ ***макси́м-фырто́к*** о ‘злом человеке’ [СРГК 3: 189].

<u>IVг. Активность — сумасбродный, вздорный, упрямый</u>: ***алёша*** ◊ ***алёша бесконвойный*** ‘сумасбродный, неуравновешенный, с причудами человек’ // *Найдет на него — работает*, *а другой раз хоть закричись кричи — не выгонишь на работу*, *Алёша бесконвойный* // [ФС: 7]; ***варва́ра*** ‘вздорный, неуживчивый человек’ // *С такой варварой и говорить не хочется* // [ЯОС 2: 48]; ***ефа́лья*** ‘сумасбродная, неуравновешенная женщина’ // *Да что с ней*, *ефальей*, *говорить* // [ЯОС 4: 38] (ср. *Евфалия* [П: 127]); а также, возможно: ***фиру(ю)ль*** ‘упрямец’ [Даль 4: 535] (см. выше).

IVд. Активность — невежливый, хам: ***хаи́м*** ‘непочтительный, грубый человек’ // *Некоторые-то парни хаимы*: *пройдут — не поздороваются*, *да ишо и с ног чуть не сшибут* // [СПГ 2: 494]; ***сапро́н*** ‘невежа, грубый человек’ [СРНГ 36: 128] (*Сопрон* — просторечная форма от *Софрон* [П: 259]); ***фа́ля*** ‘пошляк, самодовольный невежа’ [Даль 4: 531] (см. выше).

IVе. Активность — назойливый, навязчивый (с просьбами, вопросами, советами и пр.): ***варва́ра*** ‘любопытный человек’ [ЯОС 2: 48]; ***ману́йла*** ‘человек, имеющий привычку постоянно что-либо выманивать, выпрашивать’ [СРНГ 17: 365]; ***мари́на*** ◊ ***как мари́на с про́бкой*** ‘о том, кто суется в любое дело без всякой надобности’ [НОС 5: 72]; ***мари́ка*** ◊ ***сова́ться***, ***как мари́шка с хвосто́м*** ‘навязывать советы, в которых не нуждаются’ // *Обойдёмся без тебя. Не суйся во все дела*, *как Маришка с хвостом* // [НОС 5: 72].

IV. VS. Пассивность — робкий, тихоня, слабовольный, беспомощный: ***ва́сиха*** ◊ ***сиде́ть как сирота́ ва́сиха*** ‘о потерянно, робко и скромно сидящем человеке’ // *Сидит как сирота Васиха* // [СППП: 15]; ***мо́ня*** ‘неповоротливая тихая девица’ [СРНГ 18: 254] (см. выше); ***ню́ша*** ‘плакса’ [СРНГ 21: 330]; ***ню́шка*** ‘робкая, неумелая женщина’ [СРНГ 21: 330]; ***пантеля́ма*** ‘слабовольный, никудышный человек’ // *Ванька — пантеляма*, *горе — не парень*, *ничего путнего из него не выйдет*// [СРГСРКК: 221]; ***тё́ма*** (***то́ма***) ‘неразговорчивый, запуганный, забитый человек’ [Иванова: 506] (см. выше); ***матю́ха***, ***тю́ха*** ◊ ***тю́ха да матю́ха*** ‘о беспомощных, беззащитных людях’ // *И мы остались — тюха да матюха*, *у меня три ребёнка после войны* // [СППП: 75] (см. выше); а также, возможно: ***понтю́ха*** ‘тихий, нерешительный человек’ // *Боевой-то жених к невесте сам пробирается*, *а понтюха-то простоит* // [СПГ 2: 167]; ***темтю́ха*** ‘тот, который отличается смирением, покорностью’ // *Темтюху моего всегда перекусают*, *будет лизаться* // [НОС 11: 30].

V. ЧЕСТНОСТЬ, ПОРЯДОЧНОСТЬ (обманщик, непорядочный vs. не обманщик)

Vа. Обманщик, непорядочный — хитрец, пройдоха, плут, вор: ***вакýл***, ***вакýла*** ‘плут, обманщик’ // *Вакул всех надул* // [ЯОС 2: 44]; ***га́врик*** ‘хитрец, пройдоха, ловкач’ [СРНГ 6: 85]; ***дёма***, ***дё́мка*** ‘обманщик(-ца), плут(-овка)’ [СРНГ 7: 349]; ***марты́шка*** ‘недобросовестный, вороватый приказчик в хлебной торговле’ [СРНГ 17: 377]; ***миро́шка*** ◊ ***и кро́шка***, ***да миро́шка*** ‘о догадливом или плутоватом ребенке’ [СРНГ 18: 173]; ***мухамéт*** ‘вор, плут, мошенник’ [СРНГ 19: 35]; ***са́вка*** ‘проныра, ловкач’ // *Ох ты и савка! Попадёшься*, *савка*, *не миновать решётки. Был тут савка*, *всех обкрутил и еле ноги унёс* // [СРНГ 36: 15]; ***фо́мка*** ‘плут, вор, мошенник’ [Даль 4: 683]; а также, возможно: ***матро́ха*** ◊ ***как матро́ха*** ‘о беспутном, изворотливом человеке’ [СППП: 104] (возможно, соотносимо с *Матроха* < *Матрона* [П: 340]).

Vб. Обманщик, непорядочный — двуличный, льстец, лицемер: ***елисе́й*** ‘хитроумный человек, лицемер’ [СРНГ 8: 342]; ***мака́р*** ‘лицемер, плут’, ◊ ***смотреть мака́ром*** ‘лицемерить, притворяться’ [СРНГ 17: 307—308]; ***ману́йла*** ‘обманщик, льстец, угодник’ [СРНГ 17: 365].

V. VS. Не обманщик — только в варианте: простак, простофиля: (см. Iб.).

VI. ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ, ВЕСЕЛОСТЬ (хмурый vs. веселый)

VI. Хмурый, сердитый: ***мухаме́д*** ‘суровый, неласковый, необщительный человек’ // *Век прожила с этим мухамедом и ласкового слова от него не слышала. Глядит на тебя, как конь из-под дуги* // [СРНГ 19: 35]; ***кири́ло*** ‘прозвище человека сердитого, мрачного, надувшего губы’ [СРНГ 13: 221]; ***фетю́к*** ‘угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется’ [Даль 4: 533] (см. выше).

VI. VS. Весёлый: ***макси́мко*** ‘весёлый, озорной человек’ // *А я такой максимко была, добром не просижу, на выдумки веселая* // [СРГК 3: 189].

VII. ВНЕШНИЙ ВИД, ОПРЯТНОСТЬ (неряшливый, неопрятный, плохо одетый vs. нарядный)

VIIa. Неряшливый, неопрятный в одежде, прическе, нечистоплотный: ***акули́на***, ***окули́на*** ‘о неопрятной женщине’ [СРНГ 1: 227; СРНГ 23: 172]; ***акули́на***, ***акули́нка***, ***аку́лька***, ***аку́ля***, ***оку́лька***, ***оку́ля*** ‘о плохо, небрежно одетой или повязанной женщине’ [ЯОС 1: 21]; ***акули́на***, ***окули́на*** ◊ ***как акули́на*** (***окули́на***) ***нарядиться***, ***ходить*** ‘о плохо, небрежно одетой или повязанной женщине’ [ЯОС 5: 9]; ***аку́ля***, ***аку́лька*** ‘о неаккуратно одетой женщине’ // *Штаны-те как у акули, давно стирать пора* // [СПГ 1: 9]; ***аку́ля***, ***аку́люшка*** ‘о неаккуратном, неопрятном человеке’ // *Ну акуля, сроду у ей ноги грязны* // [СРГБаш 1: 20]; ***алё́на*** ◊ ***грязная алёна*** ‘неряха’ [СРНГ 7: 190; СРГСУ 1: 128]; ***артю́шка*** ‘оборванец’ [СРНГ 1: 279]; ***афана́сий*** ◊ ***афана́сий беспоя́сый*** ‘о неряшливом человеке’ [СРНГ 1: 294]; ***ва́нька*** ◊ ***ва́нька из-под ло́дки*** ‘о неаккуратно одетом, помятом человеке’ // *Что ты оделся как Ванька из-под лодки* // [КСГРС]; ***ва́ня*** ◊ ***как ва́ня дуди́нский*** ‘о человеке с лохматыми, длинными волосами и в рваной одежде’ // *Ты как Ваня Дудиньский, волосы долгие. Ваня — это как ворожей, он в Дудине жил* // ◊ ***вы́рядиться что ва́ня дуди́нский*** ‘об одетом в рваную одежду человеке’ [СППП: 89]; ***ва́ня*** ◊ ***ходи́ть***, ***как ва́ня-дура́ня*** ‘о плохо, грязно и бедно одетом человеке’ // *Оденься получче, а то ходишь, как Ваня-дураня* // [СППП: 89]; ***вави́ло*** ‘неопрятный, неуклюжий человек’ // *Идут они по деревне, вавилы, волосья долгие* // [СВГ 1: 54]; ***еро́ха*** ‘о нечесаном, с всклокоченными волосами человеке; о неряхе’ [СРНГ 9: 33] (см. выше); ***кули́на*** ‘неопрятная женщина’ [СРНГ 16: 68]; ‘некультурная, опустившаяся женщина’ // *Кулина-то, скажут, как необразованна. Как кулина — не хорошо, значит. Ты что нарядилась, как кулина?* // [Малеча 2002, 2: 311] (см. выше); ***лесь*** ◊ ***ле́сь-охлепе́сь*** ‘о неаккуратном, неряшливом человеке’ //

Идёт он лесь-охлепесь: *рубашка порвана*, *штаны падают — смотреть на него противно* // [СПГ 1: 474] (*Леся* < *Елисей*, *Леонид* и др. [П: 336]); ***мала́нья***, ***мала́нка*** ‘неряха, растрёпа’ // *Взял маланью*, *вот и живи в гайне всю жизнь. Вон маланья-то опять оделась*, *смотреть смешно* // [СРГСУ 2: 112]; ***матрёна***, ***матрёнка***, ***матрёшка*** ‘неряха, неряшливо одетая женщина’ // *Вот матрёна пошла*, *опять всё шиворот-навыворот оделась* // [СРГСУ 2: 120—121; СРНГ 18: 35—36]; ***ми́ша*** ◊ ***обрасти́ что ми́ша сла́вский*** ‘об очень заросшем, бородатом и лохматом человеке’ // *Ишь*, *оброс-то что Миша Славский* // ◊ ***ходить как ми́ша сла́вский*** ‘о грязном, плохо одетом, неухоженном человеке’ // *Ты ходишь как Миша Славский*, *тужурка грязная* // [СППП: 105]; ***мо́ня*** ◊ ***как мо́ня*** ‘небрежно, неопрятно одетый человек’ // *Наденешь юбки холстяные*, *рваные*, *и ходишь*, *как моня*, *страшная да рваная. Ишь*, *как моня*, *ходит в платье-то* // [ДСРГСУ: 303; СРГК 3: 256] (см. выше); ***му́ня*** ◊ ***как му́ня*** ‘в лохмотьях, неряшливо одетый’ // *Я ведь как муня тут сижу*, *а вы фотографировать* // [СРГК 3: 270] (диминутив от *Мария*, *Моисей*, *Эмма* и др. [П: 343]); ***нени́ла*** ‘неопрятная женщина; неряха, грязнуля’ // *Ненила*, *даже пол подметает не каждый день* // [СРНГ 21: 97; ЯОС 6: 135]; ***оку́ля***, ***оку́лька*** ‘неряшливо одетая, неопрятная женщина’ [СРНГ 23: 173; НОС 6: 162]; ◊ ***оку́лей ходить*** ‘ходить неопрятно одетым’ // *Ну что ты окулей ходишь? Надень вон чистеньку кофту и юбку ету сыми* // [СРГБаш 2: 124]; ***се́вка*** ‘неряха’ // *Прыходила домой*, *как севка*, *уся замурзанная* // [СРГО 2: 162] (*Сева* < *Всеволод*, *Евсевий*, *Евсевия*, *Севастьян*, *Севастьяна*, *Северин*, *Северина*, *Северьян* и др. [П: 354]); ***соло́ха*** ‘неопрятная женщина; неряха’ // *Грязная и немытая солоха* // [Даль 4: 267; СРГА 4: 107]; ‘нечесаная, раскосмаченная девка’ [Даль 4: 267] (диминутив от *Соломония* [П: 356]); ***ули́та*** ‘неопрятный человек’ [ЯОС 10: 13]; ***фефёла*** ‘толстая, необиходная баба’ [Даль 4: 533]; ***фио́на*** ‘о взлохмаченном, непричесанном, неприбранном человеке’ // *Я ведь на фотографии фионой выйду*, *не почесалась дак* // [СПГ 2: 491] (соотносимо с *Феона*, *Феонилла* [П: 281]); ***хавро́нья*** ‘неряха, грязнуля’ // *Опять ета хавронья пришла. Никакого порядка нет у этой хавроньи* // [СРГА 4: 192; СРГСУ 6: 145]; ***хо́вря*** ‘неопрятный человек’ // *А мой-от ховря вчерась заявился грязнёхонькой*, *где токо чё насобирал* // [СПГ 2: 503]; а также, возможно: ***елёха-во́ха*** ‘растрепа; растяпа’ // *Рожу-то утри*, *эх ты*, *елёха-воха… Чижик!* // [ФС: 68] (см. выше); ***марю́ха*** ‘замарашка, неряха’[СРНГ 17: 380] (возможно, соотносимо с *Марья*); ***маря́ха*** ‘неряха’ [СРНГ 17: 380]; ***ря́ха-маря́ха*** ‘неряха’ // *Сноха-то у ей така ряха-маряха* // [СРГСУ 5: 102] (возможно, соотносимо с *Марья*); ***пантю́шка*** ‘плохо одетый человек, оборванец’ [СРНГ 25: 200].

<u>VIIб. Плохо (неприлично, неуместно, немодно) одетый</u>: ***же́нька*** ‘неприлично одетая женщина’ // *Раньше-то лучше одевались*, *а сейчас ходят как женьки*, *собаки хуже* // [ЛК ТЭ]; ***мане́фа*** ‘о женщине нестарой, но одетой по-старушечьи или слишком закутанной’ // *Что это — манефой какой нарядилась?* // [СРНГ 17: 359]; ***матрёха***, ***матрёшка*** ‘насмешливо о

женщине или девушке в платке, завязанном по-сельски, под подбородком' [ЯОС 6: 36].

VII. VS. Нарядный, модник, щеголь: ***га́врик*** 'щеголь, ферт' // *Ишь, гаврики какие заявились!* // [СРНГ 6: 85]; ***илю́ша*** ◊ ***как илю́ша банченый нарядиться*** 'о безвкусно или вычурно одетом человеке' [ЯОС 5, 10]; ***мала́нья*** ◊ ***наряжа́ться***, ***что мала́нья на сва́дьбу*** 'об очень нарядно, подчеркнуто пышно одевающемся человеке (чаще — женщине)' [СППП: 104]; ***надёха*** 'та, которая любит наряжаться' // *А тут захотела окруты, окрутиться. Тебя надёхой надо бы звать* // [НОС 5: 138]; ***фе́шка*** ◊ (***красивая***) ***как фе́шка*** 'об очень красивой, нарядно одетой девушке или женщине' // *Как фешка буду, принарядилася* // [СППП: 120] (см. выше); ***я́нька***, ***я́нюшка*** 'франтик, щеголек' [Даль 4: 678] (см. выше).

VIII. ПОДВИЖНОСТЬ, ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ, ЛОВКОСТЬ (медлительный vs. подвижный)

VIIIa. Неуклюжий, неповоротливый, медлительный, вялый: ***аку́люшка*** 'о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке' [СРГБаш 1: 20]; ***алфе́й*** 'о неуклюжем человеке' // *Он ворочается словно алфей какой* // [СРНГ 1: 242] (вероятно, соотносимо с *Алфей* [П: 47]); ***алю́на*** 'о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке' [СРНГ 1: 247]; ***ваня*** ◊ ***ваня задний*** 'отстающий, медлительный' // *Вот Ваня-то задний! Как ни гляну на тебя, всё сзади плетешься* // [СПГ 1: 77]; ***вави́ла***, ***вави́ло*** ◊ ***как вави́ла ходить*** 'о неповоротливом, неуклюжем, медлительном человеке' [ЯОС 2: 44; 5: 9]; ***вави́ло*** 'рослый, но неуклюжий, нескладный парень' [СРНГ 4: 8]; ***вави́ло***, ***вавило́н*** 'толстый, неповоротливый, нерасторопный человек' // *Вавило, раз неповоротливый дак. Вавилон — толстой, небойкой* // [СГРС 2: 5]; ***дадо́н*** 'неуклюжий, нескладный человек' // *Этот дадон всегда отстает* // [ЯОС 3: 119]; ***ма́ра*** ◊ ***ма́ра — вот ма́ра*** 'неуклюжий, неповоротливый человек' [ФС: 109] (диминутив от *Марианна*, *Марина*, *Мария*, *Марфа*, *Тамара*, *Макар*, *Марк* и др. [П: 339]); ***ми́тя*** 'нерасторопный, медлительный, растяпа' [СРГСУ 2, 133]; ***мо́ня*** 'вялый, нерасторопный, нерешительный человек' // *Этого моню пошлёшь, дак уж ницяга не будя* // [СРГК 3: 256]; 'неповоротливая тихая девица' [СРНГ 18: 254]; 'о вялом, хилом, больном человеке' [СРНГ 18: 254] (см. выше); ***мотю́ня*** 'неуклюжий, большого роста человек' [СРНГ 18: 308] (вероятно, от *Мотя* < *Матвей*, *Матильда*, *Матрона* [П: 343]); ***ули́та*** ◊ ***как ули́та*** 'о вялой, медлительной женщине' // *Да она и пироги катает, как улита* // [ЯОС 5: 13]; ***фома́*** 'человек плохой, вялый' [Даль 4: 683]; ***хавро́ня*** 'неповоротливый человек, увалень' [Малеча 2002, 4: 367]; а также, возможно: ***ки́пря*** 'неповоротливый, неуклюжий человек' [СРНГ 13: 217] (возможно, от Киприан); ***мала́н*** 'нерасторопный человек' // *У, какой малан, говорят. Що ты тихо шевелишь, как малан. Скоро мне надо* // [СРГСУ 2: 112]; ***мо́ньжа*** 'о вялом, хилом, больном человеке' [СРНГ 18: 254]; ***мотява*** (ударение?) 'о неповоротливом, глупом человеке' [СРНГ 18:

308] (см. выше); ***пантю́ха***, ***тю́ха*** ‘неповоротливый, несообразительный человек’ [СРГСУ 3: 112] (*Тюха* — см. выше); ◊ ***жили тюха-пантюха и кулупай с братом*** ‘о ленивых, неповоротливых’ [СРГА 2/2: 119]; ◊ ***тю́ха-пантю́ха*** ‘медлительный, нерасторопный’ // *Пошлёшь тюху-пантюху за молоком, так едва дождёшься, как неживой ходит* // [ФС: 200].

VIIIб. Подвижный, беспокойный, суетливый: ***га́нна*** ◊ ***як га́нна биз солы*** ‘о хлопотливом, беспокойном, вечно бегающем человеке’ [Ткаченко 1998: 230]; ***епи́шка*** ◊ ***епи́шка га́шников*** ‘вертлявый человек, прошедший огонь и воду’ [СРНГ 8: 363] (*Епиша* < Епифан [П: 327]); ***ермо́ля*** ‘беспокойный, слишком подвижный и непоседливый человек’ // *Чё ты, ермоля, ермолишь, сиди спокойно* // [СПГ 1: 249] (соотносимо с *Ермоля* < *Ермолай* [П: 328]); ***сава*** ◊ ***сава пигалка*** ‘очень подвижный, неугомонный человек’ // *Чем свет уж по губы в лес, настояшшая сава пигалка, несколь дома не сидит* // [СПГ 2: 312]; а также, возможно: ***егорша́*** ‘беспокойный, слишком подвижный и непоседливый человек’ // *Наш егорша на месте не сидит, всё егоршит* // [СПГ 1: 243] (вероятно, соотносимо с *Егор*); ***пала-мо́ха*** ‘суетливый человек’ [ЯОС 8: 48] (см. выше).

IX. ПОЛОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ (распутный, гулящий vs. нет)

ва́нька ◊ ***ванька гульный*** ‘неверный, распутный’ // *Вот и мой Ванька гульной домой катит, чтоб ему худо стало. Михаил, не стыдно ли тебе шататься на стороне* // [СПГ 1: 77]; ***му́нька*** ‘легкомысленная, развратная женщина’ [СВГ 5: 10] (*Муня* — см. выше); ***сава́ша*** ‘гулящий мужчина’ // *У моей соседки мужик-от саваша уж хороший* // [СПГ 2: 312] (возможно, диминутив от *Савва*, *Савватий*); а также, возможно: ***мархо́ня*** ‘проститутка, гулящая женщина’ [СРНГ 17: 378] (возможно, соотносимо с формами *Марфеня*, *Марфуня*, *Марфонька* < *Марфа* [П: 340]); ***сватéйка*** ‘распутная женщина’ [СРНГ 36: 14] (возможно, соотносимо с *Савватейка* < *Савватий* [П: 353]).

X. ОТНОШЕНИЕ К ЕДЕ (обжора vs. нет)

додо́н ‘человек, имеющий большой аппетит; ненасытный’ // *Поишь, поишь, и всё мало: додон чёртов* // [ЯОС 4: 8]; а также, возможно: ***лукоя́нец*** ‘обжора’ // *Лукоянец, семь пирогов съел и не наелся* // [СРГСУ 2: 105] (возможно, соотносимо с *Лукьян*); ***омéля*** ‘обжора’ [СРНГ 23: 199] (см. выше).

XI. ОТНОШЕНИЕ К СПИРТНОМУ (пьяница vs. нет)

ва́ня ◊ ***ходи́ть***, ***как ва́ня-дура́ня*** ‘о пьяном и потерявшем способность трезво рассуждать человеке’ // *А напьётся и ходит как Ваня-дураня* // [СППП: 89]; ***епи́шка*** ‘допившийся до белой горячки человек’ [СРНГ 8, 363].

XII. СТАТУС В ОБЩЕСТВЕ (неуважаемый, никчемный, непутевый vs. нет)

ага́ша, ***пала́ша*** ◊ ***шиша да агаша***, ***третья палаша*** ‘малопочитаемые люди’ // *Никого уж в деревне-то нет, остались только Шиша да Агаша,*

да ишо третья Палаша. Кто у тебя сёдни был в гостях-то? — А-а, Шиша да Агаша, треття Палаша // [СПГ 2: 554]; ***ва́нька*** ◊ ***ва́нька ветров*** ‘неизвестный, чужак’ // *Говорит, скотский врач. А сам Ванька Ветров, вот кто! Да с ниоткуда* // [ФЧ: 12]; ***ва́нька, ма́нька*** ◊ ***ва́нька с ма́нькой да колупай с братом*** ‘о никчемных людях’ // *А, это таки собрались Ванька с Манькой да Колупай с братом, невтаритетны ли чо ли* // [ФС: 22]; ***вась-вась*** ‘ни то, ни сё’ // *А то будешь вась-вась, рубай как следует* // [СРГК 1: 164]; ***га́врик*** ‘о неавторитетном, неуважаемом человеке’ [СРНГ 6: 85]; ***егоры́*** ‘проходимцы, люди сомнительного поведения’ [СРНГ 8: 317]; ***еро́ша*** ◊ ***шо́ша да еро́ша*** ‘всякий сброд’ // *Собрались Шоша да Ероша, добрый человек туда и не суется* // [ФС: 221]; ***ива́нька*** ‘о том, к кому неуважительно обращаются, о ком неуважительно отзываются’ [СРНГ 12: 57]; ***тю́ха, матю́ха*** ◊ ***тю́ха да матю́ха да колупа́й с бра́том*** ‘о никчемных, неуважаемых людях; кто попало, всякий сброд’ // *А в комиссию-то попали тюха да матюха да колупай с братом. Собрались нехоро́ши, бездельники, беспутные, непочётные, Тюха да Матюха, да Колупай с братом* // [СРНГ 18: 42; СРСГСП 3: 251; ФС: 200]; ***саватю́га*** ‘беспутный, разгульный, драчливый человек’ [СРНГ 36: 14] (см. выше); ***тере́нтьюшко*** ◊ ***гостёк-тере́нтьюшко*** ‘насмешливое обращение к незваному и непочетному гостю’ // *Ну-ко ты, гостёк-Терентьюшко! Не пора ли тебе домой собираться?* // [ЯОС 3: 102]; ***фи́лькин*** ◊ ***фи́лькин друг*** ‘малоинтересный для компании человек’ // *А парень-то так себе. Пришёл к Василию: дай френчик надеть! Ну Филькин друг, на черта он нам нужен! Тут один затесался, Филькин друг, рубаха на ём прирвана в мель — пуп видно. Такой бравяга!* // [ФЧ: 22]; а также, возможно: ***маре́ха*** ‘не приспособленный к жизни, беспорядочный, непутевый человек’ [СРНГ 17: 372] (возможно, соотносимо с *Мария*); ***пантю́ха, тю́ха*** ◊ ***тюха*** (***да***) ***пантю́ха да колупай с братом*** ‘о морально разложившихся членах общества’ [СРНГ 25: 200] (*Тюха* — см. выше).

XIII. ОБЩАЯ ОЦЕНКА (плохой vs. нет)

антро́п ◊ ***антро́п неве́рующий*** ‘о недобром, нечестном или недоверчивом человеке’ // *Антроп неверующий, нехороший человек. Что ты мне не веришь-то? Вот антроп неверующий* // [СППП: 15] (*Антроп* — разговорная форма от *Евтропий* [П: 56]; ***аполло́н*** ‘бранно о человеке’ // *Мужичка обзывали аполлоном. Аполлон, если ругают, бойкий, так аполлон* // [СРГК 1: 20]; ***аполло́нка*** ‘бранное выражение’ // *Бабу аполлонкой звали, боевая такая была, вино пила да табак курила* // [СРГК 1: 20]; ***марты́н*** ‘бранно (о плохом человеке. — *И. Р.*)’ // *Два брата, сам худой и братеха худой, такие мартыны нехорошие* // [СРГК 3: 200]; ***оку́лька*** ◊ ***оку́лька база́рка*** ‘бранное выражение’ [СРНГ 23: 173]; ***оку́ля*** ◊ ***оку́ля беспя́тая*** ‘бранное выражение’ [СРНГ 23: 173]; ***саво́ся, саво́ська*** ‘бранное прозвище’ // *Эк ты, савося* // [СРНГ 36: 15] (см. выше); ***си́дор*** ◊ ***змеи́ный си́дор*** ‘бранно (о человеке)’ // *Вот змеиный сидор, придёт сюда* // [СППП: 70]; ***сазо́н*** ‘человек,

известный своими дурными качествами' // *А у ней полюбовник. Да, хорошего сазона завела!* // [ЯОС 9: 7]; ***фомá*** 'человек простоватый, плохой, вялый' [Даль 4: 683]; ***хи́ма*** ◊ ***гáдова хи́ма*** 'бранно (о человеке)' // *Стали обляпать стены и иконку вон. Гадова ты хима* // [СППП: 78] (*Хима* < *Евфимия*, *Архимед* [П: 363]); а также, возможно: ***елёха*** ◊ ***елёха-воха*** 'выражение, употребляемое в виде порицания кому-либо' [СРНГ 8: 340] (см. выше); ***катéря*** 'бранное слово' // *Замолчи ты, катеря негодная* // [СРНГ 13: 127] (возможно, соотносимо с *Катерина*); ***мосяк*** 'бранное слово' // *Ругаемся мосяк, да и всё. Я и сама не знаю, что такое мосяк. Мосяк тебя возьми! Ах ты, мосяк!* // [СРНГ 18: 294] (возможно, соотносимо с *Мося* < *Амос*, *Моисей*, *Мосей*, *Фирмос* [П: 343]).

Поиск закономерностей, действующих при возникновении таких номинаций, должен осуществляться в двух направлениях. Во-первых, необходим анализ семантического уровня данного поля: следует обратить внимание на типичное и регулярное в тех значениях, которые приобретают здесь антропонимы. Во-вторых, следует проанализировать эти языковые факты в мотивационном аспекте «от антропонима» с целью выявить его номинативный потенциал и определить факторы, способствующие трансформации его традиционной функции имени собственного.

Если сосредоточиться на семантике вышеприведенных номинаций, обнаруживаются как минимум три общие особенности, свидетельствующие об определенной направленности номинативного процесса.

1. Доминанта негативного. Абсолютное большинство номинаций относится к оценочным, с высокой степенью экспрессивности, при этом частотному маркированию посредством антропонимов подвергается прежде всего негативная оценка человека по какому-либо из параметров: с точки зрения умственных способностей (дурак), с точки зрения способности к труду (лентяй, неумеха), с точки зрения внешнего вида (неряха, оборванец) и т. п. Позитивная тенденция в рамках данного поля проявляет себя весьма слабо, эпизодично.

Если оценивать структуру секторов с учетом соотношения в них «негативных» и «позитивных» номинаций, то можно выделить ряд стуктурных разновидностей.

Несколько секторов являются моноструктурными и представлены семантически сходными номинациями с отрицательной оценкой по соответствующему параметру: секторы «IX. Половое поведение (распутный, гулящий)»; «X. Отношение к еде (обжора)»; «XI. Отношение к спиртному (пьяница)»; «XII. Статус в обществе (неуважаемый, никчемный, непутевый)»; «XIII. Общая оценка (плохой)».

Секторы с бинарной структурой делятся на несколько типов. Во-первых, имеет место такая двухчастная структура сектора, когда номинации связаны с одним параметром, но носят противоположный с

точки зрения оценки характер (хороший — плохой). В чистом виде пример такой структуры дают секторы «II. Трудоспособность (неполноценный работник vs. полноценный работник)» и «VI. Доброжелательность, жизнерадостность, веселость (хмурый vs. веселый)». В первом случае обширной и поликомпонентной отрицательной части противостоят два языковых факта, эксплицирующих положительную оценку (*Ва́ня трёхлито́вочный* ‘работящий, безотказный в работе’; *Ва́нька с трудодня́ми* ‘о трудолюбивом колхознике с хорошим заработком’), во втором случае мы имеем единичный пример позитивно-оценочной номинации (*макси́мко* ‘весёлый, озорной человек’ // *А я такой максимко была*, *добром не просижу*, *на выдумки веселая* //). Во-вторых, в ряде случаев двухчастная структура сектора являет собой результат преимущественно отрицательной оценки человека также в рамках одного параметра, но в связи с отклонением от нормы в разные стороны (плохой как превышающий норму vs. как не достигающий нормы): болтун vs. необщительный, молчун (сектор III); неуклюжий, медлительный, неповоротливый vs. слишком подвижный, суетливый (сектор VIII). Ярким примером описываемой структуры может быть сектор IV, объединяющий языковые факты, касающиеся оценки человека по особенностям его позиции в общении: одну его часть составляют номинации, посредством которых обозначается «активно-негативное» поведение (зазнайка, забияка, сварливый, надоедливый, хам и пр.), другая часть включает в себя обозначения «пассивно-негативной» позиции (робкий, тихоня, беззащитный), т. е. также эксплицирующие главным образом отрицательную оценку: *ню́шка* ‘робкая, неумелая женщина’; *пантеля́ма* ‘слабовольный, никудышный человек’ // *Ванька — пантеляма*, *горе — не парень*, *ничего путнего из него не выйдет* //; *понтю́ха* ‘тихий, нерешительный человек’ // *Боевой-то жених к невесте сам пробирается*, *а понтюха-то простоит* //; *тё́ма* (*то́ма*) ‘неразговорчивый, запуганный, забитый человек’ и др. Третий вариант структуры двустороннего сектора представляет собой совмещение двух вышеописанных: vs.-часть включает в себя номинации как с положительной оценкой (как правило, единичные примеры), так и с отрицательной (их обычно больше). Примером может служить сектор VII, где многочисленной совокупности языковых фактов с семантикой ‘неопрятный, грязный, плохо одетый’ противостоят *га́врик* ‘щеголь, ферт’ // *Ишь*, *гаврики какие заявились!* //; *илю́ша* ◊ *как илю́ша банченый нарядиться* ‘о безвкусно или вычурно одетом человеке’; *мала́нья* ◊ *наряжа́ться*, *что Мала́нья на сва́дьбу* ‘об очень нарядно, подчеркнуто пышно одевающемся человеке (чаще — женщине)’; *надё́ха* ‘та, которая любит наряжаться’ // *А тут захотела окруты*, *окрутиться. Тебя надёхой надо бы звать* //; *фе́шка* ◊ (*красивая*) *как фе́шка* ‘об очень красивой, нарядно одетой девушке или женщине’ // *Как фешка буду*, *принарядилася* //; *я́нька*, *я́нюшка* ‘франтик, щеголек’. Из всего ряда примеров только, пожалуй, в номинации *фешка* можно усмотреть яв-

ную положительную оценку, остальные несут скорее негативные коннотации (мягкое или прямое осуждение за нескромность).

Таким образом, номинации, несущие положительную оценку, крайне малочисленны и нерегулярны, что позволяет сделать вывод об их глубоко периферийном положении в рамках поля. Номинированию посредством отантропонимических производных подвергается прежде всего носитель отрицательных качеств.

2. Полидублетность как отличительная черта ряда секторов. Примечательно то, что характерологические номинации не отличаются значительным идеографическим рассеянием: во-первых, количество секторов-идеограмм поля в целом невелико, во-вторых, некоторые из них отличаются обширностью состава и являют собой примеры поликомпонентной дублетности. В частности, в значении ‘глупый, простак, простофиля’ могут выступать лексемы *агафо́н*, *ано́ха*, *артю́шка*, *ахраме́й*, *га́врик* / *га́вря*, *еле́ся*, *еме́ля*, *ерёма*, *мака́р*, *мала́нья*, *ма́ньтя*, *миро́н*, *петря́юшка*, *саво́ська*, *савы́рка*, *фефёла* (сектор Iб); компонент значения ‘неумелый’ имеют номинации *акули́на* / *аку́ля* / *аку́лю́шка*, *алю́на*, *афо́ня малохо́льный*, *мала́н*, *мо́ня*, *ню́шка*, *оме́люшка*, *пантю́ха* и др. (сектор IIв); в качестве обозначения неряхи зафиксированы языковые единицы *акули́на* / *аку́ля* / *аку́лька* / *аку́люшка* / *кули́на*, *грязная алёна*, *афана́сий беспоя́сый*, *вави́ло*, *еро́ха*, *мала́нка* / *мала́нья*, *марю́ха*, *матрёна* / *матрёнка* / *матрёшка*, *мо́ня*, *му́ня*, *нени́ла*, *се́вка*, *соло́ха*, *фио́на*, *хавро́нья* / *хо́вря* и др. (сектор VIIа).

Основываясь на количественном критерии, структуру поля можно представить таким образом, что его центром будут наиболее многочисленные, дающие наибольшее число дублетов секторы. Соответственно, представления о качествах характера, которые подвергаются частотному, регулярному номинированию, могут считаться обладающими наибольшей релевантностью. Если, опираясь на количество задействованных в каждом секторе антропонимов, условно задать границы центра, средней зоны и периферии поля, то получится следующая картина — отражение «рейтинга» качеств характера человека, охваченных с различной степенью интенсивности вторичными отантропонимическими номинациями:

	Центр поля (при номинации задействовано 9—10 и более антропонимов)	**Средняя зона (при номинации задействовано 5—8 антропонимов)**	**Периферия (при номинации задействовано 4 и менее антропонимов)**
I. Умственные способности	— дурак; — неумный, простак, простофиля; — несообразительный, забывчивый, рассеянный	— бестолковый, неловкий, неумелый, никчемный в делах; — необразованный, некультурный, невежда	— легкомысленный, несерьезный; — ненормальный, сумасшедший; — сообразительный, догадливый, ловкий

	Центр поля (при номинации задействовано 9—10 и более антропонимов)	**Средняя зона (при номинации задействовано 5—8 антропонимов)**	**Периферия (при номинации задействовано 4 и менее антропонимов)**
II. Трудоспособность	— ленивый; — неловкий, нерасторопный, неумелый, медлительный	— неряшливая плохая хозяйка	— неспособный к качественному квалифицированному труду; — попусту хлопочущий, занятый нестоящим делом; — трудолюбивый
III. Речевое поведение	— лгун, хвастун		— пустослов, болтун; — разговорчивый; — льстец, подхалим; — неразговорчивый, молчаливый
IV. Поведение в общении		— кичливый, спесивый; — забияка, драчун, хулиган; — сварливый, сердитый, злой; — скромный, робкий, слабовольный	— сумасбродный, вздорный, упрямый; — невежливый, хам; — назойливый, навязчивый
V. Честность, порядочность	— хитрец, плут, вор; (— простак, простофиля)		— двуличный, лицемерный
VI. Доброжелательность, веселость			— хмурый, сердитый; — веселый
VII. Внешний вид, опрятность	— неряшливый, неопрятный	— нарядный, модник	— плохо (неприлично, неуместно) одетый;
VIII. Подвижность, физическая активность, ловкость	— неуклюжий, медлительный, вялый	— подвижный, беспокойный, суетливый	
IX. Половое поведение		— распутный, гулящий	
X. Отношение к еде			— обжора
XI. Отношение к спиртному			— пьяница
XII. Статус в обществе	— неуважаемый, никчемный		
XIII. Общая оценка	— плохой		

3. Полисемия и диффузность семантики. Стоит отметить, что в рамках исследуемого поля довольно распространено явление, когда одно имя фиксируется в качестве обозначения различных качеств характера (полисемия) либо когда значение, сформулированное в источнике весьма комплексно, касается ряда черт характера, так что номинация может быть представлена в двух-трех идеограммах (диффузность). Примечательно, что в таких примерах варьирования и синтеза фигурируют в первую очередь значения центра и средней зоны поля. Примером многозначности отантропонимического языкового факта может быть лексема *акули́на* и ее варианты *аку́ля*, *аку́лька*, *акулю́шка*, *оку́ля*, *окули́на*: в говорах Урала и сопредельных областей они фиксируются в значениях ‘неопрятный, неаккуратный человек’; ‘неопрятная женщина’; ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’; ‘неловкий, нерасторопный, неуклюжий, неумелый человек’; ‘глупая’ и т. п. Ср. также в уральских говорах *мала́нья* ‘простушка; глуповатая, недалекая женщина, которую легко одурачить, обмануть’; ‘неряха, растрепа’. Номинации с диффузными значениями демонстрируют корреляции — в различном соотношении — прежде всего таких качеств, как умственная неполноценность, неуклюжесть, медлительность, неумелость, робость: *акули́на*, *акулю́шка*, *аку́ля* ‘рассеянный, нерасторопный, неумелый человек’; *алю́на* ‘о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке’; *ми́тя* ‘нерасторопный, медлительный, растяпа’ // *Митя он*, *дурак лопоухий* //; *мо́ня* ‘неповоротливая тихая девица’; *мотява* ‘о неповоротливом, глупом человеке’; *ню́шка* ‘робкая, неумелая женщина’; *пале́ха* ‘о неуклюжем, нерасторопном, несметливом человеке’; *пантю́ха*, *тю́ха-пантю́ха* ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ и др.

Таким образом, с учетом трех описанных тенденций, наблюдаемых в рамках исследуемого поля, можно утверждать, что его формирование носит в определенной степени направленный характер, подчинено принципу семантико-идеографической заданности. Суть этого принципа в том, что наибольшую вероятность быть обозначенным посредством отантропонимической лексемы имеет носитель негативных качеств характера — причем в первую очередь таких, как глупость, неспособность к труду, медлительность, неряшливость (как показывает материал, эти характеристики могут тесно коррелировать в сознании номинатора); также высоки шансы получить обозначение данного типа у хвастуна, обманщика и человека, не пользующегося уважением в обществе. Перечисленные качества могут считаться своего рода «аксиологической доминантой», обладающей в языковой картине мира номинатора наибольшей релевантностью.

Дополнительным доказательством актуальности именно данных характеристик может служить ряд лексем-«псевдоантропонимов». Это также оценочно-экспрессивные номинации, планом выражения которых являются формы, либо созданные по антропонимической модели, либо в какой-то

своей части созвучные антропониму; большинство из тех, что известны нам, номинируют человека — носителя перечисленных качеств: *маргафóня* ‘дураковатый человек, простофиля’ [СРНГ 17: 370]; *маргафóнтьевна* ‘неисполнительная, ленивая женщина’ [СРНГ 17: 370]; *мордофóня* ‘о человеке с суровым, сердитым лицом’ [СРНГ 18: 260]; *мордофи́ля* ‘о зазнайке, гордеце’ [СРНГ 18: 260]; *подофéня* ‘человек, носящий длиннополую одежду и путающийся в ней; о небрежном в одежде, неряшливо одетом человеке’ [СПГ 2: 127; СРНГ 28: 125]; ‘лицемер, двуличный человек, старающийся сделать другому плохое, оговорить кого-либо’ [СРГСУ 4: 61; СРНГ 28: 125]; *палиндрáська* ‘веселый, подвижный человек’ [СПГ 2: 72]; *сапси́м* ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ [СРНГ 36: 128]; *дурáфья*, *дурáфьюшка*, *дурáфья глуповна* (*глупини́шна*) ‘глупая женщина’ [ЯОС 4: 26]; *кутáфья* ‘о небрежно и грязно одетой женщине’; ‘о неповоротливой женщине’ [СРНГ 16: 166]; *кутóфья роговна* ‘о неаккуратно одетой женщине’ [СРНГ 16: 174]; *патрáй патрáич* ‘грязнуля’ [ФС: 133]; ◊ *как запатрай патраич* ‘о ком-либо очень грязном’ [СПГ 1: 301]; *балахрысья ивановна* ‘бездельница, озорница’ [СРНГ 2, 77]; *ахминáло-мýченик* ‘обжора; прожорливый человек’ [ФС: 8].

Другой аспект анализа данного номинативного поля предполагает обращение непосредственно к самому набору отантропонимических единиц. Цель ставится та же — поиск закономерностей, только в данном случае таких закономерностей, которые определяют отбор антропонимов для использования их в этой вторичной номинативной роли.

Думается, что можно назвать несколько факторов, выводящих антропоним за рамки его первичной функции и делающих возможным его соотношение с референтом (человеком — носителем определенного, чаще негативного, качества характера) по принципу апеллятива.

1. Экспрессивность внешней формы номинативной единицы. Многие антропонимы, входящие в исследуемое поле, употреблены не в полной исходной форме, а представляют собой различные структурные трансформации имени собственного. Помимо обычных диминутивов (*алёша*, *вáня*, *фи́ля*, *ми́тя*, *емеля*, *кéша* и пр.), весьма распространены уменьшительно-уничижительные варианты (*акýлька*, *петря́йка*, *вáнька*, *фóмка*, *панкрýшка*, *савóська*, *фéська*, *мари́шка* и пр.). Как отмечают исследователи, в традиционной крестьянской культуре уменьшительная форма имени (*Ванька*, *Манька*) считалась вполне уместной и «нейтральной» только при обращении к ребенку, переход человека в следующую возрастную категорию (подросток, юноша / девушка) предполагал иную форму обращения — полное имя (*Иван*, *Марья*) [Адоньева 2001]. Соответственно, выбор уменьшительной или уменьшительно-уничижительной формы имени при назывании взрослого человека не был фактом нейтрального словоупотребления, а имел — пусть в минимальной степени — оценочную, экспрессивную окраску. Помимо приведенных форм, среди рассматриваемых нами языковых

фактов немало безусловных экспрессивов: это производные с различными экспрессивными суффиксами (*саватю́га*, *артю́ха*, *мотява*, *пантё́х*, *петру́зик*, *мося́к* и пр.), а также примеры игрового переосмысления формы имени: *елё́ха-во́ха*, *тю́ха-пантю́ха*, *ря́ха-маря́ха*, *ле́сь-охлепе́сь*, *петехрю́й* и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что способность антропонима к продуцированию разнообразных дериватов-экспрессивов оказывается весьма востребованной в ситуации создания оценочных номинаций.

2. Фоносемантическая интерпретация формы имени. Непрозрачность внутренней формы антропонима может повлечь за собой восприятие имени в звукосимволическом ключе. Некоторые примеры позволяют предполагать, что этот фактор является актуальным. В частности, для номинирования обжоры, неповоротливого, неуклюжего человека (являющегося, очевидно, полным) используются единицы с лабиализованными гласными и губными согласными: *лукоя́нец*, *оме́ля*, *алю́на*, *вави́ло*, *мотява*, *пантю́ха*; ср. также не вошедшие в исследуемое поле номинации *олёна пити́ха* ‘полная женщина’ [СПГ 2: 42]; *ильюха тельный* ‘прозвище человека за чрезмерную полноту’ [СРНГ 12: 178]. Также примером здесь могут быть факты использования в качестве номинаций с негативной оценкой антропонимов, содержащих звук [ф], характеризующийся, как известно, в сознании носителя русского языка отрицательными коннотациями: *фефё́ла* ‘простак, простофиля, растяпа’; ‘глупая’; ◊ *фефё́ла па́кли растопы́рила* ‘о простофиле, рассеянном, несобранном человеке’; *фе́ша* ◊ *фе́ша растату́ра* ‘неряшливая’; *фио́на* ‘о взлохмаченном, непричесанном, неприбранном человеке’ и др. (см. об этом [Отин 2002: 65—66]).

3. Аттракции и народноэтимологическое прояснение внутренней формы имени. Данное явление, как прямое следствие немотивированности лексем-антропонимов для носителей языка, широко распространено в народной языковой традиции — например, отражено в паремиях, особенно тех, которые связаны с месяцесловом (*На св. Пуда доставай пчел из-под спуда* [Даль. Посл. 3: 487]; (*День*) *Еремея запрягальника*, *яремника* [Там же: 493]; *На Олену сей лен* [Там же: 497]; *Макрида мокра — и осень мокра* [Там же: 506]; *На Тихона певчие птицы затихают* [Там же: 500] и др.).

Несколько примеров из исследуемого здесь материала представляют собой, на наш взгляд, случаи, когда обретение антропонимом «апеллятивного» содержания связано с аттракционными процессами, народноэтимологической интерпретацией формы имени. В частности, аттракцию — как определяющий либо поддерживающий фактор — можно усмотреть в происхождении следующих номинативных фактов: *емеля* ‘празднослов, пустомеля, пустослов’, ‘лгун, хвастун’; *оме́люшка* ‘тот, кто много говорит и часто попусту’ // *Омелюшка опять мелет вам*, *все болтает. Два омелюшки собрались и мелют*, *и мелют* // (сближение с *молоть* и его личными формами — *мелет* и пр. — в метафорическом значении «много гово-

рить»); *оме́ля* ‘обжора’ (сближение с *молоть*, употребляемым для обозначения процесса быстрого пережевывания и поглощения пищи); *ману́йла* ‘обманщик, льстец, угодник’; ‘человек, имеющий привычку постоянно что-либо выманивать, выпрашивать’ (сближение с *обман*, *манить*); *елисе́й* ‘хитроумный человек, лицемер’; *еле́ся* ‘льстец’ (сближение с *льстить*, *льстец*); *саму́тя* ‘гордец’; *самуня* (уд.?) ‘прозвище спесивого крестьянина’ (сближение с местоимением *сам*); *маря́ха*, *ря́ха-маря́ха* ‘неряха’, *марю́ха* ‘замарашка, неряха’ (сближение с *марать*); *дё́ма*, *дё́мка* ‘тот, кто обманывает, плутует’ (вероятно, под влиянием сближения антропонима с лексемой *демон*; ср.: *демя́шка* ‘сатана, демон’, *дё́мины ребя́та*, *деме́шкины ребя́та* ‘нечистые духи, черти’ [СРНГ 7: 349]); *ню́шка* ‘робкая, неумелая женщина’ (соотносится с *ню́ня* ‘разиня, мямля, тихоня’ [СРНГ 21: 328]); *хаи́м* ‘непочтительный, грубый человек’ (возможно, под воздействием слова *хам*); *надё́ха* ‘та, которая любит наряжаться’ (вероятно, осмысливается как производное от *надевать*, ср.: // *А тут захотела окруты*, *окрутиться. Тебя надёхой надо бы звать* //); *еро́ха* ‘о нечесаном, с всклокоченными волосами человеке; о неряхе’ (появление этого лексико-семантического варианта, скорее всего, мотивировано соотношением с *еро́шить*, среди диалектных значений которого ‘бить кого-, что-либо’ [СПГ 1: 249; СРНГ 9: 33—34]; ‘ворошить, поворачивать (сено)’ [ДСРГСУ: 149]; ‘вышелушивать’ [ДСРГСУ: 149]). Интересным примером в этом контексте являются производные от имени *Акулина* (*акули́на*, *окули́на*, *аку́ля*, *оку́ля*, *аку́лька*, *аку́люшка*, *кули́на*); они фиксируются в различных негативно-оценочных значениях, где фигурирует общая сема «неправильный; не такой, как следует»: ‘о неловком, нерасторопном, неуклюжем, неумелом человеке’// *Вот акуля*, *все из рук валится*, *ничё делать не умеет. Ох*, *окуля*, *ты моя окуля*: *неужто полюдски сделать не можешь? Ведь все развалила*, *измарала! Акулюшка чё сделат — всё неладно*: *акуля и есь акуля* //; ‘о неаккуратном, неопрятном человеке’; ‘некультурная, опустившаяся женщина’ // *Как кулина — не хорошо*, *значит. Ты что нарядилась*, *как кулина?* // и др. Вероятно, данные факты можно интерпретировать как следствие аттракционно-деривационных взаимодействий отантропонимических образований с группой производных праславянского корня **kul-*, имеющего значение ‘гнуть’. В частности, севернорусские лексемы *ку́ломень* ‘неповоротливый мужчина’, *кулё́ма* ‘неряха’, *куля́ба* ‘неудачник’ и др. возводятся к этому корню и являют собой результат семантического перехода «гнуть → что-л. деформированное, неудачное → неудачник, неуклюжий, неряха и т. п.» [Галинова 2000: 130—132].

4. Актуальность образа реального субъекта — носителя имени. В данной ситуации антропоним обретает функцию номинации-характеристики вследствие того, что в коллективе носителей языка есть или был представитель, воспринимаемый как «эталонный» носитель определенного качества — тот, который в наибольшей степени выделялся из микросоциума как нарушитель той или иной нормы. Самыми достоверными при-

мерами из нашего материала будут языковые единицы, созданные по модели [антропоним + атрибутив (оттопонимического происхождения или прозвищного типа)]. Некоторые из них — посредством иллюстративного контекста или комментария собирателей — сопровождаются указанием на прототип: ◊ *ва́нька синеко́ська* ‘о человеке непутевом, глупом’ // *Был в деревне Ванька ненормальный парень, и его звали Синекоська, а потом всех непутевых звать так стали* //; ◊ *как ва́ня дуди́нский* ‘о человеке с лохматыми, длинными волосами и в рваной одежде’ // *Ты как Ваня Дудиньский, волосы долгие. Ваня — это как ворожей, он в Дудине жил* //; ◊ *вы́рядиться что ва́ня дуди́нский* ‘об одетом в рваную одежду человеке’ (Ваня Дудинский — известный прежде в районе знахарь) [СППП: 89]; ◊ *обрасти́ что ми́ша сла́вский* ‘об очень заросшем, бородатом и лохматом человеке’; ◊ *ходить как ми́ша сла́вский* ‘о грязном, плохо одетом, неухоженном человеке’ (Миша Славский — известный когда-то в районе нищий) [СППП: 105]. Вероятно, такое же происхождение можно подозревать у фактов ◊ *фи́ля тобо́льский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’; ◊ *лёся кунгу́рский* ‘о ненормальном, психически больном человеке’, ◊ *стёпа сущовский* ‘о неумелом, нерасторопном человеке’. Номинации этого типа стоят несколько особняком в исследуемом поле, поскольку здесь отступления от первичной функции антропонима минимальны: сохраняя сигнификативную сему единичности, имя на основе механизма сравнения — ср. частотность вхождения компонента *как* в состав номинативного оборота — отсылает к образу конкретной личности носителя данного имени.

5. Актуализация культурных коннотаций имени, возникших вследствие его принадлежности мифологической, фольклорной, лубочной традиции. Безусловно, определенная часть номинаций исследуемого поля может быть возведена к нарративным источникам традиционной культуры (сказки, тексты народной христианской традиции[5], паремии, лубок и пр.). Соответственно, антропоним выступает здесь как прецедентное имя — знак, устойчиво соотносящийся в данном лингвокультурном сообществе с определенным текстом или ситуацией и имеющий сигнификат, в котором в минимизированном виде содержатся дифференциальные признаки, атрибуты, оценка денотата-прецедента [Гудков 1999]. Стоит заметить, что для нашего материала данный фактор — экспликация прецедентного содержания имени — является, во-первых, трудноверифицируемым, во-вторых, в целом достаточно раритетным. Очевидные примеры здесь единичны. Это

[5] В рассматриваемый здесь материал мы намеренно не включили дериваты от имен библейских персонажей, которые не функционировали в русском языке в качестве антропонимов, а остались так называемыми прецедентными именами — знаками религиозно-мифологической традиции (Каин, Пилат, Христос, Иуда и пр.), хотя в русских диалектах фиксируется целый комплекс вторичных номинаций — производных от этих имен, в том числе и принадлежащих к изучаемой идеограмме «Характер человека». Этот материал рассмотрен в [Родионова 2000].

номинации *касья́н* ‘о злом, недоброжелательном человеке’ и *кастья́ниха* ‘женщина, которая постоянно бранится, ругается’[6], мотивированные крайне негативным отношением к високосному году, 29 февраля и св. Касьяну соответственно (ср. *день Касьяна завистливого*, *злопамятного*, *немилостивого*, *скупого*; *Касьян на скот взглянет — скот валится*; *на дерево — дерево сохнет* и пр. [Даль. Посл. 3: 477]). Рефлексы образов сказочных Ивана и Емели можно усмотреть в языковых фактах *ива́н-дура́к* ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’; ◊ *ходи́ть*, *как Ва́ня-дура́ня* ‘о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке’, ‘о плохо, грязно и бедно одетом человеке’; *еме́ля* ‘дурак’, ‘простофиля’, ‘лгун, хвастун’, ‘праднослов, пустомеля, пустослов’. В связи с паремиями Е. С. Отин указывает на явление «контекстно обусловленной семантизации», которое заключается в приобретении антропонимами коннотативного содержания из пословичного контекста (*Дело плохо*: *стал указчиком Аноха* → *аноха* ‘дурак’) [Отин 2002: 56]. Однако, на наш взгляд, данный феномен требует тщательного изучения, заключающегося в детальном сравнительном анализе двух кодов — паремийного и языкового, поскольку, как представляется, он не отличается регулярностью и однонаправленностью. С одной стороны, образ героя — носителя определенного имени — может быть ярко эксплицирован в пословицах, но практически не отразиться в языке (например, образ Фомы) [Двинятин 2001], с другой — пословичные репрезентации могут носить вторичный характер и иметь иной источник прецедентного содержания. В частности, источником номинаций *ано́ха* ‘простофиля, глупец’: *ано́ха* ◊ *ано́ху строить* ‘представляться простофилей, дураком, глупцом; валять дурака’ стал, вероятно, мотив праведности, связанный в библейской традиции с патриархом Енохом[7] и переосмысленный в данном случае в иронически-сниженном ключе с усилением негативных коннотаций по семантической модели: праведник → тихоня, простак, не умеющий себя защитить → глупец, простофиля, недотепа. Доказательством достоверности такой интерпретации являются номинативные варианты *ано́ха праведный* ‘о простофиле, простаке, глупце’ [СРНГ 1: 261] и *еноха праведный* ‘простак, но всегда молчаливый, тихий, от своей беды себя не защищающий человек’; «Говорят в укор: “Да чего же ты смотрел, Еноха праведный? В глазах деревня сгорела — проспал!”» [Макаров 1846: 78].

Кроме того, думается, что воздействие нарративной и паремиологической традиций на языковой код может носить более общий характер: частая повторяемость определенных имен и их клишированных сочетаний в текстах может способствовать их закреплению в языковом узусе. При этом сюжетность или иное прецедентное содержание имени в значительной степени редуцируется, и единица обретает план содержания уже под пре-

[6] Здесь также не исключена аттракция с *коститься* ‘браниться’ [СРНГ 15: 75].

[7] Енох «ходил… пред Богом» [Быт. 5:24] и заслужил особую милость: не умер, а был «переселен» Богом [Евр. 11:5].

валирующим воздействием языковой системы. Например, языковой факт *Фомка да Ерёмка* ‘о случайно собравшихся людях, которые берутся что-либо делать сообща’ (судя по контексту — о неумелых работниках), безусловно, прецедентен, однако прецедентность здесь следует видеть не в закрепившемся за именами определенном содержании, а в широком употреблении данной пары антропонимов в пословицах и лубочных текстах [Плетнева 2001], что могло способствовать выбору именно данной формы для оценочной номинации.

Наконец, отдельные номинации-характеристики человека вторичны по отношению к знакам мифологического кода (именам демонологических персонажей). Таковым в нашем материале следует, очевидно, считать языковой факт *соло́ха* ‘неопрятная женщина, неряха’; ‘нечесаная, раскосмаченная девка’ (ср. значение этого же слова на той же территории, приведенное Далем в качестве первичного: ‘русалка, лопаста с расчесанными волосами’ [Даль 4: 267]). Об устойчивости модели переноса «женский демонологический персонаж → неопрятная женщина» свидетельствуют, например, устойчивые сравнения ◊ *как полудница* ‘о неряшливо одетой женщине’ [СПГ 2: 158] и ◊ *выскочить как Мару́шка со ржи* ‘о неожиданно появившейся неопрятной, плохо одетой женщине’ (ср. комментарий составителей словаря: Мару́шка — женский дух в виде оборванной старухи, обитающий в ржаном поле; русалка) [СППП: 104]).

6. Актуализация социокультурных коннотаций имени. Коннотативное содержание имени может быть обусловлено соотнесенностью имени с определенным социокультурным слоем. Антропоним, приобретший в сознании носителей языка статус «типичного» для той или иной социальной группы, имеет в плане содержания совокупность характеристик, приписываемых представителям данной группы, и — соответственно — может использоваться как обозначение человека, которому присущи эти качества. В нашем материале несколько примеров такого типа: *мухаме́д* ‘суровый, неласковый, необщительный человек’; *мухаме́т* ‘вор, плут, мошенник’ (имя — типичное мусульманское — выступает здесь как носитель комплекса негативных коннотаций, обусловленных отрицательным отношением к представителям другой национальности и другой религии); в говоре яицких казаков *васю́хонька* ‘темный, неграмотный, некультурный’ // *Мы, вишь, васюхоньки, неправильно говорим, слова выговаривам старинны* // (ср. там же *васю́нечка*, *васю́нчик* ‘излюбленное имя низовых казаков, ставшее нарицательным именем и дразнилкой’ [Малеча 2002, 1: 196]; ◊ *по-васю́нечкину* // *Мы по-васюнечкину говорим* // (т. е. неправильно, «некультурно». — *И. Р.*) [Малеча 2002, 3: 213]); появившееся уже в новое время ◊ *Дунька с трудоднями* ‘деревенщина’ (следствие восприятия имени *Дуня* как непрестижного, «деревенского»).

Можно предположить, что данный фактор представлен шире и ярче в аналогичном материале современных жаргонов: непрестижность имени,

нахождение его на периферии системы влечет за собой возникновение негативных коннотаций и делает данный антропоним маркером непривлекательного по каким-либо признакам, неуважаемого в социальной группе человека (ср. молодежное *клава* ‘необразованная, глупая девушка’ [БСЖ: 258]).

Итак, в данной работе, обратившись к одной из групп номинативного комплекса антропонимического происхождения, мы попытались реализовать системный подход к анализу материала — подход, направленный на выявление общих закономерностей, которые определяют формирование данного номинативного комплекса в его основных чертах.

Литература

Адоньева 2001 — С. Б. Адоньева. Имя и обращение // Канун: Альманах. Вып. 6: Чужое имя. СПб., 2001. С. 232—245.

АОС — Архангельский областной словарь. Т. 1—. М., 1980—.

Березович 2004 — Е. Л. Березович. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3—24.

БСЖ — Большой словарь жаргона. СПб., 2000.

Варбот 1996 — Ж. Ж. Варбот. О происхождении слова *пентюх* // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. М., 1996. С. 58—61.

ВОС — Р. С. Канунова. Владимирский областной словарь. Названия грибов в говорах Владимирской области. Вып. 1. Владимир, 1999.

Галинова 2000 — Н. В. Галинова. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значением ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера: Дисс. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Гудков 1999 — Д. Б. Гудков. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Даль. Посл. — Пословицы русского народа / Сборник В. Даля: В 3 т. М., 1994.

Двинятин 2001 — Ф. Н. Двинятин. Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. М., 2001. Ч. 2. С. 143—144.

ДСРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996.

Жмурко 2001 — О. И. Жмурко. Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001.

Иванова 1969 — А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский госуниверситет им. А. М. Горького, кафедра русского языка и общего языкознания).

ЛК ТЭ — Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета (Екатеринбург, Уральский госуниверситет им. А. М. Горького, кафедра русского языка и общего языкознания).

Макаров 1846 — М. Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846.

Малеча 2002 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург, 2002.

Меркурьев 1979 — И. С. Меркурьев. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

НОС — Новгородский областной словарь: В 12 вып. Новгород, 1992—1995.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров.Т. 1—. Киров, 1996—.

Отин 2002 — Е. С. Отин. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55—72.

Отин 2004 — Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

П — Н. А. Петровский. Словарь русских личных имен. М., 2000.

Плетнева 2001 — А. А. Плетнева. Имя в лубочной традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. М., 2001. Ч. 2. С. 131—134.

Родионова 2000 — И. В. Родионова. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Дисс. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Т. 1—. Вологда, 1983—.

СГПм — А. Ф. Войтенко. Словарь говоров Подмосковья. Т. 1—. М., 1995—.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1—. Екатеринбург, 2001—.

СПГ — Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.

СРГА — Словарь русских говоров Алтая. Т. 1—4. Барнаул, 1993—1998.

СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии. Т. 1—. Уфа, 1997—.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1—. СПб., 1995—.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины: В 2 т. Одесса, 2000.

СРГСРКК — Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. Свердловск, 1964—1988.

СРГЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1998.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—. М.; Л. 1966—.

СРНГРМ — В. Т. Ванюшечкин. Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. Т. 1—. Воронеж, 1983—.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: В 3 вып. Томск, 1992—1993.

Ткаченко 1998 — П. Ткаченко. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М., 1998.

Толстая 2002 — С. М. Толстая. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1. С. 112—127.

Топоров 1979 — В. Н. Топоров. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 141—154.

Топоров 2001 — В. Н. Топоров. Две заметки из области ономатологии // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тез. междунар. науч. конф. М., 2001. Ч. 1. С. 61—91.

ФС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.

ФЧ — В. А. Пащенко. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Ч. 1—2. Чита, 1999.

ЯОС — Ярославский областной словарь. В 10 вып. Ярославль, 1981—1991.

Г. И. Урбанович

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

(лексико-семантическое поле «судьба, счастье, удача»)

Характерной чертой современных научных работ по русской языковой картине мира является использование синхронических методов исследования, результатом которых становится воссоздание языковой картины мира какого-либо хронологического этапа. Материалом для реконструкции представлений о мире, заложенных в языке, служат тексты художественной литературы, современная публицистика, корпус паремий.

Представляется, однако, существенным проанализировать наивные представления о мире в их динамике, т. е. выявить все те изменения, которые претерпела языковая картина мира на пути к современному состоянию, характеризуемому сочетанием разновременных пластов (см., например, [Анна Зализняк 2003]). Различные языковые факты свидетельствуют о том, что языку свойственны «диахронические наложения»: «самые очевидные проявления этой асинхронности в лексике — синонимия, гомогенная омонимия, многозначность слов» [Варбот 2003: 344]. Это, в свою очередь, позволяет говорить о «мозаичности отражения действительности в языке, соединяющего не синхронные, а разновременные реакции, восприятия, толкования, лишь частично соответствующие актуальному осмыслению мира носителями языка» [Там же]. Возможность сосуществования на одном временном срезе разных по хронологии фрагментов языковой картины мира демонстрирует также и факт сохранения архаичных семантических моделей в диалектах при их забвении в литературном языке. Отсюда вытекает необходимость использования методов диахронического анализа с целью вычленения различных временных пластов в языковой картине мира.

При диахроническом анализе языковой картины мира, как кажется, целесообразно помимо материала современного русского литературного языка использовать также и материалы диалектов, жаргонов. Имея, безусловно, определенные отличия от картины мира литературного языка, диалектная и жаргонная картины мира тем не менее тесно связаны с ней, отражают те же характерные черты национального сознания. Кроме того, в

Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 190—205.

силу своей некодифицированности, а значит, и большей (по сравнению с литературным языком) сохранности архаической лексики и экспрессивности, отсутствия ограничений на словотворчество диалектная и жаргонная языковые системы дают богатый, разнообразный материал для воссоздания фрагментов русской языковой картины мира.

Выбор в качестве объекта исследования лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» обусловлен высокой ценностной значимостью данных категорий для наивного языкового сознания. Следует обосновать объединение в одно лексико-семантическое поле слов со значениями судьбы, с одной стороны, и слов со значениями счастья, удачи, везения — с другой. Исследование данных лексем в составе одного поля представляется возможным, так как даже предварительное знакомство с лексикой, отражающей понятие счастья, обнаруживает теснейшую связь этого понятия с представлением о судьбе как о силе, посылающей счастливую долю человеку. Синкретизм значений ‘судьба’ и ‘счастье’ отражается в многозначности соответствующих лексем (наличии у слова обоих значений) и в их употреблении в ряде синонимичных контекстов как в древнерусском, так и в современном русском языке (что отражено в словарных статьях: ср., например, др.-рус. **часть** ‘счастье, удача, доля, судьба’; лит. *счастье* ‘удача, счастливый случай, судьба’ [БАС 14: 1312]). Ср. также нейтральное значение корня — *част-*, приобретающее позитивное / негативное значение при сложении с *благо-*, *зло-* в др.-рус. **благосъчастие**, **злосъчастие**, **благовазньство**, **зловазние** (при **вазнь** ‘счастье, удача’ [СДЯ I: 169]. Показательна также взаимозаменяемость лексем *судьба* и *счастье* в диалектной фразеологии (диал. *судьбы не выходить* ‘не дождаться счастья, хорошей жизни’ — *Как странница все ходила, а судьбы не выходила*) [Селигер. 1: 160], пословицах (*всякому свое счастье* (= ‘судьба’), *в чужое счастье не зайдешь* [Даль 4: 371]), в свадебных причитаниях (*Ты скажи, скажи мне, матушка родная, ты каким меня счастьем наделила*?) [Славянские древности 2: 16]. Такие пересечения значений ‘судьба’ и ‘счастье’, несомненно, отражают особенности восприятия данных категорий говорящим и поэтому заслуживают пристального внимания.

В данной статье при анализе лексем с интересующими нас значениями мы будем опираться на метод выделения семантических мотивационных моделей, по которым происходит номинация понятий «судьба», «счастье», «удача», «везение» в русском языке. Остановимся на термине «мотивационная модель». Для лексического уровня языка постулируется наличие отношений мотивации, которые «отличаются повторяемостью, регулярностью и действуют на значительных рядах или даже массивах лексики» [Толстая 2002: 112], то есть носят системный характер. С. М. Толстая, разбирая понятие мотивированности, указывает, что наиболее употребителен этот термин в синхронном словообразовании. Однако мотивация является также базовым понятием для ономасиологии и, соответственно, для исторического словообразования. «Для этимологии понятие мотивации (и в

формальном, и в семантическом смысле) является одним из кардинальных… Семантическая мотивированность служит важнейшим (иногда главным) критерием при принятии того или иного этимологического решения» [Толстая 2002: 112]. Без анализа мотивации невозможно и изучение языковой картины мира в ее исторической обусловленности.

Понятие мотивации, мотивационных отношений тесно связано с понятием мотивационных схем, или мотивационных моделей. Под мотивационной моделью понимается схема, принцип, по которому происходит номинация объекта действительности. Выявляя мотивационную модель, мы выделяем семантический признак, лежащий в основе процесса называния понятия. Набор и воспроизводимость мотивационных моделей следует считать важнейшим свойством лексико-семантических полей — совокупности лексем, обладающих общими семантическими признаками.

Анализ лексики в составе лексико-семантического поля (в том числе и мотивационный) приобретает в последнее время все бóльшую значимость. С одной стороны, это связано с возможностью более полной и надежной реконструкции тех или иных фрагментов народной культуры, картины мира (представлений о времени, пространстве, внутреннем мире человека, интеллекте и т. д.). Изучение массива лексем, объединенных на основе общего семантического признака, позволяет выявить закономерности языкового воплощения смыслов (семантические модели), понять, какие семантические признаки являются значимыми для носителя языкового сознания при номинации понятий, и, следовательно, раскрыть те или иные черты национального характера, особенности национального видения мира, национальной психологии. Как пишет Т. И. Вендина, «избирательность мотивационных признаков, актуализируемых в номинативном акте, и есть тот ключ, который позволяет открыть тайну “сокрытых смыслов” языка любой культуры» [Вендина 2002: 15]. В частности, «на основании разных принципов разбиения действительности с помощью языка в связи с основными принципами называния можно реконструировать внутренний мир человека далеких эпох» [Топоров 2004: 28].

С другой стороны, мотивационный анализ лексики внутри лексико-семантического поля способствует решению прикладных задач этимологии. Факт наличия в сознании носителя языка базовых схем номинации понятий, относительная устойчивость этих семантических схем, их повторяемость могут помочь при этимологизации так называемых «тёмных» лексем — слов с неясной первичной мотивацией. Можно допустить, что «тёмная» лексема строилась по уже известной семантической модели, выявленной при рассмотрении этимологически «прозрачного» слова того же лексико-семантического поля. Попутно появляется возможность выявления семантических, словообразовательных тенденций внутри лексического массива. Таким образом, этимология становится наукой обобщений лингвистического и культурологического характера, которая может избирать объектом исследования как конкретные, единичные факты — слова, так и

целые пласты лексики (ср., например, исследование славянского лексического фонда в работах [Трубачев 1966; 1991]).

Диахронический анализ мотивационных семантических моделей, как кажется, может дать представление о том, насколько изменчива или, наоборот, устойчива языковая картина мира (в данном случае та часть русской языковой картины мира, которая связана с представлениями человека о судьбе, счастье и удаче). Исчезновение одних моделей, появление взамен других семантических схем для обозначения того же понятия, потеря моделью продуктивности или, наоборот, появление новообразований внутри древней модели позволяет выделить константные и переменные составляющие языковой картины мира [Варбот 2003].

При диахроническом анализе моделей семантического переноса могут быть также получены важные сведения экстралингвистического характера, способствующие реконструкции истории культурного развития народности. Аксиоматичной является мысль о том, что изменения, касающиеся быта, хозяйственной деятельности, социального уклада, культовых представлений, верований, народных воззрений на устройство мира фиксируются в языке, прежде всего в лексике. Таким образом, появляется дополнительная возможность детализировать, дополнить наши представления об историко-культурном контексте той или иной эпохи (см., например, работу В. Фирека «Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры», где обнаруживается значимость для изучения истории культуры, религии факта смены «языческих» моделей номинации растений, насекомых «христианскими» моделями [Фирек 2003]).

Исследования мотивационных моделей в диахроническом аспекте могут идти в нескольких направлениях. Остановимся на проблемах степени древности / новизны моделей друг относительно друга и установления актуальности тех или иных моделей на разных отрезках времени. Первый аспект изучения моделей важен при установлении того, является ли модель общей для разных групп индоевропейских языков и, следовательно, указывает на некие общие для них законы отражения мира или же модель характеризует только славянское, у́же — русское мировидение. Второй аспект помогает установить возможные отличия представлений о судьбе, счастье, удаче на разных хронологических этапах бытования русского языка, то есть степень изменчивости русской языковой картины мира.

При определении сравнительной древности / новизны моделей использовались материалы «Этимологического словаря славянских языков» и «Словаря избранных синонимов основных индоевропейских языков» К. Д. Бака [Buck 1949], в которых анализируется лексика индоевропейских языков, охватывающая основные сферы жизни человека и важнейшие духовные понятия (в том числе и понятия судьбы, счастья).

Наиболее древние модели первичных мотиваций связаны с лексикой со значением ‘судьба’. Архаичность моделей доказывается их наличием в языках, восходящих к общему индоевропейскому праязыку, и собственно

семантикой моделей. Кстати, использование различных метафор при назывании судьбы, возможно, связано с таким архаичным явлением, как табуирование, и запретом на прямую номинацию судьбы — грозной силы, влияющей на жизнь человека. Содержание мотивационных схем на языковом уровне «воспроизводит» магические ритуалы (колдовство, гадание, деление ритуальной пищи, принесение в дар и т. д.) и воплощает древние мифологические представления о силах, управляющих жизнью человека. В частности, весьма архаичной является модель ‘речь, сказанное’ → ‘судьба’ (*рок* ‘судьба’ от **rekti* ‘говорить, произносить’). Такая модель могла возникнуть только в глубокой древности, когда слову приписывали магическую силу, полагая, что оно способно непосредственно влиять на действительность.

К. Д. Бак выделил на материале индоевропейских языков следующие древнейшие мотивации лексем со значением ‘судьба’: ‘то, что произошло, пришло, событие’, ‘часть, отделенное’, ‘гадание, предсказание’, ‘установление’ («words for ‘fortune’ in the neutral sense (good or bad) are based on notions like ‘what happens, becomes, arrives’, ‘parts, share’, ‘augury’, ‘declaration’…» [Buck 1949: 1096]).

Эти мотивации действительны и для русского языка. Древнейшими моделями первичных мотиваций значения ‘судьба’ в русском языке следует признать следующие: ‘часть, доля’ → ‘судьба’ (*удел*, *доля*), ‘приговор, предопределение’ → ‘судьба’ (*судьба*, *предначертание*, карел. *рядить* ‘предназначать кому-либо, предопределять что-либо (о судьбе, роке)’ (*Раз уж так ряжоно им*, *дак умирают*) [Карел. 5: 607], ‘сказанное’ → ‘судьба’ (*рок*), ‘гадание, колдовство’ → ‘судьба’ (диал. *чара* ‘беда, несчастье, складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям, сила, предопределяющая все, что происходит в жизни, рок), участь, доля, судьба’ [Новг. 12: 39].

К моделям, появившимся на праславянском уровне, очевидно, следует отнести модель ‘встреча’ → ‘судьба’, поскольку при ее явной архаичной семантике (вера в счастливую / несчастливую встречу) и наличии соответствий в славянских языках (серб. *срећа* ‘счастье’, словен. *sréča* ‘счастье, благополучие, удача’) эта модель образования значения ‘судьба’ в других индоевропейских языках К. Д. Баком не отмечена**.** В русском языке модель представлена диал. *встретиться* ‘выпасть на долю’ (*Горькая жысь мне фстретилъсь*, *сицас нямногъ пълуцаю и то хърашо*) [Псков. 5: 74], ср. также широко бытующее до сих пор поверие, что встреча при определенных обстоятельствах с тем или иным субъектом предвещает удачу или, наоборот, несчастье: *У меня глас хароший и фстреча харошая*: *рыбу лавить выходят мужыки и ждут мяня*, *хатят фстречу са мной* [Псков. 5: 74].

Древнерусский язык ничего нового к уже существовавшим моделям номинации понятия «судьба» не прибавил. В русском же языке отметим широкое распространение нескольких новых моделей. Согласно первой из них происходит уподобление судьбы азартной игре (ср. выражения *как*

карты лягут, *как фишка ляжет* ‘как распорядится судьба’, диал. *карта валится* ‘благоприятствуют условия’ [Перм. 1: 75]).

Использование лексики, связанной с азартными играми, для наименования судьбы, рока, счастья, удачи является традиционным для многих языков (ср., например, фр. *hazard* ‘случай, случайность, с у д ь б а’ при исп. *azar* ‘игра в кости, слепой случай’ из араб. (*az*)*rahr* ‘ игральная кость’). Однако данная модель не была востребована древнерусским языком. Объяснение данного факта лежит, очевидно, в области внеязыковой действительности. Азартные игры запрещались, осуждались церковью и государством; сильные эмоции, вызываемые игрой, считались греховными (ср. порицание Домостроем таких развлечений, когда «*...зернью*, *и шахматы*, *и всякими игры бесовскими тешатся*») [Домострой: 22].

Тем не менее начиная с XIX в. связь понятий «судьба» и «игра» прочно входит в сознание человека, неоднократно обыгрывается в художественной литературе («Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Маскарад», «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова). Метафора Судьбы-игры стала одной из самых расхожих в современной публицистике, рекламе (ср. примеры из Интернета: *На карту поставлена судьба наших пенсионеров* [Ильина 2000]; *двойной* «*платиновый*» *статус*, *завоеванный этим альбомом*, *показал*, *что для Парсонза карта и на этот раз легла счастливой стороной* [Культурно-развлекательный портал…]; *амулет* «*счастливая ладонь предназначения*» *позволяет счастливой рукой выбирать* «*карты*» *судьбы*… «*счастливый билет*» *или выигрыш* [Магазин счастья…]). Можно, однако, говорить о том, что современный русский язык «наследует» и отрицательные коннотации, связанные с азартными играми. Это проявляется в упоминании таких обязательных атрибутов азартных игр, как шулерство, обман, денежная и эмоциональная зависимость от игры. Пример из Интернета: *Каждый раз*, *когда наступает год Обезьяны*, *у меня ощущение*, *будто судьба в виде этой маленькой проказницы* (*обезьяны*) *сдает карты. Я всегда знаю*, *что они крапленые*, *а в этот раз мой партнер уже отменный шулер. Восточный гороскоп опять предупреждает меня*, *берегись! Этот африканский* «*катала*» *наверняка тебя* «*обует*» *в один* «*замес*», *после которого ты можешь потерять все*, *что достиг ранее. Игра с судьбой — опасная*, *но и азартнейшая из всех* [Интернет-форум. http://www.gai.nnov.ru/forum/create. 17.04.2005]. Ср. также о полной неудаче в чем-либо: *карта бита*.

Что касается русских диалектов, лексика которых на современном этапе пополняет лексико-семантическое поле «судьба, счастье, удача», то следует назвать относительно недавно сложившуюся модель ‘жизнь, жизненный путь’ → ‘судьба’. В архангельских говорах лексемы *житье*, *жизнь*, *жисть* получают в некоторых контекстах значение ‘с у д ь б а’: (1) *Отчево жытьё не палось?* (2) *Тот-то из моей ровни*, *только жысь не палась*; (3) *Тожо вот жысь ей привелась така*; (4) *Замуш вышла*, *поторопилась*, *и жызнь не палась у ней* [Нефедова 2003: 164]. Это взгляд назад, ретроспективный анализ своего прошлого и констатация того факта, что судьба была

неблагосклонна к человеку. Жизнь здесь осмысляется как век человека, период, наполненный событиями, которые ему посылает судьба. Ср. также формальную связь с лексико-семантическим полем «судьба, счастье, удача»: *жизнь палась* при *удача*, *счастье пали*; *жизнь привелась* при диал. *приведение* ‘судьба’ [Вологод. 8: 43]. Сближение концептов «судьба» и «жизнь» отмечается, впрочем, и для современного русского литературного языка (см. [Радзиевская 1991] об обратном явлении — об употреблении слова *судьба* в значении ‘жизнь человека’), так что речь может идти об общеязыковой тенденции.

Весьма распространенным в русских говорах и не отмеченным для древнерусского языка является представление о судьбе как о некой одушевленной сущности, мешающей свободному передвижению человека (модель ‘отсутствие свободы’ → ‘судьба’). Судьба может пониматься как то, что держит человека, не дает ему уйти, буквально *связывает* его, лишает свободы в движениях: диал. *связка* ‘участь, судьба, злой рок’ [СРНГ 36: 335]; *судьба руки свяжет* [Даль 4: 356]. Человек пассивен по отношению к своей судьбе, является объектом ее действий. Судьба настигает человека, направляет, ведет его, приводит, иногда даже притягивает куда-либо: диал. *престигнуть* ‘понять, постигнуть’, ‘случиться с кем-либо, выпасть на долю’ (*Тут меня престигла несчастная судьба*) [Вологод. 8: 37]; диал. *приведение* ‘судьба’ (*Приведенье*, *верно*, *уж такое*) [Вологод. 8: 43] (ср. диалектный глагол *приводиться* ‘становиться необходимым, неизбежным в связи с какими-либо обстоятельствами’); диал. *судьба притянула* ‘о неизбежных, роковых обстоятельствах’ (*Видно*, *судьба притянула*, *села на эту машину*, *утонула девка*) [Карел. 5: 218].

Уподобление судьбы несвободе присуще и русскому литературному языку, однако если в говорах данная идея может воплощаться в отдельных лексемах, то в литературном языке она развертывается в многочисленных высказываниях типа *от судьбы не уйдешь*, *никто не властен над своей судьбой*, *его постигла* (*злая*) *участь*, *чему быть*, *тому не миновать*, *быть игрушкой в руках судьбы* и т. п.

Далее остановимся на исторических изменениях мотиваций, которые касаются моделей номинации счастья. В разделе словаря, посвященном лексике с семантикой счастья, К. Д. Бак пишет о производности, вторичности значения ‘счастье’ по отношению к значению ‘судьба’. Значительное количество слов приобретают это значение на базе значения ‘хорошая судьба’ («the great majority of the words for ‘happy’ and ‘happiness’ are based on the obj. ‘good fortune’, which leads to the feeling of happiness» [Buck 1949: 1105]) (ср., например, лексема *счастье*: ‘часть, доля’ → ‘судьба’, ‘хорошая часть, доля’ → ‘счастье’).

Собственно значение ‘счастье’ в индоевропейских языках формируется в дальнейшем на основе следующих понятий: добро, благо, мудрость, знание, богатство, изобилие, плодородие, порядок, польза, здоровье, ловкость, сила, прочность [Buck 1949: 1105—1106].

Подобные мотивации присущи и русскому языку. Общими для славян (праславянскими по происхождению), являются модели первичных мотиваций ‘добро’ → ‘счастье’ (др.-рус. **благо** ‘благо, добро, с ч а с т ь е’ [СДР I: 167]; чеш. *blaho* ‘блаженство, преуспевание, с ч а с т ь е’ [ЭССЯ 2: 173]); ‘время’ → ‘счастье’ (диал. *время* ‘пора, срок, погода, с ч а с т ь е’ [Даль 1: 260—261]; серб. *добре часе давати* ‘желать счастья’ [Потебня 2000: 359]), ‘попадание’ → ‘счастье’ (диал. *впáкаться* ‘попасть куда-либо, оказаться где-либо, совпасть во времени, явиться куда-либо в благоприятный момент, ‘п о с ч а с т л и в и т ь с я’ [Псков. 5: 12]; серб. *намјера* ‘случай’ при *намјерити се* ‘найти, набрести, наткнуться’ [Потебня 2000: 358]), ‘приобретение, получение’ → ‘счастье’ (диал. *подволочь* ‘п о в е з т и’ (*Подволокло вам*: *машина будет*) [Карел. 4: 617]; серб. *срећа му донесе*, *Бог и срећа дала*; польск. *darzy się* ‘дарится, т. е. везет’ [Потебня 2000: 364]).

Как примеры собственно русских образований со значением ‘счастье’ можно, кажется, рассматривать следующие лексемы, представляющие новые для русского языка модели.

Ст.-рус. **потрѣбный** ‘нужный, полезный, годный, благополучный, с ч а с т л и в ы й’ (**Яко виде милосердие его** [Бога]) **многое, начало благое, чаем же и конца потребна** — Пов. прихож. на Псков., 153) [СлРЯ XI—XVII 18: 22] (‘п о л ь з а’ → ‘с ч а с т ь е’).

Жарг. *кучерява* ‘у д а ч а’ [Сл. рус. жарг.: 304] (‘в н е ш н я я к р а с о т а’ → ‘у д а ч а, с ч а с т ь е’).

Диал. *легкий* ‘удобный, не доставляющий затруднений (при обработке)’, ‘подвижный’, ‘такой, которому в е з е т, у д а ч л и в ы й’ (*Наум самый легкий ямщик*) [Карел. 3: 104] (‘л е г к о с т ь, о т с у т с т в и е т р у д н о с т и’ → ‘с ч а с т ь е’).

Диал. *лад* ‘слаженность, порядок, у д а ч а’ (*Когда мало ли чё*, *в хозяйстве не поладится*, *со скотиной ли чем*, *ето говорят никакого лада нет. Нет лада да и всё*) [Акчим. 2: 98] (‘п о р я д о к, у п о р я д о ч е н н о с т ь’ → ‘с ч а с т ь е, у д а ч а’).

Диал. *снага* ‘сила, у д а ч а в чем-либо’ (*Ему сегодня неожиданная снага*) [Новг. 10: 100]; диал. *снажный* ‘сильный, здоровый, у д а ч л и в ы й’ (*Бывают же снажные люди. А вот мне всю жизнь не везет*...) [Новг. 10: 100] (‘з д о р о в ь е, с и л а’ → ‘с ч а с т ь е’).

Диал. *бойкой* ‘умелый, проворный, работящий, приносящий у с п е х, у д а ч у’ [Карел. 1: 85]; диал. *ворóвий* ‘ловкий, расторопный, у д а ч л и в ы й’ [Элиасов: 81] (‘с к о р о с т ь, б ы с т р о т а’ → ‘с ч а с т ь е’).

Диал. *авоська* ‘будущий удачный случай, с ч а с т ь е, у д а ч а’ [Даль 1: 3] (‘н а д е ж д а н а б у д у щ у ю у д а ч у’ → ‘с ч а с т ь е, у д а ч а’).

Диал. *лача* ‘ловля, место ловли добычи, удача во время лова, у д а ч а, в е з е н и е’ [СРНГ 16: 297] (‘х о р о ш а я р а б о т а, у д а ч а в к а к о м л и б о р о д е х о з я й с т в е н н о й д е я т е л ь н о с т и’ → ‘у д а ч а’).

В разные периоды времени модели первичных мотиваций обладали различной степенью востребованности при номинации. Так, например, мо-

дель ‘часть, доля’ → ‘судьба, счастье’ активно используется на протяжении значительного периода времени. Значение судьбы и счастья развивается у слов с семантикой ‘часть, доля’ как в праславянском языке, так в древнерусском и русском языках. Праславянскими являются значения судьбы у слов *доля*, *счастье*. Среди древнерусских образований назовем в качестве примера лексемы **причастие** ‘счастливая доля, судьба’ (**И пришедъ къ отьцю Ростиславъ сказа ему вся приключьшаяся ему. И слышавъ отець его сжалиси река: тако ли мнѣ нѣту причастия в земли Русстѣи и моимъ дѣтемъ.** Лавр. летопись, 321) [СлРЯ XI—XVII 20: 73, 75]; **часть, жребий** ‘участь, доля, судьба’ (**Слезъ моихъ не призри, Владыко, да якоже оуповаю тя, тако съ твоими рабы да приимоу часть и жребий съ всеми святыми, яко ты еси Богъ милостивъ и тебе славоу всылаемъ, Отцю и Сыноу и святомоу Духоу, и ныне и присно и в векы векомъ. Аминь** [Типограф. летопись]). В русском языке значение судьбы возникает у слов *удел*, *полоска* (диал. *полоска выпала* ‘о судьбе, жизни’ — *есть така полоска*, *выпадет человеку полоска*, *кому кака жизнь*, *с ызмаленьку так и идет* [Новг. 8: 94]; *попасть в худу полосу* ‘оказаться в трудном положении, о трудной судьбе’ — *ох наша жизнь*, *мы в худу полосу попали*: *одна война*, *друга*, *третья* [Новг. 8: 115]).

Период образования значений по модели ‘сказанное’ → ‘судьба’ — это праславянский язык (например, **rokъ*). В русском языке новые слова со значением речи не приобретают значения судьбы, что говорит о потере данной моделью своей активности. Однако лексема *рок* по-прежнему находится в ядре лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача». Кроме того, актуальность в сознании говорящих связи судьбы с процессом произнесения, проявляется в сочетаемостных свойствах лексемы *судьба*: *при-говор судьбы*, *пред-сказ-ывать судьбу.* Ср. также *пророческие слова*.

Модель ‘колдовство, гадание’ представлена следующими словами: др.-рус. **кобь** ‘гадание, колдовство, судьба, счастье, удача’ [СлРЯ XI—XII 7: 211]; диал. *чара* ‘беда, несчастье, доля, судьба’ [Новг. 12: 39]. Сюда же отнесем др.-рус. **къшь** ‘жребий, судьба’ [СлРЯ XI—XVII 7: 391], для которого ЭССЯ реконструирует семантическую модель как развитие от ‘чох’ [чихание] (т. е. родств. **kyxati*, **kъxnǫti*, **kъšiti*) → ‘чох как вещая примета’ → ‘судьба’ (ЭССЯ 13: 247). Таким образом, речь здесь идет о гадании, следовательно, о модели ‘гадание’, ‘колдовство’ → ‘судьба, счастье’. Именно в связи с этой моделью можно говорить о том, насколько важны экстралингвистические факторы при объяснении тех или иных языковых изменений. В данном случае речь идет о влиянии, которое оказывают на язык изменения в сфере религии.

По сравнению с некоторыми другими моделями лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача», например с весьма продуктивной, «многословной» моделью ‘часть, доля’→ ‘судьба, счастье’, данную модель следует считать относительно непродуктивной. Очевидно, на продуктивность семантических схем оказывает сильное влияние внеязыковая действитель-

ность, в данном случае борьба церкви с такими проявлениями язычества, как гадания, колдовство. Те же факторы влияют и на последующие изменения в семантике лексем, получивших в соответствии с этой моделью древнейшее значение ‘счастье’. Нежелательность номинации счастья, судьбы словом с первичным значением ‘колдовство’ приводит к развитию отрицательной семантики у лексемы: слово *кобь*, например, приобретает в диалектах значения ‘погань, худое дело, зло’ [СРНГ 14: 23] и уходит из лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача». Тем не менее нельзя говорить о полном исчезновении из языка такой схемы развития значения ‘судьба’. Эта модель поддерживалась в неофициальной народной культуре, которая не оставляла практику гаданий, бытовой магии, несмотря на крайне отрицательно отношение религии ко всяким попыткам повлиять на свою или чужую судьбу с помощью магии. Модель повторяется на новом хронологическом этапе: в новгородских говорах лексема *чара* приобретает значение ‘у ч а с т ь, д о л я, с у д ь б а’. Правда, отрицательные коннотации, связанные с колдовством, есть и в слове *чара*: ср. его значения ‘беда, несчастье’ в тех же диалектах. Таким образом, слово *чара* обозначает не просто судьбу, а плохую, несчастливую судьбу, и этот оттенок значения определяется теми же явлениями внеязыковой действительности, что и потеря лексемой *кобь* значений ‘судьба, счастье’.

Вполне продуктивной на протяжении долгого времени и, в частности, на современном этапе может считаться «астрологическая» модель ‘воля звезд, планет’ → ‘судьба’. Вообще расцвет астрологии в настоящее время, обилие гороскопов различных сортов, вера современного человека в гороскопы (!) говорят о безусловной устойчивости этой модели в сознании говорящих. Модель жива как в современном русском литературном языке (*родился под счастливой звездой*, *так распорядились планеты*), так и в говорах (ср. диал. *полонида* (← *планида*) ‘чудо, с у д ь б а’ [СРНГ 29: 112], огласовка корня данной лексемы, однако, позволяет говорить также и о возможном народноэтимологическом осмыслении судьбы как помехи, несвободы, буквально, п о л о н а = п л е н а).

Особую продуктивность приобрела в последнее время в говорах и жаргонах мотивационная модель ‘приобретение, получение’ → ‘счастье, удача’. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что эта модель играет важнейшую роль в процессе пополнения исследуемого лексико-семантического поля новыми лексическими единицами и является, таким образом, важнейшим компонентом представлений о счастье, удаче в русской языковой картине мира. Следует также отметить, что модель ‘приобретение, получение’ реализуется в широком комплексе народных верований, обрядов, ритуалов, направленных на получение прибыли, урожая, приплода и т. п. (см. об идее приумножения, получения и о ее связи со счастьем, долей в народной культуре [Славянские древности 2: 16—18]). Этим она, безусловно, выделяется на фоне остальных мотивационных моделей.

В севернорусских диалектах зафиксирован глагол *быти́ть* ‘в е з т и (об удаче в чем-либо)’ (1) *Бытит тому человеку.* (2) *Нетеча у его*, *не бытит ему*) [Сл. Рус. Сев. 1: 246]. При наличии в тех же говорах существительного *бытье* в значении ‘нажитое имущество’ [Сл. Рус. Сев. 1: 246] развитие семантики везения в глаголе объясняется следующим образом: *бытит кому-либо* значит буквально ‘идет в руки прибыль, имущество’, следовательно, ‘везет’. Семантика пополнения, прибавления, увеличения объема содержится также в однокоренных словах *бытнеть* ‘толстеть, полнеть’, *бытный* ‘полный, здоровый’ [Селигер 1: 76], *бытый* ‘сильный’ [Сл. Рус. Сев. 1: 246].

По сходной схеме развивается семантика везения, удачи в следующей лексеме. Бытующий в русских диалектах глагол *вячить* ‘быть в силах что-либо сделать, осилить’ [СРНГ 6: 81] при переходе в городское просторечие и жаргоны приобретает значения ‘иметься, быть в наличии’, ‘нравиться’, ‘есть, принимать пищу’, ‘в е з т и в д е л а х’ [Сл. рус. жарг.: 118]. Соотнеся данный глагол с др.-рус. прилагательным в сравнительной степени **вящий** (**вячьший**) со значением ‘бóльший по величине, количеству, силе, значению, интенсивности’ [СлРЯ XI—XVII 3: 288)], можно реконструировать первичное значение глагола *вячить* как *‘прибавлять в объеме, становиться больше, сильнее’ и т. п. Состояние везения, выражаемое глаголом *вячить*, определяется, таким образом, через категории прибыли, роста, прибавления, получения (см. подробнее об этимологии данного глагола в [Урбанович 2004]).

Идея везения в диалектах может быть выражена с помощью семантики накопления, прибытка: см. диал. *прископи́ться* ‘п о в е з т и кому-нибудь в каком-нибудь деле’ (*Вишь*, *как тебе прископилось!*) [Карел. 5: 201]. В упомянутом выше диал. *подволочь* ‘п о в е з т и (об удаче в делах)’, диал. *поддóнить* ‘подсунуть’, ‘п о с ч а с т л и в и т ь с я’ [Сл. Сред. Урала 4: 52], диал. *поддедюлило* ‘п о с ч а с т л и в и л о с ь, п о в е з л о’ (*Получила вместо черного хлеба белый*, *сказала*: «*Поддедюлило*») (при *поддедюлить* ‘взять без разрешения, присвоить, раздобыть, найти’) [Яросл. 8: 25] заложено понимание удачи, везения как чего-то вполне физически ощутимого, материального, того, что может быть принесено, подсунуто человеку. Сюда же относятся диал. выражения *счастье пало* ‘п о в е з л о, п о с ч а с т л и в и л о с ь’ [Сл. Сред. Урала 6: 81], *дарить счастье* ‘делать счастливым’ [Псков. 8: 125] (ср. также лит. *счастье привалило*). При положительной оценке факта обладания везением-«предметом», его наличия у человека закономерно появление антонимичных диал. *счастье вытаскать* ‘сделать несчастным’ [Перм. 2: 427], диал. *не пойти в руку* ‘о неудаче в каком-либо деле’ [Дон. 3: 32].

Помимо глаголов в русских говорах и жаргонах фиксируются и многочисленные существительные с семантикой удачи, везения, которая мотивирована первичным значением ‘прибыль, накопление’. Назовем некоторые их них: диал. *повадка* ‘у д а ч а, в е з е н и е’ [Карел. 4: 575] (при диал. *водиться* ‘разводиться, плодиться, множиться’ [Даль 1: 223]), диал. *спорина* ‘выгода, прибыль, прок, рост’, ‘у д а ч а, у с п е х’ [Даль 4: 296], диал. *хабар* ‘взятка, гостинец, пожива, с ч а с т ь е, у д а ч а’ [Даль 4: 540], жарг.

жир ‘достаток, накопления, прибыль, воровская добыча’, ‘у д а ч а, в е з е н и е’ [Сл. рус. жарг.: 184], жарг. *хапа* ‘у д а ч а’ [Сл. рус. жарг.: 642] (при *хапать* ‘хватать, выхватывать, забирать’; ср. также обратное *нехваткий* ‘н е у д а ч л и в ы й’ [Карел. 4: 18]).

Интересной представляется народная примета, зафиксированная в «Словаре русских говоров Карелии», которая выразительно и ярко иллюстрирует тесную связь понятий «получение», «обилие», «множество» с понятиями «везение», «счастье». Согласно данной примете, дом человека удачливого, везучего, счастливого привлекает большое количество муравьев. Насекомые в данном случае олицетворяют удачу, которая «плодится», буквально «наползает», «находит» на человека; человек становится обладателем удачи: *Они на счастливого человека идут*, *а на несчастливого не идут*, *муравьи. Вот у нас сосед*, *так на его нахóдя* [Карел. 3: 397].

Менее «многословной», но стабильно представленной некоторым количеством слов и в древнерусском, и в русском языках является модель ‘польза’ → ‘счастье, удача, успех’. На современном этапе в исследуемое лексико-семантическое поле входит диал. *корыстной* ‘полезный’, ‘у д а ч н ы й’, (*Я пришла сюда не ф корыстно время*), ‘благоприятный’ // ‘у д а ч л и в ы й’ (*Продал офцю*, *корысть себе поимел*, *корысный*) [Сл. низ. Печоры 1: 337]. Для диал. *спорить* ‘помогать, способствовать, приносить пользу, усиливать, увеличивать’, ‘идти впрок’, ‘п р и н о с и т ь с ч а с т ь е, у д а ч у’ [Даль 4: 296] характерно объединение семантики прибавления, пользы, помощи в комплекс положительных мотиваций, который и обусловил развитие значения везения, удачи. В свою очередь ситуация отсутствия пользы, прока от какого-либо действия трактуется как неудачная, неуспешная: псков. *беспрочиться* ‘попусту стараться, н е и м е т ь у с п е х а, у д а ч и’ при *прок* ‘польза’ [Псков. 1: 191].

По сравнению с древнерусским языком актуализируются модели, в которых заложено представление о счастье, удаче как о том, что зависит от самого человека. Счастье, удача, везение мотивируются понятиями силы, ловкости, проворства, энергичности, красоты, привлекательности. Выше уже говорилось о соответствующих моделях (‘скорость, быстрота’ → ‘удача’, физическая сила, здоровье’ → ‘удача’, красота’ → ‘счастье, удача’). Назовем также диалектные лексемы *веселый* ‘жизнерадостный, подвижный, красивый // с ч а с т л и в ы й, лишенный огорчений’ (*Бажанацку будиш ставить пат слягу*, *так ы скажыш ей.* «*Бажанацка*, *есьли будит вяселый гот*, *то расцвяти*») [Псков. 3: 113]; *доброй* ‘хороший, удобный, такой, какой нужно, здоровый, крепкий, с ч а с т л и в ы й, благополучный’ (*Добрых ден не видала*) [Сл. низ. Печоры 1: 176—178], в чьих значениях присутствует комплекс положительных характеристик человека, определяющий развитие семантики счастья, удачи.

Для современного состояния языка следует признать продуктивной и модель ‘попадание в цель, в нужный момент’ → ‘удача, везение’: диал. *лýнуть* ‘п о в е з т и’ [Перм. 1: 493] (при *лукать* в значении ‘метать камни

из пращи, попадать в цель, кидать, бросать что-либо' [СРНГ 17: 188], *лу́нуть* — 'выстрелить, хлопнуть, прострелить, попасть в кого-либо чем либо, упасть' [СРНГ 17: 187]). См. обоснование этимологии *лунуть* как продолжения прасл. **luknǫti* в [Урбанович 2004]. К этой же модели отнесем диал. *впа́каться* (*упа́каться*) 'оказаться правильным, попасть куда-либо, оказаться где-либо, совпасть во времени, успеть что-либо сделать, явиться куда-либо в удобный, благоприятный момент, 'посчастливиться, оказаться удачным' (*Хърашо*, *если упакаецца*: *один згорит*, *а то фся деревня*) [Псков. 5: 12].

Продуктивная мотивационная модель 'порядок, упорядоченность' → 'счастье, удача', представленная однокоренными словами диал. *ладина* [Даль 2: 233], жарг. *ладка* 'счастье, удача' [Сл. рус. жарг.: 306], диал. *лад* 'слаженность, порядок, удача' [Акчим. 2: 98], *ладиться*, *идти на лад* 'везти, удаваться', поддерживается образованиями в лексико-семантическом поле «несчастье, невезение, неудача». Если счастье, удача — это порядок и слаженность, то неудача, наоборот, может восприниматься как неупорядоченность, отсутствие порядка (ср. *случилось что-то неладное* 'о чем-то плохом', *неурядица* 'неудача', урал. *нескладуха* 'неудача, неурядица' [Сл. Сред. Урала 2: 207], новг. *бестолковица* 'суетливость', 'неудача' [Новг. 1: 56].

Сравнение мотивационных моделей поля «судьба, счастье, удача» на разных хронологических этапах показывает, что восприятие этих категорий претерпевало некоторые изменения с течением времени. На языковом уровне эволюция представлений о судьбе, счастье, удаче отражается в различной степени продуктивности каждой из моделей на том или ином отрезке времени, а также в появлении новых схем развития семантики судьбы, счастья, удачи. В частности, поле «судьба, счастье, удача» перестало пополняться за счет моделей, связанных с языческими представлениями древних славян (например, модели 'сказанное'). В то же время мотивационные модели, основанные на хозяйственном, житейском опыте людей, не только остаются актуальными ('часть, доля' → 'судьба, счастье'), но и возникают новые подобные модели ('получение, приобретение, прибыток', 'польза' 'хорошая работа, удача в каком-либо роде хозяйственной деятельности (охоте и т. п.)' → 'счастье, удача').

На современном этапе отмечается стабильная связь понятий «судьба, рок» и «азартная игра», «судьба» и «жизнь», «судьба» и «несвобода, препятствие» и вхождение в лексико-семантическое поле «судьба, счастье, удача» соответствующих лексем и фразеологизмов. Однако в целом, очевидно, можно говорить о том, что в восприятии судьбы и в выборе средств номинации данного понятия прослеживается определенный консерватизм. Это выражается в продолжении действия архаичных моделей, в их наполнении новыми лексическими единицами (модель 'колдовство'), проявлении древней семантики в сочетаемостных свойствах слов (см. выше о про-

явлении модели ‘сказанное’ в сочетаемости слова *судьба*), а также в воплощении моделей на внеязыковом уровне в виде ритуалов, суеверий, веры в различные приметы и т. п. (модель ‘встреча’).

Многие древние модели, не пополняющиеся новой лексикой, остаются, следовательно, живыми в унаследованных словах и некоторым образом навязывают языковому сознанию отраженные в них представления. Так, например, фиксируемая для лексем *судьба*, *предначертание*, *участь* сема ‘определенное заранее, предначертанное’ [Апресян 1997: 187], актуальная для современного русского языкового сознания, является отражением древней модели ‘предопределение’ → ‘судьба’. Все это служит показателем наличия неких понятийных констант в языковом сознании и, следовательно, стабильности языковой картины мира.

Представление о счастье и удаче как о том, что обусловлено физическими характеристиками человека (его силой, здоровьем, проворностью, ловкостью, привлекательным внешним видом), в значительной степени свойственное русскому диалектному сознанию (но не только ему), при отсутствии соответствующих мотиваций в древнерусском языке, видимо, следует считать инновацией русской языковой картины мира. Очень показательными при анализе восприятия счастья и судьбы современным человеком являются высказывания типа *каждый сам кузнец своего счастья*, *мы сами строим свое счастье*, *человек сам строит свою судьбу*, *достичь счастья*, *найти свое счастье*, *на Бога надейся*, *а сам не плошай* и т. п.

На первый взгляд, в ходе анализа лексики со значениями ‘судьба, счастье, удача’ выявляются две противоречивые составляющие современных взглядов русского человека на судьбу и счастье. С одной стороны, это предопределенность судьбы, несвобода в выборе судьбы, невозможность повлиять на судьбу. С другой стороны, это способность человека вершить свою судьбу, добиваться счастья и успеха, опираясь на свои силу, ловкость, привлекательность. Однако при более подробном рассмотрении лексико-семантического поля в его динамике становится ясно, что данная противоречивость является результатом наслаивания друг на друга представлений, относящихся к разным временным этапам.

Особо следует отметить интенсивное образование лексем исследуемого лексико-семантического поля по старым и новым мотивационным моделям в русских говорах и жаргонах, свидетельствующее об острой актуальности категорий судьбы, счастья, удачи для носителей русского языка.

Список сокращений

Акчим. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984—1999. Вып. 1—4.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965.

Вологод. — Словарь вологодских говоров. Вып. 1—8. Вологда, 1983—1999.

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1—4.

Дон.— Словарь русских донских говоров / Авторы-сост.: З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Ростов-на-Дону, 1975—1976. Т. 1—3.

Карел. — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—. Т. 1—.

Новг. — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992—2000. Вып. 1—13.

Перм. — Словарь пермских говоров. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.

Псков. — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. кол.: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Л./СПб., 1967—2004. Вып. 1—14.

СДЯ — Словарь древнерусского языка. М., 1991—. Т. 1—.

Селигер. — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1: А—Г / Сост.: С. Н. Варина, Н. В. Богданова, З. А. Петрова; Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1—6), Ф. П. Филин (вып. 7—10), Д. И. Шмелев (вып. 11—14), Г. А. Богатова (вып. 15—26). М., 1975—. Т. 1—.

Сл. низ. Печоры — Словарь русских говоров низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003—. Т. 1—.

Сл. рус. жарг. — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Сл. Рус. Сев. — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

Сл. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—38). Л./СПб., 1966—. Т. 1—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Т. 1—.

Элиасов — Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Яросл. — Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.

Литература

Апресян 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

Варбот 2003 — Ж. Ж. Варбот. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8—10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 343—346.

Вендина 2002 — Т. И. Вендина. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Домострой — Домострой. СПб.: Наука, 1994.

Анна Зализняк 2003 — Анна А. Зализняк. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 85—105.

Ильина 2000 — Н. И л ь и н а. На карту поставлена судьба наших пенсионеров // Интернет-газета «Якутия» // http://www.sitc.ru/smi/gazeta/yakutia/n29311/02-41.htm. 02.07.2005.

Интернет-форум. http://www.gai.nnov.ru/forum/create. 17.04.2005.

Культурно-развлекательный портал. Музыка / Alan Parsons Live Project // http://www.aktivist.ru/music/articles/a17796.asp?add=1. 23.03.2005.

Магазин счастья. Магический амулет «Счастливая ладонь» // http://www.happymag.ru/product_info.php?products_id=247. 16.05.2005.

Нефедова 2003 — Е. А. Н е ф е д о в а. *Житьё*, *жисть*, *жира* в архангельских говорах // Вопросы русского языкознания: Сб. ст. Вып. 10: Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. М., 2003. С. 156—180.

Потебня 2000 — А. А. П о т е б н я. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.

Радзиевская 1991 — Т. В. Р а д з и е в с к а я. Слово *судьба* в современных контекстах // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 64—72.

Славянские древности — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого: В 5 т. М., 1999—.

Типограф. летопись — Типографская летопись // http://newchron.narod.ru/texts/tip.htm. 16.05.2005.

Толстая 2002 — С. М. Т о л с т а я. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112—127.

Топоров 2004 — В. Н. Т о п о р о в. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. С. 19—40.

Трубачев 1966 — О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Трубачев 1991 — О. Н. Т р у б а ч е в. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

Урбанович 2004 — Г. И. У р б а н о в и ч. «Темные» лексемы в лексико-семантическом поле «судьба, счастье, удача» и опыт их этимологизации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2 (8) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004. С. 454—458.

Фирек 2003 — В. Ф и р е к. Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 30—39.

Buck 1949 — C. D. B u c k. A dictionary of selected synonims in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago (Illinois), 1949.

И. И. Макеева

АКЦЕНТНЫЕ МИКРОСИСТЕМЫ РУССКИХ РУКОПИСЕЙ XVI—XVII ВВ.
(акцентуация рукописей, содержащих литературный цикл св. Николая Мирликийского)

Введение

Традиционно при описании акцентных микросистем русских рукописей их содержание отходит на второй план, т. е. попросту не является актуальным. В данной работе предпринята нетрадиционная попытка описать акцентные микросистемы старорусских рукописей, содержащих литературный цикл, посвященный Николаю Мирликийскому. Этот большой цикл, включавший несколько житий, три группы чудес, Слово на перенесение мощей и другие произведения, был чрезвычайно популярен в русской письменности XIV—XVII вв., а сам Николай Чудотворец был одним из наиболее почитаемых святых в русской духовной культуре и обыденной жизни. Среди обширного рукописного наследия немало акцентуированных рукописей XVI—XVII вв., созданных в разных ареалах восточнославянской территории. Поэтому описание их акцентных микросистем при более или менее одинаковом содержании позволило бы проследить процессы, происходившие в акцентуации на протяжении двух веков на обширной восточнославянской территории.

Источниковедческое и текстологическое изучение почти 100 рукописей из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля позволило предположить, что одна из разновидностей цикла ранних чудес святителя Николая сложилась и первоначально была распространена на севере восточнославянской территории — на Новгородской земле. Относительно других разновидностей цикла ранних чудес и редакций текстов информация, позволяющая определить их территориальную принадлежность, чрезвычайно скудная. Как правило, в рукописях весьма немногочисленны или даже единичны диалектные (фонетические или морфологические) черты и часто фиксируются особенности, распространенные на большой части восточнославянской территории. Диалектная лексика в литературном цикле Николая Мирликийского отсутствует. Поэтому обращение к акцентуации

Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 206—249.

изучаемых рукописей в совокупности с другими данными может помочь хотя бы в общем определить место их написания и таким образом установить территориальную принадлежность некоторых редакций текстов.

Описание акцентных микросистем именно в плане их территориальной принадлежности осложняется тем, что литературный цикл Николая Мирликийского, как правило, входит в состав Торжественников или сборников разного содержания, подчас очень объемных (до 500—1000 листов), написанных не одним писцом. Сам же цикл, несмотря на свою значительную величину, содержит недостаточное количество данных для серьезного аргументированного описания акцентуации. Единственно возможный выход — привлечение материала из других произведений, содержащихся в этих же рукописях и написанных тем же почерком, что и литературный цикл Николая Чудотворца. Часто это одни и те же сочинения (жития и чудеса разных святых: Симеона Столпника, св. Мины и др.). В исключительных случаях, что оговорено особо, могут быть привлечены данные других почерков. В качестве дополнительного материала такие данные выступают при значительном сходстве или даже идентичности систем надстрочных знаков в целом и собственно акцентуации. В качестве сопоставительного материала данные других почерков рукописи могут быть использованы при расхождении с основным материалом именно для определения возможного места написания (если акцентные явления основного и сопоставительного материала фиксируются не на одной и той же территории, а на соседних).

В настоящей работе описаны акцентные микросистемы шести рукописей из общего количества акцентуированных (более 20). Как правило, их выбор обусловлен текстологией, т. е. в данных рукописях содержатся особые редакции текстов, территориальную принадлежность которых желательно установить. Вторым необходимым условием является высокая плотность акцентуации. Почерк, которым написан цикл произведений Николая Мирликийского и другие произведения, обозначен как основной или первый независимо от того, является ли он в рукописи первым или основным или нет.

Ранние чудеса Николая Чудотворца, содержащиеся в Син-392, Муз-3310 (см. ниже) и еще трех рукописях, по крайней мере отчасти, принадлежат к одной довольно редкой редакции: в чуде об Агрике и его сыне Василии, спасенном св. Николаем из сарацинского плена, имеется чтение **калоуґеръ въ калитахъ/калигахъ**. Эта редакция чуда об Агрике вторична и, как можно предположить, была известна на юге и в центре восточнославянской территории.

Часть 1. Акцентная микросистема Син-392. Основной почерк

При описании акцентной микросистемы этой рукописи в качестве дополнительного сопоставительного материала привлекаются данные второ-

го почерка; они приводятся после описания акцентной микросистемы основного почерка.

Син-392 (РГАДА, собр. Синодальной типографии, ф. 381, № 392, Сборник, 387 листов) датируется XVII в.; Н. М. Никольский датировал рукопись 2-й четвертью XVII в., а именно 1643 г. [Никольский 1906: 335].

Диалектные особенности. Немногочисленные диалектные особенности Син-392, из-за широкого распространения мало показательные для определения места написания рукописи, представлены к тому же небольшим количеством фиксаций.

В рукописи отмечено написание буквы **о** на месте **а** и наоборот в безударной позиции в основном почерке: **паганьскꙋю** 89 об., **радїла** 106 об., **до дабрѣе** 106 об., **ꙁотворїтї** 112 об., **папа̀** «попа» 113, **до посѣчеть** 113, **во ѻстравъ** 106, **абїднїкъ**182, **подáющих** «падающих» 219, **паклóнѧтїсѧ** 104 об., **напаїтъ** 103 об.; написание букв **а** на месте **є** и наоборот, **а** на месте **ы** и **и**, **є** на месте **и** и наоборот в заударном слоге: **вечара** 107 об., **грáженѣ** 223, **мáлаї** 92, **с чер́норїꙁацамї** 189, **мꙋжиска** 189 об. Иногда над слогом со смешением гласных поставлена оксия: **пáпа** «попа» 112 об., **по колóчю** 219 об., **на прáстраннѣ** 225 об., **красáтꙋ** 225 об., **слáвеса** 201.

Есть случай написания **о** вместо **а** в ударном слоге: **коповъ** «копав» 227. Ср. аналогичное написание (**напрова** «направо», **роди** «ради», **ꙋтоика** «утайка») в памятниках южновеликорусской письменности XVII в., происходивших с территории Ельца, Курска, Кром, Мирополья [Котков 1963: 84—85].

В дополнительном почерке кроме написания буквы **о** на месте **а** и наоборот в безударной позиции фиксируется написание **є** на месте **ꙗ**: **дапровáдивъ** 115, **да сѧ евлю̀** 60 об., **ѣ́хоти** 69, **нóвоевлє͡нѧѧ** 70, **не слꙋ́шеє͡т** 71, **баѫ́ре** 71 об., **петáми** 73, **к шетрꙋ̀** 239 об., **ко ерослáвꙋ** 243, **до чесóвнїцы** 118 об., **ѿ чесóвнїцы** 119 об.

Аканье свойственно южной части великорусской территории и широко представлено в памятниках южновеликорусской письменности XVII в.; см. [Атлас 1986, Карта VI, Карта 1; Котков 1963: 64—82]. В тот период граница южновеликорусской территории на востоке, юго-востоке и юге примерно могла проходить по линии Вольный — Белгород — Новый Оскол — Острогожск — Воронеж — Усмань. На западе южновеликорусская территория доходила до Смоленщины [Котков 1963: 15—16].

В основном почерке встречается написание буквы **ш** на месте **щ** и наоборот: **свѣ́шꙋ** 102, **прїстанїше** 102 об., **полꙋношї**, **посѣши** 108, **хїшнїкъ** 182 (183: **хїщнїки**), а также в глагольных формах, где нельзя исключить грамматических причин смешения букв: **поминаюше** 106 об., **імащи** 219, **стоѧша** *прич.*110, **болѧще** *имперф.*192.

По-видимому, написание **ш** вместо **щ** в середине слова, т. е. не на стыке морфем, может свидетельствовать о произношении в говоре писца звука как [шш] [Аванесов 1974: 172—174]. Для локализации рукописи данный признак оказывается почти нерелевантным из-за распространенности дан-

ного явления: оно свойственно обширной территории, за исключением центра и отдельных островков [Атлас 1986, Карта 48; Котков 1974: 182; Орлова 1970: 31]. Произношение [шш] характеризует западный южнорусский диалектный тип, тамбовский диалектный тип, рязанский диалектный тип и восточный среднерусский диалектный тип [Пшеничнова 1996: 100, 118, 121, 124].

В основном и дополнительном материале есть единичные случаи написания **оу** вместо **в** в предлоге и **в** вместо **оу** в начале слова: **оу це́рквї** 118 об., **вдолѣтї** 211 об. В современных говорах такое явление широко распространено на западе южного наречия, а также островками по северо-востоку южного наречия (Серпухов, Малоярославец, Калуга) [Атлас 1986, Карта 57]. По данным южновеликорусской письменности XVII в. это явление не было ограничено западной зоной, а фиксировалось в памятниках всей южновеликорусской территории [Котков 1963: 96—102].

В дополнительном материале отмечены инфинитивы **не́сти**, **ве́сти** только с предконечным (наосновным) ударением (примеры см. во второй части статьи в разделе «Акцентуация глаголов»); в основном материале у таких инфинитивов ударение колеблется (конечное — наосновное). В современных русских говорах формы *не́сти*, *ве́сти*, имеющие переходный характер, представлены в говорах пограничной полосы между территориями с формами *несть*, *весть* и с формами *нести́*, *вести́*, а именно в среднерусских восточных акающих говорах и в Верхне-Днепровской группе говоров [Орлова 1970: 97]. Инфинитивы *пле́сти*, *гре́сти* известны в виде маленьких островков западнее Рязани, в районе Можайска и восточнее него, а также на севере [Атлас 1989, Карта 100]. Впрочем, нельзя исключать, что *-ти* в рукописи Син-392 выступает только как формальный показатель книжности[1] и наосновному ударению будут соответствовать формы *несть*, *весть*. В современных русских говорах инфинитивы такого типа являются характерной чертой говоров южного наречия, хотя они распространены также в среднерусских говорах и в определенной части говоров северного наречия [Орлова 1970: 97; Атлас 1989, Карта 100; Пшеничнова 1996: 65, 98, 119, 129, 141]. В современных белорусских диалектах большой массив говоров, имеющих инфинитивы типа *ме́сти*, *не́сти*, фиксируется западнее говоров с формами *месть*, *несть*, идущих узкой полоской вдоль восточной границы Белоруссии; в говорах далее к западу сохраняются инфинитивы *мести́*, *нести́*, но *кла́сти*, *се́сти* [Горшкова, Хабургаев 1981: 345—346]. В памятниках южновеликорусской письменности XVII в. инфинитивы на **-ть** выступают «как органичные» [Котков 1963: 204—208].

В основном материале отмечена флексия **-є** в Р. ед. ч. существительных м. р. и ср. р.: **ѿ владимера граде** 188 об., **ѿ нашествиє** 187 об., **свѣтъ сл҃нцє** 196.

---

[1] О соотношении исконных инфинитивов с конечным *-ти* и новых форм с *-ть* в русских памятниках XVII в. см. [Живов 2004: 131—184].

Совокупность отмеченных в Син-392 диалектных особенностей допускает только очень широкую локализацию рукописи. Предположительно она могла быть написана на западе — юго-западе — юге южновеликорусской территории.

Система надстрочных знаков. В основном почерке представлены следующие надстрочные знаки:

— оксия ´, которая является основным акцентным знаком и ставится над неконечной гласной фонетического слова; в основном почерке не исключено ее написание и над последней гласной. Вероятно, оксия не выполняет акцентной функции в приведенных выше случаях типа **па́па**.

— вария `, которая является вторым акцентным знаком и ставится над конечной гласной фонетического слова. По-видимому, она может обозначать второстепенное ударение, в том числе в возвратных глаголах [Зализняк 1985: 179—180]: **реко́магѐ** 216 об., **вла́гаемꙋ̀** 211, **побесѣ́дꙋевѣ̀** 200, **наꙁна́менꙋемѐ** 200 об., **ра́дꙋїсѧ̀** 190 об., **не бо́їсѧ̀** 202, **оу҆жасаетсѧ̀** 211, **ѧ҆́висѧ̀** 210 об. Неиктусную варию писец пишет в конце слова над второй из двух стоящих рядом гласных: **вла́стиѥ̀** 196, **поста́влѧѧ̀** 215.

— спиритус ’, который традиционно ставится над начальной гласной слова и над второй из двух стоящих рядом гласных: **ꙗ҆̀же** 108, **ꙁна҆̀те** 108 об.

В рукописи довольно регулярно употребляется сочетание двух знаков — спиритуса и оксии, именуемое исо. Оно ставится обычно над начальной гласной слова безотносительно к месту ударения и над второй из двух стоящих рядом гласных: **оу҆ꙁрю** 106 об., **ѻ҆́ны** 107 об., **воѻ҆́рꙋжаетсѧ̀** 188 об., **прїи҆́доша** 106, **помїна҆ю҆́ще** 106 об. В этом случае оксия не является акцентным знаком.

Реже в Син-392 встречается сочетание спиритуса с варией над последней гласной слова: **еѝ** 106 об., **крѣпи҆́коѝ** 192 об.

Эпизодически отмечаются камора, которая ставится над определенным буквосочетанием (**кт҃о** 108, **т҃о**, **нѣкт҃о** 108, **вс҃ѧ** 106, 109), и знак типа кендемы, проставляемый в некоторых словах (**ты҃** 107 об., **двꙋ̀** 112, **трѝ** 113 об., **едва̀** 98). Акцентного значения они также не имеют.

При описании акцентной микросистемы Син-392 учитываются и обозначаются в приведенных ниже примерах оксия над неконечной и конечной гласной и вария над конечной гласной фонетического слова.

Акцентуация. Предварительные замечания. При описании акцентной микросистемы Син-392 должны быть учтены три явления, характерные для основного почерка.

Первое из них — так называемая дефинализация, т. е. ретракция ударения с конечного открытого слога, — отмечается на западе и северо-востоке великорусской территории и на части белорусско-украинской территории [Зализняк 1985: 182]. В основном почерке она проведена непоследовательно: с одной стороны, она фиксируется и отсутствует в аналогичных позициях, с другой стороны, отмечается даже при наличии энклитики: **ї҆с ко-**

ра́блѧ 219, **сто́лы** В. 221, **же́на** 215 — **женѣ́** Д. 216, **ча́са** Р. 215 — **того же часа̀** 91, **сноха́ же** 223 — **сно́ха же** 221 об. — **сно́ха́ еѧ** 219 об., **ре́че же** 202 об., **ре́че ко прїста́внїкомъ** 197 об., **ѕѣло́ бо** 203 об. — при наличии следующего полноударного слова **речѐ** 105 об., 107 об., 219, **ѕе́ло** 215, **ѕело̀** 216, **ѕѣ́ло**, **ѕѣло̀** 201. Это явление необходимо учитывать при описании акцентуации имен существительных и прилагательных акцентных парадигм *b* и *c* и форм императива и аориста глаголов.

Второе явление, характерное для основного почерка Син-392, — это сдвиг ударения влево по сравнению с исконным в неконечном слоге: **пребы́ваше** 89, **ве́лїкъ** 226, **в ра́ботѣ** 109, **хо́дїти** 215 об., **жи́тїе** 88 об., **в жи́тїі** 220, **о бы́тїи** 224 об., **ка́нꙋнъ** 105 об., **ка́но́нъ** 105 при **кано́нъ** 105 об., **пѣ́сокъ** 92, **ѿ крꙋ́пїцъ** 219, **вдо́вїца** 223 об., **ка́дило** 225 об. при **с кан́ди́лы** 189 об. За подобным явлением может скрываться южнославянская акцентовка, которая также проявлялась в ретракции ударения на один слог влево по сравнению с праславянским [Зализняк 1985: 195—196]. Ее можно предполагать для слов **пѣ́сокъ** [Дыбо 1990: 186], **ра́бота**, **пребы́ваше** [Зализняк 1985: 196—197]. Южнославянская акцентовка была актуальна для рукописей XV — первой половины XVI в., но могла быть отражена и в более поздних памятниках. С ней связано книжное ударение, хорошо засвидетельствованное в русских рукописях [Зализняк 1985: 195]. Таким книжным является ударение **жи́тїе**, **бы́тїе**. Возможно, в Син-392 отражена южнославянская акцентовка и ее аналогии, хотя нельзя исключить также какое-то влияние украинской акцентуации[2] и даже вероятные ошибочные случаи постановки акцентных знаков. Среди рукописей с циклом Николая Мирликийского встретилась еще одна с подобным сдвигом ударения на фоне довольно многочисленных примеров дефинализации — Вол-519, датируемая третьей четвертью XVI в.[3]

Третье явление, отмечаемое в основном почерке Син-392, — сдвиг ударения вправо по сравнению с исконным: **весе́лъ** И. 105 об., 201 об., **кнїга́мъ** 204, **голꙋбе́мъ** Т. 210 об., **тысѧ́ща** 94 при **сто ты́сѧщь** 192, **гвоздѝ** И. 211 об., **мїро́мъ** Т. от «миро» 97, **мл҃ты́ню** 215 об., 221 об., **поѧ́зà** 108 об., **хижи́цꙋ** 219 об.[4] У глаголов сдвиг ударения вправо представляет собой тематизацию ударения (см. ниже), т. е. это явление характеризует

[2] В XVII в. на южновеликорусской территории носители украинского языка образовывали, «кроме юго-западной ее окраины, бо́льшие или меньшие включения в южновеликорусский массив» [Котков 1963: 141].

[3] Здесь и далее в соответствующих разделах приводятся примеры из этой рукописи (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, ф. 113, № 519, третья четверть XVI в., Сборник). Полное описание ее микросистемы нецелесообразно из-за малого числа акцентуированных слов. Вол-519: **ра́ботающи҃х** 331, **приго́товиѿ** 321 об., **оута́ити** 325 об., **ве́лице** 326 при **в… велицѣ̀** 327, **ве́ликиѿ** 312 об., **ве́ликою** 324.

[4] Отдельные примеры такого же сдвига ударения вправо отмечены в Вол-519: **во исти́нꙋ** 331, **исти́ненъ** 335, **ѕаоутре́ню** 318 об., 330, **на оутре́ни** 321 об.

акцентную систему. У непроизводных существительных и прилагательных, вероятно, акцентологического значения такой сдвиг не имеет и может быть обусловлен ретракцией ударения влево и связанными с ней процессами как обратное явление. У производных имен существительных и прилагательных нельзя исключить значимости такого сдвига. Поэтому подобные примеры приводятся в дальнейшем без комментариев и иногда заключаются в скобки.

В рукописи фиксируются случаи колебания ударения, передаваемые постановкой двух акцентных знаков.

Названные явления делают саму акцентную микросистему Син-392 и задачу ее описания очень сложными.

Акцентуация имен существительных. Имена существительные, исконно относившиеся к акцентной парадигме (далее а. п.) *a*, в целом сохраняют соответствующую акцентовку. В их число входят следующие слова (перечень неполный): **братъ**, **вноукъ**, **вѣтръ**, **дѣ́ло**, **желѣ́зо**, **жизнь**, **ико́на**, **ка́мень**, **кра́и**, **коуми́ръ**, **лѣ́то**, **моу́ка**, **мѣ́сто**, **плачь**, **пра́вда**, **пѣснь**, **ра́на**, **рать**, **ри́за**, **си́ла**, **скорбь**, **сла́ва**, **ста́до**, **стѣнь**, **хлѣбъ**, **ча́до**, **ꙗзы́къ**: **си́лꙋ** 91 об., 111 об., 184 об., **си́лою**, **си́ламъ** 203 об., **пѣ́снь** 109 об., **пѣ́снеї** 107, **пѣ́сньми** 189 об., **на ра́ть** 90 об., **в ра́тї** 90, **ра́тїю** 185 об., 191 об., **ра́ти** В. мн. 183 об., **ри́зы** В. мн. 217, 222 об. (**в рїза́хъ** 113), **мꙋ̀ка** *так!* «мучение» 210 об., 212 (**в̓ мꙋцѣ́** 96 об.), **їко́нꙋ** 194, **по їко́нꙋ** 187 об., **їко́нами** 193 (**їкона́** 189, **со їкона́ми** 189 об.), **кꙋми́ромъ** Д. мн. 195 об. (**кꙋмїро́мъ** Д. мн. 197).

У существительного **чоудо**, по-видимому, представлено исконное наосновное ударение и новое флексионное с дефинализацией: **чю́до** И. 112, В. 97, **о**… **чюде́си** 111, **чю́деса** В. 97, **чю́де́са** В. 98 об., **чюдеса̀** 109 об., **в чюдесѣ́хъ** 107 об.[5]

Возможно, акцентуацию по а. п. *a* в Син-392 имели существительные **вечеръ** (**вече́рꙋ** 216, **вече́ръ** *в знач. нареч.* 105 об.) и **овощь** (**ѡво́щь** В. 89).

В некоторых случаях колебания ударения в словах а. п. *a* можно предполагать тенденцию к акцентной дифференциации омонимичных форм (ед. *ма́сла* — мн. *масла̀*): **ма́сло** В. 105 об., **ма́сла** Р. 106, **масла̀** Р.? 106 об., В. мн. 109; В. **лѣ́то** 109, **во**… **лѣ́то** 105, **двꙋ лѣ́тꙋ**, **лѣ́та** Р. 112, **в̓ ты лѣта́** 89 об.; **дѣ́ло** В. 94 об., **дѣ́ломъ** Т. 182, **дѣ́ла̀** И. 89; ср. также **ѧмы̀** В. мн. 203.

У существительных а. п. *b*, имевших исконную флексионную акцентовку, система ударения определялась процессом его дефинализации, которая обусловила тенденцию к колонному наосновному ударению в формах ед. и мн. ч. Эта тенденция проявляется у разных слов в различной степени на фоне сохраняющегося исконного флексионного ударения:

бѣда: **бѣ́ды** Р. 190, 191 об., **бѣ́дꙋ** В. 106, **на**… **бедѣ̀** 106 об., **бѣ́ды** В. мн. 96 об., **в̓ бѣда́хъ** 191 об.;

быкъ: **бы́ка ни ѻ̀вца̀** Р. 196, **бы́ки ї овца̀** В. мн. 195 об.;

---

[5] Ср. в Вол-519: **в чю́десѣ**^{х} 309 об., **ѡ**… **чю́деси** 326, **чюдеса̀** 330 об.

вино: **ви́на** Р. 88 об., **вїна̀** Р. 219 об.;
глава[6]: **гла́вы** Р. 223, **ѿ гла́вы** 93 об., **гла́вꙋ** 94 об., 213, **на гла́вꙋ** 92 об., **на гла́вѣ** 94, **гла́во** Зв. 213;
грѣхъ: **грѣ́ха** Р. 220, **бе҃ грѣ́ха** 107 об., **ꙁа грѣ́хи** 185, **ꙁа… грѣ́хї** 96 об., **ѿ грѣ́/хо́въ**102;
дверь: **две́рї** В. 212 об., **ко двере́мъ** 197 об.;
дворъ: **дво́ра** Р., **на дво́рѣ** 110, **по дво́рꙋ** 106 об.;
жезлъ: **жезло́мъ** Т. 213;
жена: **жена̀** 109, 201 об., **жена́** 196 об., **же́на** 201, 215, **жена́ та** 201 об., **женѣ́** Д. 216, **к҃ женѣ̀** 111 об., **жено̀** Зв. 109, **же́ны̀** И. мн. 213, **в҃ жена́хъ** 210 об.;
корабль: **їс кора́бля** 219;
лице: **лицѐ** И. 199, **ли́ца** Р. 92, **лїце́мъ** Т. 199, **лї́цемъ** 94, **пре҃д ли́цемъ** 201 об.;
мечь: **ѿ меча̀** 113, 192 об., **ѿ… ме́ча** 114, **по҃д ме́чь** 112 об., **мече́мъ** Т. 212 , 213, **ме́чемъ** 212 об.;
овца: **бы́ка ни ѹ҆́вца̀** Р. 196, **бы́ки ї овца̀** В. мн. 195 об.;
одръ: **пре҃д ѹ҆́дро́мъ** 222;
орда: **во ѹ҆́рдѣ** 181 об.;
пила: **пи́лы** И. мн. 211 об., **пїла́ми** 198;
полкъ: **по́лко́мъ** Д. 183 об.;
попъ: **по́пъ** 113 (+4)[7], **попа̀** Р. 112 об., **ѿ по́па** 114, **по́па** Р.-В. 113 об., 114, **папа̀** *так!* 113, **па́па́** *так!* 112 об., **на па́па́** *так!* 113 об., **по́пꙋ, к҃ по́пꙋ, с попо́мъ** 113 об., **ѡ попѣ̀** 112;
рабъ: **ра́ба̀** Р. 90, **ра́ба** Р.-В. 96, **ра́бї** И. мн. 194 об., **ра́бї же** 220, **ра́бы** В. 186, **ра́бомъ** Д. 186, 221, **с ра́бы** 219;
раба: **ра́бꙋ** 212, 215 об.;
рѣка: **в҃… рѣ́кꙋ** 92, **въ… рѣ́кꙋ** 93 об., **во… рѣ́цѣ** 93 об.;
свѣща: **во свѣ́щї мѣсто** 106 об., **свѣ́ща** В. мн. 105 об. (+3), **со свеща́мї, со све́ща́мї** 221, **со свѣща́ми** 189 об., **со свѣ́щами** 109 об., 110 (+1);
сестра: **се҃стры̀** Р. 227 об.;
скотъ: **ско́тъ** В., **ско́та** Р. 196;
столъ: **сто́лы** В. 221;
стезя: **по стезѝ, стезѧ̀** В. мн.? 203;
стражъ: **стра́жемъ** Д. 210 об.;
страна: **со… страны̀** 181 об., **ѿ стра́ны** 94, **на… т҃ра́нѣ** 219, **в… стра́нѣ** 98, **стра́ны** В. мн. 90, 97, 183 об., **во стра́ны** 91, **по… стра́на́мъ** 217 об., **в… страна́хъ** 88, **в҃… стра́на х҃** 98 об., **в сра́нахъ** *так!* 111 об.;
соудъ: **на сꙋдѣ́** 195 об.;
троуба: **трꙋба́мъ** 227 об.;
оумъ: **без ꙋ́ма** 198 об.;

---

[6] В связи с указанными выше явлениями, отмечаемыми в Син-392, невозможно однозначно определить принадлежность слов с колеблющейся а. п. *b* или *c* (**глава**, **овца**, **страна** и др.), которые условно помещены в а. п. *b*.

[7] Здесь и далее знак (+…) обозначает количество аналогичных примеров.

оуста: **оусты́** 91 об.;
царь/цѣсарь: **цр҃е́мъ** Т. 183 об.;
часъ: **часа̀** Р. 91, **ча́са** 215, **по всѧ ча́сы** 187, **по всѧ… ча́сы** 187;
число: **чїсла̀** Р. 183 об., 196 об., **число́мъ** 183 об.

Дефинализация и тенденция к установлению колонного предфлексионного ударения у существительных а. п. *b* обусловила сближение акцентовки слов а. п. *a* и *b*, с одной стороны, *b* и *c* — с другой, что сводит к минимуму акцентные различия парадигм. Именно этим, по-видимому, можно объяснить неисконное флексионное ударение (то есть сдвинутое вправо) в Р. и Т. ед. ч. слов ср. р. и м. р. и в некоторых других формах а. п. *c* (**гласа̀**, **морѧ̀**, **мѧса̀**, **мꙋжа̀**, **бого́мъ**, **миро́мъ**, **голꙋбе́мъ**, **гласо́мъ**, **дрѣво́мъ**, **имене́мъ**, **на полѝ**) при сохранении исконной наосновной акцентовки (ср. приведенные выше примеры флексионного ударения у слов а. п. *a*). В результате слова, исконно относившиеся к а. п. *c*, акцентуированы следующим образом:

бедра: **бе́дрꙋ** 182 об.;
богъ: **ꙁ бо҃го́мъ** 212;
брань: **бра́нь** 89 об., **ѿ…** // **бра́нї** 187 об.—188, **на… бра́ни** 184 об., **бра́нї** В. мн. 183 об.;
бѣсъ: **бѣ́са** Р.-В. 92, 94, **бѣ́се** Зв. 94 об., **на҆** // **бѣ́сы** 91 об.—92;
власть: **подо вла́стию** 196;
вода: **вода̀** 227, **воды̀** Р. 89, 219 об., **во́дꙋ** 93, **во́ды** И. мн. 204 об., **воды̀** В. мн. 93;
врагъ: **вра́га** Р. 184 об., Р.-В. 186, **вра́гы** В.мн. 193 об., **вра́гомъ** Д. мн. 190 об., **на҆ вра́гї** 102;
время: **во вре́мѧ** 190 об., **по вре́менї** 216;
вѣкъ: **вѣ́кꙋ** Р. 92, **ѿ вѣ́ка** 203 об., **в҃ вѣ́кї** 198 об., **во вѣ́ки** 195;
гласъ: **гл҃са́** Р. 222 об., **гл҃со́мъ** Т. 90 об., 110;
гнѣвъ: **ѿ… гнѣ́ва** 190;
голоубь: **голꙋбе́мъ** Т. 210 об.;
градъ: **гра́да** Р. 95 об., **їꙁ гра́да** 93 об., **ѿ гра́да** 97 об., 112, **гра́дꙋ** 191 об., **по… гра́дꙋ** 187, **ко… градꙋ̀** 98, **гра́домъ** Т. 92 об., **во гра́де** 227, **во гра́дѣ** 92 об.—93, 97, 196, 217 об., **во гра́дѣ́** 98, **гра́ды** В. мн. 183 об. (+1), **гра́домъ** Д. мн. 184 об., 200 об., 206;
гробъ: **во гро́бъ** 211;
доска: **на до́сцѣ** 113;
древо: **дре́во** И. 198, **дрѣво́мъ** Т. 198;
земля: **ꙁемлѧ̀** 95, 196, **ꙁемлѝ** Р. 185 об., **їꙁъ… ꙁемлѧ̀** 114, **к ꙁемлї̀** 94, **по ꙁемлѝ** 215 об., **ꙁемлю̀** 95, 191, 228, **в ꙁемлю̀** 226, **в… ꙁемлю̀** 107, **на́ ꙁемлю** 213 об., **на… ꙁе́млю** 185 об., **на… ꙁемлю̀** 112 об., **на ꙁемлѝ** 111, 217, **на ꙁемлї** 92, **на́ ꙁмѝ** 90, **во всеї ꙁемлѝ** 88, **ꙁемлѝ** В. мн. 183 об., **ꙁемлѧ̀** В.мн. 184 об., **ꙁемлѧ̀мъ** 184 об.;
имѧ: **имѧ̀** И. 215 об., **їменѝ** Д. 196, **имене́мъ** Т. 112, **їмене́мъ** 211, 215, 227, **їмена̀** 184;

коло: **колéса** В. 211 об., **блїзъ колéсъ**, **по колéсѣхъ** 211 об.;
кость: **по костѝ** 220, **в кóсти** В. мн. 191;
кровь: **ѿ крóве** 196;
людие: **лю́дї** В. 106, 185, **лю́деї** 196, **ѿ… лю́деи** 182, **людéї** 189 об., **лю́деⷨ** 91 об., **лю́демъ** 112, 220 об., **лю́дéмъ** 89 об.;
миръ: **мѝра** 93 об., **за́ мїръ** 220 об., **с мїрóмъ** 108 об.;
море: **мóрѧ** Р. 107 об., **морѧ̀** 204 об.;
моужь: **мꙋжà** Р. 216, **мꙋ́жеї** 107 об., **ќ мꙋжéмъ** 114, **с мꙋ́жї** 189 об.;
мѧсо: **мѧсà** Р. 88 об.;
небо: **нá нб҃о** 186;
нога: **нóгꙋ** 182 об. (+1), **ногѣ́** И. дв. 97, **ногѣ̀** В. дв. 95, 96 об., **под нóгѣ** 95, **нá ногꙋ** 216, **до нóгꙋ** 93 об., **к ногáмъ** 213, **ногáмї** 221 об., **на… ногáхъ** 89;
нощь: **по всѧ̀ нóщи** 217;
плоть: **во плóтї** 217;
поле: **на… полѝ** 105;
рѣчь: **рѣ́чї** Р. 95;
родъ: **рóда** Р. 106;
роука: **їз рꙋкѝ** 113 об., **рꙋцѣ̀** В. дв. 90, 96 об., 113 об., 186, **рꙋцѣ́** 96, **по рꙋкáма** 110 об., **рꙋкáма** Т. 106 об. (+1), **рꙋкáми** 196;
рѧдъ: **по рѧ́дꙋ** 222;
слеза: **слéзы** В. 106 об., 193 об., **слéзъ** 106 об., **со слезáми** 91, **со ⷭлезáми** 186, **с… слезáмї** 189, **со слéзáми** 193 об.;
слово: **слóво** В. 201 об., 202 об., 203, **словéсї** 202 об., **слóвомъ** Т. 197 об., 200 об., **словóмъ** 201 об., **о слóвеси** 216, **словéса** И. мн. 204 об. (**слáвеса** 201), В. 203, 204, **слóвесъ** 204 об., **словéсъ** 203 об., 204, **словéсемъ** Д.? 204 об., **словéсы** Т. 201; **словéса**, видимо, с обобщением акцентовки Р. мн. и неисконной энклиноменной, см. [Зализняк 1985: 256]; ср. ниже **тѣло**;
срамъ: **срáмомъ** Т. 200 об., **с́ срáмомъ** 193 об.;
страхъ: **стрáхъ** В. 191 об., **стрáхомъ** Т. 192 об.;
тѣло: **тѣ́ло** В. 107, 111 об., **тѣ́ла** Р. 112 об., **телéсе** 213 об., **тѣ́ломъ** Т. 197, **тѣ́лесы** Т. мн. 93 об., видимо, также с обобщением акцентовки Р. мн. и неисконной энклиноменной;
чрево: **чрéва** Р. 215 об.

Наосновное ударение в В. ед. ч. слов ж. р. а. п. *c* (**рóсꙋ** 197, **бéдрꙋ**, **нóгꙋ** 182 об. (+1), **вóдꙋ** 93, **на… зéмлю** 185 об., **нá землю** 213 об. при 5 случаях флексионного ударения), очевидно, является исконной акцентовкой. Изменение ударения **росé**, **росꙋ́** было частью процесса формирования акцентной оппозиции чисел слов **a*-склонения, происходившего путем конвергенции а. п. *b* и *c* [Зализняк 1985: 373—374]. Если в Д. ед. ч. новое ударение широко представлено уже в XVI в., то в В. ед. ч. в старорусском языке оно встречается редко. В Син-392 у слов ж. р. а. п. *b* отмечено наосновное ударение: **бѣ́дꙋ** 106, **глáвꙋ** 94 об., 213, **рáбꙋ** 212, **в́… рѣ́кꙋ** 92, 93 об. Однако не ясно, было ли оно обусловлено дефинализацией или отражало конвергенцию слов а. п. *b* и *c*.

Другой частью упомянутого процесса было распространение модели а. п. *c* **росá — рóсы** на слова исконной а. п. *b*. В Син-392 наосновная акцентовка представлена в форме **пи́лы** 211 об., колеблющаяся — **жéны̀** 213. Последний пример позволяет предполагать в этих случаях новое ударение, хотя нельзя исключить проявления дефинализации.

Показательным с точки зрения возможной территориальной принадлежности рукописи является акцентуация М. ед. ч. У существительных м. р. а. п. *c* в М. ед. ч. преимущественно представлено наосновное ударение: **в́ дóмꙋ** 106, **в дóмꙋ** 215, 216, 219 об., 221 (+3) при колеблющемся **в дóмꙋ̀** 223[8]. У существительных **a*-склонения в М. ед. ч. акцентовка наосновная и флексионная: **на дóсцѣ́** 113, **нá ꙁмѝ** 90, **на ꙁемлѝ** 111, 217, **на ꙁемлї̀** 92, **во всеї ꙁемлѝ** 88. Обе модели были распространены в западной зоне [Зализняк 1985: 245, 252].

Во мн. ч. у существительных м. р. а. п. *c* выступает наосновное ударение при редких случаях флексионного, причем в И. и В. в формах на *-ы*, в Р. мн. — независимо от типа флексии:

И. и В. мн.: **влáсы** 94, 223, **ꙁꙋ́бы** 94, **дáры** 91, 201, **грáды** 183 об., **врáгы** 193 об., **пи́ры** 95;

Р. (Р.-В.) мн.: **мꙋ́жеї** 107 об., **лю́деї** 92 об., 94 об., 196, **ѿ… лю́деи** 182, **людéї** 189 об. (ср. **ѿ дѣ́теї** 192);

Д. мн.: **ќ мꙋжéмъ** 114, **лю́демъ** 112, 220 об., **людéмъ** 89 об.[9], **грáдомъ** 184 об. (+2), **врáгомъ** 190 об.;

Т. мн.: **влáсы** 212, **с мꙋ́жї** 189 об., **съ дáры** 226, **на́ // бѣ́сы** 91 об.—92.

Модель с наосновным ударением в Д. мн. ч. слов м. р. а. п. *c* была распространена в западной диалектной зоне, модель с флексионным ударением — в восточной [Зализняк 1985: 272]. Данных для окончательного вывода недостаточно; можно предполагать не вполне последовательно проведенную западную модель, что кажется более вероятным, или промежуточный вариант между основными моделями.

Данных об акцентуации существительных ср. р. (кроме приведенных выше **слово**, **тѣ́ло**) недостаточно. В форме И. pluralia tantum **врáта** 88 об. наосновное ударение, которое было характерно для западной диалектной зоны [Зализняк 1985: 254].

Для акцентной микросистемы Син-392 почти не характерна оттяжка ударения на предлог, т. е. она перестала быть регулярной. Исконная оттяжка отмечена в следующих случаях: **ꙁá мїръ** 220 об., **нá нб҃о** 186, **нá ногꙋ** 216; аналогическая оттяжка имеет место у слов: **нá молт҃вѣ** 89, **ꙁá хр҃тїѧны** 90. Чуть чаще оттяжка ударения на предлог встречается у местоимений: **нá ны** 188 об., 200, **нá нѧ** 192 об., **ꙁá мѧ** 212 об. и др.

---

[8] В Вол-519: **в дóмꙋ** 308, 322, 322 об., 326 об., 333, 334.

[9] Новое ударение **людéмъ** отмечено только в северо-западных памятниках [Зализняк 1985: 271]. В Син-392 в этом случае нельзя исключить уже упоминавшийся сдвиг ударения вправо.

У производных приставочных имен существительных *o-основ и *i-основ господствующей является акцентуация по модели *потóпъ*, т. е. корень выступает с маркировкой ↓ независимо от того, какова была его исходная маркировка [Зализняк 1985: 153]: **ѿбла́къ** И. 90; **обра́зъ** В. 89 об., **ѿбра́за** 194, **ѿбра́зомъ** 200 об.; **отро́къ** И. 217, **отро́цы**, **отро́цы же** И. 217 об., **трїе отро́кы** В. 184, **.т҃. ѿтро́къ** 217 об., **отро́комъ** Д. мн. 219 (ср. **отро́ча** И. 216, **отро́ковица** В. 197). Акцентовка этого слова по модели *потóпъ* представлена на украинской территории [Зализняк 1985: 153]; **разꙋ́мъ** В. 200; **на ѿбѣ́дъ** 105 об., **обѣ́да** 219; **возра́стъ** И. 189 об.; **завѣ́та** 202; **проро́комъ** Т. 200, **оу҆ро́къ** В. 219 об., **обро́къ** В. 184 об.; **бе҃ оуспѣ́ха** 191; **блїзъ предѣ́лъ** 185; **на позо́ръ** 202, **вѣзо́ро́мъ** Т. 200; **прїхо́домъ** Т. 181 об.; **сосѣ́дї** И. 111 об., **сосѣ́домъ** Д. мн.105, **ѿ сосѣ́дъ** 108—108 об.; **собо́ръ** И. 99, **собо́ра** 100, **на собо́рѣ** 99, **собо́ро́мъ**, **собо́ро́мъ** 99 об., **помы́ѧмї** 220[10].

У некоторых слов представлена вариативность акцентовки, которая может быть связана с упоминавшейся ретракцией ударения или колебанием между двумя моделями — *потóпъ* и *óкупъ* или *за́суха*, причем две последних разграничить трудно [Зализняк 1985: 154]: **зако́нъ** В. 94 об., 224 об., **зако́на** 225, **за́конъ** И. 226 об.; **наро́да** 189, 198 об., **к҆ наро́домъ** 223, **на́родъ** И. 193 об. Акцентная модель **на́родъ** была известна в украинском языке [Зализняк 1985: 225].

Принимая во внимание отмеченное в рукописи аканье, модель *óкупъ* можно предполагать у неакцентуированного существительного **во ѿстравъ** 106.

У существительных *i-основ модель *потóпъ* в основном является результатом перемаркировки корня; она исконна у слова **оужасть**: **во ꙋжа́стї** 111; **помо́щь** В. 90, **помо́щью** 111 об., **ѿ немо́щеи** 92 об.; **обла́сти** В. мн. 183 об.; **памѧ́ть** В. 88, **на памѧ́ть** 105, 106 об., 194 об., **памѧ́ти** 106; **пре-ле́сть** В. 200 об., **преле́сти** Р. 198 об., **к преле́стї** 196 об.; **по пропа́сті** 225, **во пропа́стї** 226; **пове́сть** В.? 196 об.

У существительного **заповѣ́дь** преобладает модель *потóпъ*, но есть случай исконной акцентовки по модели *óкупъ*: **заповѣ́ди** Р. 195, **заповѣ́ди** В. мн. 215 об., **заповѣ́ди́** 195, **за́поди** (**вѣ**) 215.

Существительные *a-основ акцентуированы по той же доминирующей модели *потóпъ* (**побѣ́ды** В. 183 об., **оса́дꙋ** 187, **ѿса́дꙋ** 187 об.) или демонстрируют вариативность моделей *потóпъ — óкупъ/за́суха*: **на потре́бꙋ** 105 об. (+1) — **на по́требꙋ** 196.

Вариативность ударения представлена у существительных с суффиксом *-от(а)*, производных от слов а. п. *a*, *b* и *c*. При исконных **чи́стота**, **красо́та**, **добро́та**, **щедро́та**, **сирота̀** [Дыбо 1981: 122—125] в Син-392 эти слова акцентуированы следующим образом:

ч҃то́тꙋ 89 об., **ч҃то́тꙋ** 92, **ч҃тотѣ́** Д. 92 (возможно, у слова было новое ударение **чистота̀** со сдвигом влево из-за дефинализации или колебание

[10] Ср. акцентовку приставочных производных в Вол-519: **ѡбра́зомъ** Т. 313 об., **ѡтро́комъ** Д. мн. 324 об., **со ѡтро́ки** 321 об., **ѡтрока̀** 336 об., **ѿро́ка** 336, 339.

акцентовки **чистота̀ — чисто́та** по аналогии с другими словами этой словообразовательной модели);

кра́сотѣ́ Д. , **кра́сотꙋ** 92, **кра́соты** Р. 226 об. (+1), **краса́тꙋ** 225 об. (в последнем примере аканье позволяет предполагать, что ударение было иным);

до́брота 211, **добро́та** 199, 211, **добро́ты** Р. 211, Р.? 199, **добро́тою** 197 (скорее всего, акцентовка этого слова может быть реконструирована как **добро́та** с уже упоминавшимся сдвигом ударения влево);

щедро́тамъ 93;

сиро́ты И. 189 об., **си́рота**м 215 об.

По-видимому, такая акцентовка этих слов отразила, с одной стороны, исконное и новое ударение, с другой — его дефинализацию.

Аналогичным образом в Син-392 акцентуировано существительное **трапеза**: ударение **тра́пеза** соответствует модели, известной в староукраинском и старобелорусском языках, **трапе́за** — в старорусском языке [Зализняк 1985: 225]: **двѣ тра́пезѣ** В. 105, **ѿ тра́пезы** 219 об., **на тра́пезѣ** 109 об., **ѿ тра́/пе́зы** 219, **трї трапе́зы** В. 215[11].

«Староукраинская» акцентовка сложных слов, когда ударение ставится над соединительной гласной, встречается изредка наряду с постановкой ударения над одним корнем или над обоими [Зализняк 1985: 156]: **чюдо́твори́ца** Р.-В. 112, **серде́боли** В. мн. 109 об., **чю́дотвори́цꙋ** 98 об., **зловѣ́рнаго** 186 об., **с черно́ризцы** 189, **ѿ кро́вопроли́тїѧ** 188[12]; ср. **мїтро́полїтъ** 187.

У отглагольных имен существительных с суффиксом *-ни*(*е*) или *-ени*(*е*) представлена корневая и суффиксальная акцентовка; у некоторых слов ударение варьируется (ср. с акцентуацией глаголов): **возды́ха́нїѧ** 106 об., **воло́хвова́нїѧ** В. 196 об., **на воспоми́на́нїе** 194 об., **жела́нїемъ** 189, **за́стꙋпле́/нїе** И. 194, **избавле́нїе** В. 187 об., **исцѣ́ленїѧ** 89 об., **кла́нѧнїе** 225, **кнѧже́нїѧ** Р. 181, **кнѧ́женїѧ** В. мн. 183 об., **крїча́нїе** В. 106 об., **ѿ нападе́нїѧ**, **ѿ нахоже́нїѧ** 187 об., **пїса́нїемъ** 89, 95, **повелѣ́нїе**, **пока́ѧнїе** В. 187, **помы́шленїе** В. 95, **помышле́нїе** 185 об., **на посѣ́ченїе** 112 об., **пѣ́нїѧ**, **пѣ́нїѧ** 225 об., **рыда́нїе** 106, 107, **скректа́нїю** 211 об., **смїре́нїю** 95 об., **на снѣ́денїе** 182 об., **спсе́нїе** В. 111 об., **въ стрѣ́тение** 185 об., **ѿ стрѣ́тенїѧ** 94, **на срѣ́тенїе** 189, **стѣ́нание** 107, **стена́нїѧ** 106 об., **сѣтова́//нїе** 222 об.—223 (здесь не исключена постановка основного и второстепенного ударения), **терза́нїе** 106 об., **оꙋдивле́нїе** И. 190 об., **хотѣ́нїе** 98.

Акцентуация некоторых других производных имен существительных в основном почерке Син-392 приводится без анализа, поскольку для основной задачи — локализации места создания рукописи — она не существенна, но интересна для акцентологических исследований в целом. У некото-

---

[11] Ср. в Вол-519: **двѣ тра́пезѣ** В. 321, **ко хра́минѣ** 308, **во хра́минѣ** 308 об.

[12] В Вол-519: **ѿ серде́боль** 324, **серде́боли** В. мн. 326 об., **серде́бо** Р.-В. мн. 324 об.

рых слов встретилось вариативное ударение, иногда можно предполагать южнославянскую акцентовку производных, например имен существительных на *-ость*; см. [Дыбо 1981: 107—122, 171]: **вла́стелї** В. мн., **вла́стелемъ** Д. мн. 187, **гꙋби́телѧ** Р. 184 об., **мꙋчїте́лѧ ї гꙋби́телѧ** 185 об., **роди́телю** 110 об., **собра́телѧ** Р. 181, **созда́телю ї ꙁастꙋ́пнїкꙋ** Зв. 186, **ꙁа́стꙋпнїка** Р. 191 об., **гра́бежнїкъ** И. 182, **їꙁбра́ника** Р.-В. 112, **мечни́къ** И. 113 об., **моле́бнїка** Р. 191 об., **намѣ́стнїкомъ** Д. мн. 187, **раꙁбо́инїкъ** И. 183, **ра́ꙁбо́їницы** И. мн. 183, **ра́ꙁбо́їникомъ** Д. мн. 183 об., **праꙁ҃ни́къ** И. 88, **пра́ꙁ҃никъ** В. 194 об.; **ꙁастꙋ́пнїцы** Р. 186, **ꙁа́стꙋ/пнїцї** Р. 191 об., **ꙁа́стꙋпнїце** Зв. 190 об.; **стеклѧ́нїцꙋ, стьклѧ́нїцꙋ** 110, **склѧ́нїцꙋ** 111 (+1), **по… вꙁѧ́тїи** 181 об., **распѧ́тїе** 200, **ѿ наше́ствїѧ, ѿ наше́ствие** 187 об.; **крѣ́пость** В. 194, **въ крѣ́постї** 193 об., **в҃ горд́ости** 191 об., **премр҃о́сть** И. 202, В. 200, **мр҃о́стї** Р. 203 об., **хи́тростї** 203, **хїтро́стї** 201 об.; **ѻ̆ сꙋ́ествѣ** 198 об., **мно́же́ство** 189 об., **во мно́же́ство** 197 об., **мно́жество** 198 об., **со множе́ствомъ — мно́жествомъ** 193 об., **реме́ньствомъ** «ремеслом» 182, **во́їньство** В. 185, **цр҃ство́мъ** Д. 184 об., **по҃ цр҃ьтво́мъ** 195 об.; **по дѣ́їствꙋ** 183; **свѣ́тило** 210 об.; **на сꙋди́щї** 195 об., **ѿ сꙋди́ща** 213; **млⷭ҇ва́ми** 190 об.; **ꙁна́менїе** 92 об., **ꙁнаме́нїе** В. 90 об., **ꙁна́менїемъ** 90 об., 95[13].

Следует отметить, что неоднократно оксия (обычно одна из двух) поставлена на приставках **ꙁа-** и **раꙁ-** (см. приведенные выше примеры производных имен существительных, а также далее глаголы)[14].

Существительное **слꙋ́жба** в Син-392 на фоне господствующего флексионного ударения имеет случай колебания ударения: **слꙋ́жба҃** 226 об., **на слꙋ́жбꙋ҃** 220, **слꙋ́жбы҃** В. мн. 226. Такая акцентовка ближе к производным от а. п. *с*, возможно, под влиянием Р. мн. **слꙋже́бъ** или в связи с общей тенденцией к унификации слов всех трех а. п.

У обозначавших жителей стран или представителей народов имен существительных на *-ин*(*ъ*), которые употреблены в форме мн. ч., акцентуация частично варьируется: **а҆рави́тї** 112 об., **срацы́нї** И. 106 (+1), **срацы́нъ** Р. мн. 110, **ꙁа́ хр҃тїѧны** 90, **гражáна** И. 227, **гра́женѣ** И. 97, 223 об., **гра́жане** 90 об., **гражáне** 93, **гра́жáне** 92 об., **ко гражáномъ** 227[15].

Имена собственные (среди них личные имена и топонимы), как и существительные, иногда имеют сдвиг ударения влево и вправо: **хрїстофо́ръ** 112, **христофо́ръ** 112 об., **христафо́рѣ** М. 112, **хрїсто́фора** Р.-В. 112 об.[16]; **нїко́лы** 105, **нико́лꙋ** 114, **нїко́лѣ** 105 об., 106, 114, **нїко́лѣ** 105 об.; **мїха́їлъ**

---

[13] Акцентуация некоторых производных имен существительных в Вол-519: **в те́мницꙋ** 328 об., **ис те́мницы** 329, 330 об., **ꙁастꙋ́пни́кꙋ** 330, **оутѣ́шитель, посѣ́тите҆, изба́витель, исцѣ́лите҆** 331, **свѣ́тило** 338 об., **хо́тѣнїе** 328.

[14] Ср. в Вол-519: **при́носити** 309, **при́носитъ** 331, **при́несе** 333, **прѝнесетъ** 337 об., **при́несыи** 335, **при́ве҃ши** 314 об., **при́лѣ́жно** 309 при **прилѣ́жно** 328, **ꙁа́твориша** 322 при **ꙁатво́риша** 314 об., **при́ати** 327.

[15] В Вол-519: **сра́чине** И. 314, 321 об., **на сра́чины** 326 об., **сра́чинско//мꙋ** 325 об.

[16] В Вол-519: **христо́фо҃** *так!* 314, **христо́фора** 314 об., **агри́къ** 321 об., 324.

202; **ѥкеѣї** 192; **васи́леї**, **васи́лїѧ** 188, **ва́си́леї** 193 об., **ва́сїльѧ** 186 об.; **влади́меръ** И. 189, **въ вла́ди́меръ**, **ѿ влади́мера**, **в҃ влоди́мере** 188 об.

Акцентуация имен прилагательных. Имена прилагательные, изначально принадлежавшие к а. п. *a*, в целом сохраняют соответствующую акцентовку (об отклонениях см. далее): **гото́вї** 107 об., **ра́да** И. ж. 109, **ѕдра́вы** И. мн. 93 об., **ѕ҃дра́вї** 93, **по́лнꙋ** В. ж. 111, **на мно́ѕѣ** 106 об., **мно́гꙋ** В. ж. 109 об., **мно́ѕи** И. мн. 109 об., **мно́ги** В. 183 об., **мно́га** И. ср. 189 об., **сла́вна** И. ж. 201, **сла́вна** *так!* В. ср. ед. 203, **вѣ́рна** И. ж. 215 об. (ср. **бꙋрны́мъ** Т. 219, **славны́мъ** Т. 200 об.).

Наосновное ударение при некотором количестве примеров флексионного засвидетельствовано у полных прилагательных: **ра́тныхъ** 187 об., **желѣ́ѕ҃ныї** И. 182, 183, **ста́рїи** И. 201 об., **сла́в҃ными** 201, **мно́гы** Р.-В. 93, **многи́мї** 110, **мно́гыѧ** В. ж. 184 об., **ѿ многи́ѧ** 189, **сверѣ́пыї** И. 185, **сверѣ́паго** 185 об., **чю́дныѧ** Р. ж. 189, **чю́днꙋю** В. ж. 194, **нечты́и** И. 92, 92 об., **нечта́го** 92 об., **ма́лаї** В. 92.

Акцентуированных форм имен прилагательных исконной а. п. *b* в Син-392 мало: **в҃ бѣ́ла** 108, **ѕлꙋ̀** В. ж. 108, **добра̀** В. ср. 221 об., **хро́мї** И. мн. 223 об. Возможно, их малочисленность связана с отмечаемой в рукописи дефинализацией.

У членных прилагательных а. п. *b*, как и у слов а. п. *a*, ударение наосновное и флексионное: **грѣ́шнымъ** Д. мн. 198 об., **до́брою** 109, **хро́миі** 97, **мꙋдры́хъ** Р.-В.? 225, **люты́и** И. м. 183, **тепло́мꙋ** Д. 105 об., **тепла́го** Р.-В. 112.

Для прилагательных исконной а. п. *c* прежде всего надо указать нарушение первоначальной акцентовки по модели *должéнъ* вм. *дóлженъ* в форме И. м. р. ед. ч.[17] Этот процесс отмечен в рукописях северо-запада, ближнего запада и дальнего северо-востока [Зализняк 1985: 300]. В него вовлечены также прилагательные а. п. *a*, у которых ударение типа *славéнъ* представлено наряду с исконным: **трепете́нъ** 108 (при неясной первоначальной акцентовке), **боле́нъ** 192, **бѣше́нъ** 226, **сїле́нъ** 192 об., **сла́ве́нъ** 215, **сла́венъ** 204 об. Возможно, сюда же следует отнести **весе́лъ** 201 об.

В целом у прилагательных а. п. *c* исконное ударение прежде всего сохраняется там, где оно было наосновным. Показательны формы И.-В. ср. р. с наосновным ударением: **гнꙋ́сно** В. 199, **свѣ́тло** И. 200, **крѣ́пко** В. 203, **про́сти** И. мн. 193, **глꙋ́си** И. мн. 97.

У нечленных форм ж. р. ударение наосновное и флексионное: **в чю́жꙋ** 107, **лю́ба** 225, **пꙋста̀** 223, **про́ста** 212. Ср. акцентовку формы И. ж. р. слова а. п. *a* **по́лна̀** 88 об. Таким образом, в форме И. ед. ч. ж. р. намечена тенденция к унификации акцентовки слов а. п. *a* и *c*, которая была заметна уже в памятниках XVI—XVII вв. [Зализняк 1985: 291]. Для Син-392 трудно определить доминирующую модель (выравнивание в сторону а. п. *a* в западной зоне и в сторону а. п. *c* в восточной). Ситуацию не проясняет и акцентовка В. мн. ч. ср. р. **в по҃д҃горїѧ тѣсна́** 89 об.

[17] В Вол-519 прилагательные не акцентуированы, за исключением **до́лжен** 313 об.

У членных форм прилагательных а. п. *c* представлено наосновное и флексионное ударение, последнее — часто в Р. ед. ч. м. р. Наосновное ударение: **сꙋро́вїи** И. мн. 183, **гра́дныимъ** Д. мн. 187, **грѣ́шныимъ** Д. мн. 198 об., **во зла́ты**х 215, **крѣ́пкое** В. 202 об., **крѣ́пкою** 192 об., **дра́гїи** Зв. 106 об., **дра́гое** Зв. 107, 110 об., 111 об., **стра́ннаго** 222, **слѣ́пїи** И. мн. 97, **тѣ́сны**и 89 об., **ѿ го́рко́ї** 107 об.; флексионное ударение: **чтны́мъ** Т. 198 об., **чтна́го** 92 об., **чтна́я** 189, **скора́го** 98 об., **ко сто́мꙋ** 105 об. (+4), **ста́го** 112 об., **лїха́го** 183, **горды́ї** И. 185, **горда́го** 185 об., **горды́мъ** Д. мн. 186, **десна́го** 216 об., **нова́го** 191 об., **земны́мї** Т.109, ср. **единоро́на́го** 198 об.; колебание ударения: **сра́нна́го** Р.-В. 219, **крѣ́пка́го** 191 об. По-видимому, в Син-392 представлена переходная система, на которую накладывается, с одной стороны, фактор книжности (**дра́гии**, **гра́дныи**), с другой — фактор падежа (флексионное ударение в Р. ед. ч. м. р.). Разницы между производными и непроизводными словами, кажется, нет.

Наосновное неисконное ударение у членных форм прилагательного **немощныи**: **немо́щнїи** *субст.* И. 97, **немо́щны**х Р.-В. 92 об., **немо́щнымъ** Д. мн. 98 об.

Имена прилагательные «группы *высоко*» представлены членными формами с исконной корневой и вторичной суффиксальной акцентовкой [Зализняк 1985: 303]: **вы́сокое** В. 201 об. — **высо́кою** 192 об., **высо́кїмъ** Т. 197 об., **высо́кїмъ** 204 об.

Имена прилагательные «группы *красно*» представлены формой Р.-В. м. р. **кра́сна** 106.

У других производных прилагательных отмечено следующее ударение: **безꙋмна́го** 185 об., **бѣ́соскꙋю** 90, **влади́ме́рськїя** Р. ж. 194, **досто́їнъ** 106, **звѣри́ны** И. мн. 94, **зꙋба́тою** 198, **кїче́вы**х 204, **ло́вчїи** 109 об., **невїди́мъ** 108, **невїди́мою** 191 об., **обра́знаа** 211, **за ѿце́вы** 96 об., **съ ѹста́ночнымї** 192, **плѣ́шивъ** 108, **полове́цкїмъ** Т. 183, **про́тївны**х *субст.* 190 об., **ско́рбныя** Р. ж. 191 об., **ско́рбны**и 89 об., **ѿ… скоцка́го** 196, **тѣ́леснꙋю** 89 об., **скве́рна** В. 225, **скве́рненѣи** В. дв. ж. 107, **стꙋде́ныя** Р. ж. 219 об., **сꙋетна́го** 89, **кїевко́мꙋ** Д. 188, **при… кїевско́мъ** 181 об., **бе́зжна́го** Р.-В. 186, **бе́зо́жнаго** 186 об., **безжо́жны**х 110 об.

Акцентуация глаголов. В акцентуации глаголов в Син-392 весьма заметную роль играют дефинализация, существенно повлиявшая также на систему ударений существительных и прилагательных, и собственно глагольный процесс — тематизация ударения. Отмечены у глаголов также и уже упоминавшиеся сдвиги ударения влево и вправо.

Акцентовка презентных форм глаголов, исконно относившихся к а. п. *a*, *b* и *c*, имеет следующий вид[18]:

---

[18] В Вол-519 акцентуированные формы презенса весьма немногочисленны: **бл҃годарю̀** 337 об. (ср. **бл҃года́рящи** 335), **впа́деши** 338 (ср. **спа́доша** 338), **има́ши** 327 об., 329, 334, **ѿпꙋсти́ши** 323, **пꙋсти́ши** 323 об., **призыва́еши** 329 (ср. **призыва́ше** 314 об.), **постри́гꙋся** 327 об., **сто́и**т 328 об.

а. п. *a*: **погїбне́мъ** 190 об., **поги́бне**т 198, **пооу҆ща́етсѧ** 188 об., **обрѧ́ще**т 217 об., **насы́щꙋсѧ** 219, **сѧде́тъ** 226, **мꙋчи́ши** 95, **ста́нетъ** 195 об., **позна́ютъ** 90, **повѣ́даю** 98 об., **смѣ́еть** 201 об., **не оу҆мѣ́емъ** 226 об., **и҆мѣ́етъ** 97, **бꙋде́ши** 202, **да бꙋде́тъ** 196, 217 об., 219, **да не бꙋде́тъ** 219, **да бꙋдꙋ́тъ** 216 об., **пребꙋдꙋ̀** 219, **збꙋде́тсѧ** 227, сюда же презенс **па́детъ** 94, хотя **ѿпаде́ши** 200 об.;

а. п. *b*: **молю́ же** 192, **молю́сѧ** 96 об., **помо́люсѧ** 213 об., **сѧ молѧ́тъ** 226, **да по́моли́тсѧ** 220 об., **хва́лю тѧ** 217 об., **хвалѧ́тъ** 224 об. (+1), **похва́лимъ** 88, **не могꙋ́** 200 об., **мо́жетъ**, **може́тъ** 187 об., **возмо́же**т 90, **не може́мъ** 226 об., **не мо́гꙋть** 92 об., 200, **ска́жю̀** 206, **да ска́жꙋ тї** 204 об.[19], **прїкосне́тсѧ** 212, **во́мꙋ̀** 109, **возме́шї** 202, **хо́жꙋ** 95 (ср. **хо́дїти** 215 об.), **не прїхва́чю** 106 об., **да оу҆би́ютъ** 182 об., **возо́пїемъ** 190 об., **въстꙋпи́тъ** 225, **слꙋжа́тъ** 225, **їзволи́тъ** 216 об., **пожре́шї** 200 об., **проси́тї** *так!* 2 мн.? 201 об., **хо́щꙋ** 187 об., 224 об., **хо́щеши** 213 об., **восхо́ще**т 89;

а. п. *c*: **твори́тъ** 113 об., **сотворю̀** 227 об., **сотвори́мъ** 216, **да сотворѧ́тъ** 211 об., **стою̀** 111, **сто́итъ** 113, **сто́и**т 197 об., **прїгвозджѧ́тсѧ** 211 об., **мню̀** 200, **пожгꙋ̀** 108, **рекꙋ̀** 106 об., **ре́кꙋ** 197 об., **даю̀** 114, **зове́тсѧ** 182 об.—183 об., **да оутвердитъ** 216, **кре́щꙋсѧ** 228, **сѧ кре́//щꙋ** 227—227 об., **прїнесе́тъ** 195 об., **прїведе́тъ** 195 об., **погꙋблю̀** 200, 211, **да бѣ́житъ** 213 об., **поса́дитсѧ** 211 об., **полꙋчи́ши** 227 об., **разлꙋчю̀** 204, **бл҃года́рю** 190 об., **бл҃года́рю тѧ** 194, **поко́ри́тсѧ** 211 об., видимо, сюда же **глѧ́ди**т 226.

У глаголов а. п. *c* в 1 л. ед. ч. презенса представлено новое флексионное ударение; иная акцентовка обусловлена непоследовательной дефинализацией ударения, как и у глаголов а. п. *b*.

У глаголов а. п. *b* отмечены отклонения в сторону а. п. *c* в презенсе *i*-глаголов [Зализняк 1985: 359—362]: **сѧ молѧ́тъ**, **да помоли́тсѧ**, **похвалѧ́тъ**, **въстꙋпи́тъ**, **слꙋжа́тъ**, **їзволи́тъ** (если это не акцентовка по другой а. п.). Как кажется, в этот процесс вовлечены, видимо, по аналогии, некоторые глаголы а. п. *a* (формы глагола **быти**, **погїбне́мъ**, **сѧде́тъ**, **мꙋчи́ши**, где нельзя исключить тематизации ударения) и *C*-корневые глаголы а. п. *b* (**може́тъ**, **може́мъ**)[20]. Впрочем, для глагола **быти** вероятна акцентовка по а. п. *c*, которая была у него в староукраинском языке.

У глаголов а. п. *c* отклонения в сторону а. п. *b* в презенсе представлены реже, причем в основном не у *i*-глаголов, а у *ě*-глаголов: **да бѣ́житъ**, **поко́ритсѧ**, **поса́дитсѧ**, **сто́итъ**. На русской почве инновация у непереходных *ě*-глаголов распространения не получила, будучи представлена в основном у приставочных глаголов; акцентные соответствия есть в староукраинском языке [Зализняк 1985: 362; Зализняк 1981: 159].

---

[19] Ср. акцентовку в других формах и глаголах с этим корнем: **пока́за** 183 об., 194, 225 об., **нака́зѧ**, **нака́зывати** 187, **сказа́** 222, **ска́зающе** 224 об., **ска́жї** *пов.* 94 об., **сказа́ше** 114.

[20] Системы с типом «**моли́ши**» есть в западноболгарском тексте и в украинской рукописи XVII в. с северно-галицкой акцентуацией [Дыбо 1990: 127—129].

В императиве глаголов а. п. *b* и *c*, который во 2 л. ед. ч. имел исконное флексионное ударение, представлено конечное ударение и неконечное, обусловленное дефинализацией: **соблюди́ мѧ** 94, **пожди̇̀** 113, **моли̇̀ ꙁа́ мѧ** 212 об., **при́неси́ мї** 220, **помо́лисѧ** 213 об., **помѧ́нї** 215 об., **не мо́ꙁи** 110 об., 211, **помо́ꙁи** 113, **ска́жї** 94 об.[21] Императив от глагола **боꙗтисѧ** имеет ударение на основе, которое отмечается уже в древнерусском языке [Зализняк 1985: 355]: **не бо́исѧ** 113 об., **не бо́їсѧ̀** 202, 210 об.

Вероятно, сохраняется конечное ударение у инфинитивов. Предконечное ударение, скорее всего, обусловлено дефинализацией[22], хотя нельзя совершенно исключить новое предконечное ударение, которое встречается в памятниках большей части западной зоны, юга и Москвы [Зализняк 1985: 353]: **вести́ ю** 210 об., **їꙁве́стї** 210 об., **ꙁвести̇̀** 213, **прїве́стї** 212, **поне́стї** 223 об., **немо́щи** 89 об., **ѻ҆́брѣстї** 91, **и҆́ссѣчї** 213, **посѣ́щї** 113, **посѣ́шї** *так!* 108, **ре́щи** 201 об. Видимо, новое ударение у **вꙁѧ́тї** 222. Ср. инфинитивы с ударением на приставке: **пре́датї** 212 при **преда́тї** 194 об., **при́ѧти** 213 об.

Акцентуированные формы презенса глаголов с неслоговым корнем представлены несколькими примерами: **їде́тъ** 97 об., **прїиде́тъ** 201, **прїи́детъ** 201 об. (1 л. ед. ч.: **иду̀** 94, **иду́** 219), **воꙁме́шї** 202, **начне́мъ** 201[23]. Таким образом, преобладает новое флексионное ударение, которое у **начне́тъ** было широко распространено уже в XVI—XVII вв., в том числе и в памятниках, далеко отстоящих от очага инновации [Зализняк 1985: 363]. Ударение **приде́тъ** появляется в XVII в. только в очаге инновации, т. е. в восточной и северной частях восточной зоны; у бесприставочного **иде́тъ** оно было распространено значительно шире [Зализняк 1985: 367—368].

Действительные причастия настоящего времени И. ед. ч. м. р. имеют в Син-392 новую конечную акцентовку, которая иногда из-за дефинализации оказывается предконечной: **мїмоходѧ́** 221 об., **молѧ́сѧ** 89, **стоѧ̀** 112 об., **свѣтѧ́сѧ** 210 об., **терпѧ̀** 195 об., **хо́тѧ** 222, **не хо́тѧ** 91, **хо́дѧ** 217. У форм от глаголов а. п. *a* и вторичных имперфективов акцентовка наосновная: **желаѧ́**, **опочїва́ѧ** 89, **їмѣ́ѧ** 105, **пора́нїваѧ** 95 об.

Действительные причастия прошедшего времени И. ед. ч. м. р. (современные деепричастия прошедшего времени) от *a*-, *i*-, *nǫ*-глаголов и *V*-корневых глаголов имеют новое предфлексионное ударение, источником ко-

---

[21] Такая же акцентовка императива в Вол-519: **приведи́ ми** 323 об., **покло́ни** 329 об., **прикло́ни** 314 об., 315, **исцѣ́ли** 313 об., **помо́ꙁи** 310.

[22] Аналогичная картина складывается в форме 3 л. ед. ч. аориста, где предконечное ударение у части слов несомненно обусловлено дефинализацией: **пове́лѣ** 97 об., 195 об., 227, **повелѣ́** 227 об., **повелѣ́ мї** 107 об., **пꙋсти̇̀** 105 об., **воꙁва̀** 107 об., **посла̀** 95 об., 108, **посла́** 107 об., **сва́ꙁа** 96 об., **иско́чи** 212, **прїне́се** 113 об., **прїлѣ́те** 90, **доплы́** 216 об. Однако нельзя исключить, что в некоторых случаях могла иметь место корневая акцентовка, как в **-ложити**, **-вратити** (см. ниже). В Вол-519 примеры акцентовки инфинитивов не вполне надежны: **посѣ́щи** 315, **посѣщи̇̀** 315 об., **вꙁѧти̇̀** 332 об.

[23] Ср. акцентовку этих глаголов в Вол-519: **иду́** 334 об., **воꙁмꙋ̀**, **иде́ши** 332 об., **при́иметъ** 332, **при́де** *аор.* 315 об., 326, 336 об., **поѝде** 339.

торого была западная зона [Зализняк 1985: 331—332]: **попра́въ** 90, **прїзва́въ** 97, **пролїѧ́въ** 194, **просте́ръ** 113 об. при **помѧ́нꙋвъ** 187 об.[24]

В акцентовке страдательных причастий прошедшего времени по памятникам письменности известны модели, характерные для восточной и западной зоны. На них могло накладываться книжное предфлексионное ударение. В Син-392 членные и нечленные страдательные причастия акцентуированы следующим образом:

-*ан*-причастия, суффиксальное ударение: **вда́нъ** 220, **їзмечта́нно** 198, **съмечта́но** 197 об., **ѿбрѣза́но** 198, **порꙋга́нъ** 193, **посла́нъ** 202, **к посла́ннымъ** 227 об., **прїмча́нъ** 110, **прозва́нъ** 182 об., **свѧза́нъ** 113; колебание ударения или несуффиксальное: **за́повѣ́дано** 195, **на́пїса́но** 222 об., **на́пїса́нное** 89, **содѣ́/ла́но** 198, **оуслышана́** И. ж. 90;

-*ен*-причастия, суффиксальное ударение: **їзбавле́нї** И. мн. 193, **їзбавле́нагo** 112, **нерꙋкотворе́нныї** 217, **положе́на** И. мн. ср. 204 об., **посрамле́нъ** 192 об., **прїнесе́на** И. ж. 189, **снесе́но** 196, **пꙋще́ны** В. мн. 201, **пꙋще́ны**^{х} Р. 195 об., **совлече́ни** 198, **сохране́нъ** 190 об., **толче́ного** Р. 219 об., **оу́хищре́но** 201 об.; префиксальное или корневое ударение: **заста́вленъ** 198, **іспо́лъне**^{н} 94, **на́ре**^{ч}**но** 215 об., **поста́вленъ** 110, **посѣ́ченым** Д. 113 об., **прока́женыѧ** В. мн. 91, **оу́стро́//енъно** 197 об.—198.

Таким образом, у -*ен*-причастий в Син-392 нет различий, во-первых, между акцентовкой членных и нечленных форм, во-вторых, между глаголами разных а. п. (акцентовка на корне у форм от глаголов а. п. *b* и ударение типа **про́щено** у форм глаголов а. п. *c* допустимы и в целом картины не меняют). Тенденцией к унификации всех трех а. п. и преобладанием предфлексионного ударения характеризуется западный тип акцентуации -*ен*-причастий [Зализняк 1985: 339—340].

У -*ан*-причастий модель акцентуации также западная: прослеживается тенденция к предфлексионному ударению не только у форм от глаголов а. п. *c* (**прозва́нъ**), но и у форм от глаголов с неподвижным ударением в прошедшем времени (**на́пїса́но**) как у нечленных, так и у членных причастий [Зализняк 1985: 347—350][25].

---

[24] У глаголов с неподвижным ударением в прошедшем времени также есть случаи корневого ударения наряду с суффиксальным (на тематическом элементе): **постыдѣвсѧ** 94 об., **посидѣвъ** 199, **воздївивсѧ** 200 об., **повѣле́въ** 93, **ра^{з}болѣ́всѧ** 228 об. Видимо, указанное выше сближение а. п. *b* и *c* обусловило акцентовку **на́писавъ** 220 об. при **написа́въ** 227, **напїса́въ** 220, **возопи́въ** 212 об. Ударение на приставке отмечено в других причастиях (см. ниже) и в глагольных формах: **на́пїса** 195, **на́рїцаемомъ** 185, **нера́зрꙋшїмо** 186, **при́каса́хꙋсѧ** 223, **при́неси́** 220, **при́чащаѧ** 217, **ра́ско́па** 183 об., **ра́сто́чї** 90. В Вол-519 акцентовка действительных причастий прошедшего времени иная: **пре́давъ** 329, **при́зва**^{в} 335, 335 об., **при́звавъ** 336 об. (+1), а также **воспрѧ́нꙋ**^{ив} 323, **воспрѧ́нꙋвъ** 338, **расте́рза́въ** 307 об.

[25] В Вол-519 страдательные причастия прошедшего времени акцентуированы, кажется, схожим образом: **да́но** 332 об., **писа́но** 336, **заклю́ченꙋ** В. ж. 308, Д. **затворе́нꙋ** 337, **изба́вленъ** 330 об.

Акцентовку *l*-причастий целесообразно рассматривать отдельно для разных классов глаголов.

l-причастия от *i*-глаголов: **во҃ло́жїлъ** 92 об., **їзба́вїлъ** 107 об., **їзба́вїл** 192 об., **їзба́вила** 194, **їсцѣ́лїлъ** 93, 93 об., **исцѣ́лїлъ** 98, **ѿбра́тїлъ** 97 об., **оста́вилъ** 89, **прїбли́жїлсѧ** 188 об., **просвѣ́тилъ** 88, **просвѣ́тїлъ** 93, **прозсле́зїлъсѧ** 89 об., **сохра́нїла** 107, **стрѣ́тїлъ** 97 об.; **завѣси́ла** 221, **исъсꙋшї́лъ** 92, **носи́лъ** 89, **порꙋчи́лъ** 221об., **смїри́лсѧ** 183, **смотри́лъ** 199, **сотвори́лъ** 222 об., **сподоби́лъ** 217 об., **не ѧви́лъ ми сѧ** 223 об.;

l-причастия от *V*-корневых и *a*-глаголов: **не вѣ́далї** 92 об., **прїбѣ́жалъ** 110 об. (ср. приведенное выше **бѣ́житъ**), **воста́ла** 92, **ста́ли** 93 об., **позна́лъ** 93, 94, **позна́ла** 106 об., **попра́лъ** 89 об., **поча́лъ** 94, 98, **поча́лї** 97, **прогна́лї** 192 об., **прозира́лї** 97, **разꙋ҃ра́лъ** 96, **собра́лъ** 198 об., **оу҆бо́ѧлъсѧ** 191, **вкꙋша́лъ** 95 об., **держа́лъ** 89 об., **заклѧ́лъ** 96 об., **їзыма́лъ** 185.

Таким образом, у причастий от *i*-глаголов в равной степени представлено наосновное (корневое) и предфлексионное (тематическое) ударение; у причастий от остальных глаголов доминирует предфлексионная акцентовка. Колебание ударения: **бы́ло** 95 об., **бы́ла** 91, 95 — **была̀** 201 об.

Примеры акцентуированных *l*-причастий от глаголов других классов немногочисленны и имеют следующую акцентовку: флексионное ударение: **могли̇̀** 201, **прїшла́** 89 об., **пошла̀** 92 об., **пошли̇̀** 97 об., **поше́лъ** 89 об., 91, **прїше́лъ** 90 при **при́шелъ** 88 об.[26]; корневое ударение: **побѣ́глї** 89 об., **прїспѣ́ло** 109, **оу҆зрѣ́лъ** 94, **прого́нѧ** 98 об.; подвижное (?) ударение: **навы́клъ** 204, **їзвыкла̀** 196 об.

Корневое ударение *l*-причастий некоторых глаголов, видимо, было обусловлено их акцентовкой в целом. В Син-392 корневое ударение отмечено у ряда глаголов, среди которых **-вратити-**, **обратити-**, **-клонити-**, **-косноутисѧ**, **-ложити**, **-плѣнити**, **-цѣлити** / **-цѣлѧти**:

во҃вра́тивѣсѧ 109, **во҃вра́тїсѧ** 190 об., **во҃вра́тїшасѧ** 109 об., **воз҆вра́тїша** 217 об. при **возврати́шасѧ** 191; **ѿбра́тїтъ** 228, **ѿбра́тїлъ** 97 об., **ѿбра́тїшасѧ** 191[27];

їсцѣ́лїтї 92 об., **їсцѣ́лїлъ** 93, 93 об., **исцѣ́лїлъ** 98, **їсцѣ́лѧлъ** 98 об., **исцѣ́лѧхꙋсѧ** 97 (ср. **исцѣ́ленїѧ** 89 об.);

покло́нїсѧ 105 об., 219, **покло́нївсѧ** 113, **покло́нївсѧ̀** 226, **покло́нїлъ** 184, **накло́нїлъ** 94 об.;

попле́нїтї 185, **попле́нї** 183 об., **поплѣ́нї** 185, **плѣ́нї** 183 об., **плѣ́нїша** 184 об.;

прїко́снꙋтїсѧ 96 об., **не прїко́снꙋсѧ** *аор.*193 при **прїкосне́тсѧ** 212;

прїло́жїти 212, **поло́жи** 195, **поло́жї** 202 об., **во҃ло́жїлъ** 92 об. (ср. **їз ло́жнїцы** 219 об.).

---

[26] В Вол-519 **при́ше** 329 об., **сте́клисѧ** 335 об.

[27] Ср. формы с корневым ударением в болгарском памятнике: **възвра́тити**, **обра́тити**, **обра́ти**, **вьзвра̀ти сѧ**, **вьзвра̀тих сѧ** и др. [Дыбо 1990: 240, 241, 243, 244].

Для **-вратити-** причиной такой акцентовки могло быть влияние южнославянской акцентуации, а также русского глагола-соответствия [Зализняк 1981: 158]; для **-клонити-** не исключена старая акцентная вариативность [Зализняк 1981: 159]. Глагол **коснꙋтисѧ** в памятниках акцентуирован по а. п. *b* [Там же: 169—170]. Возможно, его акцентовка отражает инновационное отклонение в сторону а. п. *c* в презенсе и процесс установления колонного корневого ударения у *nǫ*-глаголов, как, например, у *воскре́снуть* [Зализняк 1981: 170]. Видимо, результат перестройки акцентуации отразился в Син-392.

Корневое ударение представлено и у некоторых других отыменных *i*-глаголов, но ограниченное количество встретившихся в рукописи форм не позволяет сделать обоснованных выводов относительно акцентовки этих слов: **просвѣ́тилъ** 88, **просвѣ́тїлъ** 93 (по памятникам первоначальная а. п. *b*, но фактически не только а. п. *b*, см. [Зализняк 1981: 153—154]); **постыдѣ́всѧ** 94 об. (по памятникам а. п. *c*, см. [Зализняк 1981: 159]); **прозслéзїлъсѧ** 89 об. (по памятникам а. п. *c*, см. [Зализняк 1981: 157]); с колебанием ударения **наслѣ́ди́ти** 89[28].

Корневое ударение или не только корневое ударение отмечено у некоторых имперфективов: **бы́ваетъ** 220, **пребы́ваше** 89; **вопро́шаеши** 110 об., **вопра́шаше** 114; **ıспы́татї** 224 об., **ıспыта́тї**, **їспы́та́ї** 225, **пыта́тı**, **їспыта́въ** 225 об.; **посы́лаѧ** 206; **прїзыва́тї** 186 об., **прїзы́ваетъ** 206, **призы́ваетъ** 102 об., **прїзы́ва́етъ** 104, **призы́ваѧ** 187, **прїзыва́ше** 112 об., **назы́ваешїсѧ** 94 об.

В основном почерке Син-392 довольно широко представлена тематизация ударения наряду с сохранением исконной акцентовки.

По данным памятников письменности, тематизация ударения шире всего представлена у вторичных имперфективов с суффиксом *-a(j)-* [Зализняк 1985: 356]. Этот процесс не был территориально ограничен. Уже в памятниках XV—XVI вв. старое ударение у некоторых глаголов встречается в меньшинстве примеров. В описываемой рукописи исконное ударение сохранено у следующих вторичных имперфективов: **просла́влѧемъ** 112, **просла́влѧютъ** 88 об., **поста́влѧѧ** 215, ср. **ѿрѣ́ка́тїсѧ** *так!* 98. Имперфективы с тематизацией ударения: **протївлѧ́ѧсѧ** 186, **осквéрнѧ́ема** 196, **прїпада́юще** 203[29].

---

[28] В Вол-519 корневое ударение отмечено у следующих глаголов: **сътво́рити** 328, **сотво́рити** 312 об., 332, **сотво́риша** 322, **затво́риша** 314 об., **плéниша** 325, **плéнено** 314 об., **возло́жити** 327, **возло́жи**в 334, **да не погрѣ́шит** 333 об., **согрѣ́ших** 327, **согрѣ́шивыи** 329, **ди́вишасѧ** 335, **оуди́виша**с 314, **совра́тим** 332, **превра́тисѧ** 307 об., **вôвра́тис** 336, **ѡбра́тила** 322 об., **сѣ́дѣти** 324 об., **сѣ́жꙋ** 337 об. (в этом и в следующем примере не исключена дефинализация ударения), **сѣ́дѧ** 327, **сѣ́дѧше** 327, **сѣдѧ́ше** 338 об., **сѣ́дѧщи** 322 об., **сѣ́дѧща** 308, **хра́нити** 336, **престꙋ́пити** 329 об., **возсы́лати** 327 об., **ска́зати** 331 об. при **сказа́ти** 336.

[29] Схожая картина наблюдается в Вол-519, где также есть вторичные имперфективы и другие глаголы без тематизации ударения и довольно многочисленные на фоне общего небольшого количества акцентуированных слов примеры темати-

У *i*-глаголов а. п. *а* в целом преобладает исконное ударение при некотором количестве примеров с тематизацией или колебанием ударения: **бл҃говѣ́ститї** 202, **вмѣ́стити** 196, **вмѣ́ститїсѧ** 195 об., **исполни́всѧ** 95 об. при **испо́лъне҇** 94, **и҆́схи́ти** 113 об., **ї҆с҇хи́ти** 113 об., **ѹ҆́склави́вшїсѧ** 203 об., **оста́ви́ша** 182 об., **состави́ша** 225 об., **прїбли́жїтсѧ** 94, **прїбли́жїлсѧ** 188 об., **оу҆мысли́ша** 182 об., **недомыслѧ́ше** 228 об., **оу҆кре́пїша** 187 об., **оу҆тѣ́шїсѧ** 108 об. (ср. **тѣша́ще** 107), **почю́дивсѧ** 114. Возможно, по аналогии **молїти́сѧ** 107 об. при **моли́тисѧ** 94.

У *а*- и -*а*(*j*)-глаголов в большей или меньшей степени представлено колебание ударения, т. е. формы с тематизацией и/или ее отсутствием: **кланѧ́юще** 112, **ꙁнамена́лъ** 96, **наꙁна́меналъ** 95, **ꙁна́менавшї** 90 об., **исповѣ́дати** 106 об., **ї҆сповѣ́датї** 98 об., **повѣ́даю** 98 об., **не вѣ́даю** 221, **оу҆вѣ́да́ю** 219 об., **вѣда́емъ** 222, **повѣ́даї** 92, **оу҆вѣ́давъ** 198 об., **не вѣ́далї** 92 об., **повѣ́даша** 181 об., **ѿвѣ́ща́ти** 201, **ѿвѣ́ща́тї**, **ѿвеща́тї** 200 об., **ѿвѣща́тї** 199, **ѿвѣ́щати** 225, **ѿвѣща́въ**, **ѿвѣща́ве́ше** 226 об., **свѣ́ща́въсѧ** 188 об., **совѣ́щавсѧ** 110 об., **вѣ́щаю** 204 об. (ср. **со́вещаю** 204), **пла́катїсѧ** 223, **пла́ка́тїсѧ** 92, **пла́ка́хꙋсѧ** 197, **плака́хꙋсѧ** 223 об., **плачю́ще**, **пла́чющесѧ҆** 223, **пла́ча́сѧ** 92, **плава́юща** И. мн. ср. 204 об., **прїбѣ́гати** 93 об., **пома́ꙁа** 93 об., **погїба́ютъ** 198, **погиба́ющь** В. 198 об., **послꙋша́ешї** 90, **послꙋша́ї** 198 об., **послꙋша́їте** *пов.* 204 об., **послꙋша́въ** 110 об., **по//слꙋша́етъ** 195—195 об., **ра҃гнѣ́васѧ** 113 об., **раꙁгнѣ́васѧ** 95, **ра҃гнѣ́вавсѧ҆** 213, **ра҃ѣха́шасѧ** 217 об., **содѣ́/ла́но** 198, **соглѧ́даїте** *пов.* 225, **черпа́тї**, **черпа́хъ** 111. Процесс тематизации ударения у *а*-, -*а*(*j*)- и *i*-глаголов наибольшую интенсивность имел в западной зоне и на дальнем северо-востоке [Зализняк 1985: 357].

Из группы *ě*-глаголов в Син-392 широко представлены акцентуированные формы глаголов **слышати** и **видѣти**. Если у первого тематизация наблюдается в части форм, то у **видѣти** она почти регулярная:

слы́шатї 222 об., **слы́шавъ** 107 об., 225 об., 222 об., **слыша́въ** 105 об., 227 об., **слы́//ша́въ** 221 об.—222, 225 об., **слы́шаве́ше** 107 об., 228, **слы́ша́вше** 223 об., **слы́шавъши** 109, **слы́шаста** 106, **слы́шалъ** 113 об., **оу҆слы́ша** 111 об., **оу҆слы́шалъ** 98 об., **оу҆слыша́лъ** 92, **оу҆слыша́лї** 92 об.;

вїдѣ́тї 90, 97 об. (+1), 112, **ви́жꙋ** 219 об., **да ви́жꙋ** 223, **да вїдѧ́тъ** 225 об., **вїдѣ́хъ** 92, 111, **видѣ́хъ** 221 об., **вїдѣ́** 96, **видѣ́** 222, **не ви́дѣ** 228 об., **вїдѣ́ша** 225, **видѣ́ша** 110, **видѣ́въ** 217 об., **ви́дѣв же** 220, **видѣ́вше** 196, **вїдѣ́вше** 197, **вїдѧ҆** 200 об., **видѣ́лъ** 221, **вїдѣ́ла** 107, **вїдѣ́ли** 184 об., **поꙁавїдѣ́хъ** 92, **оу҆вїдѣ́мъ** 97 об., **оу҆вїдѣ́лъ**, **оу҆вїдѣ́ли** 93 об., а также контаминированные формы **видѣти** — **вѣдѣти**: **вѣдѣ́въ** 89 об., **вѣдѣ́въ** 106.

зации ударения у прочих глаголов, в том числе чаще, чем у иных, у **видѣти**: **поста́влѧше** 321, **исцѣ́лѧеши** 338 об., **иꙁба́влѧющи** 328 об., **повѣ́дати** 312 об., 318, 325 об., **ѡбѣ́ща҇** 313 об., **ѡбѣща́тисѧ**, **ѿвѣща́ти** 334, **ѿвѣщавше** 334 об., **исхи́ти** 315 об., **чю́дисѧ** 315 об., **еꙁди́вшаго**, **ѣха́ти** 336 об., **исполни́вшисѧ** 335, **испо́лни́всѧ** 338 об., **видѣ́ти** 309, 310, **ви́дитъ** 329 об., **ви́дѣ** 315, **ви́дѣ҇** 315 об., **видѣ́ша**, **видѣ́ва́ша** 308, **видѣ́вше** 334, **видѧ́хꙋ** 335.

Тематизация ударения у глагола **видѣти** отмечается на довольно большой территории, в том числе в северо-западных и московских памятниках [Зализняк 1985: 359; 1981: 150].

У *ova*-глаголов есть примеры корневого ударения и суффиксального ударения, которое в памятниках с выраженной тематизацией одновременно могло быть обусловлено тематизацией и проявлением второстепенного (ритмического) ударения [Зализняк 1981: 167]: **бесѣ́дованї** 98, 201, **побесѣ́дꙋевѣ** 200, **бесѣ́доваша** 98, **бесѣ́дꙋюща** Р.-В. 110; **вла́ствавати́** 186; **вѣрова́тї** 97, **вѣрова́ти** 91, **вѣ́рꙋемъ** 96, **вѣ́роуете** 93; **їменова́хꙋ** 183 об.; **назна́менꙋемо̀** 200 об.; **печа́лꙋющїмъ** Д. мн. 190; **праз҃нова́ти** 194 об.; **про-то́лъкꙋетсѧ̀** 183; **ра́дова́тїсѧ** 195, **ра́дꙋїсѧ̀** *пов.* 190 об.; **цѣ́лꙋю** 106 об., **цѣ́ловалї**, **целова́ше** 97 об.

Таким образом, в акцентуации глаголов отчасти отразились инновационные процессы (отклонение акцентовки презенса глаголов а. п. *c* в сторону а. п. *b* и наоборот) и первоначальная акцентовка (отсутствие тематизации у вторичных имперфективов). Акцентуация *-ан-* и *-ен-* причастий и довольно многочисленные случаи тематизации ударения у *a-*, *-a*(*j*)*-* и *i-*глаголов могут свидетельствовать в пользу принадлежности акцентной микросистемы первого писца Син-392 к западной диалектной зоне.

Часть 2. Акцентная микросистема Син-392. Второй почерк

Акцентная система второго писца рассматривается менее подробно; тривиальные примеры приводятся в ограниченном количестве. В центре внимания те явления и процессы, которые способствуют определению принадлежности рукописи к той или иной части южновеликорусской территории.

В отличие от первого почерка, у второго писца не отмечена дефинализация ударения и его сдвиги влево и вправо. Поэтому классификация и описание материала оказывается более строгим и компактным. При этом, к сожалению, в памятнике нередко недостает данных по акцентовке тех или иных показательных форм или слов.

Акцентуация имен существительных. Поскольку у второго писца нет дефинализации ударения, сохраняются различия между словами всех трех а. п., хотя акцентуация отдельных имен существительных и форм не соответствует их первоначальным а. п.:

а. п. *a*: **во́лю** 69 об., **на го́рлѣ** 265 об., **дѣ́ла** В. мн. 72, **на дѣ́ла** 54 об., **по дѣ́ло**м 266 об., **кꙋ́стꙋ** 69, 71, **нꙋ́жею** 68 об., **в пещера**х 68 об., **племѧ́ни** Р. 59 об., **племѧ́нї** Д. 117, **во племѧ́ни** 60;

а. п. *b*: **блꙋдо́мъ** Т. 129, **главꙋ̀** 44, **по главѣ̀** 73, **на**д **гл҃во́ю** 126 об., **на ко́нь** 115, **с конѧ̀** 73, **на конѧ̀** 120 об., **на конѝ** 249 об., **конѝ** И. мн. 266, **конѧ̀** В. мн. 120 об., **ѿ огнѧ̀** 42 об., **без҃ огнѧ̀** 265, **ѡгне́мъ** Т. 263, **рабꙋ̀** В. 42 об., **рабо́ю** 43 об., **к шетрꙋ̀** 239 об.;

а. п. *c*: **вер́стóю**, **верьсты̀** 62 об., **вóдꙋ** 265, **в́ вóдꙋ** 265 об., **к водѣ̀** 124 об., **водѣ̀** Д. 263, **горà** 127, **вéрхꙋ горы̀** 251, **с́ горы̀** 265 об., **нá горꙋ** 264 об., 269, **в́ гóрꙋ**, **в горѣ̀** 127.

У существительных ж. р. **a*-склонения а. п. *c* в В. ед. ч. в основном сохраняется исконное ударение по типу *рóсу* (помимо приведенных выше примеров еще **рꙋ́кꙋ** 125 об., **зá рꙋкꙋ** 264, **нóгꙋ** 55 об., **на рóсꙋ** 57); акцентовка **зв҃ѣдꙋ̀** 126, **звѣздáмї** 47 об. соответствует а. п. *b*, которую изредка имело это слово [Зализняк 1985: 138].

Для слов с колеблющейся а. п. недостаточно данных для уточнения а. п. в случаях **пѧта** (**петáми** 73), **смерть** (**смéртїю** 71 об., **по смéрти** 249 об.). Видимо, по а. п. *b* акцентуировано существительное **часъ** (**ч҃сà** Р. 264), по а. п. *a* — **полкъ** (**ѿ пóлка** 57), а также **страна** и **тоуга**: **во стрáнꙋ** 126 об., **во… стрáнꙋ** 271 об., **ѿ стрáны** 271 об., **в… стрáнѣ** 251 об., **со ѻ҆бе стрáнѣ** 70 об., **тꙋ́га** 125, **ѿ тꙋ́ги** 63 об., **в́ тꙋ́ѕе** 237.

Не ясна а. п. существительных **церковь** (**оу цéрквї** 118 об., **ц҃рквáмъ** 115), **скорбь** (**ѿ… скóрбе**и 44 при **скорбѣ́ти** 116) и **бремѧ** (**бременà** В. 120 об.). Возможно, форма **бременà** акцентуирована аналогично словоформам **дѣлесà** и **чюдесà** (см. далее). Слово **любы** имеет ударения **любы̀** И. 234, **любѐ**б Р. 239 об., **любóвїю** 116 об.

При схожести морфологических моделей имеет место идентичная акцентуация. Это касается форм мн. ч.

В формах мн. ч. существительное **чюдеса** имеет флексионное ударение: **чюдесà** В. 46, 51, 251 об., **чюдесéмъ** 264, **чюдесы̀** Т. 47 об., 51 об., (**чюдéсъ** Р. 46 об.). Образованные по аналогичной модели неисконные формы мн. ч. слова **дѣло** имеют такую же акцентовку: **дѣлесà** И. 251 об., **делесы̀** Т. 267.

Имена существительные **o*- и **u*-склонения а. п. *c* в И. и В. мн. ч. имеют исконное наосновное ударение, у слов а. п. *b* — исконное флексионное ударение наряду с неисконным наосновным в формах с книжной флексией -*u* [Зализняк 1985: 261—262]:

а. п. *c*, И. мн. ч.: **грóби** 54, **мꙋ́жї** *в роли Зв.* 53 об., **цвѣ́ты** И.? 47; В. мн. ч.: **дáры** 60, 69, 126 об., **мꙋ́жи** 236, **бѣ́сы** 267, **клáси** 268 об.;

а. п. *b*, И. мн. ч.: **рáбї** 55 об., **скóтї** 46 об., **конѝ** 266; В. мн. ч.: **врагѝ** 57 об., **грѣхѝ** 56 об., 254, **конѧ̀** 120 об., **скоты̀** 45 (**скóтом** Д. 46 об.); ср. словоформу **a*-склонения: **слꙋ́ги** 126 (**слꙋгáмъ** 115).

Имена существительные в И.-В. на -*ове* имеют вариативное ударение: **дóмове**, **мéдове** И. 234 об., **класóве** В. 268 об.

В Т. мн. ч. на -*ы* существительных м. р. а. п. *c* отмечено флексионное ударение (**с бесы̀** 54); в Т. мн. ч. на -*ми* от слов **i*-feminina и **u*-masculina — флексионное и наосновное: **дéмѝ** 120 об., **чи́нъми** 50. У слов а. п. *b* сохраняется первоначальное флексионное ударение: **рабы̀** 114 об., **шатры̀** 237.

В Д. мн. ч. при мягкой основе у второго писца акцентная модель **моу́жемъ**: **мꙋ́жем** 56, **звѣ́ре**м 60 об. По данным памятников, модель с наос-

новным ударением **моу́жемъ**, **ꙁоу́бомъ** характерна для большей части западной территории и некоторых памятников дальнего северо-востока, но начальное ударение у слов с мягкой основой имело более широкое распространение [Зализняк 1985: 272, 277]. У существительных **i*-feminina наряду со старым представлено новое флексионное ударение: **стра́сте**м 48, **рече́мъ** 255. Оно отмечено в Москве и поблизости, на северо-востоке и в отдельных памятниках [Зализняк 1985: 277].

В И. и В. мн. ч. существительных ср. р. а. п. *b* и *c* представлено наосновное и флексионное ударение, т. е., видимо, имеет место компромиссная модель акцентуации, которая, как и модель с наосновным ударением, была распространена в западной зоне [Зализняк 1985: 254]: **вра́та** 53, **вратà** 61, **сло́ва** 63, **словесà** 241, **на колà** 242, **дровà** 263 об., **ви́на** 234 об., **лїцà** 120.

В М. мн. ч. слов м. р. и ср. р. а. п. *c*, как и а. п. *b*, отмечено наосновное ударение: **во вра́тѣхъ** 55 об., **во́ градѣ**х 232, **во дво́ре**х 63, **во дво́рѣ**х 242 об., **в лѣ́се**х 68 об., **на са́не**х 233 об., **в се́ле**х 65. Наосновная акцентовка была распространена очень широко — по всей периферии [Зализняк 1985: 279].

В форме Р. мн. ч. слов м. р. и ж. р. при флексии *-еи* ударение флексионное: **ст҃пене́и** 118, **дете́и** 120 об.

Данные по акцентуации М. ед. ч. показывают расхождение между акцентовкой М. на *-и* слов ж. р., где имеется наосновное ударение, и М. ед. ч. на *-у* слов м. р. с флексионным ударением: **в не́мощи** 249 об., **в҆ пе́щї** 42 об., **во́ плотї** 269, **на борꙋ̀** 242, **в҆ домꙋ̀** 44, 44 об., 263 об., 264, **в домꙋ̀** 63, **в҆… ро́дꙋ** 70 об. при наличии определения. По-видимому, данная модель оказывается компромиссной между западной зоной и восточной [Зализняк 1985: 245].

М. ед. ч. существительных **a*-склонения а. п. *c* представлен слабо; пример **в ꙁе́млї** 65 не вполне надежен.

Из производных имен существительных[30] во втором почерке нередко встречаются слова с суффиксом *-от(а)*, имевшие первоначальную акцентовку **добро́та**, **вы́сота**, **красо́та**, **лѣпота̀**, **толстота̀**, **ши́рота**, **чи́стота**. В Син-392 эти слова имеют ударение **высота̀** (**высота̀** 64, **с высоты̀** 240 об., **на высотꙋ̀** 267 об.), **добро́та** (**ѡ до́ро́тѣ** 235), **красота̀** (**красота̀** 239 об., **красоты̀** Р. 50 об., **ѡ красотѣ̀** 235), **лѣпота̀** (**в лѣ́потꙋ** 62, где сохраняется минусовая акцентовка), **толстота̀** (**то҆ст҆ота̀** 118), **широта̀** (**широта̀** 51 об.), **чистота̀** (**ч҆оты̀** Р. 58, **во… ч҆отѣ̀** 45). Источником новой акцентовки **чистота̀**, **высота̀**, выступающей практически в одном ареале, была восточная зона [Зализняк 1985: 287—289]. Вероятно, по данным показателям акцентная система второго писца могла принадлежать к переходной зоне или пограничной части восточной зоны.

---

[30] Ниже приведены выборочно другие производные имена существительные из второго почерка: **ск҃вовѣ̀ бы́льѧ** 120 об., **два̀ веньца̀** 119, **по… творцы̀** 51, **жи́тїемъ** Т. 47 об., **ꙁна́менїѧ**, **ꙁна́мение** 117 об., **корча́жецъ** И. 264, **кꙋбе́ць** 118 об., **в кꙋ́плю** 116, **кꙋпе́ць** 116 об., **кꙋпѣ́ль** 57, **ма́слїнѣ** дв. 48 об., **основа́нїе** В. 51, **ѿ пра́де**д 60, **в҆ пꙋсты́нѧхъ** 46, **ѿ раꙁво́иникъ** 115 об., **на ра́спꙋтии** 115, **сꙋ́щества** Р. 47 об., **черньцы̀** 114 об., **чесо́внїцы** Р. 118 об., **во҆шба́ми** 42, **ра́бо́е**з, **та́ба́ми**т 129.

Видимо, промежуточная модель акцентовки также у слова **отрокъ**: **со ѿро́ки** 115, **отроко́мъ** Д. мн. 57, **тре́х о́тро͡к** 118 об. Оно могло быть акцентуировано по а. п. *b* (**отро́къ, -а̀**), характерной для западной зоны, и по а. п. *c* или *a* (**о́трокъ, -а**), характерной для восточной зоны [Зализняк 1985: 289, 153].

Другие приставочные имена **o-* и **a*-основ акцентуированы по модели:

а) *пото́пъ*: **ꙁако́нꙋ** 55 об., **ꙁапо́ны** В. мн. 119 об., **ꙁакле́пы** В. мн. 53, **покро́въ** В. 63 об., **бес поро́ка** 58 об., **о пото́пѣ** 54 об.;

б) *о́купъ* или *за́суха*: **в… во́зрасте** 47, **по́мостъ** 233, **ра́ꙁꙋма** Р. 59 об., **ѡ… ра́ꙁꙋмѣ** 235.

Имена существительные **i*-основ акцентуированы по модели:

а) *пото́пъ*: **ѿ напа́сти** 59 об., **напа́стї** И. мн. 51 об., **напа́стеи** 63 об., **ѿ напа́стеи** 51, **напа́стемъ** 64 об.;

б) *о́купъ* или *за́суха*: **ꙁа́повѣ** В. 45 об., **ꙁа́повѣи** В. мн. 264 об., **ѿ ꙁа́повѣде́и** 73, **в ꙁа́поведе́х** 45, **не́мощи** Р. 64 об., **в не́мощи** 249 об., **ѿра́сль** И. 59 об., **па́мꙗт** 44, **по́мощь** В. 63 об., **на пре́лесть** 63, **ѿ пре́лести** 240, **в про́пасте́х** 68 об.

В акцентной микросистеме второго почерка Син-392 оттяжка ударения на предлог еще продолжает быть регулярной, однако неисконная оттяжка — по аналогии со словами а. п. *b* — этому писцу несвойственна: **во́ время** 45, **до́ временї** 59, **на́ горꙋ** 264 об., 269, **по́ гдѣ** 51, **на́ га** 236, **ко́ гꙋ** 254, **ко́ гра́ꙋ** 43, **во́ градѣ** 46, **во́ градѣ́х** 232, **на́ гробе** 118 об., **во́ гробѣ** 53, **во́ дн҃ї́е** 263, **на́ ꙁе́лю̀** 124, **на́ ꙁемлю** 68 об., **на́ нб҃о** 42 об., 53 об., 124, 249, **на́ небо** 53 об., **на́ нб҃се́х** 44, **ꙁа́ ноꙁѣ** 73, **ꙁа́ рꙋкꙋ** 264, **во́ плотї** 269, **на́ поли** 243, **по́ сꙋхꙋ** 266, **во́ хра́мъ** 264 при **во вра́техъ** 55 об.

Акцентуация имен прилагательных. Во втором почерке Син-392 невелико количество акцентуированных прилагательных в целом и нечленных форм в частности.

У нечленных форм разных а. п. доминирует наосновное ударение, т. е. представлена тенденция к унифицированному неподвижному типу акцентовки: **бѣ́лы** И. мн. 269, **ве́селї** И. мн. 119, 120, **ꙁла́тꙋ** В. 240, **ме́ртвї** И. мн. 53, **нѣ́мы** И. мн. 63 об., **по́лнꙋ** В. 117, **те́мни** И. мн. 237, **цѣ́ло** И. 251, **цѣ́лы** И. мн. 56, **чю́жа** В. мн. 254. Флексионное ударение **нага̀** Р.-В. 115. Если у слов а. п. *a* и *c* наосновное ударение было исконным, то у слов а. п. *b* оно могло быть обусловлено, с одной стороны, книжным ударением, с другой — проявлением указанной тенденции, характерной для западной зоны [Зализняк 1985: 301].

Можно предполагать (хотя материала недостаточно), что наосновное ударение было также у следующих групп прилагательных и у отдельных форм: у слов «группы *красно*» и «группы *высоко*» (**кра́сно** И. ср. 251, **высо́кꙋ** В. ж. 269); у формы на *-о* И. и В. ед. ч. ср. р. и у наречия (**свѣ́тло** И. ср. 251, *нар.* **свѣ́тло** 51, 53 об., **трепе́тно** 51); в форме И. и В. ед. ч. м. р. производных прилагательных а. п. *c*, где не было нарушения акцентовки типа **должéнъ**, которая не отмечена также и у слов а. п. *a* (**стра́ше͡н** 125, **смі́ренъ** 235 об., **чю́де͡н** 267).

У членных прилагательных а. п. *c* наосновное ударение отмечено у следующих слов: **ꙁе́мъное** В. 51, **ꙁе́мномꙋ** 50, **в ꙁе́мнѣмъ** 47, **ꙁе́мны**м Д. мн. 60 об., **в҆**… **ꙁе́мны**х 68 об., **не́мощныѧ** В. мн. 48 об., **пе́щьны**и В. 57, **рꙋ́чнаѧ** В. мн. 54 об., **те́мныѧ** Р. 64. Флексионное ударение имеют прилагательные **бо҆ны́ѧ** В. мн. 48 об., **мор҆ска́ѧ** 51 об., **морьска́го** 251 об., **чⷭ҇тны́и** В. 57 об., **чюжꙋ́ю** 68 об.

Акцентуация глаголов. Глаголы, первоначально принадлежавшие к а. п. *a*, *b* и *c*, у второго писца Син-392 акцентуированы следующим образом:

а. п. *a*: **воста́ю**т 238 об., **восто́р҆гне**т 248, **и҆ба́ви**з 42 об., **нꙋ́ди**т 123 об., **ѡбрѧ́щꙋ**с 234 об., **окопа́ю**т 117, **оста́витъ** 254, **ѿвер҆гꙋ́сѧ**, **ѿве́ржесѧ**т 72, **ѿве́рꙁꙋтсѧ** 54, **ѡцы́ститъ** 242 об., **оцы́сти**т 254, **порꙋга́е**т 60, **приѡрѧ́ще**б т 72, **протївлю́сѧ** 240 об., **скры́ю** 234 об., **оꙋвѧда́е**т 239 об.;

а. п. *b*: **въкꙋ́сїтъ** 268 об., **не в҆кꙋ́сѧ**т 269, **воꙁво́ди**т 269, **ꙁво́ли**т 61 об., **и҆ме́ще**з т 234, **лю́лю**б 233 об., **могꙋ̀** 251 об., **не мо́гꙋ**т 42 об., **молю̀** 117, **мо́ли**м 253 об., **молю́ тї сѧ** 42 об., **пока́же**т 269, **похва́ли**м 57 об., **да восхва́лѧтсѧ** 63, **пре́ска́же**м 243, **прино́си**т 58, **не пристꙋ́пи**т 253 об., **пристꙋ́пи**м 268 об., **прошꙋ̀** 266, **ры́щꙋ**т 251 об., **свѣ́ти**т 251 об., **слꙋ́жать** 51, **хощꙋ̀** 71 об., **не хо́щеші** 43 об.;

а. п. *c*: **бл҃годарю̀** 43, **ведꙋ̀** 124, **вели́ші** 56, 234, **да во҆знесе́тсѧ** 63, **ꙁове́те** 265, **погребꙋ́ть** 46 об., **не погꙋблю̀** 72, **не поклони́ши**с 71 об., **да посра́мѧтсѧ** 63 об., **потреблю́сѧ** 243, **прор҆кꙋ̀** 59, **смири́тсѧ** 241 об., **не сокрꙋши́тсѧ** 248, **сотворю̀** 59, **оꙋкрѣ́пи**т 70 об., **да сѧ евлю̀** 60 об.

Отклонения от первоначальной а. п. представлены у глаголов а. п. *a* в формах **протївлю́сѧ**, **ѿвер҆гꙋ́сѧ**, у глаголов а. п. *c* в формах **посра́мѧтсѧ** (под влиянием русского **соромити** и как южнославянская акцентовка, см. [Зализняк 1981: 158], или следы а. п. *b*), **оꙋкрѣ́пи**т (новое ударение, см. [Зализняк 1981: 155—156]).

В презенсе глаголов с неслоговым корнем с очевидностью прослеживается тенденция к новому префиксальному ударению, которое было распространено в западной зоне и на юге восточной зоны [Зализняк 1985: 363]. Приставочные глаголы: **по́жне**м 268 об., **по́сле**т 70 об., **ра́с҆пнетсѧ** 270 об., **не на́іде**т 253 об. (ср. форму аориста **по́іде** 124 об., 235 об., 243, 248 об.); бесприставочный глагол: **не́ іде**т 71. Исконное флексионное ударение сохраняется в **по҆жже́тъ** 264 об.

В форме императива 2 л. ед. ч. глаголов а. п. *b* и *c* сохраняется исконное флексионное ударение: **грѧдѝ** 44, **сꙋдѝ** 240 об., **ходѝ** 63.

Инфинитивы с исконным конечным ударением (как *V*-корневых, так и *C*-корневых глаголов) имеют только предконечное ударение: **ве́сти** 68 об., **прїве́с҆тї** 42, **прїве́сти** 68 об., **вꙁѧ́ти** 117, 119, 237, **в҆ꙁѧ́ти** 46, **ꙁре́щи** 51, **исче́стї** 47, **не́сти** 45 об., 119, **доне́стї**, **ѿне́стї** 119 об., **обрѣ́сти** 116, **пов҆ре́щї** 265 об., **погре́сти** 116 об., **погре́стї** 266 об., **помо́щи** 42 об., 56, **проклѧ́ти** 55 об., **оꙋмре́ти** 71 об. Инновация распространялась с запада на восток, и в XVII в. процесс практически завершился [Зализняк 1985: 351—352].

Действительные причастия настоящего времени И. ед. ч. м. р. и ср. р. (будущие деепричастия) имеют новое конечное ударение: **дрьжа́** 59, **лежа̀** 251, **молѧ́сѧ** 116 об., **обиходѧ̀** 46 об., **носѧ̀**, **палѧ̀** 267, **постѧ́сꙗ** 43 об., **творѧ̀** 46, 57, **терпѧ̀** 50, **терпѧ̀** 248 об., **хотѧ̀** 124.

У страдательных *-ен*-причастий от *i*-глаголов а. п. *c* во втором почерке отмечена новая суффиксальная акцентовка, в том числе у членных форм причастий и в формах с *-нн-*: **водрꙋже́нъ** 250, **вооружéна** Р.-В. 55 об., **насажéнѣ** дв. 48 об., **неврéдéнно** 251, **ѡбрꙋчéнꙋ** В. ж. 63, **положéно** 53 об., **положéна** дв. 46 об., **положéнї** 119 об., **положéна** И. мн. 250 об., 253, **пре//лещéнъ** 54—54 об., **свéршéна** И. ж. *в знач. прил.* 234, **сотворéнї** 119, **сохранéны** 74, **оудрꙋчéно**м Т. 237, **оукрашéнї** 119 об., **оукрашéна** дв. 47 об. Такое же ударение у *-ен*-причастий от других глаголов а. п. *c*: **повелѣ́но** 59, **повелѣ́нно** 61, **повелѣ́ное** В. 240, **почтéнї** 49 об., **приведéна** И. ж. 62 об., **принесéнꙋ** В. ж. 58 об., **прободéно** 239 об., **сожéна** И. ж. 264 об., **спсéнї** 251 об. Суффиксальная акцентовка *-ен*-причастий характерна для западной зоны, но известна и в некоторых памятниках северо-востока, Москвы и юга [Зализняк 1985: 335]. Однако нельзя совершенно исключить влияния книжной акцентуации.

На фоне господствующего суффиксального ударения встречаются единичные примеры флексионного ударения в форме И. ед. ч. ж. р.: **прїнесенà**, **ѡбрꙋченà** 64, **преложенà** 118. Еще одним отступлением от доминирующей суффиксальной акцентовки *-ен*-причастий являются случаи корневого ударения: **посрáмленъ** 248 об., **ѕклáдѣ**н 70 об., **ѕпрѧ́жена** И. ж. 59 об.

У *-ен*-причастий от глаголов а. п. *a* представлено корневое ударение (**ѵвéржѣ**н 54, **повéрженꙋ** Д. 248, **повéржена** дв. 73 об.), у форм от глаголов а. п. *b* — суффиксальное (**возлюблéнъ** 115).

У *-ан*-причастий от *V*-корневых и *a*-глаголов а. п. *c* также доминирует предфлексионное ударение, характерное для западной зоны [Зализняк 1985: 347—349]: **дáна** И. мн. 51, **дáнꙋ** В. ж. 60 об., **вдáнꙋ** Д. 278, **подáно** 253, **создáна** И. ж. 252; отступления от этой акцентовки: **данà** И. ж. 62 об., 253 об., **прéдано**м Д. мн.? 254. У причастий от других глаголов, в том числе **посланъ**, **познанъ**, ударение суффиксальное (**вѣнчáна** И. ж. 44, **ѡправдáна** И. ж. 125 об., **порꙋгáнъ** 126 об., **познáна** мн. 255, **послáнаѧ** 249 об., **скочáнꙋ** Д. 61 об.) и корневое (**вослы́шано** 59 об., **напи́сано** 118 об., **ѡбрѣ́зана** И. ж. 268 об., **прикáзано** 68 об., **свѧ́за**н 54). Видимо, акцентуация *-ан*-причастий второго почерка представляет собой переходную модель между западной и восточной зоной.

У второго писца Син-392 отмечена тематизация ударения у глаголов а. п. *a*, но она ограничена небольшим количеством лексем, в том числе вторичными имперфективами с суффиксом *-a*(*j*)-: **восхапи́всѧ** 249 об., **знаменáѣ**т 272 об. при **назнáменасѧ** 272, **мелѝвшꙋ** Д. 115 об., **обрѣтáютсѧ** 53, **ѡслабѣ́ѣ**т 72, **помышлѧ́ѣ**т 233 об., **мышлꙗ́хо**м 119, **мыслѧ́щꙋ** Д. 115, **помышлꙗ́ше** 50, **поставлѧ́ю**т 251 об., **почерпáюще** 124 об., а также **почюди́тсѧ** 241 об. (здесь ударение могло быть связано с новой а. п. производящего

слова). Возможно, тематизацией ударения обусловлена акцентовка **прави́те** *пов.* 115 об. при **пра́вити** 116 об., **оправ҃дѝ** *форма не ясна* 254. У приставочных глаголов с корнем *-клан-/-клон-* ударение суффиксальное, у бесприставочных — корневое: **восклонѧ́ти** 242, **поклонѧ́тисѧ** 71 (+2), **поклонѧ́тїсѧ**, **поклонѧ́ѣсѧ** 71, **поклонѧ́юсѧ** 71 об. — **кла́нѧти**, **кла́нѧю** 71 об., **кла́нѧемсѧ** 73.

Без тематизации встретились глаголы **моучити**, **плакати(сѧ)**, **повѣ́дати**, **послоушати**, **слышати**, **разгнѣ́ватисѧ**. Особо следует отметить глаголы с корневым ударением **ѿбѣ́гаше** 47 об., **рабѣ́гали** 68 об. при **прибѣга́емъ** 253 об., **припа́дающе** 253 об., **порабо́татисѧ** 65.

Колебание ударения, не связанное с тематизацией, имеет место у глагола **творити** (**сотво́рі**, **сотво́ри** 115 при **сотворѝ** 117, 119) — видимо, под влиянием южнославянской акцентуации, у **клонити** (**покло́нївсѧ** 115 об., **не прекло́нїсѧ** 242 при **поклони́сѧ** 116 об., **поклони́ши** 71 об.) как проявление старой акцентной вариативности [Зализняк 1981: 158—159].

Таким образом, отмечаемые в обоих почерках Син-392 акцентные явления в той или иной степени свидетельствуют о принадлежности рукописи к западной зоне или переходной между востоком и западом, хотя набор признаков для каждого почерка не одинаков.

В основном почерке, которым написан литературный цикл Николая Чудотворца, имеет место:

— дефинализация ударения, в результате которой в акцентуации имен существительных прослеживается тенденция к наосновному колонному ударению;
— акцентовка Д. мн. ч. имен существительных м. р. а. п. *c* по компромиссной модели **гра́домъ**, **лю́де́мъ**, **моуже́мъ**;
— акцентовка И. и В. мн. ч. имен существительных ср. р. а. п. *c* по модели **вра́та**;
— акцентовка М. ед. ч. на *-у* имен существительных м. р. а. п. *c* по модели **въ до́моу** / **въ домоу̀**, ж. р. **a*-основ по модели **на ѕемлѝ** / **на до́сцѣ**;
— нарушение исконной акцентовки имен прилагательных а. п. *c* по модели **должє́нъ**; наосновная акцентовка прилагательных «группы *высоко*» и «группы *красно*»;
— колебание ударения (конечное—неконечное) у инфинитивов *C*-корневых глаголов;
— акцентовка действительных причастий прошедшего времени М. ед. ч. м. р. по модели **приѕва́въ**;
— предфлексионное ударение и тенденция к унификации форм от глаголов трех а. п. у *-ен*-причастий;
— тенденция к предфлексионному ударению у *-ан*-причастий, образованных от глаголов разных а. п.;
— предфлексионное ударение по модели **собра́лъ** у *l*-причастий от *V*-корневых и *a*-глаголов;
— тематизация ударения у *a*-, *aj*- и *i*-глаголов.

Отступлением является акцентовка презенса глаголов с неслоговым корнем по модели **идéтъ**, **возмéши**, **начнéмъ**, которая была характерна для восточной зоны (северо-восток). На этом фоне у основного писца отмечены свойственные староукраинскому языку модели акцентовки существительного **отрóкъ** по модели *потóпъ* и сложных слов с ударением на соединительной гласной, а также известная в староукраинском и старобелорусском языке акцентовка существительного **трáпеза**.

У второго писца Син-392 отмечены следующие явления:

— акцентовка Д. мн. имен существительных м. р. а. п. *с* по модели **моýжемъ** (при вариативном ударении у слов ж. р. **стрáстемъ — речéмъ**);
— компромиссная модель акцентовки М. ед. ч. слов м. р. и ж. р. а. п. *с* **въ домоỳ — въ пéщи**;
— вариативная акцентовка **врáта — вратà** существительных ср. р. а. п. *с* в И. и В. мн. ч.;
— компромиссная модель акцентовки существительного **отрокъ**;
— у имен прилагательных разных а. п. тенденция к наосновному ударению, т. е. к унифицированному неподвижному типу акцентовки;
— только неконечное ударение типа **погрéсти** у инфинитивов *С*-корневых глаголов;
— новое префиксальное ударение **пóжнемъ**, **пóслетъ** у презентных форм глаголов с неслоговым корнем;
— предфлексионное ударение и тенденция к унификации форм от глаголов трех а. п. у *-ен*-причастий при единичных случаях флексионного ударения;
— предфлексионное ударение наряду с корневым у *-ан*-причастий, т. е. компромиссная модель акцентовки;
— отдельные редкие примеры тематизации ударения в глаголах.

На основе данных явлений можно считать весьма вероятной принадлежность первого почерка к западной зоне, близкой к ареалу староукраинского и/или старобелорусского языков (именно этим могут быть обусловлены указанные в начале работы сдвиги ударения влево и вправо), а второго почерка — к переходной зоне между востоком и западом.

Часть 3. Акцентная микросистема Муз-3310

Муз-3310 (РГБ, собр. Музейное, ф. 178, № 3310, Сборник, 147 листов), датируемая последней четвертью XVII в., написана одним писцом.

Диалектные данные. Как и в других рукописях, в Муз-3310 диалектные черты отражены в ограниченном количестве. Материал позволяет предположить, что данная рукопись была написана в южной части великорусской территории. Об этом свидетельствует эпизодически встречающееся смешение в безударной позиции букв **о** и **а**, а также **є** и **а**/**ѧ**, **и** и **ѧ**:

неоуготси́мыи 2 об., **раздрави́шасѧ** 70 об., **моха́юще** 55 об., **иза дна** 9, **сатѡни́ною** 87 об., **ѿ ѡбы́чеѧ** 72 об., **по слꙋчею** 131, **оу҆жесть** 10, **ста́рцава** 67, **во оу҆лица градны́и** 79, **мѧше́къ** 120; см. [Атлас 1986, Карта VI, Карта 1; Котков 1963: 64—82].

Смешение **г** и **х** отражено в написании **по гребтꙋ̀** 67 об. Аналогичная черта, свойственная южной половине великорусской территории, довольно широко представлена в Космографии последней четверти XVI в., подробно описанной А. А. Зализняком. По совокупности диалектных особенностей Космография локализуется на территории несколько более широкой с запада и востока, чем курско-орловские говоры и межзональные типа А, а также некоторые брянские и елецко-оскольские говоры [Зализняк 1981: 97, 105]. Еще одной общей чертой Космографии и Муз-3310 является написание **хт** на месте **кт** в местоимении **хто** 124 об.

В Муз-3310 через последовательное написание **-щъ** в подавляющем большинстве случаев в позиции конца слова графически в позиции конца строки обозначается качество данного согласного звука: **помощъ** 2, 59 об., 71 об., 75 об., 79 об., 136, **возвращъ/шимсѧ** 6 об., **нощъ/** 6 об., 138 об., **немощъ**, **сꙋщъ** 79, **стоѧщъ** 84 об. Возможно, под этим подразумевается твердый согласный [шш]. По говорам долгий фрикативный шипящий имеет тенденцию к отвердению, но при этом даже в пределах одного и того же говора произношение долгих шипящих часто бывает неустойчиво и различается степенью мягкости [Аванесов 1974: 172—174]. К приведенному материалу можно добавить не вполне надежные единичные примеры взаимозамены букв **ш** и **щ**: **мо́шно** 61 об., **оу҆нзьщꙋ** *так!* В. ж. 66. В современных русских говорах произношение долгого шипящего как [шш] распространено практически по всей европейской части, за исключением центра и отдельных островков западнее Белева и в других местах [Атлас 1986, Карта 48; Орлова 1970: 31; Котков 1974: 182].

Указательное местоимение в форме Р. ед. ч. ж. р. **тое** 6, **тои** 119 известно по региональным памятникам южновеликорусского наречия XVII в. (ливенские примеры) [Котков 1963: 204].

Из непоказательных для локализации рукописи морфологических особенностей можно отметить употребление одушевленных существительных в форме винительного падежа (**моли́сѧ… за сво́и сн҃ъ** 89, **да кꙋпи т҃ ѡсе́лъ** 67), которое, впрочем, может восходить к оригиналу, а также конструкции типа **та̀ рабо́та твори́ти** 67.

По нескольким описанным чертам (смешение безударных **о** и **а**, написание типа **вещъ**, написание **ш** вместо **щ**) Муз-3310 можно сблизить с Псалтирью в переводе Максима Грека начала XVII в. (М. пс.), которая локализуется на юге восточнославянской территории и с диалектной точки зрения близка Космографии [Зализняк 1985: 227].

Система надстрочных знаков. Писец использует систему надстрочных знаков в ее традиционном виде, обычно именуемом как «старопечатная система». Подробно см. [Зализняк 1985: 201].

Собственно акцентными знаками являются оксия ´, которая ставится не над конечной гласной фонетического слова, и вария `, используемая писцом в качестве акцентного знака над последней гласной фонетического слова. В составе исо оксия выполняет акцентную функцию. Постановки двух акцентных знаков одновременно писец избегает; случаев вариативности ударения также немного.

Прочие надстрочные знаки, не выполняющие акцентной функции, писец Муз-3310 ставит в следующих случаях: спиритус ’ обычно пишется над начальной гласной слова и над второй из двух стоящих рядом гласных (**и҆лѝ** 5, **свое҆мꙋ̀** 121 об., **дои҆тѝ** 122 об.); камора ˆ, которая иногда чередуется с оксией и варией, проставляется над односложными служебными словами и местоимениями, оканчивающимися на гласную; знак, подобный перевернутой каморе, — «краткую», писец ставит над гласной **и**: **сво́й** 122, **до́йде** 121 об., **ѕаймода́вцꙋ** 133.

Акцентуация имен существительных. В акцентной микросистеме Муз-3310 у имен существительных сохраняются различия всех трех а. п.

К а. п. *a* принадлежат следующие имена существительные (перечень неполный): **ба́ба**, **блю́до**, **братъ**, **боу́рѧ**, **вѣ́ра**, **вѣтръ**, **гоу́сли**, **дымъ**, **дѣ́ло**, **же́рновъ**, **жизнь**, **ико́на**, **ка́мень**, **ка́плѧ**, **кни́га**, **колѣ́но**, **кра́и**, **коу́плѧ**, **ли́хва**, **лѣто**, **ма́сло**, **ми́ро**, **моу́ка**, **мысль**, **мѣсто**, **ноу́жа**, **ноу́жда**, **перстъ**, **пи́ща**, **плачь**, **(не)пра́вда**, **пѣснь**, **ра́ло**, **ри́за**, **ры́ба**, **сла́ва**, **ста́до**, **това́ръ**, **тоу́ча**, **ты́сѧща**, **оудъ**, **оу́тро**, **хлѣбъ**, **це́рковь**, **ча́до**, **ча́ша**, **чоу́до**, **ґа́зва**, **ґазы́къ**, **ґа́ма**: **блю́до** И. 140 об., **два̀ блю́да** В. 140 об., **ѡ блю́де** 141, **со блю́домъ** 141 об., **в… бꙋ́ри** 88, **гꙋ́сльми** 55 об., **ка́пли** Р. 4 об., **ко кра́ю** 9, **на кра́и** 141 об., **в кꙋ́плю** 19, **же́рново**м Д. мн. 13 об., **с ли́хвою** 132, 133 об., **на колѣ́нꙋ** 96 об., **до колѣ́нъ** 64 об., **пѣ́снеи** Р. мн. 5, **с… пѣ́сньми** 124 об., **г҃ пе́рсты** В. 56, **пе́рсто**м Д. мн. 56 об., **ѡ пе́рсте**х, **пе́рсты** Т. мн. 63, **в҃ пе́рста** 56 об., **ста́да** И. мн. 81 об., **това́ръ** В. 121, **това́рꙋ** Р. 120, **хлѣ́ба** Р. 99 об., **ґа́звы** 75 об.

У существительного **чоудо** формы ед. ч. без -*es*- имеют корневое ударение: **чю́до** И. 120, **на чю́до** 8 об., 10, **чю́да** 140, **чю́дꙋ** 123 об.; формы ед. ч. с -*es*-, как и формы мн. ч., имеют флексионное ударение: **чюдесѝ** Д. 19 об., **ѡ… чюдесѝ** 8, 9, **чюдеса̀** В. мн. 5 об., 70 об. Скорее всего, у этого слова уже новая а. п. *c*.

Акцентуация существительного **дѣло** свидетельствует о развитии акцентной оппозиции чисел (ср. отсутствие таковой у слов **мѣсто**, **стадо**) [Зализняк 1985: 260, 373]: **на дѣ́ло** 140, **дѣ́ло**м Д. мн. 4, **по дѣ́ло**м 58 об., **дѣ́ла** И. мн. 120 — **дѣла̀** 58 об., **дѣ́ла** В. мн. 2 об., 10 об., — **дѣла̀** 2 об., 87 об., 88 об.

У слов с постоянным ударением на словообразующем элементе [Зализняк 1985: 133—134] акцентовка в некоторых формах отличается от первоначальной: **пле́мѧни** Д. 19 об., **любвѝ** Р. 85 об., 122, **к любвѣ̀** 57 об., **любо́вь** В. 88, 122 об., **любо́вию** 123, **любо́вїю** 87, 87 об., 88.

К а. п. *b* в Муз-3310 принадлежат следующие имена существительные (перечень неполный): **бревно̀**, **бѣда̀**, **верхъ**, **весло̀**, **вино̀**, **волна̀** «волна», **волхвъ**, **врачь**, **глава̀**, **грѣхъ**, **дворъ**, **дно**, **добро̀**, **жена̀**, **живо́тъ**, **ключь**,

конь, **кора́бль**, **левъ**, **мечь**, **млекѐ**, **ножь**, **огнь**, **одръ**, **песъ**, **постъ**, **поутъ**, **рабъ**, **ребрѐ**, **решетѐ**, **рѣка̀**, **свѣща̀**, **селѐ**, **сестра̀**, **слоуга̀**, **сонъ**, **сребрѐ**, **столпъ**, **страна̀**, **соудъ**, **торгъ**, **троуба̀**, **троудъ**, **тьма**, **хвала̀**, **цѣса́рь**, **хребе́тъ**, **хоула̀**, **часъ**, **челѐ**, **числѐ**, **оуста̀**: **беда̀** 9, **бѣды̀** Р. 139, **бѣдꙋ̀** 5, **беда́ми** 1, **вол́хвꙋ̀** 79, **волхвы̀** 2, **волна̀** 9, 133, **волны̀** И. мн. 9, **волна́ми** 132 об., **млекѐ** В. 16 об., 17 об., **на ѡдрѣ̀** 5, **ѡсе́лъ** И. 66 об., В. 67, **ѡсла̀** Р.-В. 66 об., **в рецѣ̀** 99, **решетѐ** 13, **решетꙋ̀** 12 об., **во странѣ̀** 4 об., 70 об., **до страны̀** 99, **трꙋба́ми** 55 об., **хрепты̀** В. мн. 79 об., **по грептꙋ̀** 67 об., **по частѣ̀** 139 об., **часы̀** 17 об.

Наосновное ударение у слов а. п. *b* представлено в форме Зв. ед. ч. (**же́но** 6 об., 92 (+6), **ра́бе** 71, 74 об.), в форме мн. ч. при многосложной основе с флексией *-ове/-еве* (**вра́чеве** И. мн. 60 об., 73), в книжных формах мн. ч. (**вра́ꙁи** И. мн. 59 об. при **врагѝ** В. мн. 55 об., **стра́жемъ** Д. мн. 65 об.).

В других случаях наосновное ударение отражает развитие акцентной оппозиции чисел. Это касается форм И. и В. мн. ч. слов ср. р. а. п. *b*: **веслѐ**, **ве́сла** В. 9, **ѿ села̀**, **села̀** Р. 15, **се́ла** И.?, В. 4 (с выравниванием ударения в других формах **по се́ла**^{м} 88, **на се́ле**^{х} 89 об.). Наосновная акцентовка имен существительных ср. р. была характерна для восточной зоны [Зализняк 1985: 256]. При этом у слов, имеющих книжный характер, например **оуста**, **чресла**, сохраняется флексионное ударение: **оуста̀** В. 119 об., 120, **оусты̀** Т. 5, 124, **чресла̀** И. 5.

Еще один случай наосновного ударения у слов исконной а. п. *b* обусловлен перераспределением ударения в ед. ч. по семантическому принципу: флексионное ударение имеют исчисляемые существительные, наосновное — неисчисляемые [Зализняк 1985: 376—377]. В памятниках письменности XVII в. представлены отдельные примеры этого процесса, к которым можно отнести **посредѣ̀ то́ргꙋ** 122, **на то́ргъ** 135 об.

У имен существительных **a*-основ на фоне указанных инновационных явлений еще сохраняется исконное ударение в И. и В. мн. ч.: **сестры̀** В. 10 об., **жены̀** И. 78 об., **на жены̀** 11 об., **слꙋгѝ** И. 97. Непоказательна акцентуация **пче́лы** 64 (**пчела̀** 3 об., 12 об.), поскольку для этого слова надежно не устанавливается принадлежность к а. п. *b* или *c* [Зализняк 1985: 135, прим. 2, 286—287].

Исконное флексионное ударение сохраняется у существительных **a*-основ в В. ед. ч.: **травꙋ̀** 88.

Слова «группы *воля*», исконно имевшие особую акцентную кривую смежно-подвижного класса, как у слов а. п. *b* [Зализняк 1985: 135], в Муз-3310, как и в других относительно поздних памятниках, имеют наосновное ударение: **во́лею** 137, **на… во́ли** 16 об., **во́ню** 65, **ко́жꙋ** 74, **с ко́жею** 78 об.

Для слов а. п. *b* в целом нехарактерна аналогическая оттяжка ударения на предлог; случаи такой неисконной оттяжки редки и стандартны: **по́ дворꙋ** 5 при **во дво́р**, **на дворѣ̀**, **посредѣ̀ двора̀** 7. У слов а. п. *c*, напротив, исконная оттяжка ударения на предлог еще продолжает оставаться регулярной (примеры см. далее).

К а. п. *с* в Муз-3310 относятся следующие имена существительные (перечень неполный): **богъ**, **брегъ**, **бѣсъ**, **ве́черъ**, **вещь**, **власть**, **вода̀**, **врата**, **вре́мѧ**, **вѣкъ**, **гладъ**, **гласъ**, **гнѣвъ**, **госпо́дь**, **гость**, **градъ**, **гробъ**, **даръ**, **день**, **долгъ**, **домъ**, **дроугъ**, **дѣть**, **е́зеро**, **звѣрь**, **землѧ̀**, **зла́то**, **зоубъ**, **и́мѧ**, **квасъ**, **клѣть**, **кость**, **кровь**, **лесть**, **люди**, **медъ**, **миръ**, **мо́ре**, **мразъ**, **моужь**, **мѧ́со**, **мощь**, **не́бо**, **нога̀**, **но́готь**, **нощь**, **олово**, **пе́пелъ**, **по́ꙗсъ**, **родъ**, **роса̀**, **роука̀**, **свѣтъ**, **слеза̀**, **сло́во**, **смола̀**, **смѣхъ**, **сторона̀**, **страхъ**, **сынъ**, **тать**, **тѣ́ло**, **чинъ**, **чре́во**, **цѣна̀**: **на́ бг҃а** 18, **на́ брезѣ̀** 133, **на́ бре҃г** 140 об., **во́ времѧ** 17 об., **бе́з времене** 4, **по́ времени** 133 об., **на́ гробъ** 83 об., **ѿ гроба** 84 об., **на́ гробѣ̀** 78, **ѿ дни** *так!*, **до́ дн҃и** 17, **на́ дроуга** 3 об., **оу҃ дроуга** 4, **за́ дроуга** 12 об., **во́ имѧ** 71 об., **ѿ мраза** 18 об., **на́ небо** 71 об., **на́ ногоу** 71, 76, **на́ сторону** 13, **чре́воу** 1, **во́ чревѣ̀** 120.

Из слов с колеблющейся а. п., видимо, принадлежат к а. п. *с* имена существительные **вечерꙗ**, **овца**, **ровъ**, **смерть**, **страхъ**, **храмъ**: **на́ вечери** 7 об., **на ве́черю** 6 об., **ѹ҆́вцы** В. мн. 81 об., **и҆́зо рва** *так!* 83 об., **во рвѣ̀** 83, **на́ смерть** 90 об., 91, **на́ см҃рть** 91, **по сме́рти** 3 об., 140 об., **ѿ сме́рти** 87, **сме́ртию** 6, **со́ страхо́м** 92, 93 об., **стра́ха** Р. 92 об., **во́ хра́м** 80.

У имен существительных **а*-основ а. п. *с* в В. ед. ч. сохраняется исконное наосновное ударение: **цѣ́ноу** 15, 69 об., 141 об., **смо́лоу** 132.

В Муз-3310 в М. ед. ч. у этих существительных встречается флексионное ударение, которое было распространено в восточной зоне, а в западной зоне было известно наряду с наосновным [Зализняк 1985: 252]: **в землѝ** 93 об., **на… землѝ** 83 об., **на землѝ** 5, 8, 10 об., 13 об., 65 об., **на водѣ̀** 119 об., **в водѣ̀** 63 об., **в роуцѣ̀** 7, **в… роуцѣ̀** 77, **в нозѣ̀** 66. Соответственно, не отмечено колебаний в акцентовке Р., Д. и В. ед. ч. слов **а*-склонения: Р. **до землѧ̀**, **до землѝ** 17, **бе́з цены̀** 95, **воды̀** 99 об., 13, **ѿ роукѝ** 89, **из роукѝ** 141; Д. **по… землѝ** 124; В. **в… зе́млю** 5, **на́ землю** 74 об., 79 об., **на… зе́млю** 84, **за́ роукоу** 76.

У имен существительных **и*- и **о*-основ м. р. в М. ед. ч. на *-у* и у слов **i*-feminina в М. ед. ч. на *-и* акцентовка флексионная: **в домоу̀** 77 об., 81, 87 (+1), 89 об. (+2), 98, 101, 132, 133 об., **на домоу̀** 88, **в нощѝ** 91 (при наличии определения ударение наосновное **в тои но́щи** 5 об.), **в кровѝ** 63 об., **в клѣтѝ** 10. Флексионное ударение было известно в восточной зоне, кроме ее северо-восточной части [Зализняк 1985: 245]. Случай с оттяжкой ударения на предлог в словоформе **во́ вла́сти** 14 мог быть обусловлен ее книжным характером.

В И. и В. мн. ч. существительных м. р. **о*-, **и*- и **i*-основ представлено наосновное ударение: И. **бо́зи** 70 (+2), **бѣ́си** 55 об., **во́лки** 83, **дроу́зи** 5, **звѣ́ри** 82, **моу́жи** 5 об., 78 об., 90 об., 93 об.; В. **бо́ги** 70, **бѣ́сы** 72, 79, **вре́ды** 73 об., **во́ вѣки** 3 об., **в… вѣ́ки** 11 об., **в вѣ́ки** 77, **да́ры** 57, 94, 133 об., **до́лги** 78, **в до́мы** 10 об., **на́ дроуги** 57. Тип флексии не существен.

У существительных *-es*- и *-en*-neutra в И. и В. мн. ч. встретилась обычная флексионная акцентовка: **тѣлеса̀** И. 139, **словеса̀** В. 73.

В Р. (или Р.-В.) мн. ч. у всех существительных м. р. и ж. р. последовательно представлено флексионное ударение, причем у слов с мягкой осно-

вой господствует флексия *-еи*: **дѣте́и** 13, **ꙁвѣре́и** 66, **ꙁꙋбо́въ** 86 об., **косте́и** 75, **люде́и** 6 об., 72 об., 79 об., **моще́и** 137, **мꙋже́и** 93, Р.-В. 5 об., 6 (+1), **ногте́и** 86 об., **сн҃о́въ** 78 об., **тате́и** 3; ср. также **ѿ ꙁаповѣде́и** 4.

Формы Д., Т. и М. мн. ч. писец предпочитает не акцентуировать, особенно в словах с твердой основой. В связи с этим можно предполагать неустойчивую или переходную акцентовку этих форм в Муз-3310, поскольку писец в постановке акцентных знаков последователен и вариативности ударений избегает.

В форме Т. мн. ч. на *-ы* и на *-ми* слов м. р., ж. р. и ср. р. ударение флексионное: **на҆ вра́ты̀** 131 об., 132 об., **ꙁꙋ́бы̀** 82; не ясно **смѣ́хи** 87 об., поскольку слово изредка относится к а. п. *b*, ср. наосновное ударение в И. и В. мн. ч.; **та҆мѝ** 95 об., **лестмѝ** 55 об., обычное на большей части великорусской территории **пре҆ людмѝ** 70 об., **лю҆мѝ** 2. Наосновное ударение в словоформе **пре҆ две́р//ми** 100—100 об., 3, 78 (об этом слове см. далее). Флексионное ударение в Т. мн. ч. на *-ми* было характерно для восточной зоны [Зализняк 1985: 268].

В Д. мн. ч. имен существительных м. р. с мягкой основой наосновное ударение: **го́сте҆м** 7, **го́стемъ** 121, **к мꙋ́же҆м** 5 об., **мꙋ́жемъ** 90 об., **лю́де҆м** 15, 79. Существительные с твердой основой представлены словосочетанием **во вѣки вѣкомъ** с флексионным ударением **вѣко́мъ** 121, 140. В большинстве памятников это словосочетание подчиняется общим правилам акцентовки по модели **ꙁоуго́мъ**, **вѣко́мъ** или **ꙁоу́гомъ**, **вѣ́комъ**. В некоторых памятниках встречается соотношение **ꙁоуго́мъ**, **вѣ́комъ** или **ꙁоу́гомъ** — **ꙁоуго́мъ**, **вѣко́мъ** [Зализняк 1985: 277—278]. Основываясь на этих данных, в Муз-3310 можно предполагать соотношение **ꙁоуго́мъ**, **вѣко́мъ** или **ꙁоу́гомъ** — **ꙁоуго́мъ**, **вѣко́мъ**, т. е. у слов с твердой основой вероятно или флексионное ударение, или колебание ударения. В целом акцентовка существительных м. р. в Д. мн. ч. в данном памятнике может соответствовать модели **моу́жемъ**, **ꙁоуго́мъ** или колеблющейся модели **моу́жемъ**, **ꙁоу́гомъ** — **ꙁоуго́мъ**, которые были известны на территории между западной и восточной зоной и на большей части дальнего северо-востока [Зализняк 1985: 272].

В М. мн. ч. имен существительных м. р. а. п. *c* акцентуированы единичные формы, которые позволяют предполагать наосновное ударение: **во́ гробѣ҆х** 78 об., **в… по́ѯсе҆х** 98. Наосновное ударение было распространено на всей периферии при флексионном ударении в Москве и близких к ней районах [Зализняк 1985: 279].

Особо следует сказать об акцентуации существительного **дверь**, которое первоначально принадлежало к а. п. *b* и уже затем достаточно поздно перешло в а. п. *c*. В Муз-3310 оно акцентуировано по новой а. п. с отступлением: **две́ри** В. 138 об., **ѝꙁ двере́и** 15, **пре҆ две́рми** 3, 78, 100 об., **во две́ре҆х** 135.

С точки зрения территориальной принадлежности рукописи показательна акцентуация некоторых производных имен существительных.

Существительное **жилище** имеет акцентовку **в жили́щи**, **в жили́щих҃** 70, которая известна в восточной зоне [Зализняк 1985: 289].

Собственно старорусская акцентовка у слов **трапеза** и **храмина**: **на трапе́зѣ** 7, 87, **трѝ трапе́зы** 98, **ѿ трапе́зы** 100 об., 101, **к хра́минѣ** 9 об., **ко хра́минѣ** 138, **в хра́минꙋ** 92, **в хра́мѣ**не 9 об., видимо, исправлено из **храмѣ**.

Характерную для восточной зоны акцентовку по а. п. *b* имеют существительные **глоꙋбина̀**, **высота̀**, **чистота̀**, **нищета̀**: **ѿ глоꙋбины̀** 119, **иꙁ глꙋбины̀** 123 об., **на высотꙋ̀** 65, **нищетꙋ̀** 11, **нището́ю**, **в нищетѣ̀** 13 об., **нечи//стоты̀** Р. 13 об.—14, **чс̑тотꙋ̀** 4, **с чистото́ю** 10 об. Акцентовка других производных с суффиксом *-от*(*а*) также флексионная: **красоты̀** Р. 88, **ко красотѣ̀** 92 об., **в красотꙋ̀** 72 об., **на**д **красото́ю** 86, **ѡ красотѣ̀** 60, **красоты̀** В. мн. 87 об., **нагото́ю** 2, **сиротѣ̀** 54 об., **сироты̀** В. мн. 3. У существительного **доброта** ударение колеблется между флексионным и наосновным: **доброта̀** 85, **добротѣ̀** Д.? 81 об., **добро́ты** Р. 61, 88, **до//бро́ты** 89—89 об., **ѡ добро́тѣ** 60.

Среди существительных с суффиксом *-б*(*а*) имеет новое ударение, как и в других памятниках, слово **мольба**: **в гостьбꙋ̀** 18, **на молбꙋ̀** 82, **молбы̀** И. мн. 88 об., **ѡ сꙋдба́х** 62.

Приставочные имена существительные **о*- и **а*-основ акцентуированы по одной из следующих моделей:

а) *пото́пъ*: **на воздꙋ́сѣ** 80, **на воздꙋ́се** 79 об., **ѿ восто́ка** 75 об., **ꙁавѣ́та** Р. 123, **ꙁако́нъ** В. 76 об., **на ѡбѣ́дъ** 95, **ѡбѣ́да** 100 об., 140 об., **попо́ре**д **мои** Зв. 86 об., **помо́ѧ** В. мн. 101 об., **посте́лю** 137 об., **посте́ли** В. мн. 88, **к пото́кꙋ** 13 об., **пото́пъ** 2 об., **потре́бꙋ** 122 об., **на потре́бꙋ** 121 об. (+3), **в притво́рѣ** 99 об., **собо́ръ** В. 124 об., **сосѣ́да** Р. 9 об., **сосѣ́ди** И. мн. 5, 8 об., 9 об., **сосѣ́ды** В. мн. 10 об., **оуро́къ** В. 101, **оутѣ́ха** И. в роли Зв. 8;

б) *о́купъ* (для некоторых слов не исключена модель *за́суха*): **в… во́ꙁрастѣ** 13, **на ѿ́блакъ** 80 об., **ѻ́блака** Р. 80, **ѿ́браꙁꙋ** 125, **во ѿ́браꙁѣ** 122, 123 об., 138, **ѿбра**з И. 85 об., В. 131, **ѿ́браꙁа** 95, **ѿ́трокъ** 81, **ѿ́трока** Р. 81, 85, Р.-В. 7, 8 об., **ѻ́трокꙋ** 100, **ѻ́троцы** И. мн. 7, 99 об., 101, **со ѿ́троки** 18, **ꙁа́повод** 67, **по́слꙋха** Р.-В. 132, **в… по́ѧсе**х 98, **ра́ꙁꙋмо**м В. 12, 12 об., **ра́ꙁꙋмо**м 85.

У приставочных имен существительных **i*-основ встретились те же акцентные модели, но с иным количественным соотношением слов:

а) *пото́пъ*: **при напа́сти** 12 об., **напа́стьми** 13;

б) *о́купъ*: **ꙁа́висти** Р. 85 об., **ꙁа́вистию** 3 об., 84, **в ꙁа́висти** 81 об., **ꙁа́повѣдь** В. 81 об. при **ѿ ꙁаповѣде́и** 4, **ѿ… не́нависти** 87, **в… ѿ́бласти** 88, **є҃ ѿ́раслеи** 61 об., **па́мѧт** В. 9, 125, **бес па́мѧти** 121 об., **по́вѣсти** Р. 81, **по́мощъ** 2, **на́ помощъ** 136, **в по́мощи** 112 об., **про́пасть** И. 119 об., **оу́жесть** И. 10, **во оу́жасти** 8.

У отглагольных имен существительных с суффиксом *-ени*(*е*) или *-ни*(*е*) ударение преимущественно проставлено на глагольном тематическом элементе или на суффиксе существительного: **бг҃оꙗвле́нїѧ**, **до бг҃оꙗвле́нїѧ** 17, **варе́нїѧ** Р. 15 об., **ѿ видѣ́нїѧ** 6, **воскр҃се́нїѧ** Р. 62, **иꙁбавле́ние** В. 124 об., **имѣ́ние** В. 119, **ѿ имѣ́нїѧ** 124 об., **наваже́нїемъ** 134 об., **плене́нию** 5, **в покаѧ́нїи** 140, **поклонѧ́ние** 65 об., **потопле́нїѧ** Р. 132, **прилꙋче́нию** Д. 123,

прозѧбе́ниѧ Р. 61, **прожвле́ние** В. 6 об., **рыда́ние** И. 5, **сп҃се́ние** В. 8, **сто-на́нїю** 5, **оупова́ние** В. 6 об., **оутѣше́ние** В. 6 об., **ни хапа́ниѧ** 86 об. Корневое ударение имеют существительные **глѧ́дание** 141 об., **ѡбрѣ́зание** В. 62, **на слы́шание** 124 об., **сѣ́тование** 95.

Акцентуация остальных производных имен существительных несущественна с точки зрения локализации происхождения Муз-3310, однако может представлять интерес как материал для акцентологических исследований. Ниже приведены разные группы имен существительных без разделения на производные от имен и глаголов: **виноче́рпъ** 90, **виноче́рп҃** И., **виноче́рпа** 91; **виноче́рп҃ца** Р.-В., **виноче́рп҃цꙋ** 90 об., **кꙋпе́цъ** 19, **кꙋпцы̀** И. мн. 84, **кꙋпце́въ**, **кꙋпце́мъ** 83 об., **кꙋзне́цъ**, **хитрецꙋ̀** 140 об., **хитрецы̀** В. мн. 91, **мр҃твеца̀** 3, **сѣче́цъ** И. «палач» 61, **ста́рецъ** И. 122, 123 об., **ста́рца** Р. 122, **ста́рцꙋ**, **ко ста́рцꙋ** 122 об., **ларца̀** Р. 136, **мѣше́цъ** 137 об., **сꙋче́цъ** 4; **мѧше́къ** В., **меше́къ** 120; **г҃ зла́тники** В. 67, **зла́тни́къ** Р. мн. 122 об., **по зла́тникꙋ̀** 133, **на исто́чники** 62 об., **пра́зднк҃** И. 6 об., **на пра́зникъ** 9 об., **застꙋ́пникъ** 8, **застꙋ́пника** Р.-В. 119 об., **ѡбѣ́щникъ** И. 59 об., **помо́щникъ** 120, **помо́щника** Р.-В. 124, **порꙋ́чникꙋ** 133, **пота-ко́вницы** 3 об., **ѿ разбо́иникъ** 18 об., 19, **оуго́дника** Р.-В. 10, **хлѣвни́къ** 140; **колесни́цꙋ** 97 об., **в ко́шницꙋ** 138, **из ло́жницы** 101, **во ѡби́телнїцꙋ** 124, **ст҃кла́ницꙋ**, **съткла́ницꙋ** 7, **в҃ ст҃к҃ла́ницꙋ**, **ст҃к҃ла́ницею**, **ст҃кла́ницꙋ** 8, **скла́ницами** 121, **темни́цы** Р., **ис темни́цы** (+3) 5 об.; **ѿ крꙋпи́цъ** 100 об., **пшени́цы** Р. 93, **хи́жицꙋ** 101; **по сре́бреце** 133; **дрꙋжи́нꙋ** 120, **з дрꙋжи́ною** 7 об., **хлеви́на** 65, **хлѣви́нꙋ**, **в҃ хлѣви́нꙋ** 137 об., **паоучи́на** 3; **со́чиво** В. 66 об.; **хлѣ́барь** 90, **хлѣ́барю** 90 об., 91, **хлѣ́баре҃м** Д. мн. 91; **в бꙋ́сти**, **в го́рдости** 4 об., **ра́дость** И. 8 об., **ра́дости** Р. 8, **ста́рость** И. 121 об., **ста́рости** Р. 121 об., **скꙋ́достию** 121 об.; **бестꙋ́дьство** В. 88 об., **арма́не** И. 17 об., **гра́жане** 72, **гра́жанъ** Р. мн. 78, **жидови́нъ** 133 об., **июдѣ́нинꙋ** 133, **июдѣ́нине** Зв.? 134, **назарѧни́нъ** 58, **срацы́не** 7 об., **срачи́нъ** Р. мн. 4 об., **в… срацы́не҃х** 8, **хр҃тиѧ́ни҃н** 131 об., **хрїстиѧ́нина** 133 об., **хр҃тиѧ́нинꙋ** 134 об., **хр҃тиѧ́не** 124 об.; **пе́рстень** 99; **в пꙋсты́ню** 82; **па́стꙋси** И. 84 об., 85; **вере́тище**, **вере́тища** 95 об.

Акцентуация имен прилагательных. В Муз-3310 у имен прилагательных наряду с сохранением исконной акцентуации отмечен ряд инновационных процессов. К ним относятся тенденции к переходу ударения в форме И. ж. р. по модели *чи́ста — чиста̀* в словах а. п. *а* (**чиста̀** 12 об., **чт҃а̀** 64, **полна̀** 66, 76 об.) и по модели *жива̀ — жи́ва* в а. п. *с* (**на́га** 61, 84); другие формы: **нечиста̀** Р.-В. м. 72 об., **чт҃на̀** Р. м. 122, Р.-В. м. 122 об., 124. Примеры нового ударения встречаются на фоне обычной акцентовки, которая исконно была у слов этих а. п.:

а. п. *а*: **по́лнꙋ** В. ж. 7, 19 об., **чю́дна** И. ж. 136, **чю́дна** И. мн. 120, **си́лна** Р.-В. м. 91 об., **си́лны** В. мн. 54 об., **чи́ста** Р. ср. 73 об.;

а. п. *с*: **бл҃гопꙋста̀** И. ж. 2 об., **скора̀** 3 об., **цѣла̀** 138, **цѣ́лꙋ** В. ж. 86 об., **на́га** Р.-В. 18 об., **на́га** *так!* 19, **жи́ва** 78, **стра́шна** 138, **кро́тцы** И. мн. 10,

го́рди 10 об., **вѣ́тси** 78 об., **свѣ́тлы** В. мн. 123 об., **гнꙋ́сны** 72 об.; в причастиях **проклѧта̀** И. ж. 3 об. (+1), **снѧта̀** 86 об., **про́клѧти** 4.

Процесс *жива̀ — жи́ва* представлен в западной зоне, *чи́ста — чиста̀* встречается в восточной зоне. Их сочетание может характеризовать акцентную микросистему, располагавшуюся поблизости от линии соприкосновения этих зон [Зализняк 1985: 291—292]. Таким образом, можно ожидать, что по акцентовке нечленных прилагательных а. п. *a* и *c* микросистема Муз-3310 принадлежит территории, переходной между востоком и западом.

Исконное наосновное ударение сохраняется у прилагательных в форме И. и В. ед. ч. ср. р. и у наречий, т. е. в формах на *-о*: **лицѐ**… **свѣ́тло** 61, **че́стно** 66, **свѣ́тло** *нар.* 131. Сохраняется также исконное (без нарушений типа **должéнъ**) ударение у прилагательных И. ед. ч. м. р. а. п. *a* и *c*: **че́стенъ** 90, **че́стеи̑**, **свѣ́телъ** 123 об., **стра́шенъ** 119 об., **ми́ренъ** 54 об., **бѣ́шеⷯ** 13, **стра́ненъ** 74, **дре́венъ** 76 об., **си́леⷩ** 8, **си́ленъ** 9, **чю́денъ** 8 об.

Прилагательное **свободенъ**, которое в памятниках фиксируется с вариативным ударением, в Муз-3310 имеет новое ударение, уже обычное в этот период (**свобо́денъ** 84 об., 101); акцентовка слова **жестокъ**, вероятно, была такая же, как и в большинстве памятников, т. е. **же́стокъ**, **-а**, **-о** (**же́стокъ** 12 об.).

У нечленных прилагательных а. п. *b* также представлена тенденция к новому наосновному ударению наряду с сохранением исконной флексионной акцентовки: **на добрѣ̀** 13, **в добрѣ̀** 13, 85, 87, **в**… **до́брѣ** 140, **добра̀** Р. ср. 73 об., **добро̀** *предик.* 12, **чл҃ка ме́ртва — мр҃тва̀** 18 об., **ме́ртви** И. мн. 121, **ще́дри** И. мн. 54 об. (если не новая а. п. *a*), **че́рны ри́зы** В. 140, **премꙋ́дро** И. 98 об. Не исключено, что наосновное ударение в ряде случаев может быть обусловлено книжным характером самой лексемы или флексии (*-и* в И. мн. ч.).

У нечленных прилагательных «группы *красно*» флексионное ударение встретилось у слов **красенъ** (**красе́нъ** 87, **красна̀** Р.-В. 85, 87 об.) и **равенъ** (**равны̀** В. мн. 56). Наосновное ударение у слов **изда́вна** 18, **ѿда́вна** 122 об.; возможно, сюда же **по́здѣнъ** 54 об., ср. ударение членного прилагательного **скотны́ѧ** В. мн. 74. Прилагательное **прекрасенъ** акцентуировано по а. п. *a* (**прекра́сенъ** 87, 89 об., **прекра́снꙋ** В. 137).

У членных прилагательных а. п. *c* (о них см. [Дыбо 1981: 81—86]) в группу с флексионным ударением входили следующие слова:

водный: **водны́и** 3, **водны́ѧ** В. мн. 62 об.;
градный: **во**… **градны́и** 79;
десный: **в десно́и** 77;
драгый: **драгі́и** Зв. 5, 86, **драго́е** Зв. 7 об., 8;
древѧный: **древѧно́е** 13;
живый: **жива́го** 78 об., **живы́мъ** Т. 82 об.;
ꙁлатый: **ꙁлато́е** В. 141;

земный: земны́е Р. ж. 3 об., земны́и И. 71, земно́мꙋ 14;
роучный: рꙋчно́е В. 10, рꙋчны́ми 63;
свѧтый: ко ст҃о́мꙋ 6 об., 125, ст҃ы́и 8, ст҃ы́мъ, ст҃ы́ѧ Р. ж. 124 об.;
слѣпый: слѣпы́и И. 12;
страстный: страстны́ѧ Р. ж. 16, на страстно́и 16;
хоудый: хꙋ҆ды́и 12, 62, хꙋда́го 62 об., в хꙋды́е 99 об.;
честный: чс҃тны́и В. 124 об.;
чоужий: на чꙋже́и 83 об., на чꙋжꙋ́ю 84, чꙋже́мꙋ 136 об., чꙋжа́го 3, чꙋжи́ми 84.

Новое наосновное ударение в Муз-3310 встретилось у следующих слов:

вѣчный: вѣ́чьнꙋю 3, вѣ́чныѧ Р. ж. 59;
гордый: го́рды^{м} Д. мн. 3 об.;
горький: го́ркаго 84, го́ркими 82 об., го́ркꙋю 5, ѿ го́ркиѧ 5 об., 6;
странный: стра́нны^{х} Р.-В. 68 об., стра́нны^{м} Д. мн. 83 об., стра́ннаго 100 об;
тѧжкий: тѧ́жкаѧ В. ср. 95 об., тѧ́жкїи В. 120;
скорый: ско́рыи 120, 122, ско́рого Р.-В. 124, ско́роє В. 8.

У формы сравнительной степени независимо от принадлежности прилагательного к той или иной а. п. ударение суффиксальное: добрѣ́є 5, краснѣ́є 140 об., силнѣ́є, чюднѣ́є 5 об.

Акцентуация глаголов. Как и у имен прилагательных, в акцентуации глаголов в Муз-3310 наряду с доминирующим исконным ударением отмечены тенденции к новой акцентовке. У глаголов, исконно принадлежавших к а. п. *a*, *b* и *c*, встретились следующие акцентуированные формы:

а. п. *a*: бѣ́гаеши 3 об., вве́ргꙋ при вѣ́вергꙋ̀ 138, ви́жꙋ 7 об., ви́ждꙋ 5, ви́диши 4, ви́ди^{м} 9 об., влѣ́зꙋ 138 об., гнѣ́ваетесѧ 121, гото́виши 3 об., гра́биши 3 об., допра́влю 18 об., зна́єте 6, ква́ситца 12, кра́дꙋ^{т} 27, мꙋ́чꙋ 74, нака́плю^{т} 13 об., нꙋ́диши 77, ѿве́рзꙋ 86, ѿве́рзє^{т} 88, ѡста́не^{т} 122, пита́еши 1, пла́чє^{м} 6 об., да не поме́ркнета 82 об., проти́витсѧ 3 об., свѧ́жемъ 84 об., свѣ́не^{т} «рассветет» 137 об., сиѧ́є^{т} 100, сла́влю 61 об., срѧ́щє^{т} 137 об., сѧ́дѣте 75 об.; возможно, сюда же хꙋ́лиши 133 об.;
а. п. *b*: го́ниши 13 об., изво́ли^{м} 11 об., ищꙋ̀ 19, 138 об., ка́зни^{т} 1, ко́рмиши 11 об., люблю̀ 94 об., лю́бишисѧ 2, мо́лимсѧ 12 об., но́сиши 1 об., 135 об., но́си^{т} 139, ѿме́щетсѧ 56, ѿстꙋ́пиши 58 об., пи́ше^{т} бо сѧ 123 об., прихвачю̀ 5, прово́ди^{т} 15 об., про́сиши 1 об., ржє́ши 11 об., ска́же^{т} 90, да покажꙋ̀ 79, скре́гчеши 11 об., то́миши 2, тꙋ́жа^{т} 57 об., хвалю̀ 61 об., хва́лиши 4, хо́диши 4 об., хощꙋ̀ 9, 122, хо́щеши 122, хо́ще^{т} 119 об.;
а. п. *c*: боюсѧ 77 об., 88, бои́шисѧ 2, вели́ши 139, вложꙋ̀ 138, возложꙋ̀ 5 об., воскр҃си́ши 62, здроблю̀ 138, да изве́реши 91 об., истолче́тъ 138, исцелю̀ 72, не клене́тсѧ 81 об., крс҃ти́тъ 56, лети́ши 3 об., льстѧ́тсѧ 132 об., мꙋти́те 97 об., наведꙋ́тсѧ 12, наслажꙋ́сѧ, насладѝшисѧ 88, да насладѝши 13 об., да насладѝтсѧ 64 об., да ѡбратѧ́тсѧ 70 об., погꙋби́ши 123 об., поклонюсѧ 137 об., постыдѝтсѧ 136, постѧ́тсѧ 17 об., рече́ши

2 об., **седи́ши** 10, **скорби́ши** 1, **слꙋчи́тсѧ** 10 об., **прилꙋчи́тсѧ** 16, **сотворю̀** 139, **твори́ши** 1, 2, 3, 72 об., **стою̀** 8, **оуморю̀** 6, 88, **не оутаи́ши** 1 об., **ꙗвлю̀** 92 об., **да ꙗви́тсѧ** 139;

Как видно по приведенным примерам, в формах презенса 1 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. глаголов а. п. *c* встречается уже только новое ударение — соответственно конечное типа **стою̀** и предконечное типа **мꙋти́те**.

У некоторых *i*-глаголов в презенсе представлены отклонения от исконной акцентовки. У глаголов а. п. *b* на фоне исконной акцентовки отмечена инновация по типу а. п. *c*: **ѡмочи́тсѧ** 63 об., **смѣси́тсѧ** 13, **кꙋпи**^{т} 67 — **кꙋпи́ть** 87. У глаголов а. п. *c* примеров акцентовки по а. п. *b* несколько больше, но у одних и тех же слов: **не пꙋ́стиши** 5 об., 6 (+1), **испꙋ́стиши** 4 об., **пꙋ́сти**^{т} 63, **да ѿпꙋ́сти**^{т} 95 об., **де́ржи**^{т} 96 об. — **держи́тъ** 97, **де́ржиши** 1, 3, 11 об. (**держꙋ̀** 140 об.). По-видимому, акцентовка по а. п. *b* у словоформ **сла́вослови**^{т} 70 об., **бл҃гослова**^{т} 3 об., по а. п. *c* акцентуированы **впаде́ши** 3 об., **паде́тсѧ** 15 об.

Среди глаголов с неслоговым корнем доминируют префиксальные глаголы, формы от бесприставочных глаголов единичны. В форме 1 л. ед. ч. преобладает флексионное ударение, в остальных формах у бесприставочных глаголов ударение наосновное, у приставочных — префиксальное или наосновное в зависимости от конкретного глагола и приставки: **да возмꙋ̀** 138 об., **идꙋ̀** 84, **не изы́дꙋ** 101, **прїимꙋ̀** 122 об., **оумрꙋ̀** 140 об., **да оумрꙋ̀** 84, **не оумрꙋ̀** 77 об., **оуснꙋ̀** 137 об., **оу҆зрю** 83; **не́ имеши** 136, **и҆ме**^{м} 6 об., **и҆де**^{м} 6 об., 79, **и҆де**^{т} 3; **не во́змешъ** 134 об., **да во́зме**^{т} 140, **не во́змѣте** 121, **не во́нме**^{т} 56, **по́имѣте** 94, **прїи́меши** 122 об., **прїи́ме**^{м} 122, **ѿи́метсѧ** 16 об., **изы́дꙋ**^{т} 79, **ѿи́деши** 14 об., 63, **по́иде**^{м} 6 об., 7, 9 об., **по́идꙋ**^{т} 14, **по́идете** 54 об., **прїи́демъ** 14 об., **прїи́дꙋ**^{т} 75 об., **сни́де**^{т} 82 об., **да не… изо́мре**^{м} 93, **оу҆мре**^{т} 88, **да… оу҆мре**^{т} 83 об., **оу҆снетъ** 137 об., **пре́зриши** 3, **оу҆зри**^{т} 138, **оу҆зрѧ**^{т} 139 об., **да не по́жре**^{т} 1 об., **на́чне**^{м} 81, **оу҆чне**^{т} 11, **по́сле**^{т} 74, **по́шлете** 82 об., **подо́претсѧ** 83.

Таким образом, по акцентуации глаголов с неслоговым корнем микросистема Муз-3310 должна быть отнесена к акцентным микросистемам с тенденцией к переходу от а. п. *c* к *b*. Тенденция к префиксальному ударению наблюдается в западной зоне и на юге восточной зоны [Зализняк 1985: 363].

В форме императива 2 л. ед. ч. глаголов а. п. *b* и *c* сохраняется исконная флексионная акцентовка: **ведѝ** 5 об., **приведѝ** 6, **помозѝ** 5 об., **не мозѝ** 7 об., **сотворѝ**, **донесѝ** 122 об., **кꙋпѝ** 122, **не хвалѝ**, **не оускорѝ** 14, **прїимѝ** 122 об. при **не прие́мли** 14 об. Из форм императива 2 л. мн. ч. следует отметить **не оута́йте** 10 об., возможно, по аналогии с отмечаемым уже в древнерусском языке **не бо́итесѧ**; **на́чнѣте** 60 об. из-за вероятного смещения форм презенса и императива, примеры см. также выше; **воскр҃ни́те** 78 об. (ср. **воскр҃нꙋ̀** 60 об.).

Действительные причастия настоящего времени И. ед. ч. м. р., впоследствии ставшие деепричастиями настоящего времени, имеют новое конеч-

ное ударение. Так акцентуированы формы от глаголов а. п. *b* и *c*: **веселѧ́сѧ** 80 об., **гонѧ̀** 97, **держà** 136, **живѧ̀** 8 об., 81 об., **исходѧ̀** 101, **кр҃тѧ́сѧ** 56, **любѧ̀** 81 об., **носѧ̀** 82, 119 об., 122 об., **сидѧ̀** 9 об., **смотрѧ̀** 86 об., **сѣдѧ̀** 84, **оубоѧ́сѧ** 134, **хвалѧ̀** 10 об., **хотѧ̀** 7 об. Отступления от такой акцентовки единичны: **те́рпѧ** 13 об. при **терпѧ̀** 101 об., **йдѧ** 9.

Действительные причастия прошедшего времени И. ед. ч. м. р. от *a*-, *i*-, *nǫ*-глаголов и *V*-корневых глаголов (будущие деепричастия прошедшего времени) имеют предфлексионную акцентовку: **призва́въ** 132, **помрачи́въ** 4 об., **поклони́всѧ** 18 об., **помѧнꙋ́въ** 89 об., 90 об., 98 об., **воспомѧнꙋ́в** 94 об., **блг҃ви́въ** 139 об., **пожи́въ** 81, **прода́въ** 85 об.,133, **воз́бꙋди́всѧ** 9 об., **ѡбви́въ** 99. Источником нового предфлексионного ударения была западная зона, но в XVII в. такая акцентовка как доминирующая встречается и в памятниках восточной зоны [Зализняк 1985: 331].

У *l*-причастий, входивших в состав сложных прошедших времен, акцентовка различается в зависимости от классов глаголов. У *V*-корневых и *a*-глаголов еще сохраняется старая акцентовка, т. е. у них выступает маргинально-подвижное ударение: **пре́далъ** «передал» 88, **во́здалъ** 96, **изжилà** 2, **пожилà** 5, **оумерлà** 74 об., 83 об., **былà** 86 об., **бы́ло** 5, 86 об., 123, 135 об., без переноса ударения на частицу: **не клѧ́лсѧ** 135 об. У *i*-глаголов в форме м. р. представлено новое предфлексионное ударение: **наоучи́лъ** 89 об., **ѡтѧгчи́лъ** 139 об., **пꙋсти́лъ** 138 об., **попꙋсти́л** 78, **разлꙋчи́лъ** 96, **сотвори́лъ** 76 об., 90 об., **ꙗви́лсѧ** 62. У форм ж. р. ударение колеблется в пользу предфлексионного: **льсти́ла** 92 об., **положи́ла** 5, **погꙋби́ла** 4, **пре́сти́ласѧ** 73, **прилепи́ла** 92 об., **ро́дилà**, **сохранилà** 5. У *C*-корневых глаголов ударение флексионное: **реклѝ** 68 об., **ѡтеклà** 66, **не довела́сѧ** 89 об., **моглà** 92 об., **пришлѝ** 93. Ср. акцентовку *l*-причастий других глаголов а. п. *b* и *a* (без разделения на классы): **ви́дѣла** 5, **вѣ́дала** 92, **іспрокꙋ́дила** 2 об., **пове́ргъсѧ** 71, **позна́ла**, **приѧ́лъ**, **не приѧ́ла**, **ѡбьѧ́ла** 5, **солга́лъ** 123 об., **оукра́лъ** 96, **оукра́ли** 95 об. В акцентуации *l*-причастий в Муз-3310 складывается довольно пестрая картина, которую трудно связать с определенной зоной. Скорее всего, речь может идти в этом случае опять об ограниченной переходной территории, поскольку модель **поусти́лъ** была распространена повсеместно, кроме центра и юга, а модель **про́далъ** была характерна для всей восточной зоны [Зализняк 1985: 330].

Акцентуация страдательных *ен*-причастий определяется следующими основными положениями. Во-первых, у нечленных форм причастий от *i*-глаголов и *C*-корневых глаголов а. п. *c* представлена смешанная акцентовка — более старая флексионная в сочетании с более новой суффиксальной. Во-вторых, у причастий а. п. *b* преобладает корневое ударение при незначительной доле суффиксального:

а. п. *c*, *i*-глаголы и *C*-корневые: **веде́нъ** 84, **заведе́нъ** 5, **всаже́нъ** 92 об., **и҃зъѣде́нъ** 86 об., **и҃зъеде́нꙋ** Д. 90 об., **оуѣде́нъ** 93 об., **снѣде́нъ** 96, 97, **исцеле́нъ** 66 об., **лише́нъ** 84, **ѡбнаже́ни** 14, **ѡбрѣмене́ни** 101 об., **ѿлꙋче́нъ** 88 об., **погребе́нъ** 68, 83, **погребе́на** И. ж. 85 об., **прободе́нъ** 63 об., **ро-**

же́нъ 56, **сокрꙋше́ни** 11, **оутворе́нъ** В. 131 об., **ꙁаключенꙋ̀** В. ж. 9 об., **иꙁдробленò** 65 об., **ѡболчена̀** И. ж. 72 об., **раꙁрѣшена̀** *так!* предик. 17 об. Корневое ударение в формах: **искрова́ленꙋ** 86 об., **ѿсѣ́чени** 65.

а. п. *b*: **воꙁлю́бленъ** 85, **превоꙁлю́бленъ** 18, **воско́рмленъ** 61, **оубие́нъ** 18 об., 86, 86 об., **оубье́нъ**19; в формах с *-нн-*: **воꙁлюбле́нно** И. 91 об., **ѡсꙋже́нна** И. ж. 3.

У членных причастий сохраняется соотношение: суффиксальное ударение в формах, образованных от а. п. *c*, — корневое ударение в формах от глаголов а. п. *b*: **пꙋще́ные** В. 97 об., **ко иꙁдробле́нномꙋ** 138, **ра̑дробле́ннаго** 141 об., **прелще́ны**ˣ 71 об., **воꙁлю́бленномꙋ** 81 об., **кꙋ́пленое** В. 124, но **прокаже́нным́** Д. мн. 72.

У *ен*-причастий от глаголов а. п. *a* ударение корневое: **вве́рженъ** 90 об., **пове́рженъ** 65, **пове́рженꙋ** 85 об., **иꙁба́вленъ** 89, **иꙁба́вленаго** 8 об., **испо́лненъ** 59, **напо́лнен́** *так!* Т. 123, **мꙋ́ченъ** 66, **поста́вленъ** 7, **просла́вленъ** 92 об., **оупра́вленъ** 123, **оуꙗ̑ꙁвен́нꙋ** В. ж. 66.

Смешанная — флексионная и суффиксальная — акцентовка причастий была характерна для восточной зоны, как и оппозиция **спро́шено** (а. п. *b*) — **прощенò** (а. п. *c*), **спро́шеныи - проще́ныи** [Зализняк 1985: 335, 340].

По-видимому, смешанная акцентовка имеет место у нечленных форм *ан*-причастий от *V*-корневых и *a*-глаголов а. п. *c*. С надежностью устанавливается только акцентовка формы И. и В. ед. ч. м. р., которая соответствует модели **про́данъ**, в целом характерной для восточной зоны [Зализняк 1985: 344, карта 17]: **со́ꙁданъ** 56 (+1), **про́данъ** 84 об., 85, 97, **пре́данꙋ** Д. 90 об., 91. Данных об акцентуации остальных форм недостаточно: **ри́ꙁы ра̑драны̀** 76 об., **пьѧ́на** И. ж. 1 об., Р.-В. 13.

У причастия **посланъ**, как и в большинстве памятников восточной зоны, в Муз-3310 встретилась префиксальная акцентовка: **по́сланъ** 135 об. У словоформы **прогнанъ** еще сохраняется старое ударение: **прогна́нъ** 100 об.

У *t*-причастий акцентовка следующая: **проклѧта̀** И. ж. 3 об. (+1), **снѧта̀** 86 об. (+1), **про́пѧ**ᵗ 62 об., **про́клѧти** И. мн. 4, **проклѧ́тїи** 17 об.

Членная форма действительного причастия прошедшего времени от глагола **оумрети** имеет корневое ударение: **оуме́ршаѧ**, **ко оуме́ршеи** 76, **оуме́рши**ˣ 78 об.

У инфинитивов на *-ти С*-корневых глаголов сохраняется первоначальная конечная акцентовка: **блюстѝ** 137 об., **внестѝ** 121, **донестѝ** 124, **нанестѝ** 73, 74 об., **воꙁнести́сѧ** 79 об., **ввестѝ** 95, **привестѝ** 91, 91 об., **погрестѝ** 19 об., 141 об. Сохраняется также конечное ударение у **мочѝ** 79 об. и у инфинитивов на *-щи*: **ѿсещѝ** 60, **посещѝ**, **посѣщѝ** 5 об., **ѿврещи́сѧ** 134 об. Конечное ударение имеет глагол **ити** в сочетании с приставками, оканчивающимися на гласную: **оуитѝ** 84 об., **донтѝ** 122 об.

У *V*-корневых глаголов новое ударение имеет **пожре́ти** «съесть» 82, **вꙁѧ́ти** 15, 19 об., 79 об.; у **поѧ́ти** 77 предконечное ударение обусловлено фактором книжности [Зализняк 1985: 351].

В микросистеме Муз-3310 отсутствует тематизация ударения у *a*-, *i*- и *aj*-глаголов, что косвенно подтверждает принадлежность акцентной микросистемы этой рукописи к восточной зоне, а также у глагола **висѣти**: **ви́сѧща** Р.-В. 13, **ви́сѧщꙋ** 80, **восхи́ти** 8, **доѣ́хавъ** 95 об., **ѣ́здѧ** 136, **похи́ти**т 3 об., **че́рпати** 7 об., 8, **прибли́жишасѧ** 121, **прибли́жившꙋсѧ** 121 об., **прїбли́жившесѧ** 76 об., **оха́питисѧ** 94, **ѡха́питисѧ** 94 об., **проти́витсѧ** 3 об., **насы́титисѧ** 86 об., 95. Тематизация представлена только у вторичных имперфективов с суффиксом -*a*(*j*)-, что не было ограничено какой-либо диалектной зоной: **помышлѧ́ше** 121 об., **ра́ширѧеши** 4, **поставлѧ́юща** Р.-В. 8, а также у **чюди́стасѧ** 135 об. (возможно, ударение обусловлено новой а. п. производящего существительного), но **припа́даѧ** 96 об., **припа́дающа** Р.-В. 96 об. У бесприставочного глагола **кланѧтисѧ** представлено корневое ударение (**не кла́нѧтис** 17), у приставочного глагола ударение на тематическом элементе (**покланѧ́ютсѧ** 70 об.).

Проведенное исследование показывает, что акцентная микросистема Муз-3310 по ряду признаков принадлежит к микросистемам восточного типа. Об этом свидетельствуют:

— наосновная акцентовка И. и В. мн. ч. существительных ср. р. по модели **се́ла**;
— флексионная акцентовка имен существительных **a*-, **o*-, **u*- **i*-склонения в М. ед. ч. (**на ꙁемли̑, въ домоу̑, въ нощи̑**);
— флексионное ударение в Т. мн. ч. на -*ми*;
— акцентовка по а. п. *b* имен существительных **глоубина**, **высота**, **чистота**, **нищета**, а также ударение существительного **жили́ще**;
— акцентовка *l*-причастий, прежде всего от *V*-глаголов;
— смешанная флексионно-суффиксальная акцентовка -*ен*-причастий, представленная по западу восточной зоны;
— префиксальная акцентовка -*ан*-причастий по типу **про́данъ**;
— сохранение первоначального конечного ударения у инфинитивов **нести̑**, **вести̑**;
— отсутствие тематизации у глаголов.

Некоторые признаки характеризуют акцентную микросистему Муз-3310 как находящуюся на линии соприкосновения восточной зоны с западной. К ним относятся:

— тенденция к новой акцентовке имен прилагательных а. п. *a* и *c чи́ста* — *чиста̀*, *жива̀* — *жи́ва*;
— акцентовка Д. мн. ч. слов м. р. по модели *му́жемъ*, *зубо́мъ* или *му́жемъ*, *зубо́мъ* — *зу́бомъ*;
— тенденция к префиксальному ударению глаголов с неслоговым корнем, которая была свойственна западной зоне и югу восточной зоны;
— предфлексионная акцентовка действительных причастий прошедшего времени по модели **прода́въ**.

Акцентная микросистема Муз-3310 по отдельным признакам или по их совокупности близка акцентным микросистемам других памятников, локализованных к югу от Москвы; о них см. [Зализняк 1985: 224—228]. Как по диалектным особенностям, так и по данным акцентуации рукопись может быть локализована к югу от центра или немного западнее.

Литература

Аванесов 1974 — Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Атлас 1986 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части). Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Атлас 1989 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части). Вып. 2: Морфология. М., 1989.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

Дыбо 1990 — В. А. Дыбо. Основы славянской акцентологии. М., 1990.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981 С. 89—174.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Котков 1963 — С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.

Котков 1974 — С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Никольский 1906 — Н. М. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.

Орлова 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.

Пшеничнова 1996 — Н. Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996.

А. В. Сахарова

ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЛЯ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ

1. Постановка задачи

В исторической русистике много раз обсуждалось функционирование причастных оборотов в языке древнерусских письменных памятников, описаны как его морфологические, так и синтаксические параметры. Содержательные же факторы, могущие обуславливать распределение предикаций на выражаемые финитными глаголами и на выражаемые причастными оборотами, специально не изучались, хотя в исследованиях, посвященных формальным параметрам употребления причастий, можно выделить отдельные (вовсе не взаимоисключающие) гипотезы относительно характера этих факторов. Рассмотрим их по порядку.

1. Немалое внимание русистов привлекал специфический синтаксис кратких причастий действительного залога в текстах, язык которых называют «гибридным», имея в виду, что для него характерно смешение церковнославянских и восточнославянских элементов. Эти известные синтаксические особенности: порядок слов, когда подлежащее находится внутри составляющей с причастием во главе; наличие сочинительного союза между причастным оборотом и финитным глаголом; совпадение подлежащего причастия не с подлежащим, а с другим актантом финитного глагола; или даже отсутствие у причастия и у соседних финитных глаголов общих актантов и некоторые другие свойства (см. [Потебня 1958: 185—186; Истрина 1923: 73; Лопатина 1978: 115; Зализняк 1995; 166]), — сближают краткое причастие с финитным глаголом. Еще А. А. Потебней подобные конструкции были названы «второстепенными сказуемыми». Термин этот для одних исследователей — просто метафорическое обозначение совокупности перечисленных формальных явлений [Алексеев 1987: 187—188]. У большинства же имеется интуитивное ощущение меньшей важности, второстепенности такого рода причастных предикаций с точки зрения организации дискурса [Лопатина 1978], см. также [Истрина 1923]. При этом о второстепенности причастных предикаций с их частично «глагольным» синтаксисом говорится обычно только применительно к «гибридному»

Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 250—266.

древнерусскому тексту. К причастным оборотам из образцовых для авторов «гибридных» текстов старославянских памятников, имеющих более традиционный синтаксис, эта концепция второстепенности не прилагается.

В любом случае, однако же, принимая концепцию некой коммуникативной второстепенности или только лишь ограничиваясь наблюдением, что причастный оборот имеет значение «сопроводительного действия» [Večerka 1961: 118], мы не даем ответа на вопрос о том, каковы критерии распределения предикаций на причастные и финитные, а лишь переформулируем его. Это отчасти верно и для дательного самостоятельного: известны формальные особенности его функционирования в древнерусских «гибридных» текстах [Кедайтене 1968; Сабенина 1978] и его основная дискурсивная функция — маркирование фоновых по отношению к развитию нарратива предикаций [Worth 1994: 33], но каковы критерии распределения предикаций на обычные и фоновые, а соответственно, и выбора между дательным самостоятельным и финитным глаголом, не до конца ясно.

2. Обычно перечисляют те смысловые отношения, в которых могут находиться причастная и главная предикации (или, если в повествовательной цепочке трудно выделить главную предикацию, отношения между причастной предикацией и ближайшей финитной): обычный причастный оборот может быть для главной предикации обстоятельством времени, причины, образа действия, условия (см. например, [Večerka 1961: 116—118; Лопатина 1978: 107]), равно как и уточнением или разъяснением уже сообщенной информации; дательный самостоятельный является чаще всего обстоятельством времени или причины [Сабенина 1978: 420; Worth 1994: 39]. Однако очевидно, что наличие этих отношений не обязательно, они имеют место просто в силу лексической сочетаемости конкретных слов, а не являются «значениями» причастного оборота как синтаксической трансформации. Можно предполагать, что в реальности (при реальном порождении письменного нарратива) работают более частные механизмы, исходным материалом которых являются типы постоянно описываемых ситуаций; при описании некоторых из этих типов компоненты этих ситуаций (предполагаемые ими действия или состояния) в большинстве случаев пишущий оформляет как причастные обороты.

3. Имеются данные об употреблении дательного самостоятельного, свидетельствующие о существовании механизмов подобного рода. Известно, что существовали лексикализованные конструкции, постоянно оформлявшиеся дательным самостоятельным (*Богу попущьшу*, *Богу извольшу*, *времени минувъшу*, *солнцу въсходящу*, *дни наставъшу* и некоторые другие [Сабенина 1978: 428]). Тем самым можно констатировать, что предикации, включающие в себя определенные лексические единицы, должны быть оформлены причастно (или оформляются так в подавляющем большинстве случаев). Такого рода наблюдения побуждают сформулировать и гипотезы более общего характера. Имеет смысл проверить, нет ли тенденции оформлять причастно предикации потому, что они включают в себя не обяза-

тельно конкретные лексические единицы, но единицы определенных лексических классов?

Отметим при этом, что перечисленные подходы к критериям распределения предикаций на финитные и причастные сформулированы (так же, как и описание синтаксиса причастий) на общем уровне, просто на основе иллюстративного материала. А для поиска конкретных критериев распределения предикаций на причастные и финитные имеет смысл перейти от общего уровня к частному: изучать способы описания отдельных типовых ситуаций путем сплошного обследования употребления причастных и финитных форм конкретных глаголов или, по крайней мере, глаголов отдельных лексических классов.

Данная работа и представляет собой пример такого анализа всех употреблений в конкретном тексте глаголов одного лексического класса: глаголов восприятия *видѣти*, *оувидѣти*, *слышати*, *оуслышати*, *оувидѣти*, *оувѣдати* в Ипатьевском списке Ипатьевского летописного свода [Ипат. 1962]. Эти глаголы очень частотны в нарративном тексте и обнаруживают простую основную закономерность употребления кратких причастных форм.

2. Результаты исследования

1. Глагол *видѣти*. Причастие прошедшего времени (далее по его суффиксу — *ш*-причастие) глагола *видѣти* появляется в Ипатьевском списке всего 123 раза. Употребляется оно в основном в одном стандартном контексте: когда следующий за ним глагол обозначает контролируемое действие, являющееся реакцией субъекта на воспринятую им информацию**.** Например: *бывшю покосну вѣтру. оуспаша прѣ с пола. и идаше къ городу.* ***видѣвше же*** *Грцѣ оубоꙗшася. и ркош*[а҃] *выславше ко Ѡльгови. не погублаи горо*[д҃] (6415). Таких примеров всего 120 (объем данной работы не позволяет приводить все множество). Именно в таких случаях можно говорить о том, что оформленная причастным оборотом предикация обозначает причину или предпосылку следующей[1]. В аналогичном контексте употребляются и большинство причастий других глаголов восприятия (см. далее).

[1] При этом сама воспринимаемая ситуация действительности может быть описана только в предшествующей фразе: (*отрок*) *свѣргъ порты съ себе. сунуса въ Днѣпръ и побрѣде. и* ***видѣвше*** *Печенѣзи оустрѣмишася на нь стрѣлающе єго. и не могоша єму ничто же створити* (6476); может описываться только внутри составляющей с причастием во главе: *бы*[с] *на тоу (но)чь дожчь великъ велми. на оутрѣи же дн҃ь Изаславъ* ***видивъ ѩже Днѣпръ казитса*** *и ре*[ч҃] *к моужемъ своимъ. къ Оугромъ. се съ симъ ны са полко*[м҃] *нѣлзѣ бити. сею рѣкою* (6656); или же описание воспринятой ситуации может повторяться или уточняться в составляющей причастия: *Печенѣгомъ же пришедъшимъ. и хотащимъ на Семеѩна. расваришася Грѣцкыꙗ воєводы.* ***видѣвъше*** *Печенизи. ꙗко сами на са рать имуть. ѿидоша въ своꙗси. а Болгаре съ Грѣкы съступишася* (6423).

Этой основной закономерностью описывается подавляющее большинство употреблений причастия, но не все: в исследуемом тексте возможно и употребление причастий вне стандартного контекста. Есть также и другие типы отклонений от закономерности: употребление финитных форм и дательного самостоятельного в стандартном для причастий контексте. Ниже рассматриваются эти различные типы отклонений.

Употребления причастий вне стандартного контекста встречаются крайне редко. В исследуемом тексте они отмечаются в трех случаях.

В одном случае глагол *видѣти* употреблен с отрицанием. Этот случай не подходит под стандартное правило, так как данная конструкция описывает совсем другую ситуацию (не было самого факта восприятия и, значит, реакции субъекта): *мнѧтьсѧ ꙗко аера достигше. и тако любовью едва ѿходѧть похвалѧюще бо҃гомоудрество твое блж҃нии же* ***не видивше.*** *но вѣроующе радоуютьсѧ. ꙗкоже вѣща Соломонъ* (6705).

Есть также два на весь текст примера на *ш*-причастие глагола *видѣти* с особым синтаксисом. В первом случае причастие оказывается отделенным от финитного глагола, имеющего то же подлежащее, союзом *яко*: *сему же ми сѧ дивлѧщю. рекоша ми се не дивно. и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за Самоꙗдь. ꙗко* ***видивше сами*** *на полунощнъихъ странахъ спаде туча и в тои тучи спаде вѣверица млада акы топерво рожена и възрастъши. и расходитсѧ по земли и пакы бываеть другаꙗ туча. и спадають оленци мали в нѣи* (6622) — союз логично было бы встретить после причастного оборота, а не перед ним. (Можно предположить, что подобный синтаксис — результат попытки летописца передать по памяти прямую речь рассказчика.)

Во втором примере причастие отделено от ближайшего финитного глагола с тем же подлежащим целой серией предикативных форм с другими подлежащими: *идоущоу емоу братоу на помощь. многы же ꙗзви. и инии же ѿ меча его оумроша. снемшесѧ с Мирославомъ. и видѣвъ. ꙗко Оугре сбираютьсѧ. и ехаста на нѣ два. ѡнем же не стѣрпѣвши҃. оскочиша дроугим же приехавшимъ. и сразившимсѧ. и ти не стѣрпѣша. гонѧщимъ же има разлоучистасѧ. потом же* (Даниил) ***видивъ брата. добрѣ борющасѧ. и соулици его кровавѣ соущи. и ѡскѣнищю. исѣченоу ѿ дареньꙗ мечеваго*** *Въ лѣ . ҂ѕ҃.. ѱ҃.. м҃.* (6740) (в неразделенном на годы Хлебниковском списке вместо даты: *И пакы*) *Глѣбъ Зѣремѣевичь. собравъ Оугры. приѣха на стѧгъ Василковъ. Данилови жи приѣхавши к нимъ*[2].

Прежде чем разбирать случаи употребления финитных форм в причастных контекстах, надо сказать о контекстах, типовых для самих финитных

Такое причастие почти всегда стоит в препозиции к глаголу, обозначающему реакцию на воспринятое: всего лишь в двух примерах из 119 причастие находится в постпозиции.

[2] О том, что подлежащее причастного оборота — Даниил, можно догадаться по тому, что он является основным действующим лицом повествования.

форм. Как правило, они употребляются тогда, когда на ситуацию восприятия нет никакой реакции воспринимающего субъекта, — разумеется, так бывает чаще всего тогда, когда глагол восприятия является единственным предикатом при своем подлежащем (в данной предикативной единице): *приїдоша прузи на землю Рускую. мц҃а. авгу с҃ въ. ѕ҃і. ї поꙗша всаку траву. и многа жита. ї не бѣ сего слышано во дн҃ехъ первыхъ в землѣ Рускои. ꙗкоже* ***видиста*** *ѡчи наши. за грѣхи наша* (6602). Так же обстоит дело, когда глагол восприятия является последним в цепочке предикаций, относящихся к одному субъекту: *єдиною єму стоꙗщю вь црк҃ви на мѣстѣ своємь. и възведе ѡчи свои. и позрѣ по братьи иже стоꙗть поюще по ѡбѣима сторонама. и* ***видѣ ѡбьходаща бѣса. вь ѡбразѣ Лаха в лудѣ. носаща. вь приноле цьвѣтокъ. єже гл҃тьса лѣпокъ*** *и ѡбьхода подлѣ братью. взимаꙗ из лона цьвѣтокъ* (6582) (подлежащим последнего глагола является уже бес). Имеются также четыре примера на употребление финитных форм глагола *видѣти* тогда, когда они являются не единственными и не последними в нарративной цепочке, но обозначаемую ими ситуацию восприятия нельзя счесть предпосылкой какой-либо реакции субъекта: *съжаливси ꙗко без него приносать и. ї всѣдъ на конь в борзѣ поѣха. поемъ съ собою Климанта. егоже постави игумена по собѣ. їдаста в собѣ* ***видаста зарю велику****. ї ꙗко приїдоста близъ.* ***видѣста свѣщи многы****. надъ пещерою. ї приидоста к пещерѣ и не видиста ничто же* (6599); *Данилоу же королеви. идоущоу емоу. по езероу и* ***видѣ при березѣ. горо красноу. и градъ бывши на неи****. преже* ***именемь Раи****. ѿтоуда же приде в домъ свои* (6763); *повелѣ зажечи и. и тако черес ночь изгорѣ всь. завътра же приѣха Боурандаи в Володимерь и* ***видѣ своима ѡчима городъ изгорѣвши всь.*** *и нача ѡбѣдати оу Василка на дворѣ. и пити* (6769).

Как уже было сказано, имеют место и случаи, когда ситуация зрительного восприятия описывается с помощью финитных глагольных форм, которые являются не единственными и не последними в нарративной цепочке, и ситуацию восприятия можно понять как предпосылку для реакции субъекта, т. е. когда финитные формы используются в типичном для причастий контексте. В изучаемом тексте в подобных условиях встречается 27 употреблений аориста глагола *видѣти*: *Мъстислав же ѡ свѣтъ. заоутра и* ***видѣ лежачи исѣчены. ѿ сво*** *и* ***хъ Сѣвѣръ. и Варагы Ꙗрославлѣ****. и ре ч҃ кто сему не ра д҃.* (6525); *єдиною єму стоꙗщю на заоутрѣни. възведе ѡчи свои хота видити. игумена Никона. и* ***видѣ ѡсла стоꙗща на игумени мѣстѣ.*** *и разумѣ ꙗко не вьсталъ єсть игуменъ* (6582); *тоу начаша Игора оубивати. и оудариша Володимира бьюче Игора. Михаилъ же* ***видѣ то. и*** *скочи с кона. хота помочи Володимироу* (6654) и т. д.[3] Одно из таких финитных

[3] В одном таком случае глагол *видѣти* находится внутри придаточного предложения с частицей *бо*: *Дмитрови же Кыевьскомоу тысацкомоу. Даниловоу. рекшоу Батыеви. мози страпати в землѣ сеи долго времa ти есть. на Оугры оуже поити. аще ли встрапаеши земла ти есть силна. сбероуть є҃ на та. и не поустать тебе в землю свою. про то же ре ч҃ емоу.* ***види бо землю гибноущоу Роускоую. ѿ*** *неч є҃ тваго* (6748).

употреблений глагола *видѣти* является точной библейской цитатой: *и* ***видѣ жена ꙗко добро дрєво въ ꙗдь.*** *и вземьши жена снѣсть. и въдасть мужю своєму* (Речь фил.) (Быт. 3: 6); еще одно — не совсем точной, взяты фрагменты двух соседних стихов: *и ре*^{ч} *єму* ***видѣхъ бѣду лю*^{д}*и мои*^{х} *въ Єгуптѣ.*** *и низълѣзохъ изати ꙗ ѿ руку Єгупетьску* (Речь фил.) (Исх. 3: 7 и 3: 8).

Как уже было упомянуто, возможен и такой тип отклонений от правила, когда в контексте, где глагол *видѣти* обозначает предпосылку следующего действия субъекта, используется еще один способ оформления предикации — дательный самостоятельный (подлежащие дательного самостоятельного оборота и обозначающей реакцию предикации при этом, разумеется, совпадают). В тексте есть всего три примера на дательный самостоятельный с *ш*-причастием глагола *видѣти*, и все они находятся в Галицкой части летописи: *Мьстиславъ же Мьстиславличь. повелѣ впередъ переити. рѣкоу Калкоу Данилови с полкы инѣмь полкомъ с нимъ. а самъ по немь переиде еха же самъ во сторожѣ.* ***видившоу же емоу полкъ Татарьскыꙗ.*** *приѣхавъ ре*^{ч} *вороужитеса* (6731); *Львови же сосѣдшоу с коня ѡдиномоу. и бьющюса с ними крѣпко* ***видившимъ же имъ ꙗко Левь ѡдинъ бьетьса с ними.*** *навратишаса малии на помощь емоу* (6763); *кликоста великомъ. гл*^{с}*мъ бѣгъ бѣгъ Ѩтвазем.* ***Ѩтвазем же видившимъ скорое пришествие*** *и не стѣрпѣша. и оувратиша*^{с} *на бѣгъ* (6764). В Галицкой части летописи особенно много дательных самостоятельных оборотов, причем для многих из них невозможно точно определить синтаксически управляющую предикацию. (В таких случаях говорят еще, что дательный самостоятельный «используется как независимое предложение» [Сабенина 1978: 425].) Таким образом, тенденция этой части летописи оформлять многие предикации дательным самостоятельным распространилась и на такие, которые в большинстве случаев бывают оформлены обычным причастным оборотом.

Из 26 встречающихся в исследуемом тексте употреблений причастия настоящего времени (для краткости — *щ*-причастия) глагола *видѣти* 12 появляются в том же стандартном контексте с той разницей, что и зрительное восприятие и реакция на него предполагаются одновременными и длительными. Глагол, обозначающий реакцию на воспринятое, в двух таких примерах стоит в форме настоящего времени, в шести — в форме имперфекта, в трех — тоже *щ*-причастия, в одном случае — это инфинитив имперфективной основы. Приведем по одному примеру каждого вида: *похвалаєму правѣдному възвєсєлатса лю*^{д}*є. бесм҃ртьє бо єсть пама*^{т} *єго. ꙗко ѿ Б҃а познаваєтса и ѿ чл҃вкъ. сє бо вси чл҃вци прославлаю*^{т}. ***видаще лежащѣ тѣлѣ за многа лѣта*** (6477); *нача пущати ѡгнь трубами на лодьꙗ Рускыꙗ. и бы*^{є} *вїдѣти страшно чюдо. Русь же* ***видащє пламень*** *вмѣтахуса въ воду морьскую. хотащє оубрѣсти. и тако прочии възвратишаса въ своꙗси* (6449); *Мы же на предлежащее возвратимса. и* ***вида ѡбразъ Бж҃ии. и всѣ ст҃ыꙗ иконы.*** *смираꙗ ѡбразъ свои скрошенъмъ ср*^{д}*цмь и смиренъмъ. оуздъихание ѿ ср*^{д}*ца возноса. и слезами ѡбливаꙗ лице свое. взираꙗ ꙗко на самого Творца. и покаꙗние. Дв҃да ц*^{с}*ра приимаꙗ. плачаса ѡ грѣсѣхъ своихъ.*

гл҃а Г҃и. ꙗкоже дрѣвле разбоиника. и блоудницю и мытара. ѡправдалъ еси (6705); *посем же поиде Тельбоуга. в Лахы и Алгоуи с нимь. вси кнази а Володимѣра воротиша. назадъ зане бы жалостно зрѣти на нь.* ***видачи его болна соуща*** (6795).

Еще в 10 случаях *щ*-причастия глагола *видѣти* тоже используются в стандартном контексте, но при этом глагол, обозначающий реакцию субъекта на воспринятое, стоит в форме аориста (или перфективного будущего), так что ситуации следует, видимо, трактовать как последовательные, а не одновременные, например: *другии братъ именемь. Матфѣи тои бѣ прозорливъ. єдиною єму стоꙗщю вь цр҃кви на мѣстѣ своємь. и възведе ѡчи свои. и позрѣ по братьи иже стоꙗть поюще по ѡбѣима сторонама. и видѣ ѡбьходаща бѣса .... se вида старѣць повѣда братьи своєи* (6582) и т. д. В тексте можно найти примеры, где при одних и тех же обозначающих реакцию глаголах формы *щ*- и *ш*-причастий варьируются: *приѣха Володимѣрь. и ради быша вси людье* ***видаче свое҃ г҃на. приѣхавша. во здоровьи****. и перебывъ мало дн҃ии. оу Володимери* (6795) — *Воишелкъ же нареклъ и башеть. Василка. аки ѡц҃а собѣ и господина. и приде же Шварно с помочью. в Литвоу к Воишеволкови. и* ***видѣвъ****. Воишеволкъ* ***помочь Шварновоу и Василковоу ѡц҃а своего.*** *и радъ бы҃ велми. и нача пристраватиса* (6772); *посла сн҃а своего Володимера Чернѣгову. и пришедшу Володимеру.* ***видивъ ѡц҃а больна. суща*** *плакаса велми. и присѣдащю Володимеру. ї Ростиславу с҃ну меншому его. и пришедшу же часу прѣставіса тихо ї кротко* (6599) — *Кондратъ же приде к Володимероу. идеже лежаше в болести своеи. крѣпко стража. и вшедъ поклониса. емоу. и плакаса по великоу* ***вида болесть его. и оунынье тѣла его краснаго****. повѣстивъ же со братомъ рѣчи многии ѡ нѣхже передѣ писахомъ. иде на подворье* (6795). Общее у этих употреблений только то, что реакция является не физическим действием, а эмоциональным или речевым (8 примеров) или действием Бога (2 примера), — однако во всех этих случаях возможно и *ш*-причастие, как это иллюстрируют вышеприведенные примеры.

Рассмотрим отклонения от правила для *щ*-причастия.

Оно так же, как и *ш*-причастие, может употребляться не в стандартном контексте, когда обозначаемая им ситуация восприятия не является причиной или предпосылкой никакой другой. Есть пять таких примеров, в трех из них причастие — просто одна из нескольких предикаций, относящихся к одному подлежащему: *река не дамъ полоу ѡч҃ины своеи. но ѣдоу к Батыеви самъ ... и падъ пре҃д. архистратигомъ. Михаиломъ. изииде из манастыра. въ лодьи.* ***вида бѣдоу страшьноу и грозноу.*** *и прииде Переꙗславлю и стрѣтоша Татаровѣ ѿтоуда же ѣха къ Коуремѣсѣ* (6758); *тако скончаса. блж҃ныи Борисъ приимь вѣнѣць ѿ Х҃а Ба҃ с правѣдными причтеса сь пр҃оркы и съ ап҃лы и с лики мч҃нкы въдвораꙗса. Авраму. на лонѣ почиваꙗ.* ***вида неизречьньную ра҃дость.*** *вьспѣваꙗ съ анг҃лы. и веселаса с ликы ст҃хъ* (6523); *пришедшоу же Данилоу. и Болеславоу ко градоу вси вои хотахоу взати града приметомь вѣтроу же напрасно вѣющоу на гра҃д. а градъ же елинью*

створенъ бы ^{ѕ}. *и* ***греблю малоу видѧще***[4] *искахоуть бо вои ѣздѧще сѣмо и сѣмо. дрѣва и соломы. што бы привреши градоу. не ѡбрѣтоша* (6762). И еще в двух других случаях, не подходящих под стандартное правило, *щ*-причастие выступает как единственное сказуемое придаточного предложения, но его подлежащее совпадает с подлежащим главного*: вдасть имъ да владѣеть ими. ѡни же с вѣликою радостью срѣтоша и.* ***ꙗко великаго Романа видѧщи****. потом же Ѡлександръ живѧше въ Бѣлзѣ. а Инъгваръ в Володимерѣ* (6712); *поча вороги своѣ избивати. изби ихъ бещисленое множество. а дроузии розбѣгошасѧ* ***камо кто видѧ****. и ѡного Ѡсафьꙗ оуби* (6772).

Финитные формы глагола *видѣти*, обозначающие незаконченное действие, имперфект и презенс, употребляются, как правило, тогда, когда глагол является единственным предикатом при своем подлежащем (в данной предикативной единице): *сему даръ данъ ѿ Бг҃а проповѣдаше. провидѣ будущаꙗ и аще кого видѧше в помышлении ѡбличаше в таинѣ. и наказаше блюстисѧ ѿ дьꙗвола* (6582). Имеется также один пример на употребление этих форм глагола *видѣти* тогда, когда они не являются единственными, но обозначаемую ситуацию восприятия нельзя счесть предпосылкой никакой (ни одновременной, ни последующей) реакции субъекта: *и бѣ Адамъ в раи. и* ***видѧше Бг҃а*** *и славѧше. єгда анг҃ли славѧху Бг҃а. и ѡнъ с ними* (Речь фил.). И есть всего четыре примера на отклонения от правила второго типа, где ситуация восприятия, описываемая финитными формами глагола *видѣти*, имеет место одновременно с реакцией на нее: *възвращашетьсѧ Кыєву. на Оуспениє ст҃ыꙗ Бц҃а и ту пакы празникъ свѣтель. съзываше бещисленоє множьство народа.* ***видѧше же люди кр^{ѣ}тьꙗны суща.*** *радовашесѧ дш҃ею и тѣломъ. и тако по всѧ лѣта творѧше* (6504); *заступають ѿ супротивнаго врага а бѣси на злоє всегда ловѧть завидѧще єму. понеже* ***видѧть чл҃вка Бм҃ъ почьщена****. и завидѧще єму и на зло слеми скори суть* (6523) и т. д. (Причем в одном таком случае глагол восприятия есть единствнное сказуемое временного придаточного предложения, вводимого союзом: *бѣ бо крѣпокъ на рати. всегда бо тоснѧшетьсѧ оумрети за Роускоую землю. и за хр^{ѣ}тьꙗны.* ***єгда бо видѧше. х^{ѣ}тьꙗны полоненъ ѿ поганъ^{ѣ}*** *и тако молвѧше дроужинѣ своєи. братьꙗ ничто же имете во оумѣ своє^{м}* (6686).)

Для *щ*-причастий глагола *видѣти* есть также четыре примера на такого рода отклонения от стандартного правила употребления причастий, когда оформленная дательным самостоятельным предикация с глаголом *видѣти* обозначает причину или предпосылку другой: *самъ же по всѧ не ли причащение имаше слезами ѡмываꙗ лице. свое и въздыханиемъ. частъмъ смирѧꙗ. себе. и стонание ѿ ср^{д}ца. своего испущаꙗ.* ***всим видѧщи^{м} его в толици смиреньи.*** *стоꙗша. и тако не можаху оудержатисѧ ѿ слезъ* (6670); *Данилъ же идѧше полкомъ своимъ. посрѣ^{д}. великоу же полкоу бывшю его. оустроенъ бо бѣ храбръми людми. и свѣтлъмъ ѡроужьемь.* ***ѡнѣмь же***

[4] В Ипатьевском списке это место испорчено, в нем стоит *видящоу*, но в прочих — *видяще*.

видѧщимъ. *не хотѧхоуть. сразитисѧ с нимъ. но клонѧхоутьсѧ на Дьмьѧна* (6739); *Галичаном же текоущимъ оу стремени его.* ***Данилови же видѧщоу и Василкови гордость его***. *болшоую враждоу на нь воздвиг ^н^оуста* (6748); ***людемь же видѧщимъ. ꙗко ѿ Татаръ зажьженъ бѣ гра ^б^***. *и вбѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмь не могоша сбиратисѧ* (6767). Всего дательных самостоятельных с *щ*-причастием в тексте шесть, и два из них имеют особые подлежащие и обозначают такие ситуации зрительного восприятия, на которые нет реакции: *и сташа оу Добна. ѡжидаючимъ имъ ѿ ѡц҃а помочи бы же имъ вѣсть ѡже идеть кн҃зь Дюрги съ братомъ своимъ Вѧчеславомъ постоупиша к Луческоу. Володимиру сущю братоу Изѧславлю в Лучьски. приближающимъ же сѧ имъ. к городу. и* ***видѧщимъ стѧгы ѿц҃а своего. и*** *възрѣвшимъ. пѣшець вышедше из города. и стрѣлѧющимъсѧ с ними Ростиславу же и Борисови. и Мьстиславоу не* (лакуна) (6657); *бывъшее знамение в Новѣгородѣ* ***всимъ людемь видѧщимъ***. *вь трѣхъ бо цркв҃ахъ Новогородьскы . плакала. на трехъ иконахъ ст҃аꙗ Бц҃а видѣвьши бо Мт҃и Бц҃ꙗ пагубу хотѧщюю быти надъ Новымъгородомъ. и надъ его волостью. молѧшеть бо. сн҃а своего со слезами. абы ихъ ѿинудь не искоренилъ* (6681).

Можно собрать воедино полученную для глагола *видѣти* статистику. Соотношение причастных и финитных форм глагола в случаях, где ситуация восприятия является законченной, показано в табл. 1, в случаях, где она является длительной и незаконченной, — в табл. 2 (при этом формы, появившиеся в результате описок, учитываем в их восстановленном, правильном виде.)

Таблица 1

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	Краткие *щ*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	Финитные формы
В стандартн. контексте	120	10	3	27
Не в стандартн. контексте	3	—	—	
Всего данной формы	**123**	**27**	**3**	

Таблица 2

	Краткие *щ*-причастия в Им. пад.	ДС с *щ*-причастием	Финитные формы
В стандартн. контексте	12	4	4
Не в стандартн. контексте	5	2	
Всего данной формы	**27**	**6**	

Как можно видеть, длительные ситуации зрительного восприятия вообще встречаются гораздо реже, чем законченные, что логично для нарративного по преимуществу летописного дискурса. И в случае длительных ситуаций большинство причастных форм употребляется не в стандартном причастном контексте, видимо, потому, что длительные зрительные ситуа-

ции реже оказываются в цепочке каузальных отношений (подобных законченных ситуаций зрительного восприятия — 160, а длительных — 28), ведь эти отношения скорее предполагают законченность ситуаций.

По тексту летописи в целом в стандартном контексте, где ситуация восприятия является предпосылкой реакции субъекта, соотношение форм для случая, где ситуации имеют место последовательно, следующее: 75 % кратких *ш*-причастий, 6 % кратких *щ*-причастий, 2 % дательных самостоятельных с *ш*-причастием и 17 % финитных форм; для ситуаций, имеющих место одновременно: 60 % кратких *щ*-причастий, 20 % дательных самостоятельных, 20 % финитных форм.

2. Глагол *слышати*. Этот глагол может иметь в летописном тексте два значения: «слышать звук» и «слышать о событии, узнавать». Таким образом, он может обозначать и непосредственное восприятие (как *видѣти*) и опосредованное, через третье лицо получение информации. Все употребления его *ш*-причастия (71 раз) тоже подходят под вышеописанную стандартную закономерность и во всех них глагол имеет второе значение: *а послете ны оучителѧ. иже могуть ны сказати книжнаꙗ словеса. и разумъ ихъ.* ***Се слышавъ****. Михаилъ ц҃рь. съзъва философы всѧ. и сказа имъ рѣчи всѧ Словеньскыхъ кнѧзь* (6406); *ѡни же рѣша єму въ Вифлеѥмѣ Июдѣистѣмь. Иродъ же* ***се слышавъ.*** *посла рекъ избѣитє младенца сущаа до дву лѣту* (Речь фил.); *Вълодимеръ же слышавъ ꙗко ꙗтъ есть Василко и ѡслѣпленъ. оужасасѧ и въсплакасѧ вельми* (6605) и т. д. Один из этих примеров является библейской цитатой: *видѣхо звѣзду єго на въстоци. приидохо*[м] *поклонитсѧ єму.* ***слышавъ жє се*** *Иродъ ц҃рь смѧтесѧ. и всь Иєр҃лмъ с нимъ* (Речь фил.) (Матф. 2: 3).

Этой основной закономерностью описываются все употребления *ш*-причастия глагола: употреблений его вне стандартного контекста в исследуемом тексте нет. Но есть другой тип отклонений: случаи употребления финитных форм в стандартном для причастий контексте.

Обычными, типовыми для финитных форм (обозначающих законченное действие) глагола *слышати* являются (как и для глагола *видѣти*) те контексты, где глагол является в цепочке предикаций, имеющих одно подлежащее, последним или вообще единственным (в данной предикативной единице): *се слышавше Жидове Козарьстии. приидоша ркуще.* ***слышахомъ ꙗко при*[х]*диша Болъгаре и хр*[с]*тьꙗни. оучаще тѧ кождо ихъ вѣрѣ своєи*** (6494). Есть один пример, где глагол *слышати* является не последним и не единственным в цепочке и на ситуацию восприятия нет никакой реакции субъекта: *Федосии молѧшеть Ба за нь. и молитву творѧшеть над нимь. нощь и дн҃ь. дондеже на. г҃. єє. лѣ*[т]*. прогл҃авъ.* ***и слыша*** *и на ногы нача вьставати. акы младенѣць. и нача ходити. и не брежаше кь цркв҃и ити. но нужею привлечахуть єго кь цр҃кви* (6582), но в этом примере глагол *слышати* и не имеет значения «узнавать, слышать новость», так что и этот пример не противоречит обсуждаемой закономерности.

При рассмотрении случаев употребления финитных форм в причастных контекстах главную трудность вызывает омонимия аориста 2-3 лица единственного числа и *щ*-причастия мужского рода единственного числа — *слыша*[5]. Эта форма употребляется 7 раз тогда, когда обозначает предпосылку реакции субъекта. В примере *тако по всѧ лѣта творѧше. бѣ бо любѧ книжнаꙗ словеса.* ***слыша бо єдиною. єоуанг҃лиє чтомо.*** *блж҃нии мл твии ꙗко тѣи помиловани будуть. и пакы проидаите имѣниꙗ ваша. и даите нищимъ. и пакы не и скрываите собѣ скровища на земли идеже тлѧ тлить. и татьє подъкоповаєть. но скрываите собѣ скровище на нбси . идеже ни тлѧ тлить. ни татьє крадуть. и Дв҃да гл҃ща бл҃гъ мужь милуꙗ и даꙗ. Соломона слыша гл҃ща. даꙗ нищимъ Бу҃ в заємь даєть. си слышавъ повелѣ нищю всѧку и оубогоу приходити на дворъ* (6504) наречие *единою* указывает на законченность действия, иными словами, *слыша* здесь — аорист. Еще в пяти случаях употребления *слыша* нет никакого критерия, по которому можно было бы заключить, что это за форма. В двух из этих пяти примеров с формой *слыша* даже не ясно, понимать ли восприятие и реакцию на него как одновременные или же последовательные*: паче же милостынею баше мл҃твъ.* ***слыша Г҃а гл҃ща.*** *аще створите братьи моеи меншеи то и мнѣ створисте. пакы Дв҃дъ бл҃ть. блж҃нь моужь милоуꙗ и даꙗ всь дн҃ь. ѡ Г҃дѣ не потькнеть҃. моужьство и оумь в немь живаше правда же истина с нимь ходаста. иного добродѣаньа в немь много бѣаше* (6495); *мл҃тнѧ и дивныꙗ щедроты. ꙗже ко оубогымь творѧше. и к сиротамъ. и к болѧщимъ. и ко вдовичамъ. и къ жаднымъ и ко всимъ творѧше мл҃ть требоующимъ. мл҃ти (требоующи҃) слышалъ собѣ . гла҃ Г҃нь ко Вьходъносороу ц҃рю. свѣтъ мои. да боуде҃ ти вгоденъ. и неправды твоꙗ. щедротами нищихъ.* ***еже слыша*** *ты ѡ честниче дѣломъ. слышаное. просѧщимъ подаа* (6495). В остальных трех (из пяти) случаев очевидно, что ситуации имеют место последовательно: *бѣ оу него Ѥ҃кимъ слуга вьзлюблены имъ. и* ***слыша ѿ некого . аже брата его кнѧзь велѣлъ казнить.*** *и оустрѣмисѧ дьꙗволимь наоучениемь. и тече вопиꙗ кь братьи своеи. кь злымъ свѣтни҃мъ. ꙗкоже Июда къ Жидомъ* (6683). Можно только констатировать, что в стандартном причастном контексте, где ситуации имеют место последовательно, данный способ выражения редок по сравнению с *ш*-причастным (5 к 71). Можно также предположить, что во всех этих примерах с формой *слыша* и сам книжник не отдавал себе отчета в том, что это за форма, используя устойчивый трафарет, способ описания ситуации слышания слов или новости.

Есть также один пример употребления *слыша* в стандартном причастном контексте в сочетании с подлежащим в дательном падеже**:** *написавъ на стрѣлѣ. кладѧзи. ꙗже суть за тобою. ѿ вьстока. ис того вода идеть по*

[5] Единственный пример с формой *слыша* в синтаксическом контексте, где она является единственной глагольной формой при своем подлежащем — библейская цитата *ихже ѡко не видѣ ни оухо слыша. ни на срце члв҃ку възыиде. ꙗже оуготова Бъ҃ любѧщимъ его* (6683) (1 Кор. 2: 9), поэтому ясно, что здесь *слыша* — аорист.

трубѣ. копавше преимете воду. ***Володимеру же се слыша****. възрѣвъ на н҃бо и ре҃ч. аще сѧ сбудеть. се имамъ кр҃ститисѧ* (6496) (так во всех списках). Здесь мы, видимо, имеем дело с *щ*-причастием в именительном падеже — сказуемым дательного самостоятельного (такое возможно, хотя, видимо, и является нарушением норм книжного языка [Worth 1994: 33]). Ситуации восприятия и реакции в данном примере имеют место не одновременно, а последовательно.

Есть и один пример употребления другой формы аориста глагола *слышати* в стандартном для причастия контексте: *а Лазорь и Василь воротистасѧ Турииську. и* ***слышаша*** *людье.* ***ꙗко в Туриискѣ суть.*** *и кликоша людье на Дв҃да. рекуще. выдаи кого ти хотѧть* (6605).

Дательных самостоятельных с *ш*-причастием глагола *слышати* в исследуемом тексте вообще нет.

Причастный оборот с *щ*-причастием встречается в тексте только однажды, причем в стандартном причастном контексте: *послахъ на вы. гл҃ть Г҃ь вседержитель. и* ***си слышаще*** *вьстѧгнемсѧ ѿ зла на добро* (6579). Финитные формы глагола *слышати*, обозначающие незаконченное действие, в исследуемом тексте появляются только в тех случаях, когда глагол *слышати* является единственным глаголом при своем подлежащем: *реклъ тако Василко. се* ***слышу*** *ꙗже идеть Володимеръ и Ст҃полкъ на Дв҃да. даже бы мене Дв҃дъ послушалъ. да быхъ послалъ мужа своего к Володимеру* (6605). Таким образом, случаев употребления финитных глаголов в стандартных для *щ*-причастий контекстах в тексте нет.

Как можно видеть, для исследуемого глагола есть только один достоверный и еще два сомнительных примера, где ситуация восприятия имеет место одновременно с какой-либо другой, — это гораздо меньше, чем для глагола *видѣти*. Это может объясниться тем, что для ситуации слышания новости (опосредованного восприятия информации) незаконченность гораздо менее характерна, чем для ситуации непосредственного, зрительного восприятия.

Соотношение причастных и финитных форм глагола *слышати* в случаях, где ситуации имеют место последовательно, показано в табл. 3.

Таблица 3

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	Краткие *щ*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	ДС с *щ*-причастием	Финитные формы
В стандартн. контексте	71	от 0 до 5	—	1	от 2 до 7
Не в стандартн. контексте	—	—	—	—	
Всего данной формы	**71**	от 0 до 5	—	—	

Здесь соотношений форм в процентах считать не будем из-за неоднозначностей, связанных с формой *слыша*.

Далее кратко рассмотрим и другие, гораздо менее частотные глаголы восприятия, синонимичные двум первым. Употребление их причастных и финитных форм объясняется аналогичными правилами — с той разницей, что эти префиксальные глаголы не имеют *щ*-причастий.

3. Глагол *оувидѣти***.** В тексте есть 9 его причастных форм (*ш*-причастий). Употребление всех их определяется стандартной закономерностью: *Михаилъ ц҃рь изыде с вои берего҃м. и моремъ на Болъгары. Болга҃р же* ***оувидѣвьше****. не могоша стати противу. кр҃титисѧ просиша. покорѧтисѧ Грѣко* (6366) и т. д.

Финитные формы данного глагола восприятия появляются там, где он является последним или единственным в цепочке. Также в трех случаях наблюдаются отклонения от закономерности употребления причастий: аорист глагола *оувидѣти* встречается в стандартном причастном контексте: *Ꙗкоже ркоша. Андрѣю оучащю в Синонопии. пришедшю єму в Корсунь.* ***оувидѣ ꙗко ис Коръсунѧ близъ оустьє Дьнѣпръскоє.*** *и въсхотѣ поити в Римъ. и приде въ оустьє Днепръскоє* (вст). Дательных самостоятельных с данным глаголом вообще нет в исследуемом тексте.

Соотношение разных причастных форм глагола и отношение причастных форм к финитным в контексте, где восприятие является причиной или предпосылкой реакции субъекта, иллюстрирует табл. 4.

Таблица 4

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	Финитные формы
В стандартном контексте	9	—	3
Не в стандартном контексте	—	—	
Всего данной формы	**9**	**—**	

Здесь соотношение форм глагола в контексте, где на ситуацию восприятия есть реакция субъекта, следующее: 75 % кратких причастий и 25 % финитных форм.

4. Глагол ***оузьрѣти*****.** Все 4 употребления причастий (*ш*-причастий) глагола *оузрѣти* описываются стандартной закономерностью: *Данилови же ѡ семь веселоу боудоущю. а ѡ мостѣ печаль имѣющоу. како Днѣстръ перейти. гнавъ же Данилъ ко мостоу. и* ***оузрѣвъ. ꙗко конѣчь мостоу.*** *оугаслъ есть и бы҃ радость велика* (6737) и т. д.

Финитные формы данного глагола восприятия появляются там, где он является последним или единственным в цепочке предикаций, имеющих

одно подлежащее. В одном случае — и там, где глагол не является ни последним, ни единственным, но, так как само восприятие отрицается, нет и реакции субъекта на воспринятое: *Ѡлговичи же не могоущи сѧ с ними бити. заложивъшесѧ нощью идоша прочь. Половци же ѡсвѣтивъшесѧ.* ***и не оузрѣша ихъ.*** *и гонившесѧ по нихъ и не постигоша ихъ* (6699).

Еще в четырех случаях наблюдаются отклонения от закономерности употребления причастий: аорист глагола ***оузьрѣти*** встречается в стандартном причастном контексте: *поидоста по Дънепру. идучи мимо. и* ***оузрѣста на горѣ городокъ.*** *и въспрошаста ркуще. чии се городъ* (6370). Есть три случая употребления дательного самостоятельного (в Галицкой части летописи) с этим глаголом, и во всех из них дательный самостоятельный употребляется в стандартном причастном контексте: ***оузрѣвшима же има.*** *ꙗко не можета оудерьжати града. ико малодш҃на блюдѧщасѧ. ѡ преданьи града изиидоста слезнама ѡчима и ѡслабленомь лицемь. и лижюща оуста своѧ. ꙗко не имѣюща власти кнѧженьꙗ своего* (6743) и т. д.

Соотношение разных причастных форм глагола и отношение причастных форм к финитным в контексте, где восприятие является причиной или предпосылкой реакции субъекта, иллюстрирует табл. 5.

Таблица 5

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	Финитные формы
В стандартном контексте	4	3	4
Не в стандартном контексте	—	—	
Всего данной формы	**4**	**3**	

Здесь соотношение форм глагола в контексте, где на ситуацию восприятия есть реакция субъекта, следующее: 36 % кратких причастий, 28 % дательных самостоятельных и 36 % финитных форм.

5. Глагол *оуслышати.* В тексте летописи семь употреблений *ш*-причастия этого глагола. Все они соответствуют стандартной закономерности: *достоить никоторому же ꙗзыку имѣти буковъ своихъ. разъвѣ Євръи и Грѣкъ. и Латины. по Пилатову писанию. єже на кр҃стѣ. Г҃н҃ написа.* ***се же оуслышавъ*** *папежь Римьскыи. похули тѣхъ. иже ропьщю҃т на кникы Словѣньскыꙗ* (6406) и т. д.

Финитные формы появляются там, где данный глагол восприятия является последним или единственным в цепочке; также есть три случая отклонений от закономерности употребления причастий, где в стандартном причастном контексте встречается аорист глагола: *пращасѧ ѡ сѣмь со мною. развѣ Михаила кнѧза вашего. того бо ѡставихъ ту. ѿ него же бо дн҃е оустремисѧ молити предъ Бг҃омъ твоимъ.* ***оуслыша молитву твою.*** *и пущенъ есмь азъ брань створити со кнѧземь Перескымъ* (6619); *и* ***оуслы-***

ша *Конъдратъ кнѧзь Сомовитовичь. братъ Володимѣровъ. ꙗже далъ землю свою всю. и городы присла к Володимѣрю. посолъ свои* (6795); *Володимероу же преставлешюсѧ и Юрьи* ***оуслыша вѣсть. ѡ стрыи своимъ. и*** *вьеха въ Берестии. и нача кнѧжити в немь* (6797). Дательных самостоятельных с данным глаголом в тексте нет.

Соотношение разных причастных форм глагола, а также отношение причастных форм к финитным в контексте, где восприятие является причиной или предпосылкой реакции субъекта, иллюстрирует табл. 6.

Таблица 6

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	Финитные формы
В стандартном контексте	7	—	3
Не в стандартном контексте	—	—	
Всего данной формы	**7**	**—**	

Здесь соотношение форм глагола в контексте, где на ситуацию восприятия есть реакция субъекта, следующее: 70 % кратких причастий и 30 % финитных форм.

6. Глагол *оувѣдати*. Относим его к глаголам восприятия, так как он является синонимом глаголов *слышати* и о*услышати* в значении «узнать новость, воспринять информацию опосредованно». В тексте есть 45 *ш*-причастий этого глагола. Все эти употребления соответствуют стандартной модели: *Оугре же нашедше всю землю Болгарьскую. плѣноваху. Семенъ же* ***оувѣдавъ****. на Оугры възвратисѧ* (6410); *и не дадѧ собѣ покоꙗ. ни дн҃ь ни нощь. вь трудѣхъ. пребываꙗ вь бьдѣни и вь мл҃твахъ. по сем же оуведавше. добрѣи чл҃вцѣ. и приходѧху к нему. приносѧще єму на потребу* (6559) и т. д.

Финитные формы появляются там, где данный глагол восприятия является последним или единственным в цепочке. Также в семи случаях имеет место отклонение от закономерности употребления причастий, когда финитные формы данного глагола фигурируют в стандартном причастном контексте: *в то же времѧ* ***оувѣдаша*** *Печенѣзѣ. ꙗко кнѧзѧ нѣту придоша и сташа ꙗколо Бѣлагорода* (6505); *Федосии же* ***оувѣда. ꙗко Антонии шелъ кь Чернигову.*** *и шедъ с братьєю. вьзѧ Исакьꙗ. и принесе кь собѣ в кѣлью* (6582) и т. д.

В исследуемом тексте есть три примера на дательный самостоятельный с глаголом ***оувѣдати***. В стандартном причастном контексте дательный самостоятельный встречается в двух примерах из трех (оба в пределах Галицко-Волынской летописи): *боꙗре же пришедше падше на ногоу его просѧще мл҃ти. ꙗко согрѣшихом ти иного кнѧзѧ держахомъ. ꙗнъ же ѿвѣщавъ рче имъ. мл҃ть полоучисте. пакы же сего не створисте. да не во*

горьшаꙗ впадете. ***Данилови же оувѣдавшоу входъ ихъ.*** *посла на нѣ вое свое. и гнаша по нихъ до Горы и возвратишасѧ* (6744); *посла на нѣ вои своѣ. хотѧ оубитии ꙗ.* ***ѡнѣма же оувѣдавшима.*** *и бѣжаста ко кнѧзю Данилоу и Василкови. и приѣхаша во Володимеръ* (6757). В тексте есть еще один дательный самостоятельный: *оузрѣвши се. страхъ имъ бы ѿ Бг҃а. рекъшмъ. ꙗко свѣтъ нашь раздроушисѧ. и побѣгшимъ имъ. ꙗко ѡканьны Ст҃ополкъ. ѡнѣмь бѣгающимъ. и* ***еще не оувѣдавшоу кнѧ҃зю Данилоу. и Василкоу****. Василко же поѣхавшю Володимѣроу* (6738). Он имеет собственное подлежащее и к стандартному причастному контексту отношения не имеет уже потому, что сказуемое там с отрицанием.

Соотношение разных причастных форм глагола, а также отношение причастных форм к финитным в контексте, где восприятие является причиной или предпосылкой реакции субъекта, иллюстрирует табл. 7.

Таблица 7

	Краткие *ш*-причастия в Им. пад.	ДС с *ш*-причастием	Финитные формы
В стандартном контексте	45	2	7
Не в стандартном контексте	—	1	
Всего данной формы	**45**	**3**	

Здесь соотношение форм глагола в контексте, где на ситуацию восприятия есть реакция субъекта, следующее: 85 % кратких причастий, 4 % дательных самостоятельных и 11 % финитных форм.

Таким образом, в летописном тексте для глаголов одного лексического класса обнаруживается достаточно простой критерий распределения предикаций на причастные и финитные. Работает он не со стопроцентным эффектом, однако налицо выраженные предпочтения пишущих в соответствующих контекстах. Согласно сформулированной закономерности появляется большинство причастных оборотов двух частотных глаголов и все причастные обороты четырех глаголов менее частотных. Также в преимущественно причастных контекстах могут употребляться и финитные формы глаголов восприятия, а в Галицкой части летописи — также и дательные самостоятельные.

В русле дальнейшего изучения критериев распределения предикаций на финитные и причастные можно обнаружить аналогичные или сложнее устроенные закономерности употребления причастных и финитных форм для других частотных глаголов и в других текстах, а также, возможно, проанализировать и содержательные прагматические параметры функционирования причастий в текстах, образцовых для летописцев (в церковнославянском Евангелии в первую очередь). Такие исследования обогатили бы конкретными деталями описание языкового поведения древнерусского

книжника, были бы полезны с текстологической точки зрения (так как параметры употребления причастных оборотов могли варьироваться во фрагментах разного происхождения) и вписывались бы в актуальную проблематику изучения прагматических факторов в истории языка русской письменности, риторических и нарративных стратегий.

Литература

Алексеев 1987 — А. А. Алексеев. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // Russian Linguistics. Vol. 11. 1987.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Ипат. 1962 — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Изв. Отд. русского языка и словесности. 1923. Т. 24. Кн. 2.

Кедайтене 1968 — Е. И. Кедайтене. Дательный самостоятельный // Сравнительно-исторический синтаксис восточно-славянских языков. Члены предложения / Под ред. В. И. Борковского. М., 1968.

Лопатина 1978 — Л. Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Сабенина 1978 — А. М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978.

Večerka 1961 — R. Večerka. Syntax aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961.

Worth 1994 — D. S. Worth. The Dative Absolute in Primary Chronicle: some observations // Harvard Ukrainian Studies. 1994. Vol. 18. № 1/2: Special issue: Ukrainian Philology and Linguistics.

Т. А. Милёхина

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО ОГРАНИЧЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ
(лексикон саратовских предпринимателей)

1. Социально-профессиональный слой предпринимателей находится в стадии формирования и сохраняет до сих пор очень большую неоднородность. В нашем материале, который собирался в течение 1992—2005 гг., есть записи устной речи представителей крупного бизнеса г. Саратова (аптечного, ресторанного, обувного, алкогольного), предпринимателей среднего уровня (владельцев кафе, туристической фирмы, магазинов), мелких бизнесменов (арендатора продуктового магазина, посредника по юридическим услугам, владельцев автотранспортного предприятия и сети продуктовых ларьков).

В основе корпуса устных записей — речь предпринимателей среднего поколения, людей в возрасте 40—45 лет, хотя в целом возрастной спектр информантов шире — от 30 до 60 лет. Фиксировалась речь предпринимателей разного уровня образования. Преимущественно информантами выступали люди, имеющие высшее образование негуманитарного профиля, причем трое обладают и научными степенями: доктор физико-математических наук, кандидат экономических наук, кандидат медицинских наук. Но представлена, хотя в гораздо меньшем объеме, и устная речь предпринимателей со средним образованием (ПТУ, техникум). В основном записана речь мужчин, но есть и несколько женщин. Помимо владельцев, собственников в записях присутствует речь сотрудников частных предприятий: менеджеров высшего и среднего звена, бухгалтеров, секретарей, поставщиков продукции, юристов, страховщиков.

Чаще всего производились диктофонные записи, реже — ручные. Все они велись методом включенного наблюдения с ведома и разрешения говорящих. Характер устной речи различен. Записаны разноплановые в жанровом отношении монологи, диалоги и полилоги. Присутствуют записи официальной речи: интервью в СМИ, выступления на вечере поэзии, на юбилее спортивной школы, на презентации выставки, официально-деловые телефонные переговоры. Записи речи в рабочих ситуациях имеют преимущественно полуофициальный характер: переговоры, совещания, разбор конфликтных ситуаций, рабочая офисная текучка, непосредственные и те-

Русский язык в научном освещении. № 2 (10). 2005. С. 267—279.

лефонные диалоги с коллегами и подчиненными. Неофициальное общение зафиксировано устными диалогами в семье, на даче, в ресторане, в гостях. Неофициальные и полуофициальные монологи-интервью в общении бизнесменов с автором статьи содержат разговоры о работе, бизнесе, политике, литературе, театре.

2. Если некоторое время назад задача описания лексикона предпринимателей была невыполнимой в силу его становления, формирования принципов отбора составляющих его лексических единиц, то в настоящее время можно говорить о нем как об уже сложившемся в целом явлении, анализировать его возникновение, развитие, динамику и перспективы существования.

В самом общем виде лексикон предпринимателей складывается из лексики литературного языка и двух подсистем национального языка — профессиональной и жаргонной. Лексика литературного языка — это прежде всего финансово-экономическая и официально-деловая терминология. Профессиональная лексика делится на общую профессиональную и отраслевую, специализированную. Жаргонные единицы помимо собственно предпринимательских содержат многочисленные заимствования из уголовного жаргона, жаргона «компьютерщиков», программистов, спортсменов, наркоманов, а также элементы общего жаргона. Лексика литературного языка обслуживает официальные, бытовые, внутрисемейные сферы общения предпринимателей, профессиональная распространена в устном деловом общении, жаргонная обеспечивает скрытые от стороннего наблюдателя области деятельности.

3. Основу лексикона предпринимателей составляет литературная лексика, но в профессиональной речи значительное место занимает лексика терминологическая и номенклатурная.

3.1. Предприниматели работают в сфере экономики и финансов, поэтому в их устной речи присутствуют **экономические** термины *конъюнктура*, *конвертация*, *калькуляция*, *себестоимость*, *пролонгация*, *реинвестиции*, *спецификация*, в том числе новейшие заимствования *дилер*, *менеджер*, *топ-менеджер*, *промоутер*, *менеджмент*, *бренд*, *бизнес-план*; **финансовые** термины, среди которых **бухгалтерские** *баланс*, *расчет*, *учет*, *сумма*, *приход*, *остаток* и **банковские** *кредит*, *процент*, *счет*, *платежное поручение*, **юридические** термины, оформляющие торговые отношения: *налог*, *аренда*, термины **торговли** *товар*, *касса*, *розница*, *ассортимент*, *рынок*, *прибыль*, *артикул*, *наценка.*

3.2. Значительную часть лексикона предпринимателей составляет **официально-деловая лексика**, как собственно официально-деловая: *целесообразно*, *адекватный*, *будучи*, *меры*, *инцидент* и т. п. — так и ее составляющие: офисная, номенклатурная, управленческая, переговорная. Лексика, описывающая предметы, находящиеся в офисе, и отражающая условия труда предпринимателей: *факс*, *ламинатор*, *сервер* и т. п. Официальные

наименования подразделений предприятия: *офис*, *фирма*, *компания*, *отдел продаж*; *отдел сертификации*; *отдел по обеспечению международного транспорта*; *складское хозяйство*; официальные наименования документов: *вмененный налог*, *пакет социально-страховых услуг*; официальные наименования организаций: *фонд помощи ветеранам спецназа*; *фонд содействия малому бизнесу*; *налоговая инспекция.* ***Управленческая***, административная лексика, лексика сферы делового руководства: *обязанность*, *ответственность*, *руководитель*, *кадры*, *кадровый вопрос*, *мероприятие*, *организация.* Лексика, обслуживающая ***переговорный*** процесс: *переговоры*, *выдвинуть условия*; *подписать*; *стороны.* Лексика и фразеология ***советской деловой сферы***: *указание сверху*; *ждать звонка*; *взять на заметку*; *быть в курсе.*

3.3. Использование лексики литературного языка подчиняется законам устной речи. Литературная лексика употребляется в разговорных синтаксических структурах, соседствует со своими профессиональными и жаргонными аналогами, подвергается переосмыслению и метафоризации. Нередки и ошибки и неправильности в потоке речи: *возможные дальнейшие* ***инвестирования*** (вместо ***инвестиции***); *подход к подбору* ***менеджменов*** (вместо ***менеджеров***) //; *у нее есть* ***поручатели*** (вместо ***поручители***).

3.4. В лексиконе предпринимателей особую актуальность получают некоторые семантические области, например, семантическая группа *деньги*. Рассмотрим ее функционирование на примере двух слов: *деньги*, *цена.* Данные слова используются в прямом значении: *компенсировать* ***часть денег*** //; *Давай ждать сейчас пока* / ***денег*** / *сейчас подождем* //; входят в состав метафор: *В банк* / *в банк* / *в шесть часов* / *сколько* ***ушло денег?*** //; *Если мы сейчас с «Экспресс» возьмем* / *мы начнем* ***биться*** *и* ***за цену*** / *за бренды* / *там* / *и за все такое* //; ***Идея цены*** *мне нужна* //; ***Цены подняли*** *на свалку* //.

Деньги, *цена* могут быть представлены конкретными суммами: *Балашов* / *так* / ***6 тысяч*** *надо* //; *Вот где-то* / *вот* / *два* / *вот кролика там было* / *там* / *на* ***6 тысяч*** //; *Эти* ***7900*** *подписано?* ***11*** (тысяч) *что ж? они* / *наверно* / *все подписано* //; *По* ***250*** *были просто потрясающие костюмчики* //; *Футболки начинаются от* ***60****-ти* //. *Деньги* называются по той области, в которой они расходуются: *Транспортные еще подожди* // (деньги на транспортные расходы).

Актуальными в современной экономической ситуации являются номинации иностранных денежных единиц и все, что связано с конвертацией денег. Предприниматель: — *30 тысяч чего?* — Поставщик: — ***У. е.*** (условных единиц) / *конечно* //; *То есть я пошел в банк* / *дали мне кредит* / *одну тысячу* ***долларов*** //. На презентации выставки, где был устроен благотворительный аукцион по продаже картины художника, предприниматели спрашивали, например: *А в чем еще* / *в каких* ***единицах*** (будет продаваться картина)? Характерна также реакция на цену, за которую была продана картина: ***100 рублей*** *не хватило до* ***ста долларов*** / *курс не выдержали* //, в которой имеет место профессиональное выражение *выдержать курс*.

Наряду со словом *деньги* в речи предпринимателей употребляются слова *сумма* (определенное количество денег), *итог* (общая сумма): *Поставщикам какая* ***сумма****?* //; *Вот это* / *сколько? Где* ***итог****?* //. Например, диалог владелицы магазина с поставщиком товара: *П. Ну что* / *Оксан* / *есть у тебя* ***деньги****-то? — В. Нет* // *— П. Во сколько будут* / *вечером? — О. Вечером* // *— П. Вечером всю* ***сумму*** *отдашь? — О. А сколько там? — П.* ***Тысяча*** *ровно* // *— О. Ну давай* //.

Деньги, *цена* получают в речи различные определения: *Цена* ***нормальная*** / *от 800 рублей* //; *Это уже на* ***свои*** / *уже на* ***свои деньги*** / *«Барракуда»* (открыл пиццерию «Барракуда»); *Цены не очень* ***большие*** / *для Москвы они вообще* ***смешные*** //; *Когда уже все разъехались и* / *эт самое* / *женщина доехала до дома* / *выяснилось* / *что у нее подрана* / *э-э* / *задняя дверца* / *ее нужно ремонтировать* / *там в принципе* / *я думаю* / *что* / *если это будет стоить* / *там* / *ну* ***150—200 долларов от силы*** / ***небольшая сумма*** //.

3.5. Литературные слова в лексиконе предпринимателей подвергаются той или иной степени трансформации. В отличие от литературного *вести разговор*, *беседовать*; *проводить время в разговорах*, *заниматься болтовней*; *поддерживать отношения*, *общаться*[1] глагол *разговаривать* приобретает значение *обсудить проблему*, *договориться с партнером*, *высказать мнение.* В деловом разговоре предприниматель сообщает о результатах проведенных им переговоров следующим образом: *С Сашей я вчера* ***разговаривал*** / *вот* / *со Славиком буду* ***разговаривать*** //. Литературное значение *провести некоторое время в разговоре*, *за обсуждением чего-либо или говоря что-либо* глагола *поговорить* также актуализирует значение делового обсуждения условий аренды, сотрудничества, процентной доли прибыли: ***Поговорим*** / *может* / *какую-то перспективу построим* // или контекстное значение *решить проблему*, *устранить конфликтную ситуацию*: *Приедет человек* / *которого ты знаешь и* ***поговорит*** / *что с ним-то* ***разговаривать*** //; *Поэтому я* ***разговариваю*** *с тобой* / *а не с ним* / *что с ним-то* ***разговаривать*** / *пусть сами тогда с ним решают* / *что как* //.

Активизируется значение обсуждения в глаголах ***проговорить***, ***комментировать***, ***описать***. ***Проговорить*** меняет значение от *сказать какие-либо слова*, *фразы*; *произнести* до ***обсудить***: *Слушай* / *ну может быть* / *тогда ты также и* ***проговоришь*** / *в принципе мне сказали* / *что мы можем достать его также и в Москве* / *там* / *вот* / *но ты попробуй поговорить* / *может быть* / *с менеджером* // [Крысин 2004: 242]. ***Комментировать*** сужает свое значение от *составить комментарий*; *объяснить*, *толковать* до ***высказать свое мнение***: *Я не видел объем работ* / *поэтому я не могу это* ***комментировать*** //. ***Описать*** также конкретизирует значение от более широкого литературного *рассказать о ком-*, *чем-либо в письменной или устной форме*, *изобразить средствами языка* до *дать характеристи-*

[1] Здесь и далее толкование значений дается по Словарю русского языка в 4-х томах (М., 1985—1988).

ку, *оценить параметры земельного участка — размер*, *цену*, *перспективы продажи*, *застройки*: *Ты вчера все* ***описал*** *замечательно* / *но люди настойчиво говорят* / *надо еще посмотреть* / *съездить* //.

Некоторые глаголы в результате переосмысления значения меняют исходную для них лексико-семантическую принадлежность. Переносное значение встречи развивают литературные ***подскочить*** (*быстро подбежать*, *скачком приблизиться*) и ***пересечься*** (*расположиться крест-накрест с чем-л.*, *пересечь друг друга*, *скреститься*), а также специальные ***подсоединиться*** (*присоединить к основному источнику питания или управления*, *подключить*) и ***состыковаться*** (*соединиться встык*). Например: *Я* ***подскочу*** / *может* / *полпервого где-нибудь* //; *Ну как бы нам* ***пересечься*** / *может* / *во второй половине дня* / *может завтра* //; *Ну ты тут* ***подсоединишься*** / *в начале беседы* //; *Я подъеду туда* / *переговорю* / *а ты* / *ты* ***подскакивай*** / *я хочу их очень вывести на такой* / *компромисс добровольный* //.

3.6. Для лексикона предпринимателей типично широкое распространение **возвратных глаголов**, видимо, благодаря присутствию в их лексическом значении компонента *сам*, *в интересах себя.* Это литературные: *открываться*, *закрываться*, *появиться*, *дозвониться*, *встречаться*, *пересекаться*, *подсоединяться*, *состыковаться*, *определиться*, *укрупняться*, *ломаться*, *делаться*; профессиональные: *доложиться*, *вложиться*, *продаться*, *отзвониться*, а также жаргонные: *раскрутиться*, *подняться*, *навариться.*

Семантика возвратности настолько актуальна, что к существующим в литературном языке глаголам *доложить*, *продать*, *вложить* в профессиональной речи присоединяется **-ся**, со значением ‘действие, совершенное самим человеком, в своих интересах’: *продаться*, *вложиться*, *доложиться*. Например: *Мне нужно сначала моим компаньонам* ***доложиться*** //; *Круговорот какой-то получается* // ***Продался*** / *опять* / *замкнутый круг* //. По той же модели образуются и жаргонизмы *раскрутиться*, *подняться*, *навариться.* Возвратные глаголы распространены и в непрофессиональных сферах общения: *Вы уже* ***определились*** *с днем?* (в разговоре с племянником о дне его свадьбы); *Я просто* ***ломался*** *в очередной раз* / *сломал палец* //.

3.7. Широкое распространение в устной речи предпринимателей получает **предложно-падежная конструкция** с **предлогом *по***: *Там вопрос такой* / ***по витринам*** *там* //; *планируем разговор* ***по выставке****?*; ***По финансам*** / *я постараюсь* / *чтоб ты не обиделась* / *то есть там есть* ***варианты по обуви*** / *я чисто субъективно посчитаю* //. *У тебя* ***люди*** *прилетели* / ***по Стасу*** / *че сказали?*; ***По маргарину*** / ***по майонезу*** / *там* / *по* / ***по мылу хозяйственному****…*/; *Значит* / *тебе позвонит администрация* / *просто твоя фамилия* / *она прозвучит в числе предложений* ***по президиуму*** //; ***по браку*** *тоже проблем нет* /; *остаток товара* ***по шоколаду***; ***по «Львиному сердцу»*** (*название ресторана*) *решала с договорной группой*; *я* ***по цене*** *могу сказать*; *А сейчас в перспективе делать уже не будем* / *здесь* ***по центру*** //.

3.8. Для устной речи предпринимателей характерны **формы множественного числа,** не только *кухни*, *офисы*, *точки*, но и *бизнесы*, и *свободы*. Например: *Надо дать попробовать людям другие* ***кухни*** //; *Они как бы представлены разными* ***бизнесами*** //; *У меня* ***офисов-то*** *по городу несколько / полно офисов / но я не хочу там заниматься / отвлекать будут / обстановка не та / лучше здесь / в университете* //; *Вторую / третью / четвертую точку / ну и все / потом / когда перерос я эти* ***точки*** */ бистро стал открывать / потом с 97-го года пиццерию открыл / вот «Баррракуда» / пиццерия* //; *Действительно / в этой стране можно зарабатывать / поскольку какие-никакие* ***свободы*** *здесь есть* //. Актуальны также и нелитературные формы множественного числа: *джемпера*, *блюда*, *торта*, *продажи*, *супа*.

3.9. Еще одной яркой особенностью лексикона предпринимателей являются **слова-эвфемизмы**, присутствие которых связано с необходимостью непрямых названий, по разным причинам завуалированных номинаций, в том числе по причине коммерческой тайны. Для наименования новой реальности — новых процессов в экономике, новых субъектов социальной стратификации общества — используется литературная лексика, снабженная идентификаторами: ***твой*** *молодой человек* (член группировки, команды, подотчетный работник); ***нормальные*** *люди*, ***хороший*** *человек* (принадлежащие к определенному классу людей); ***те*** *люди*; *люди*, ***с которыми целесообразно разговаривать*** (люди определенного положения и уровня); *Пацаны /* ***кто кое-чего достиг*** */ хотят здесь участки купить и строиться* //.

3.10. Характерно употребление группы метафор с глаголами *идти*, *расти*, *жить*, *собирать*, *брать*, *сидеть*. Например: *На самом деле много / которые* ***шли*** *постепенно* (развивали бизнес, работали) */ как в анекдоте / вот / купили / потом два / два своих / четыре потом и так далее* //; *Люди* ***берут*** (покупают в собственность, приобретают) *ничто / и делают что /* ***берут*** *сарай / сносят его / делают красивое какое-то место* //; *Основная проблема / это масштаб / когда ты понимаешь / что вот / там / оно вроде и хорошее предприятие / но маленькое / пока еще* ***растет*** */* ***растет*** */* ***растет*** */ и не сопоставимы эти объемы* //; *На самом деле / первичный капитал / у всех он очень разный / вот / конечно / у многих образовался странным / не то что криминальным / странным способом / когда большие такие / вот / денежные или финансовые потоки* ***лились*** */ и кто-то рядом с ними* ***сидел*** */ как-то люди это все / естественно /* ***собирали*** */ вот / ну где-то кто-то хитрил с налогами* //; *Она хорошо занимается рутинной работой / она на ней* ***сидит*** //; *Ну начинали / там / с одной аптеки / две / три / четыре / пять / и так далее / потом помимо аптек открывали другие предприятия / вот / э / разного профиля / вот / кто-то из них* ***выжил*** *сейчас / кто-то не* ***выжил*** */ вот / сейчас / в общем бизнес приобрел разветвленный такой смысл* //.

3.11. В широком значении используется следующая группа слов: *ситуация*, *момент*, *процесс*, *задача*, *вопрос*, *структура*, *система. Инициро-*

вать эту ***ситуацию***; *активизировать эту* ***ситуацию***; ***ситуация*** *ведь здесь находится*; *выполнять* ***задачи*** *определенные*; *нацеливать на решение этих* ***задач*** *— всех там строить*; ***задача*** *по функционированию складского хозяйства / Сашк / решай ее //*; ***Вопрос*** *ведь не в организации, а в клейке / доставке сервера / в налоговую инспекцию / вот в этих* ***моментах*** *//*; *корректно завершить* ***вопрос***; *отрегулируй с ним* ***вопрос***; *Идет* ***процесс*** *в том / что щас идет человек там по телефону кого-то ... неразб. ... / проверяет свою этот //*; *Вот же / видно /* ***процесс****-то / видно какой / и отдел продаж ни фига ничего продавать не может / потому что нечего продавать //*; *Это очень важный* ***процесс*** */ он идет в одной канве…*; *Вот это я щас* ***структуру*** *пока еще не могу щас понять / потому что никто мне ее еще не объяснил / как она работает //*; *Он тут функционирует нормально в этой* ***системе*** *//*; *Нам / э / по многим* ***моментам*** *интересно / потому что во-первых / там / у них есть бренды / то есть «Ессентуки» / это однозначно // У них новые бренды интересные есть //.*

4. Помимо общелитературной лексики существенную долю лексикона предпринимателей составляет профессиональная и жаргонная лексика.

4.1. Наиболее распространенной по объему является **профессиональная лексика**, включающая не только общепринятые термины, но и отраслевые, специальные профессионализмы.

4.1.1. Выделяются ***профессионализмы***, характерные для той или иной области деятельности, т. е. ***отраслевые***, специальные.

Профессионализмы торговцев детской одежды: *работать по размерному ряду*; *трехпредметники* (комплекты одежды для малышей, состоящие из трех предметов); *царапки* (специальная одежда для младенцев с зашитыми рукавами); *межсезонка* (одежда для весны и осени); *новорожденка* (одежда для новорожденных детей).

Профессионализмы торговцев алкогольной продукцией: *штрихкодировать*, *слабоалкоголка*, *вода* (*минеральная*, *газированная*), *клеить марку*, *обклеить товар*, *новотерка* (минеральная газированная вода «Новотерская»). Например: *Вроде начали / они вчера вроде* ***штрихкодировали*** *//*; *Один будет прорабатывать* ***слабоалкоголку*** *и / молдавское вино / ну / может быть / немножко «Ликсар» и «Болит»* ***проклеим*** *вам //*; *Да нет / неважно / я вот туда прихожу / там есть женщина / да? / сидит* ***клеит марки*** */ я говорю / вы что делаете / я марки отрезаю / для того / чтобы* ***обклеить товар*** *//.*

Профессиональная лексика владельца сети ресторанов и бистро: *тарелка проходит по кассе*; *салат-тара*; *основной поток* (посетителей); *разбавлять людей* (не допускать образования больших очередей в бистро в часы пик); *линия раздаточная блоками*; *человек идет по очереди*; *закрыть пешеходную зону* (открыть предприятие быстрого питания в пешеходной зоне города). Например: *Людей не приучишь к этим / кремовым супам / должны наши щи быть / наш борщ должен быть / уха наша должна быть*

/ ***основной поток*** *на это идет* //; *Совершенно другое* / *и* ***линия раздаточная*** *не так расположена* / *то есть там* ***блоками*** *она* / *человек* / *э* / *свободное хождение* / *сейчас он* ***идет по очереди*** / *друг за другом* / *а там он свободно может ходить* //; ***Салат — тара*** *будет без весов* / *то есть накладываешь тарелку и* ***тарелка*** *эта* ***по кассе проходит*** / *есть такая тарелка* / *она стоит там* / *20 рублей* / *есть такая тарелка* / *она стоит* / *там* / *40 рублей* //.

Профессионализмы торговца продуктами: *нарабатывать поставщиков*; *товар по шоколаду*; *56 тысяч на остатке*; *поставка 7 тысяч.* Например: *Запиши* / ***сливочный*** *полкоробки* / *коробку кур* / *так* / ***крылья*** / *два* / *окорочка* / *копченые* / *три* / *да* / *что там еще* / ***подложки*** / *по-моему* / *мы с тобой писали* / ***бедрышки*** / *полкоробки* / — ***Бедро*** / ***голень?*** — ***Бедро*** / *полкоробки* //.

Профессионализмы торговцев обувью: *площади*; *метражи*; *остатки* (*обуви*); *сеть* (*салонов*, *магазинов*). Офисные диалоги наглядно показывают, как используются данные профессионализмы: *Сань* / *а здесь* ***сеть*** *есть* / *Маргаритин компьютер?* (сведения о продажах в сети магазинов); *Нет* / *у нас* ***сети*** *салонов требуется* //; *Н. За* «***парадную***» ***пару*** *я отдал деньги* (обувь, проданная в магазине «Парад») // — *К. Ты же сказал* / «***экковскую***» *вернули* (обувь фирмы «Экко») // *Сразу артикул тогда запиши* // *Это что же* / *две пары что ль? Сейчас я Мишане позвоню* / *узнаю* / *сколько стоит* //; *Скажи* / *чтоб ее списали* // *завтра ее спишут с* «*Парада*» //; Бухгалтер: *Это новый* ***метраж?*** — Менеджер: *Это старый* ***метраж*** // *Этот месяц мы как бы* ***торговали по*** *этим* ***площадям*** // — *Б. Зачем же мы сбор до конца года ждали?* — *М. Так срок действия с 20-го декабря по 1-е января* / *как будто со старым* ***метражом*** //.

Специализация номинаций связана прежде всего с наиболее актуальными семантическими областями, такими как наименование товара: обувь — *пара*; *коллекция*; названия блюд и их вместилищ: *салат-тара*; наименования напитков: *вода*, *слабоалкоголка*, *новотерка*; одежды: *новорожденка*, *трехпредметник*, *царапки*; *межсезонка*; названия продуктов: *крылья*, *бедрышки*, *голень*.

Специфично наименование места работы. Помимо литературных *магазина*, *аптеки*, *предприятия*, *завода* используются профессиональные *помещение*, *заведение*, *зал*, *площади*, *здание*, *метражи.* Предприниматель: *Как в* ***зале*** (помещение бистро) *сейчас?* — Менеджер: *Ну вообще-то холодновато сейчас* // — П. *Прохладно?* — М. *Вот когда сильный ветер* / *у нас шторки аж колышутся* //; *И. А. сейчас нет* / *он пошел в* ***зал*** (в торговый зал) //.

Различны профессионализмы, называющие работающих людей: *говорун* (экскурсовод в туристическом бизнесе), *жвачечник* (дистрибьютер компании «Орбит»), *продажник* (менеджер по продажам), *алкогольщик* (представитель компании, торгующей алкоголем), *чепешник* (общее наименование владельцев частных предприятий), *девочка* (продавец): *назначенец*

(профессиональная номинация человека из чиновничьей среды); *домашний бизнесмен*; *бизнесмен на телефоне*: *У меня работает одна* ***девочка*** //; *Т. Скажи* / ***жвачечник*** / *это кто? — О.* ***Жвачечник****? Это компания* «*Орбит*» / *которая привозит мне* / *на реализацию* / *жвачку* / *вот* / *и он должен приехать за деньгами* / *которые я ему должна* / *и он так переживает* / *так боится* / *что — О. Он боится* / *что я скроюсь и не расплачусь с ним и он будет выплачивать мои деньги* //; *И все эти* ***назначенцы*** *через общественную палату* / *вот когда через федеральные структуры* / *потом областные* / *городские* / *назначают людей* / *назначить гражданское общество* / *нонсенс же очевидный* //.

4.1.2. Существует и общая часть профессиональной лексики, которая покрывает ряд других семантических областей. К ***общепрофессиональным*** относятся наименования денег, наименования документов, оформляющих денежные операции, наименования самих денежных операций, наименование коммерческих операций с товаром, наименование офиса, управленческого центра фирмы или компании.

Общепрофессиональные номинации денег: *нал — наличка — безнал*: *Сейчас вот за* ***наличку*** *возьму часть* / *а потом часть уже эт верну* / *это самое* / *по* ***безналу*** //; *Значит* / *по* ***безналу*** *пойдет этот материал* / *по* ***безналу*** *пойдет* //; *Условия какие —* ***безналичный*** / ***оплата по факту****/? //.* Общепрофессиональными являются номинации документов, оформляющих денежные операции: *приходник*, *расходник*, *платежка*. Например: *Она мне сказала* / *чтоб я сегодня по факсу отослала* ***платежку*** //. Операции, проводимые с деньгами: *проплата*, *проводка* (денег): *Она* (прибыль) *у меня связана с вот* / *с такими сделками* / *э э…* (говорит нечетко) *с прово…* / ***проводками*** *денег* //; ***деньги шли*** *на конвертацию* //; ***деньги*** *шли* ***по партиям*** //; ***деньги в обороте***; ***деньги в реальном секторе*** //.

Общепрофессиональными выступают выражения, включающие слово ***товар***. Транспортировка товара: *отгрузки*; *погрузки*; *доставки*; *поставки*; *недопоставки*; *заявки*; *графики.* Например: *Садитесь* / *берите ламинатор и втроем решайте* / *вот как организовать* // *От Андрея* / *я так понимаю* / *остатки* / *которые мы тут должны видеть* / ***заявки своевременные*** / *от них исполнение этих* ***заявок*** *своевременное* / *и* ***графики погашения этих заявок*** //; *А по* ***заявочке*** *что* / *будешь что заказывать?* //; *набить счет* ***по заявке*** //. Квалификация процессов, связанных с поставкой товара: *пересортировка — пересортица*; *подсортировать*; *затоваренность.* Способ закупки или продажи товара: *опт*; *продажи*: *У нас появляется мелкий* ***опт*** //; *Ален* / ***продажи*** *не доделала? После* ***продаж*** *скинешь* ***остатки*** *«Раденос»* / *чтоб уж уценять* / *и мне скинешь* //; *Ну они работают недавно* / *у них там* ***продаж****-то было немного* / *на самом деле* //. Процессы заказа товара: *заказать товар по сертификации*; *единица товара*; *разбивка товара*; *запас товара.* Объем товара в соотношении с денежной массой: *остаток в товаре*; *прибыль в товаре*; *товар на реализацию*. Качество товара: *Турция фабричная*; *набрать товар от нуля до года*; *процент брака*; *возврат одежды.*

4.2. Весомую долю лексикона предпринимателей составляет жаргонная лексика, в функционировании которой наблюдаются значительные изменения.

4.2.1. Имеют место естественные для жаргона процессы количественных и качественных замен лексического состава. В современной речи предпринимателей отмечается исчезновение жаргонных слов и выражений, бытовавших на заре перестройки. Например, опираясь на имеющийся в нашем распоряжении лексический материал, это можно сказать о таких выражениях, как *оплатить бутербродом* (оплатить часть суммы безналичным путем, а часть — наличными деньгами), *снять шапку* (обналичить), *засада* (трудное экономическое положение) [Милехина 2003: 521].

Наблюдается замена старых жаргонных выражений новыми, также жаргонными. Например: фиксировавшееся ранее *уйти в ноль* (продать с убытком) вытеснено жаргонным выражением *снять сухой остаток* и профессиональным *продать и не в плюс и не в минус* с общим значением *продать весь товар по закупочной цене.* К числу новых жаргонных выражений можно отнести, например, такие, как *узбекский бизнес* (купить за 5 рублей, а продать за два); *пожениться* (по словам самих предпринимателей, *То есть это / взять товар / а он не продается*); *шузы — грунтозацепы* (наименования обуви); *жировая прослойка* (годами накапливавшийся непроданный товар); *погнуть — прогнуть* (заставить принять невыгодные условия, принудить): *Они меня просто* ***погнули*** */ помнишь об этом*? //; *На самом деле все понимают / что должны быть и налоги / и благотворительность // но весь вопрос в степени самоотдачи / одно дело человека / так сказать /* ***прогнуть*** */ сказать ему / вот / значит / будет так / а другое дело / объяснить ему ситуацию //.*

Происходит обновление старых жаргонных гнезд, таких, например, как *лох* (неотесанный, неуклюжий человек, увалень, простак; провинциал; неопытный молокосос, непрофессионал) и *понт* [Елистратов 2000; Юганов, Юганова 1997]. К уже существовавшим и отмечаемым словарями жаргонизмам *лохануться*, *лохиня*, *лоходром*, *лохопендрик*, *Лох Петрович* добавились *лохотрон* (распродажа), *лохмен*, *лох чилийский* (простофиля). Новыми, не отмеченными в словарях жаргонной лексики выражениями можно считать и такие, как *понты корявые* (характерно толкование значения самими предпринимателями: ***Понты*** *корявые — это когда рисовки наводишь / когда рисуешься / а это ничем не подтверждено / то есть это называется понты корявые //*), ***понт*** *дороже денег*, *русский* ***понт*** *дороже американского доллара.* Рядом с известными и широко распространенными жаргонизмами *бабки — капуста — башли — лимон* (миллион) теперь употребляются *арбуз* (миллиард) и *огурцы* (доллары), *еврики* (евро).

В то же время некоторые выражения сохраняются, например, записанное в 1992 г. *убитая позиция эта майка*, *мертвая майка* (товар, который не покупают по какой-либо причине), сейчас также используется — *мертвая цена* (завышенная): *С двадцатипроцентной накруткой мы входим в*

цену мертвую //, *мертвые* выставки (бесполезные, нерезультативные): «*Мода-Москва*» / «*Легкпром*» / *можно сказать* / ***мертвые*** *выставки* //.

4.2.2. Однако наиболее значительным явлением можно считать не только существенное уменьшение количества жаргонных единиц в общем лексиконе предпринимателей по сравнению с началом 90-х годов, но и активное их вытеснение литературными синонимами. Например, популярный когда-то жаргонизм *откат*, имевший значение ‘часть товара, предмета сделки, идущая на оплату услуг посредника’, зафиксированный не только в наших записях 1992 г., но и снабженный, например, пометой *бизн*. в «Словаре русского сленга» И. Юганова, Ф. Югановой, получает следующие литературные наименования: *подарок — презент — конверт — личностная адресация.* То же самое касается и некоторых других жаргонизмов: ***утрамбовать*** *— убедить — вести переговорный процесс*; ***отбашлять*** *— перечислить — заплатить*; ***навариться*** *— продать, получив прибыль.* О причинах такого процесса предприниматели высказываются так: *Нет слов таких // Все уже закончилось // Кто так говорил часто / давно уже либо в тюрьме / либо умерли // Они в оттенках они еще существуют / но это уже все не существует // Сейчас больше происходит общение нормальное //*; *Я приехал в Москву / там / общаюсь с каким-то человеком и / буду жаргоном пользоваться / там / отмыть / отслюнявить / он / как бы / меня сразу на уровень ниже поставит //.*

4.2.3. Часть лексикона предпринимателей составляет **общий жаргон**: *подставить*; *пружить*; *срываться*; *догнаться*; *загон*; *базар*; *зажимать*; *классно*; *кандюки* (кондиционеры); *сломаться*; *долбанный*; *подкатить*; *кадр*; *крутой*; *подвалить*, *прикольный*, *депрессняк*, *наивный албанец*, *афанас.* Например: ***Пружил*** *там ей что-то //*; *Позвоню / это ж надо сразу* ***срываться*** (ехать); *Если мне кажется / что вообще / теперь уже / я* ***догнался*** */ что поэт проявляется не в одном стихотворении / которое фиксируется / а проявляется во всем / э / многообразии своей сути / да?*; *Ну / в зависимости от того / какой* ***базар*** *запишешь / вот / будет зависеть…сколько / сколько дадут лет / да //*; *Да ну /* ***загон*** *такой / поменьше говорить //*; *Нет / не жарко / у нас эти /* ***кандюки*** */ работают //.*

Активно представлен **компьютерный жаргон**: *Почитай* ***сайт*** */ я там* ***повесил*** *// он не работал / да / он ра… / не работал долго / сейчас все заработало / сейчас я все восстанавливаю / и через месяц я сделаю новую* ***оболочку*** */ ну сейчас основные* ***разделы*** *все работают / там «Форум» оживился / так далее //*; *Я* ***влез*** *в компьютер //*; *Мы давно уже* ***живем на цифре*** // (используем цифровую технику).

Имеет место **спортивный жаргон**: *Да ну на* ***кайте*** (от английского слова *кайтбординг* — воздушный змей) *приземлился / ну на* ***пашне*** *катались / не там / где нужно / в общем / не соблёл технику безопасности маленько //*; *Я увлекаюсь в основном экстремальными видами спорта / прежде всего / это виндсерфинг / кайтбординг / это воздушный змей по-английски // Кайтбординг зимний / там со склон гор и летний /* ***на доске*** *// увлекаюсь я роликами также / ну и многими другими делами //.*

Жаргон наркоманов: *Вообще у меня довольно был долгий кризис / когда я уходил из чиновников / конечно / **ломка** большая / да / я был в жутком **депрессняке** / я несколько месяцев не работал / потому что не мог найти в себе мотивации / не мог себя предложить как-то адекватно //.*

5. Три основных лексических блока, составляющих лексикон предпринимателей, не существуют изолированно, но пересекаются, взаимопроникают друг в друга, образовывая синонимические ряды. Литературные слова, профессионализмы, жаргонизмы сосуществуют в устной речи рядом. Например, синонимами оказываются терминологическая лексика и общеизвестная: ***пролонгация — продлевание***: *Вот у нас существует договор / например / заключают договор с 31-го декабря до 1-го июня / дальше идет **продлевание** / если обе стороны согласны / вот дальше / **пролонгация** договора идет дальше / если одна из сторон / например / я / отказываюсь от помещения / значит / мы прерываем договор / вот / или вот / как институт делает / они со мной прерывают договор / вот / и я должна освободить им просто помещение / куда дальше я пойду дальше / я не знаю //.*

Официальные наименования — нейтральные. ***Шоколадные изделия — шоколадные продукты — шоколад***; ***пользоваться спросом — хорошо идет — покупается***. *А это был поставщик / который занимается / «Фрегат» / у него шоколадный / продукты / шоколадные вот эти вот изделия / тоже вот шоколад / тоже хорошо идет / покупается / спрос / спросом пользуется //.*

Литературные выражения соседствуют с жаргонными: ***забиться — закрыть долги***. Поставщик: *Ну давай / вечером сегодня точно / потому что мне десятого надо **забиться** / я же тебе уже говорил / иначе оштрафуют серьезно //* — Записывающий речь филолог: *Что вам до десятого надо?* — Поставщик: ***Закрыть долги** до десятого числа //.*

Иностранное, заимствованное слово и русские аналоги употребляются как речевые синонимы: ***бизнес — торговля***; ***менеджмент — организация здравоохранения***. *Конечно / заниматься **торговлей** / заниматься вот этим **бизнесом** сейчас очень сложно //*; *Поэтому прежде всего я себя считаю специалистом в области организации здравоохранения / вот / ну / по-западному / это в чистом виде называется **менеджмент** / а в России это в общем называется **социальная гигиена и организация здравоохранения** //.*

Профессионализм и термин: ***платежка — платежное поручение***. *Она мне сказала / чтоб я сегодня по факсу отослала **платежку**; а нужно было за январь **указать** / платежное поручение //.*

Жаргонное — литературное: ***накрутка — наценка***. *Конечно / **делаешь накрутку 25 %** / ну Тань / вот посчитай / 25 % / из них нужно заплатить аренду / из 20 % / и заплатить налог / что останется / ничего не останется //*; *Магазин делает наценку очень высокую //.*

Узуально-дискредитированное — нейтральное: **предприниматель — руководитель**. *Слово **предприниматель** сейчас дискредитировано полно-*

стью / это практически / сейчас это ***вор*** *// Приходится / когда я где-то выступаю / приходится заменять его на* ***руководитель*** *//.*

6. Итак, на формирование лексикона предпринимателей большое влияние оказывают такие подсистемы национального языка, как профессиональная лексика и жаргон. Однако их роль в развитии лексикона существенно изменилась. Если в начале 90-х гг. наиболее сильным было влияние жаргона, в первую очередь воровского, то в настоящее время усиливаются позиции профессионально ориентированной лексики, отличительной особенностью которой является усиливающаяся специализация. Предприниматели, выбравшие своим делом ту или иную область производства, торговли, коммерции, овладевают ее специальным языком. Весьма значительны изменения внутри жаргонной лексики. Предпринимательский жаргон, изначально ориентированный на криминальный субъязык, в настоящее время отмежевывается от него, тем не менее не отказываясь от жаргона как такового, активно используя другие его разновидности. Таким образом, вопрос о лексиконе предпринимателей остается открытым. Только время покажет, сложится ли особый лексикон этой социально-профессиональной общности или же растворится в уже существующих профессиональных и литературно-терминологических подсистемах.

Литература

Елистратов 2000 — В. С. Елистратов. Словарь русского арго. М., 2000.

Крысин 2004 — Л. П. Крысин. Социолингвистический аспект изучения неправильностей // Л. П. Крысин. Русское слово, свое и чужое. М., 2004. С. 238—243.

Милехина 2003 — Т. А. Милехина. Речевой портрет бизнесмена // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985—1988.

Юганов, Юганова 1997 — И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997.

РЕЦЕНЗИИ

***Т. М. Григорьева.* Русский язык. Орфоэпия. Графика. Орфография. История и современность**: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 256 с.

Книга доктора филологических наук заведующего кафедрой русского языка Красноярского государственного университета Т. М. Григорьевой представляет собой учебное пособие, предназначенное для высших учебных заведений. Книга состоит из двух основных частей: I. Орфоэпия и II. Графика и орфография. Кроме них книга содержит ценные приложения.

Орфоэпия рассматривается в пособии в двух аспектах — история и современное состояние. На богатом материале прослеживается развитие русского произношения, постепенная смена его норм, детально анализируются все орфоэпические варианты, включая грамматические формы. Рассматривается актуальный вопрос о локальных разновидностях произносительной нормы. Особое внимание обращается на экспрессивные возможности произношения.

Пособие сдержит богатейший разнообразный материал. При чтении и изучении книги читатель погружается в богатый яркий мир русской культуры, оказывается в мире прекрасных стихов, с помощью которых он постигает правила русской орфоэпии, ее исторические изменения. Т. М. Григорьева умеет придумывать интересные задания, содержащие яркие цитаты из лингвистической литературы, заставляющие студента понять содержание и полюбить русский язык и лингвистику. В заданиях приводятся фрагменты из воспоминаний актеров и поэтов, касающиеся их произношения. Интересны и полезны исторические экскурсы.

В заданиях используются стихи лучших поэтов XVIII—XX вв. На материале рифм читатель должен восстановить произношение в XVIII в. Студентам не просто рассказывают о произносительных нормах XVIII—XX вв.: они сами с помощью рифм обнаруживают, устанавливают правила прежней орфоэпии. Они сами становятся исследователями! Поэзия в книге Григорьевой — важный компонент, можно даже сказать — герой. На ее материале и «разворачивается действие» языковых законов. Например, дается задание: «На основании точных рифм установите авторское произношение сочетаний согласных с последующим мягким», а затем приводятся стихи, в которых рифмуются *трезвей — друзей*, *поднебесье — песня*, *от злости — бросьте* и др., доказывающие мягкое произношение зубных перед мягкими зубными и губными. «На основании точных рифм установите авторское произношение сочетаний согласных *зж*, *жж*, *жд* в поэтических текстах авторов разных эпох истории языка». «Какое произношение окончаний прилагательных *-кий*, *-гий*, *-хий*,

старое или современное, на ваш взгляд, имеет эстетические преимущества?» Такие задания направлены не только на усвоение материала, но и на повышение культурного уровня студента. Они развивают фонетический слух, вкус и интерес к языку и лингвистике. Автор интересуется произношением читателя, оценкой читателем орфоэпических вариантов, назначением употребления того или иного варианта в поэтическом тексте.

Особое значение имеют творческие задания, приучающие к научной работе, к умению пользоваться справочной литературой, т. е. также направленные на воспитание культурного творческого человека, например: «Создайте фонетический портрет своей семьи, студенческой группы». В другом задании автор предлагает сравнить рекомендации разных выпусков орфоэпического словаря под ред. Р. И. Аванесова по произношению приведенных групп слов, чтобы установить, как меняется произношение. «На основе полученных данных подготовьте научный мини-доклад “Орфоэпическая норма русского языка в короткий хронологический период”. Не забудьте воспользоваться материалами раздела “Сведения о произношении и ударении”, который дан в конце словаря». В заданиях да и вообще в пособии большое внимание уделяется стилистике, а значит, и культуре речи.

Часть «Орфография» также богата по содержанию: в ней изучается и современная орфография (ее разделы, принципы, ее экспрессивная функция) и история орфографии. Современная русская орфография описывается на фонемной основе с использованием терминов Московской фонологической школы (МФШ): сигнификативно сильная и слабая позиции, гиперфонема. Подробно рассматриваются принципы русской графики и орфографии. Интересные задания помогают понять и усвоить этот важный материал.

Особенно хотелось бы отметить раздел книги «Основные этапы усовершенствования графики и орфографии». Обычно в пособиях дается беглое описание истории орфографии. Здесь же последовательно, начиная с XVIII в., прослеживаются этапы становления русской орфографии, а также история теоретического осмысления ее принципов. И все это с интересными заданиями, в которых от читателя требуется высказать согласие или несогласие с позицией ученых, например, по поводу того, какие требования следует предъявлять к письму. Читателю интересно следить и за становлением теории русской орфографии, за поисками рационального принципа ее построения.

Важную часть книги составляет библиография работ по орфоэпии и орфографии, а также публикация в приложении документов орфографической дискуссии XVIII — XX вв. Детальное изучение обстоятельств подготовки реформы письма XX в., непосредственно предшествовавших Октябрьской революции, позволит развенчать утвердившееся в обществе неверное мнение о «большевистском» характере реформы русской орфографии 1917 г.

Книга Т. М. Григорьевой — известного специалиста в области русской фонетики и орфографии — нужна не только студентам, не только специалистам в области орфоэпии и теории письма, не только филологам (прежде всего вузовским преподавателям), но и всем интересующимся русским языком, его произношением, историей русского письма и его нормализацией.

С. М. Кузьмина

Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания; Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. — М.: Academia, 2005. — 656 с.

Выход очередного, 13-го тома многотомного издания «Языки мира», посвященного славянским языкам, — давно ожидаемое и весьма радостное событие. Кажется, впервые русскоязычная славистика получила довольно полный, энциклопедического характера свод знаний обо всех славянских языках. Важно и то, что описание всех языков построено по единой схеме, не зависящей от типологической и генетической характеристики языка. В результате в описании языка, выполненном по этой схеме, присутствует и весьма нетривиальная информация, обычно отсутствующая в учебниках и грамматиках, — например, сведения о типах слоговой структуры или сведения о морфосинтаксисе.

Книга содержит 18 статей, написанных ведущими отечественными и зарубежными славистами. Первая статья (А. Е. Супрун, С. С. Скорвид «Славянские языки») представляет славянскую группу индоевропейской языковой семьи в целом, остальные посвящены отдельным славянским языкам. Помимо статей о современных славянских языках, имеются статьи и о древних языках: старославянском и церковнославянском (А. Е. Супрун, А. М. Молдован), полабском (А. Е. Супрун), древнерусском (Г. А. Хабургаев); отдельно описан древненовгородский диалект (А. А. Зализняк, М. Н. Шевелева). Особняком стоит работа А. Д. Дуличенко «Малые славянские литературные языки (микроязыки)». Термин *малый литературный язык (микроязык)*, введенный автором данной статьи в 1970-е гг., употребляется только в славистике, хотя сходное функционирование идиома характерно, разумеется, не только для славянских языков и диалектов (ср. некоторые немецкие или норвежские диалекты). При всей терминологической неоднозначности в вопросе о статусе рассматриваемых в статье идиомов нельзя не отметить, что в ней приведена весьма ценная информация — большей частью не собственно лингвистическая, а социолингвистическая (что, впрочем, диктуется схемой описания *диалекта*, в отличие от описания *языка*).

Несмотря на отмеченное выше единообразие в структуре статей, обусловленное схемой описания языка, каждая статья в той или иной степени несет отпечаток авторской индивидуальности: обнаруживается приверженность авторов к различным теоретическим концепциям; различается степень детализации в описании различных языковых явлений; в использовании терминологии, транскрипционных систем сказываются авторские предпочтения. Каждую статью можно считать самодостаточным произведением. Сравнение статей между собой позволяет увидеть разницу подходов (т. е. интерпретации фактов), особенно в тех случаях, когда имеется пересечение тематики.

Так, при описании структуры слога в праславянском языке авторы статьи «Славянские языки» включают в первую ступень по «звучности» наряду с фрикативными /s/, /z/ и согласный /x/ (с. 16), тогда как авторы статьи «Старославянский и церковнославянский языки» ставят его на вторую ступень вместе со смычными согласными (с. 46). Ясно, что это связано с различной интерпретацией слоговой структуры слов типа **исходити**; к сожалению, ни в той, ни в другой статье не оговорено, что поведение фрикативных согласных в данном случае обусловлено не различием в степени звучности, а какими-то другими причинами. Их способность

находиться в начале слога перед смычными согласными не связана с «восходящей звучностью», см. [Князев 2000].

Не удалось полностью избежать двусмысленных и просто неточных формулировок, что порой затрудняет извлечение релевантной информации из статьи. Например, во многих статьях в таблице согласных фонем свистящие и шипящие (/s/ и /š/, /z/ и /ž/, /c/ и /č/) оказываются в одной клетке. Думается, такое решение нельзя назвать удачным: непонятно в таком случае, что же их различает, — таким образом, полной информации о дифференциальных признаках фонем не приводится. Между тем, эти согласные различаются по месту образования, что и отражено, например, в таблице в статье о словенском языке (с. 207).

Не всегда последовательна фонологическая и фонетическая трактовка мягких согласных, особенно в тех языках, где мягкие и твердые не составляют коррелятивных пар. Вопреки фонетической реальности мягкие переднеязычные подчас объявляются палатальными — например, /т'/, /д'/, /н'/, /л'/ в украинском языке, — т. е. среднеязычными, тогда как образующиеся в той же зоне /с'/, /з'/ в той же таблице отнесены к переднеязычным (с. 518). По-видимому, корректнее было бы относить все эти мягкие согласные к переднеязычным, как это сделано в [Shevelov 1993: 951], поскольку мягкость у зубных украинских согласных выражается не основной артикуляцией — палатальностью, — а дополнительной артикуляцией палатализации. В статье «Древнерусский язык» мягкие согласные, охарактеризованные в таблице как альвеолярные, в самом тексте называются палатальными (с. 421) — здесь, видимо, перед нами опасно неточное употребление термина *палатальный* в значении 'мягкий'. При этом говорится, что твердые и «палатальные» согласные не составляли в древнерусском языке коррелятивных рядов — еще одна терминологическая неточность: имеется в виду, что они не составляли коррелятивных *пар*, тогда как корреляция по локальному *ряду*, разумеется, была, см. [Галинская 2004: 54—55].

Специфический украинский гласный, обозначаемый буквой *и*, согласно приведенной в статье М. А. Жовтобрюха и А. М. Молдована об украинском языке таблице, — переднего ряда верхне-среднего подъема (с. 518). Такое понимание вполне допустимо (все дело в условности границ переднего ряда у гласных), однако нам кажется, что в данном случае важно показать более заднее произношение этого гласного в литературном языке по сравнению с другими гласными переднего ряда. Фактически это гласный переднесреднего ряда ([Shevelov 1993: 949], ср. также: «Тому в українській мові колишні голосні **ы** та **и** (**і**) злились в один голосний *передньо-середнього ряду* середнього ступеня піднесення» [Вступ 1966: 105]). В интерпретации М. А. Жовтобрюха и А. М. Молдована он попадает в ту же клетку (передний ряд, верхнесредний подъем), что и восточнославянский **ě*, а это может создавать лишнюю путаницу. По той же причине, кстати, вряд ли удачно обозначение русского /и/ в первом предударном слоге как [и^{е}], принятое, вслед за традицией, и в статье «Русский язык» (с. 453): неизбежно понимание его как «гласного, среднего между [и] и [е]», а именно такова возможная реализация /ě/ в тех русских диалектах, где он сохраняется. Редукция же /и/ в первом предударном слоге заключается не только в известном снижении подъема, но вообще, как всякая редукция гласного, в некоторой его централизации, т. е. приближении его к [ə], см. [Князев, Пожарицкая 2005: 42, 124—125].

В большинстве статей тома описание графики языка строится как описание отличий от стандартной латиницы, если

графика построена на латинской основе, или от русской кириллицы, если графика кириллическая. Полностью алфавит приводится только для кашубского языка (с. 387), хотя именно этот способ описания графики представляется наиболее предпочтительным с учетом отмеченной выше научной самодостаточности каждой статьи. Такое решение принято и в [The Slavonic Languages 1993].

Многие из статей созданы в 1980-е гг., когда началась работа над изданием. Возможно, этим объясняется то, что некоторые теоретические решения, выработанные в последнее время, не получили отражения в книге. Русское ударение, например, описывается как динамическое (с. 452), хотя, согласно результатам исследований, фактор длительности в нем играет значительно более важную роль [Кодзасов, Кривнова 2001: 474]. Отрицается связь категорий вида и времени в древнерусском языке: «Видовое значение основы в глагольной системе не было связано с временным и не накладывало запрета на образование тех или иных глагольных форм» (с. 426). Автор статьи, по-видимому, не учитывает, что диагностические контексты для установления видовой семантики основы в древнерусском были другие, нежели в современном русском языке, см. об этом [Кукушкина, Шевелёва 1991].

Авторы статьи «Русский язык» В. В. Лопатин и И. С. Улуханов относят начало древнерусского периода в истории русского языка к VI в. н. э. (с. 448). Обычно «выделение восточных славян из общеславянского единства» не принято считать началом древнерусского языка (ср. [Горшкова, Хабургаев 1997: 30], где период VI—IX вв. — «период распространения славянской речи на территории Восточной Европы» — называется *восточнославянским*, а собственно *древнерусский* период, «связанный с формированием и развитием древнерусской народности, объединившей все славяноязычное население Восточной Европы», отнесен к IX—XIV вв.), тем более что здесь же дается отсылка к статье «Древнерусский язык», где период его существования определен тоже как IX—XIV вв. (с. 418). В качестве русского соответствия церковнославянскому *-ле-* (< **TelT*) приводится *-еле-* (с. 505). Такой рефлекс праславянского сочетания **TelT*, явно маргинальный, характерен для небольшого количества слов, в основном диалектных, а в большинстве слов **TelT* из-за веляризованного характера [ł] развилось, как и **TolT*, в *ToloT*, см. [Галинская 2004: 33—34]. Написание слов мужского рода на шипящий (типа *луч*) без мягкого знака на конце, а женского рода (*ночь*) с мягким знаком вряд ли возможно списать на счет традиционного принципа орфографии, как это делают В. В. Лопатин и И. С. Улуханов (с. 448), ведь традиционный принцип требовал бы и *луч*, и *ночь* писать с мягким знаком, различие же в современном написании этих слов связано скорее с так называемым дифференцирующим принципом, который в данном случае способствует графическому разграничению слов женского рода III склонения и слов мужского рода I склонения. Наконец, трудно назвать непосредственным заимствованием из арабского слово *шиизм*, явно имеющее суффикс греческого происхождения *-изм* (с. 506).

В вопросах грамматики В. В. Лопатин и И. С. Улуханов следуют академической «Русской грамматике» 1980 г. Затруднительно, однако, определить их фонологические предпочтения: в таблице гласных фонем русского языка (с. 451) они приводят пять гласных, которые «Русская грамматика» называет «сильными фонемами»; о слабых фонемах не говорят ничего (а их, по «Русской грамматике», две), зато в фонологической транскрипции употребляют знаки /ъ/ и /ь/ (с. 456). Возможно, впро-

чем, что это не совсем аккуратное употребление скобок.

Г. А. Хабургаев называет в числе признаков, «отличающих нормы церковнославянского языка древнерусского извода от норм собственно старославянского языка» так называемое смешение юсов. Очевидно, подразумевается смешение юсов с буквами, обозначающими чистые неносовые гласные, а не *друг с другом*, как принято понимать этот термин, потому что смешение юсов друг с другом характерно для южнославянского ареала и совершенно нехарактерно для восточнославянского.

Позиционная нефонологическая мягкость перед гласными переднего ряда («полумягкость») была характерна в старославянском языке для всех твердых согласных [Ремнева 2004: 87]. А. Е. Супрун и А. М. Молдован почему-то говорят о позиционной мягкости только для сонорных /n/, /l/, /r/ (с. 45).

Одним из способов словообразования в македонском языке Р. П. Усикова называет словосложение с инфиксацией (с. 132): *риб-о-лов* ‘рыбная ловля’, *мал-о-летен* ‘малолетний’. Не кажется уместным называть сегмент *-о-* в подобных словах инфиксом, поскольку инфиксация подразумевает вставку морфемы-инфикса «в середину корня» [Кубрякова, Панкрац 1990: 59]; морфема, использующаяся для соединения нескольких корней друг с другом, обычно называется интерфиксом.

Мы указали на некоторые недостатки и неточности в формулировках, которые, разумеется, не могут повлиять на общую положительную оценку книги. В основном эти неточности, как видно, касаются фонетических и фонологических проблем славянского языкознания, обсуждаемых в книге. Вообще же объем, качество и ценность приведенной в книге информации позволяют охарактеризовать ее как прекрасный справочник по славянским языкам, которого до сих пор так не хватало в отечественной лингвистике.

Литература

Вступ 1966 — Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов’янських мов / За редакцією О. С. Мельничука. Київ, 1966.

Галинская 2004 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русского языка. М., 2004.

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М., 1997.

Князев 2000 — С. В. Князев. О причинах некоторых звуковых изменений в праславянском и русском языках // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 5.

Князев, Пожарицкая 2005 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2005.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М., 2001.

Кубрякова, Панкрац 1990 — Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. Аффикс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1991. № 6.

Ремнева 2004 — М. Л. Ремнева. Старославянский язык. М., 2004.

Shevelov 1993 — G. G. Shevelov. Ukrainian // The Slavonic Languages / Ed. by B. Comrie, G. Gorbett. London; New York, 1993.

The Slavonic Languages 1993 — The Slavonic Languages / Ed. by B. Comrie, G. Gorbett. London; New York, 1993.

Е. В. Шаульский

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника международной научной конференции «Художественный текст как динамическая система», посвященной 80-летию В. П. Григорьева

Куратор проекта: д. ф. н. Н. А. Фатеева (ИРЯ РАН).

Оргкомитет конференции: акад. Ю. С. Степанов (ИЯЗ РАН), акад. М. Л. Гаспаров (ИРЯ РАН), д. ф. н. Н. А. Фатеева (ИРЯ РАН), проф. Н. А. Николина (МПГУ), к. ф. н. О. И. Северская (ИРЯ РАН).

Конференция проводилась при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-04-14031г.

Международная научная конференция «Художественный текст как динамическая система» проходила в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН 19—22 мая 2005 г. Конференцию приветствовал директор Института, чл.-корр. РАН А. М. Молдован. Он отметил, что организация научных конференций по лингвистической поэтике имеет сложившуюся традицию, упомянув представительные международные конференции, проведенные в ИРЯ РАН в 2001 г. (международная конференция «Текст. Интертекст. Культура») и в 2003 г. (международная научная конференция-фестиваль «Поэтический язык рубежа XX—XXI вв. и современные литературные стратегии»). Настоящая конференция «Художественный текст как динамическая система» была посвящена 80-летию В. П. Григорьева — ученого, который отдал всю свою жизнь проблемам изучения поэтического языка. Конференция, как и две предыдущие, проводилась совместно с Институтом языкознания РАН и Московским педагогическим государственным университетом, в ней приняли участие ведущие ученые из России и 10 зарубежных стран.

Обращаясь к участникам конференции, А. М. Молдован подчеркнул, что хотя изучение литературного текста имеет длительную историю, проблема «Художественный текст как динамическая система» в качестве заглавной темы конференции ставится впервые. Подобная тема предполагает обсуждение широкого спектра вопросов, среди которых на первый план выходят: организация и функционирование текста в исторической перспективе, динамика структуры целостного художественного текста, связанная с его существованием в коммуникативной ситуации «автор-читатель»; подвижность формы текста с учетом типологических различий между двумя основными формами словесности — стихом и прозой; синтез текстовых форм и жанров. Поскольку данная конференция посвящена юбилею В. П. Григорьева, в центре внимания

докладчиков оказались языковые особенности практики поэтов и писателей русского авангарда (прежде всего В. Хлебникова, А. Крученых и др.), а также вопрос о том, какой видится история русского и мирового авангарда с рубежа XX—XXI вв.

Академик РАН **Ю. С. Степанов** (ИЯЗ РАН) открыл первое заседание дня **«Язык и знание о художественном тексте»**, после чего был зачитан доклад д. ф. н. **В. И. Новикова** (МГУ) **«Роман с языком в поэзии и науке (В. В. Хлебников, М. В. Панов, В. П. Григорьев)»**. В докладе было отмечено, что творчество Хлебникова как целое — это роман с языком, диалог поэта и языка на равных. Работа большого филолога — это тоже роман с языком. По мысли В. И. Новикова, вдохновленные опытом Хлебникова, М. В. Панов и В. П. Григорьев смогли смело заглянуть в будущее языка, поэзии и науки.

Вторым **Ю. С. Степанов** объявил свой собственный доклад **«Семиотика как дискурс, как жанр, как индивидуальный литературный стиль»**. Докладчик применил «классический» прием семиотики — выделил ключевые слова текста, а именно, в заголовках докладов, объявленных в программе конференции, он обнаружил 12 выражений с союзом «как». Вообще в семиотике начиная с античности, заметил академик, «знак» определяется как «нечто, что стоит *вместо* чего-то другого». Но современная семиотика — это не «учение о знаках», это «учение и действие в семиозисе — в художественном творении и в науке о нем». Текстовое выражение данного положения автор доклада находит в деятельности Ю. Айхенвальда («Силуэты русских писателей», 1914): «Литература — не отражение. Она творит жизнь, а не отражает ее. Литература упреждает действительность…». «Саму открывающуюся конференцию, — заключил Ю. С. Степанов, — я рассматриваю как явление, как *акт художественно-научного действия в культуре*».

В докладе профессора **С. Валянтаса** (Шяуляй, Литва) **«Полилингвистическая природа поэтического произведения»** была выдвинута и доказана гипотеза об особом полилингвизме в поэзии. Обсуждаемый полилингвизм целесообразно, по мнению Валянтаса, подразделить на две разновидности: на *древний* (противопоставление «язык» и «другой язык» в пределах *одного языка*) и *новый* (в тех случаях, когда в процессе участвуют *несколько* современных языков).

Затем выступила к. ф. н. **О. И. Северская** (ИРЯ РАН) с докладом, в названии которого содержится знаменательное «как»: **«Поэтическое эссе как жанр: от поэзии к “научной прозе”»**. Она отметила, что эссе получает сегодня значительное развитие *как жанр*. Особенностью современного эссеизма, является, по ее мнению, стремление дать определение всему, что представляет эстетическую ценность как для поэтики вообще, так и для индивидуальной художественной системы. Поэтому авторы современных «опытов» часто придают эссе видимость научности: слово, эссеистически осмысленное, превращается в термин, причем терминологизируются самые обычные слова. Кроме того, у эссе, написанного в стихотворной форме, сохраняются характерные для жанра черты, а написанное в прозе эссе часто строится по законам поэтического текста.

Завершил первое заседание доклад профессора **С. И. Гиндина** (РГГУ) **«Языковая критика, уроки русской поэтики и лингвистическая утопия»**. Выступающий отметил, что именно В. П. Григорьев, которому посвящена настоящая конференция, в 1970—1980-е гг. являлся едва ли не единственным на-

следником заложенной лингвистами первой половины XX в. традиции публичного обсуждения жизни языка на страницах массовой печати. Затем С. И. Гиндин рассмотрел статьи ученого по языковой критике и выделил применявшиеся в них методы представления и анализа языковых фактов. В заключение была подробно проанализирована теоретическая концепция языковой критики в ее соотношении с другими разделами филологии, которая изложена В. П. Григорьевым в его монографии «Поэтика слова» (1979). Определенный утопизм представлений В. П. Григорьева о результативности языковой критики поэзии был соотнесен в докладе с аналогичными чертами характеристики «достигнутой» культуры языка во 2-м издании одноименной книги Г. О. Винокура.

Второе заседание **«Художественный текст в исторической перспективе»** началось с доклада д. ф. н. Е. В. Маркасовой (Санкт-Петербург) **«Парономазия от Макария до Григорьева: история термина и современные возможности интерпретации»**. В нем были раскрыты основные особенности бытования этого термина в русской риторической и (позднее) лингвистической традиции. Первое описание парономазии зафиксировано в «Риторике» Макария, оно указывает на способ создания фигуры: «скланять глас». В XVIII—XIX вв. происходит разрыв между понятиями парономазия (риторическим) и метаплазм (грамматико-поэтическим). Возможность использовать терминологический аппарат старых риторик возникает уже в XX в. для описания распространившихся в современном русском языке стилистических «куриозов». В литературе и разговорном языке появляется новый тип парономазии, которую можно определить как парономазию с нулевым компонентом в пресуппозиции. Например: нулевой компонент выражения «заумчивое выражение лица» равен сумме «заумь + задумчивый». Такое восприятие распространившегося во второй половине XX в. явления дает возможность включить его в контекст «паронимического учения» от Макария до В. П. Григорьева.

В докладе д. ф. н. **Д. М. Поцепни** (Санкт-Петербург) **«“Словарь языка русской поэзии XX века” и история поэтического языка»** было отмечено, что лежащий в основе «Словаря языка русской поэзии XX века» принцип конкорданса обусловливает особую ценность этого лексикографического труда как источника для создания истории поэтического языка, и в частности истории такой важной категории слов, как поэтизмы.

Профессор **Р. Вроон** (Лос-Анджелес, США) в докладе **«О динамичности лирического цикла»** заметил, что изучение русского лирического цикла ставит перед исследователем любопытную проблему: он стал восприниматься как литературный факт только на рубеже XIX—XX вв., тогда как в литературных традициях других европейских стран возникает определенный метаязык для описания подобных явлений намного раньше: в XVI в. — в Англии, в XVIII в. — в Германии. Можно ли вообще говорить о «циклических образованиях» в русской литературе в периоды, когда они ни терминологически, ни концептуально не осознаны? Ответ на этот вопрос, по мнению Вроона, лежит в раскрытии определенных поэтических форм и риторических фигур, которые могут порождать поэтические ансамбли. В самый ранний период русской поэзии такие формы включают ряды литургических песнопений и библейских стихов, объединенные в неменяющиеся группы или известные жанры (канон, акафист, трипеснец и шестопсалмие). В XVIII в. возрастающая значимость риторики в

литературной жизни России приводит к применению известных фигур — силлогизма, разговора, энтимемы, дилеммы — как конструктивных принципов при формировании лирических циклов задолго до того, как сам термин «цикл» входит в оборот для обозначения группы стихотворений, которые обнаруживают определенную целостность.

В докладе к. ф. н. **О. В. Евтушенко** (МГЛУ) **«Двести лет любовного дискурса»** была дана сравнительная характеристика «узлов» описания физиологической, психологической и ментальной сферы человека и способов их языкового представления в любовных романах Карамзина, Бестужева-Марлинского, Бунина, Улицкой и др.

Первое вечернее заседание **«Внутренняя противоречивость текста и динамика его формы»** открыл его председатель, д. ф. н. **В. З. Демьянков** (ИЯЗ РАН, МГУ). Он выступил с докладом «Можно ли измерить динамику нарратива?». Частицы типа *да*/*нет*, вводные слова типа *вдруг* и др. докладчик определил как динамизаторы. Рассмотрение большого многоязычного корпуса текстов показывает, что разные национальные традиции с разной степенью частотности прибегают к различным техникам драматизации текста. Так, в философских произведениях А. Шопенгауэра утвердительное *ja* встречается значительно чаще, чем *nein*; а в произведениях Ф. Ницше эти частицы употребляются одинаково часто. В англоязычных философских произведениях частицы *да*/*нет* употребляются значительно реже, чем в среднем в немецких. У французских философов употребительность данных элементов еще ниже, как правило, мы находим их в произведениях, по жанру близких к художественным. Интересно, что в философских сочинениях, написанных по-русски, превалирует *нет*, что говорит о высоком накале скрытой драмы — драмы познания.

Доклад д. ф. н. **Н. А. Фатеевой** (ИРЯ РАН) **«Синтез форм текста как прием»** переключил рассуждения о динамике текста в несколько иную плоскость. Исследовательница обратила внимание на то, что нередко формы, переходные по оси «стих—проза», являются подвижными и с точки зрения коммуникативной организации текста. Часто подобные структуры фиксируют диалогическую ситуацию между «Я» и «не-Я», которая одновременно воспроизводит момент отделения «голоса» или «глаза» («зрения») от тела. Для текстов подобного типа встает вопрос о том, какая форма его существования первична: звуковая (стихотворная) или письменная (прозаическая). Принимая точку зрения немецкого лингвиста Г. Глинца, докладчица высказала мысль, что письменный способ фиксации текста позволяет транслировать его акустическую и ритмическую структуру без аудитивного контакта. Знаменательно, что все проанализированные в докладе тексты О. Мандельштама, В. Набокова, И. Бродского, Н. Кононова и др. имеют дополнительную вертикальную или горизонтальную дискретность. Так, заключила Н. А. Фатеева, сама форма письменной фиксации текста оказывается «знаком» способа его чтения: для внутреннего слуха или для глаза, который всегда «вовне» (И. Бродский).

Идею о динамике форм поэтическое / прозаическое развил в своем докладе **«Фолкнер и Платонов: смыслы изобразительных совпадений»** д. физ.-мат. н. писатель **В. В. Аристов** (Москва). Прибегая к своему известному методу idem-forma, он осуществил поиск инвариантов изображения в произведениях А. Платонова и У. Фолкнера. Прежде всего ученый определил категориальный смысл слова «ярость», важный для обоих писателей, а далее сопоставил по некоторым структурным параметрам роман «Шум и ярость» и

повесть «Котлован», написанные почти в одно и то же время.

Затем слово было предоставлено профессору **А. Маймескулов** (Быдгощ, Польша), которая назвала свое выступление **«“Жизнь — сумма мелких движений [...] меняющийся каждый миг рисунок...”: Эклога 5-я: (Летняя) Иосифа Бродского»**. Польская исследовательница отметила, что 1-я часть «Эклоги 5-й: (Летней)» реализует жанровый признак эклоги в топосе *loci amoeni* («приятный уголок»), принимающем, в частности, в европейской литературе вид цветущего луга как образа земного рая. *Locus amoenus* в «Эклоге» Бродского образует динамически противоречивую модель коэкзистенции флоры и фауны как социума, включая речевую коммуникацию, оформленную на уровне риторики по принципу «говорящей прозопопеи».

Заседание **«Художественный текст в когнитивном аспекте»** открыла профессор из Таллинна С. Туровская (Эстония). Ее выступление **«Нарративные эксперименты В. Сирина: стилизация под психоаналитический текст»** было посвящено компрессированной организации некоторых рассказов В. Сирина. В частности, было показано, что художественная поэтика рассказа «Хват» построена на амальгамической технике, охватывающей фрагменты работ Фрейда и его учеников и публицистическое творчество самого Сирина. Затем выступила к. ф. н. **Н. М. Азарова** (Москва) с докладом **«Открытость поэтического текста для философского комментария»**. Она проанализировала философские комментарии XX—XXI вв. к поэтическим текстам Деррида, Делёза, Бадью, Левинаса и заметила, что поэтический текст в интерпретации философов предстает как некая ипостась собственно философского текста. Происходит постепенное отождествление Я-философа с Я-комментируемого поэта, а поэтические метафоры превращаются в поэтико-философские или собственно философские концепты. В докладе д. ф. н. **А. Д. Шмелева** (МПГУ, ИРЯ РАН) **«“Петербургский текст” на фоне русской языковой картины мира»** в дополнение к понятию «языковая картина мира» (понимаемая как совокупность нетривиальных презумпций, повторяющихся в значении различных единиц данного языка) было введено понятие «картина мира текста» (совокупность нетривиальных презумпций данного текста). Ученый рассмотрел картину мира «петербургского текста русской культуры» и обнаружил ряд ее отличий от русской языковой картины мира, характерной для литературного стандарта. Так, в русской языковой картине мира одинаково представлена как любовь к большим открытым пространствам (*простор* и др.), так и к небольшим помещениям, отгороженным от внешнего мира (*уют*), тогда как в «петербургском тексте» нет места *уюту*. Традиционно русским приписывается такая черта, как хлебосольство, но в «петербургском тексте» *хлебосольство* практически не представлено. Затем слово взяла д. ф. н. **М. В. Ляпон** (ИРЯ РАН). Она представила доклад **«Антипатия к стереотипу: две когнитивные стратегии М. Цветаевой и И. Бродского»**, в котором парадоксальные конструкции М. Цветаевой и И. Бродского были осмыслены как отпечаток в тексте глубинной ментальной потребности разрушения стереотипов. В докладе д. ф. н. **И. А. Тарасовой** (Саратов) **«“Каждый бы подумал, как подумал Пушкин”: когнитивные механизмы интертекстуальности»** была предложена когнитивная модель порождения интертекста, основанная на теории концептуальной интеграции М. Тернера — Ж. Фоконье.

Первое заседание второго дня **«Поэзия Серебряного века: взгляд с рубежа XX—XXI вв.»** открыл доклад

д. ф. н. **И. С. Приходько** (ИМЛИ) **«Символистский словарь А. Блока как зеркало его поэтики»**. Она отметила, что путь к познанию поэта-символиста — это создание его полного символистского словаря, который включил бы пластические предметные образы, динамические мотивы, пространственные мифологемы, цветовые эпитеты, мировоззренческие категории и концепты (*интеллигенция*, *народ*), культурно-мифологические и литературные образы (*Мировая Душа*, *Прекрасная Дама*), имена-идеи (*Данте*, *Гете*, *Гоголь*, *Вл. Соловьев*) и т. д. Естественно, что в организации этого словаря действует не алфавитный порядок, а другие иерархии и системы: бинарные оппозиции, синонимические ряды, семантически связанные образования (тезаурусы) и т. п. В докладе к. ф. н. **Л. Г. Пановой** (ИРЯ РАН) **«Поэзия Софии... Вечной Женственности... Прекрасной Дамы»** стихотворения символистов были рассмотрены с точки зрения инварианта — сюжета, типа героини, типа лирического героя, коммуникации и т. д. Была показана русская специфика — превращение Софии в религиозный культ и вызванную этим превращением перестройку поэтики.

Основные положения доклада к. ф. н. **Л. Л. Шестаковой** (ИРЯ РАН) **«Формы представления слова в современной поэтической лексикографии»** были подвергнуты анализу на фоне общего состояния писательской лексикографии последних лет. Было показано, что словари поэтического языка демонстрируют реализацию одного из значимых лексикографических принципов — множественности словарных описаний. Отметив характерные особенности современных регистрирующих справочников, Л. Л. Шестакова показала, как они реализуются в «Словаре языка русской поэзии XX в.» (руководитель проекта — В. П. Григорьев). По ее мнению, этот Словарь может служить примером расширения рамок традиционного авторского конкорданса до сводного конкорданса комментирующего типа, по ряду своих признаков приближающегося к объяснительному поэтическому словарю. К. ф. н. **И. Ю. Белякова** (Музей М. Цветаевой, Москва) в своем выступлении **«Динамика имен рельефа в поэтическом идиолекте М. Цветаевой (на материале “Словаря поэтического языка М. Цветаевой”)»** рассмотрела «поведение» единиц класса имен рельефа (представляющего в высшей степени активный лексический класс) на разных этапах развития идиолекта поэтессы.

Заседание **«Современный художественный дискурс и проблема идентичности автора»** плавно переросло во второе заседание этого цикла **«Динамика прозаического текста»**. Профессор **А. Ковач** (Будапешт, Венгрия) в докладе **«Метафора, рассказ и субъект дискурса»** обосновал понимание метафоры дискурса как некой новой категории, возникшей в результате столкновения с той парадигмой, в которую вписывает предмет культура, а также с той категорией, которую открывает непосредственный читательский опыт. По мысли ученого, метафору характеризует не рождение нового значения или расширения значения у слова, а возникновение нового слова, порожденного столкновением и взаимодействием плана семантики и плана семиотики.

В докладе профессора **Е. Фарыно** (Варшава, Польша) **«Динамика миметическая и динамика моделирующая»** впервые на конференции была высказана мысль о трудностях применения категории «динамика» к исследованию литературного произведения. В языковых построениях динамика / статика, по мнению польского ученого, описывается в основном при помощи развитой системы глаголов, причастий,

наречий и прилагательных. А в речи она передается по принципу мимезиса при помощи экстралинвистических средств — ритма, темпа речи и громкости, высоты голоса. В самом же языковом материале динамизирующие возможности очень скудны. Это, в частности, активизация безразличной в языке длины слов (цветаевское «*сверхбессмысленнейшее*» слово), усеченные глагольно-междометные формы (*толк*, *щелк*), артикуляционное напряжение (типа цветаевских «*вз-*/*вс-*»), вариативная парадигматизация (типа хрестоматийного хлебниковского «Заклятия смехом»: «*О, рассмейтесь, смехачи! О, засмейтесь, смехачи!*»).

Следующие два доклада были посвящены грамматике текста. В докладе д. ф. н. **Г. А. Золотовой** (ИРЯ РАН) **«Грамматика композиции»** было высказано мнение, что регистровый анализ текста, не подменяя компетенцию литературоведов, психологов, философов, показывает, что язык в тексте дает больше возможностей для выявления общих, типовых закономерностей и индивидуальных, художественных, чем это принято видеть. Докладчица подтвердила изложенную концепцию сопоставлением структуры и композиции стихотворных и прозаических текстов. В докладе к. ф. н. **Н. К. Онипенко** (ИРЯ РАН) **«Грамматика категории лица в литературных дневниках»** были продемонстрированы возможности коммуникативно-текстового подхода к грамматической категории лица. В основу была положена модель субъектной перспективы высказывания, которая позволяет на единых основаниях интерпретировать русские синтаксические конструкции в условиях Я-дискурса.

К. ф. н. **Е. М. Лазуткина** (ИРЯ РАН) в докладе **«Динамика концепта СВЕТ в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”»** обосновала тезис о том, что концепт «свет» является иерархически подчиненным скрытому языковому концепту «субстанция, способная к самостоятельному перемещению», а затем показала, что текстовая метафора романа — это когнитивная схема «свет — жидкость, свет льется», которая формирует вертикальный контекст. Действие света, по мнению докладчицы, сопровождает все изгибы сюжетной линии как сигнал авторского модуса, как ключ, врученный М. А. Булгаковым для прочтения романа. В докладе д. ф. н. **М. Ю. Михеева** (МГУ) **«Повтор мотива в “Записках юного врача” Михаила Булгакова»** были рассмотрены повторяющиеся в цикле рассказов Булгакова мотивы и был сделан вывод о их роли в целостной композиции цикла.

Два заключительных доклада совмещенного заседания были посвящены анализу языка прозаических произведений последних лет. В программном докладе **«Литературно-языковые стратегии прозы рубежа XX—XXI вв. в контексте споров о состоянии современного русского языка»** профессор **И. Лунде** (Берген, Норвегия) заметила, что уже второе десятилетие ведутся жаркие споры о состоянии современного русского языка. Она остановилась на том, как реагирует на языковую ситуацию, и в частности на дискуссии о языке, художественная литература. И. Лунде специально проанализировала два романа: «Кысь» Т. Толстой и «Голубое сало» В. Сорокина. У обоих писателей, как думает профессор Бергенского университета, имплицитно тематизируется вопрос о способности языка к саморегулированию, с одной стороны, и о стремлении человека регулировать развитие языка — с другой. Разговор о состоянии современного литературного процесса продолжила доктор **Г. Денисова** (Пиза, Италия) в докладе **«Пародирование или клонирование? К вопросу об идентичности современных писателей»**. Докладчица стремилась

показать, что остро поставленный в начале постперестроечной эпохи вопрос создания текстов общедоступных и одновременно не становящихся уступкой дурному вкусу, с одной стороны, привел к феноменам Б. Акунина и В. Пелевина, а с другой, стал катализатором появления произведений «промежуточных» между беллетристикой и художественной литературой.

Вечернее заседание второго дня **«Оппозиция стих/проза и обратимость текста»** началось с выступления к. ф. н. **А. В. Гик** (ИРЯ РАН) **«“Картонный домик” в стихах и прозе М. Кузмина»**. Она обратилась к анализу структурных особенностей прозаического и поэтического текстов, рассмотрела типы языковой переплавки исходного дневникового текста в одном и другом произведении, а также выяснила, насколько отбор изображенных фактов зависит от выбора художественной модели.

В докладе д. ф. н. **В. А. Плунгяна** (ИЯЗ РАН) **«Неканоническая силлаботоника: к динамике разрушения традиционного метра»** была предпринята попытка продемонстрировать, что понимание метрической природы дольника должно быть тесно связано с анализом причин разрушения традиционной силлаботоники, к концу XIX в., по-видимому, исчерпавшей потенциал эстетической новизны. Была предложена более дробная классификация форм дольника, включающая логаэдический дольник, классический дольник и расшатанный дольник (форма, переходная к тактовику). Если расшатанный дольник и тактовик воспринимаются как в той или иной степени «прозаизованный» тип стихотворной речи («развинченный», по словам Г. Иванова), то логаэдический дольник, напротив, воспринимается как форма с повышенной ритмичностью, близкая к песенному жанру (и активно поддерживаемая музыкальной составляющей).

В сообщении д. ф. н. **Л. Н. Рягузовой** (Краснодар) **«Палиндром, или Принцип обратимости в текстах В. В. Набокова»** было показано, что взаимоотражение крайних точек мысли, «обратимость» образов, наоборотное прочтение тематических оппозиций (фраз, слов) составляет характерную черту художественного мышления Набокова. Прием изображения явлений в единстве противоположных начал, объединяющих «поту- и посюсторонность», в метафорической символике писателя получает различные номинации: «обратной перспективы», «наоборотного совпадения», «прожектора обратного осмысления». Ход мысли «туда — обратно» и порождаемый подобной обратимостью сдвиг делает равноправными члены оппозиций: *другое — то же самое*, *внутреннее — внешнее, действительность — иллюзия.* Таким образом, заключила Рягузова, мир переходных состояний Набокова можно уподобить палиндрому и сравнить его с движением «семантических качелей». Доклад к. ф. н. **О. И. Фоняковой** (Санкт-Петербург) **«Палиндромы как афористическое выражение духа времени»** был построен на материале последней поэтической книжки известного поэта И. Фонякова «“Я не стар, брат Сеня! Юного догоню”. Палиндромоны. Стихи с палиндромонами» (СПб., 2002), в которой содержится 120 палиндромных строк на самые разнообразные темы современной жизни. Примерно 2/3 палиндромных строк напечатаны в изолированной форме, а остальные включены в поэтический контекст целого стихотворения. При этом они всегда находятся в сильной позиции (заглавие и концовка, повтор-рефрен, рамочный повтор) и концентрируют поэтическую мысль в сжатой афористической форме.

Философ **С. В. Чертков** (Москва) в заключительном докладе «Бродский и Рейн: статистика в действии» на примере анализа некоторых утверждений И. Бродского о поэтике Е. Рейна продемонстрировал методики выявления особенностей авторских стилей. На обширном материале (50 писателей XIX—XX вв.) он попытался доказать принципиальные отличия стихотворных и прозаических текстов на уровне алфавита. Чтобы аргументировать свои положения, С. В. Чертков привел обобщающие данные о буквенном составе поэтического языка.

Первое утреннее заседание **21 мая** было посвящено теме **«Многообразие форм представления художественного текста»**. Оно открылось докладом профессора **Дж. Янечека** (Лексингтон, США) **«Музыкальные процессы в творчестве Е. Мнацакановой»**, в котором речь шла о применении в поэтическом тексте сугубо музыкальных структур: мотивного (паронимического) развития и полифонических форм. К области полифонии Дж. Янечек относит тексты, в которых их части с разным содержанием читаются одновременно, подобно принципу «ансамбля» в опере. Он отметил, что существуют два подхода к воспроизведению подобных структур: это либо «саунд-поэзия», когда произведение создается в форме аудиозаписи с множеством параллельных голосов, либо это произведение, задуманное, главным образом, как печатный текст или партитура для исполнения, что мы и наблюдаем у Мнацакановой.

В докладе **«Зукописьмо Георгия Спешнева»** доктор **С. Бирюков** (Галле, Германия) представил некоторые грани творческих поисков Георгия Спешнева (1912—1987), писателя, который при жизни не напечатал ни строки. На примерах из практики Спешнева и его теоретических установок докладчик показал, насколько глубоко этот автор был связан с историческим авангардом и прежде всего с Хлебниковым. Задолго до появления компьютерных возможностей Спешнев создает настоящий гипертекст. Подобно Хлебникову Спешнев ведет поиск новых сближений слов, а также «нового правописания». Его звукописьмо было направлено на преобразование поля словесности из «молчащего» в звучащее. Общая идея доклада С. Бирюкова и его материал убедительно продемонстрировали непрерывность авангарда как движения.

В основе доклада **«Стихотворение Владимира Казакова “Репетиции” (1961): версификация как цирк»** к. ф. н. **И. Е. Лощилова** (Новосибирск) лежал анализ текста, который вписывается в традицию художественного осмысления циркового искусства в качестве метафоры поэзии. Для подобного текста характерно замещение образа поэта масками клоуна и фокусника, а также акробата, дрессировщика.

Темой доклада профессора **Е. Дузс** (Дикинсон, США) была идея креативности разговорного языка в творчестве поэта-концептуалиста Л. Рубинштейна. Уникальность таланта Рубинштейна связана с его двойственностью: выявляя ущербность и неадекватность позднесоветского языка, поэт на том же языке создает стихи, передающие сложный онтологический опыт и имеющие метафизическую составляющую. Понимая языковое творчество не как привилегию особых личностей, а как способность каждого человека («человек говорящий есть человек творящий»), поэт заимствует для своих стихов стратегии, присущие устной разговорной речи, в частности, стратегию эмоционального вовлечения собеседника. Заседание завершилось докладом к. ф. н. **З. Ю. Петровой** (ИРЯ РАН) **«Динамика поэтической картины мира И. Бродского»**, в котором рассматривалась эволюция семантиче-

ских полей «Смерть» и «Любовь» в лирике Бродского.

Второе утреннее заседание 21 мая **«Словотворчество и свобода поэтического выражения»** открылось выступлением виновника торжества, д. ф. н. **В. П. Григорьева** (ИРЯ РАН). В своем докладе **«Светлое будущее “инговых форм” в русском поэтическом языке»** он обратился к статусу словотворчества в филологии, подчеркнув, что наш великий и могучий язык — также веселый, ироничный и насмешливый. Напомнив о таких фактах игры слов, как семейное *митинг* — *eating* — *чай питинг*, идиостилевое *тьфутинг*, жаргонное *шастинг*, новое беллетристическое *вининг* «пьянка», докладчик предложил (автоиронически!) ряд опытов класса *базаринг*, *басманинг*, *беспутинг*, *приколинг*, *пудринг*, *раздербанинг*, *распутинг*, указав на нюансы «инга» в его соотношениях с *-изм*, *-ение*, *-ание*, *-ство* и др. Сопоставляя смыслы и перспективы онимов-новаций: юмора в «Хармсизм (и вопросы языкознания)», памфлета в «АнтиЖиринг», горьковатой иронии в «амПутинг» и потенций бесчисленных «Церетелингов» и «Киркорингов» для деятелей СМИ, — В. П. Григорьев обратил внимание на сочетание категорий предметности и процессуальности почти у всех слов на *-инг*, на то, что смысловые рамки этих виртуальных форм определит лишь практика употребления, а также на проблемы морфонологии (в частности, «ЮрМихинг», но едва ли «Лотманинг»). Вывод о том, что «инговое поветрие» способно охватить всю идеографию языка, стать «своим» в любом уголке триады Человек — Природа — Общество, также не вызвал возражений у слушателей, активно дополнявших материалы и соображения докладчика.

Доклад д. ф. н. **Е. В. Падучевой** (Москва) **«Свобода поэта и поэтическая вольность»** развивал тему, затронутую в разговоре Пастернака с Мандельштамом, где Пастернак (по свидетельству Н. И. Харджиева) говорит: «Я завидую вашей свободе. Для меня Вы новый Хлебников. И такой же чужой». Докладчица проанализировала стихотворение Пастернака «Марбург», в котором обнаружились неоднократные сбои повествовательной формы: начало выдержано в повествовательном режиме, затем происходит переход в речевой режим с последующим возвратом в повествовательный, а через несколько строф снова переход в речевой режим. Главный пафос выступления Е. В. Падучевой состоял в том, рассматривать ли эти смены режима как недосмотр или как поэтический прием. Аргументом в пользу второго является не только различное семантическое наполнение разных отрезков, но и то, что границы режимов в ряде случаев совпадают с ритмическими границами, обозначенными сменой рифмовки (это обнаружил К. М. Поливанов).

В докладе д. ф. н. **Л. В. Зубовой** (Санкт-Петербург) **«Поэтика “полуслова”»** было проанализировано интересное явление в современной поэзии — усечение слов до минимальных смыслоразличимых элементов, которые по-особому встраиваются в структуру стиха, попадая в позицию рифмы и другие сильные позиции текста. За счет минус-приемов поэтом достигается потенциальная открытость формы текста: эксплицитный текст минимизируется, в нем снимаются проявленные форманты и соответственно грамматические связи.

В докладе профессора **М. Н. Эпштейна** (Эмори, США) **«Анафраза: языковой феномен и литературный прием»** было введено понятие анафразы, которое описывает перестановку слов во фразе и соответствующие трансформации ее смысла. Анафраза (ср. «анаграмма») — это фраза или любой отрезок текста, образованные пере-

становкой слов из другой фразы или текста при соответствующем изменении их лексико-морфологических признаков и синтаксических связей. Затем профессор рассмотрел анафразу как продуктивный прием современной поэзии (например, у Г. Сапгира) и способ многомерного перевода иноязычных текстов («полифраз»). Профессор **И. В. Фоменко** (Тверь) в своем выступлении **«Служебные слова и смыслообразование»** убедительно доказал, что в художественном тексте служебные слова наиболее полно реализуют одновременно две функции: играя на уровне содержания роль «упаковочного материала», они активно участвуют в смыслообразовании. Диапазон смыслообразовательных возможностей служебных слов в поэзии достаточно велик: они могут маркировать смысловую вариативность, быть агентами экспрессии и даже одной из смысловых доминант.

В тематическом цикле **«Поэтика орфографии и пунктуации»** большой интерес вызвал доклад **С. Л. Ивановой** (Москва, Лос-Анджелес) **«Поэт и чернь: знаки препинания»**. В нем были рассмотрены правила расстановки знаков препинания с двух разных точек зрения: создателей системы, которая поэтом может восприниматься как сдерживающая, и автора, ищущего способа воплощения своей интонации. В выступлении были приведены также примеры редакторского вмешательства, соответствующего пунктуационным правилам, но враждебного авторской воле.

Профессор **А. Б. Пеньковский** (Москва) в своем докладе **«Об одном игровом нарушении орфографической нормы у Пушкина»** рассмотрел отступающее от общепринятого стандарта написание фамильного имени княгини Евдокии Ивановны Голицыной в двух беловых автографах известного стихотворения 18-летнего поэта «Краев чужих неопытный любитель…». Он заметил, что воспроизведенное без комментариев в первом большом академическом издании и понятое как чисто графическое явление в ряду обычных пушкинских вариантов, непоследовательно отражающих русское литературное аканье (*здаров*, *Агарева*) и характерную для французского письма геминацию согласных (*драмма*, *массон*), оно было без объяснений снято и приведено к современной письменной норме в малом академическом десятитомнике: «Но я вчера **Галлицыну** увидел…» ⇒ «Но я вчера **Голицыну** увидел…». Вопреки такому пониманию, а также вопреки предложенной комментаторами второго большого академического издания чисто формальной квалификации этого написания как обратной русской транслитерации французского написания фамильного имени княгини: *Г*[а]*лицына* ? *Gallitsin* ? *Галлицына* — автор доклада, опираясь на парадоксальное соединение в образе этой яркой женщины крайнего русского патриотизма в духе Шишкова с франкофильской (**галльской**) ориентацией всего устройства ее жизни и сознания, прежде всего в отношении языка (Е. И. Голицына писала и печатала свои труды исключительно на французском), предложил понимать пушкинское написание **Галлицына** как отражение осознанного преобразования фамильного имени княгини в результате паронимической аттракции корня **-галл-**. Эта крошечная деталь пушкинского текста заставляет видеть в нем не любовный пустячок, а поразительной идеологической сложности художественное целое, конструктивным центром которого является лукавая и дерзкая мальчишеская игра на имени русской «мадам Рекамье».

В своем выступлении профессор **С. Гардзонио** (Флоренция — Пиза, Италия) **«Итальянизмы в поэзии русского романтизма»** заметил, что включе-

ние отдельных итальянских слов отмечается во многих стихотворных произведениях русского романтизма. После краткого обзора он сосредоточился на анализе знаменитой макаронической поэмы И. Мятлева «Сенсанции и замечания Госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», в которой итальянизмы сопровождают главный массив галлицизмов и других варваризмов и в которой можно уловить некоторые типологические характеристики итальянизмов в русской поэзии. Вся мятлевская поэма строится на динамическом сочетании русских и иноязычных словесных элементов. Итальянский пласт поэзии Мятлева вписывается в общее русло италомании романтической эпохи. Пока не доведена до конца работа по описанию и интерпретации многочисленных русских романтических поэтических текстов итальянской тематики (Норова, Кукольника, Григорьева и др.), однако уже из анализа жанрово-специфического сочинения Мятлева с очевидностью вытекает, что итальянский язык оказался в то время живым элементом русского поэтического дискурса.

Доклад к. ф. н. **Е. А. Ивановой** (РГГУ) **«Идеи Реформатского и расширенное понимание пунктуации»** был посвящен семиотической концепции научного учителя В. П. Григорьева — А. А. Реформатского. Материалом для доклада послужил все еще малоизвестный современным лингвистам ранний труд Реформатского «Техническая редакция книги». Было показано, что, согласно развитой в этом труде теории, у печатного текста есть три уровня организации — собственно смысл, его внутреннее оформление и внешнее воплощение. Е. А. Иванова рассмотрела проблемы номенклатуры графических знаков, принципы их сочетаемости и особенности функционирования графической системы. В заключение она подчеркнула возросшую актуальность концепции Реформатского в эпоху компьютерной полиграфии и электронных изданий.

В докладе д. ф. н. **Н. А. Богомолова** (МГУ) **«Заглавие как семантический комплекс: опыт Ходасевича»** была прослежена эволюция называния стихотворений у В. Ф. Ходасевича в соотношении с системой заглавий крупнейших русских символистов: Блока, Брюсова, Бальмонта, А. Белого, З. Гиппиус, Мережковского, Вяч. Иванова.

Доктор **Ю. Пярли** (Тарту, Эстония) в докладе **«Стратегии имени собственного в художественном тексте»** на примере вышедшей в Эстонии в 2003 г. книжки русских детских рассказов о Ленине, снабженной пародийным послесловием А. Кивиряхка о восприятии имени и образа Ленина последним поколением воспитанников советской школы, продемонстрировала, как текст, построенный вокруг известного исторического имени, перегруженного коннотациями, формирует в итоге свое смысловое пространство в зависимости от опыта и знаний каждого конкретного читателя. По мнению Пярли, имя Ленина является при этом не только именем собственным или идеологическим конструктом, оно начинает выполнять функцию индексального символа, оживляющего в памяти читателя ностальгический опыт прошлого.

Заключительное заседание третьего дня **«Визуальное представление текста и современные художественные технологии»** открылось докладом искусствоведа и поэтессы **А. А. Альчук** (Москва) **«Созидательная деструкция А. Крученых»**. Докладчица отметила, что будущее — не столько тема его поэзии, сколько врожденное ощущение будущности поэтического языка, основанное на удивительной чувствительности к его основаниям и традициям. Кроме того, она показала близость

творчества поэта компьютеризованному, ориентированному на визуальное измерение сознанию современного человека. В докладе **«Название vs. изображение: вербальная идентификация в искусстве XX в.»** доктор искусствоведения **Н. В. Злыднева** (Институт славяноведения РАН) рассмотрела динамическое соотношение названия произведения изобразительного искусства и изображения. В искусстве XX в. отношение «название vs. изображение» осциллирует между двумя крайностями: от предельной нейтрализации названия («Без названия») до определяющей роли вербального компонента («Джоконда» Магритта). Для сюрреализма и постмодернизма характерна игровая функция названия с образованием идиом, переключением кодов и совмещением идентифицирующей и репрезентирующей функций изображения (Лук at this); в новой художественной реальности рубежа XX—XXI вв. (сетевое искусство, видео-инсталляции) название тяготеет к исчезновению. В докладе **Ю. Л. Гика** (Москва) **«Идеология и тематика мэйл-арта (на материале названий выставок и лозунгов со штампов)»** было показано, что мэйл-арт имеет тематическую и идеологическую структуру. Эта структура выявляется как в названиях выставок за различные периоды существования сети, так и в лозунгах-штампах (проанализировано более 1200 названий выставок за период с 1970 по 2004 г.). В докладе к. ф. н. **Т. Ф. Семьян** (Челябинск) **«Руины текста (Компьютерные приемы в визуальном облике современной прозы)»** была затронута проблема изменения визуальных стратегий построения текстов и их усложнения в результате развития компьютерных технологий. Приемы компьютерного набора разрушают привычный вид прозаического текста, вследствие чего рождаются новые смыслы и новые отношения между текстом и читателем, появляется новая семантическая структура. Анализ современных произведений показывает, что в литературе, как и в речевых формах, вербальное уходит в визуальное, изображаемое. Этот процесс сигнализирует о том, что литература на новом витке своего развития обращается к уже известному опыту пиктографического письма.

Заключительный день конференции 22 мая был почти целиком посвящен творчеству Велимира Хлебникова — поэта и мыслителя, который все время стремился к расширению пространства поэтического языка. Первое заседание **«Хлебников и футуристический текст»** открыл академик РАН **Вяч. Вс. Иванов** (Москва — Лос-Анджелес). Он поздравил В. П. Григорьева с юбилеем и отметил его большой вклад в изучение творческого наследия В. Хлебникова. В своем докладе **«О строении “Досок судьбы” В. Хлебникова»** Вяч. Вс. Иванов проанализировал жанр этой «заповести», включающей стихи, научную прозу, таблицы (хронологические и числовые), «стихи из чисел», наличие в тексте автобиографических элементов (связанных с предвидением собственной смерти). Академик соотнес некоторые основные темы и выводы Будетлянина (отсутствие времени как реальности; роль числа 11 как меры измерений, образ струн или сверхструн) с естественной наукой последних лет.

В докладе д. ф. н. **Ю. Б. Орлицкого** (РГГУ) **«Гетероморфный стих В. Хлебникова»** был предложен принципиально новый подход к описанию стиховой системы поэта; наряду со стихотворениями, написанными традиционными силлаботоническими и тоническими размерами, а также свободным стихом особое место в его репертуаре занимает так называемый гетероморфный (т. е. принципиально неупорядоченный) стих, каждая из строк которого, а также их

небольшие объединения могут быть описаны как принадлежащие к определенному типу стиха, однако стихотворение в целом характеризуется именно переменной ритмической природой.

Д. ф. н. **О. А. Лекманов** (МГУ) в своем докладе **«О двух стихотворениях О. Мандельштама и Н. Заболоцкого»** поставил вопрос о том, каков был сиюминутный повод к написанию «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама.

Д. ф. н. **Н. Н. Перцова** (МГУ) в своем докладе **«О “сверхповести” В. Хлебникова “Лев”»** исследовала материалы к незаконченной «сверхповести», над которой в 1916 — начале 1917 г. работал В. Хлебников.

Вторую часть программы этого дня открыл доклад профессора **К. Соливетти** (Рим, Италия) **«Лингвистические теории В. Хлебникова и когнитивистика»**. Данное исследование продолжает ее статью «Лингвистические прозрения Хлебникова» («Russian Literature», 2004), в которой была выдвинута гипотеза о близости языковедческих построений поэта идеям современной когнитивной лингвистики.

В докладе профессора **В. Вестстейна** (Амстердам, Нидерланды) **«Тема “моря” в произведениях В. Хлебникова»** была показана многомерная реализация мотива моря в произведениях В. Хлебникова. Особый акцент в докладе был сделан на связях понятий «море — свобода» и «море — смерть». Соотношение «море—смерть» выводимо, по его мнению, не только из художественных текстов, но и из собственно языковой теории В. Хлебникова. За счет своего фонетического состава слово *море* попадает в семантическую группу слов, которые соотносятся с болезнями, смертью, голодом, холодом, обманом: *мор*, *морочить*, *морщиться*, *мороз*, *мертвец* и т. п. Но для Хлебникова море еще и конкретное живое существо, способное на человеческие действия и чувства, к тому же оно оказывает непосредственное влияние на настроение и состояние лирического Я.

В докладе к. ф. н. **В. В. Фещенко** (ИЯЗ РАН) **«Жизнь как текст. Опыт динамического подхода к творчеству В. Хлебникова»** был поставлен вопрос о возможности принципиально динамического подхода к личности Велимира Хлебникова и динамического подхода к его творчеству. Поэт и физик **Б. Ф. Шифрин** (Санкт-Петербург) в своем докладе **«Поэтика странного в русском модернизме: от Хармса к Хлебникову»** рассмотрел дискурс странного в художественном процессе ретроспективно от Хармса к Хлебникову.

Профессор **К. Ичин** (Белград, Сербия) в докладе **«Утопия Хлебникова и платоновский замысел идеального государства»** показала вклад В. Хлебникова, который он внес в вопрос рецепции платоновского наследия в России. Будетлянин полностью разделял платоновские мысли о числе как о высшей мудрости, которое надо класть в основу всего, так как оно является основой всех благ. Однако, заключила исследовательница, хлебниковское понимание числа и счета оказалось более глубоким, нежели у Платона, так как поэт включил их в построение философии времени, раскрыл в числах пророческую суть.

Далее состоялся круглый стол **«Хлебников и филология XXI века»**, который вели В. П. Григорьев, Р. Вроон и Н. Н. Перцова. В начале обсуждения профессор Вроон отметил, что рукописное наследие Велимира Хлебников представляет собой сложнейший комплекс словесных, изобразительных и цифровых материалов. Большинство его произведений не было издано прижизненно, и он сам приготовил относительно мало для печати. Следовательно,

мы имеем дело чаще с черновыми текстами, извлеченными из разных тетрадей и папок бумаг, чем с завершенными произведениями. Эти черновики нередко содержат текстологически неразрешимые двусмысленности; а предлагаемые чтения лексем, определение порядка слов и даже текстовые границы являются предположительными. Поэтому целесообразно воспроизвести эти черновые материалы как можно точнее, с сохранением всей специфики рукописей. Предметом обсуждения на Круглом столе была одна из важнейших рабочих тетрадей позднего Хлебникова — так называемый «Гроссбух» (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, ед. хр. 64). Его предполагаемые редакторы Н. Н. Перцова и Р. Вроон рассказали о своем совместном плане издания этой тетради, включающем факсимильное воспроизведение и транскрипцию, а также лингвистический, филологический, культурологический и реальный комментарий. В обсуждении этого проекта приняли участие В. П. Григорьев, Е. Р. Арензон, Н. В. Перцов, С. В. Старкина и другие.

В заключительной части конференции состоялись поэтические чтения. Сначала выступил поэт и исследователь авангардных текстов **И. Лощилов**, который представил стихотворную композицию **«И птицы Хлебникова пели у воды»** по текстам В. Хлебникова и Н. Заболоцкого. Затем свои стихи на хлебниковские темы прочитал Председатель Академии Зауми, поэт-филолог **С. Бирюков**. В конце программы С. Бирюков вручил В. П. Григорьеву международную Отметину им. Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка, утвержденную Академией Зауми, и все собравшиеся еще раз поздравили юбиляра.

Ю. И. Насонова, Н. А. Фатеева,
В. В. Фещенко

НОВЫЕ КНИГИ

Е. В. Падучева. **Динамические модели в семантике лексики.** — М: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.

В книге излагается идеология динамического подхода к системному описанию лексики и формулируются его принципы, которые впоследствии прилагаются к описанию большого числа самых разных групп глаголов русского языка. Динамический подход предполагает, что различные значения многозначного слова связаны между собой регулярными семантическими переходами — подобно тому, как производящее и производные слова связаны между собой словообразовательными моделями. Цель динамического подхода к описанию многозначности — сохранение единства слова без обращения к инварианту или когнитивной структуре, которая приписывается слову.

Принципы системного описания семантики лексики в рамках динамического подхода подробно рассматриваются в части I книги. Они состоят в том, что (1) каждому слову должна быть сопоставлена «формула значения», позволяющая предсказывать или объяснять особенности его поведения; (2) большую часть особенностей языкового поведения слова можно объяснить, оперируя такими семантическими компонентами и параметрами значения слова, которые являются общими у данного слова с многими другими словами; (3) многозначность, как правило, регулярна и может быть представлена как переход от одного значения к другому; (4) тот семантический компонент или параметр, который различает значения слова, может различать и разные слова. В этой же части рассматриваются такие параметры лексического значения слова, как таксономическая категория глагола, тематический класс, диатеза, таксономический класс участника. В главе 5 части I рассматривается понятие акцентного статуса компонента. Роль сдвига акцента в семантической деривации иллюстрируется в Экскурсе 1, посвященном существительному *вина*. Глава 6 демонстрирует важность динамического подхода не только при анализе отношений между значениями одного слова, но и при анализе композиции смыслов в синтагматике.

Часть II посвящена основным механизмам семантической деривации — метафоре и метонимии. В этой части строится типология метонимических переносов, приводятся примеры метонимических моделей, рассматривается общность метафоры и метонимии («метафора часто возникает как следствие метонимии; метонимия чревата метафорой»); наряду с языковой рассматривается поэтическая метонимия Пастернака.

Самая большая часть книги, III, посвящена описанию различных тематических классов русских глаголов и свойственных им моделей семантической деривации в рамках изложенной теории. Рассматриваются глаголы восприятия, глаголы эмоций, глаголы при-

нятия решения, глаголы речевых действий, глаголы движения, глаголы звука и бытийные глаголы. Неожиданный вывод, к которому позволила прийти эта часть, — особый характер глаголов речи по сравнению с другими тематическими классами глаголов. Обычно тематический класс выделяется на основании таких центральных компонентов значения, как цель или результат действия, а способ в семантике глаголов, как правило, сирконстант. У глаголов речи способ — центральный компонент значения, и именно на этом основании они объединяются в отдельный класс.

Часть IV посвящена соотношению лексики и грамматики. В главе 1 этой части рассматриваются различные параметры значения моментальных глаголов, а в главе 2 — аспектуальные свойства глаголов с участником Результат. В главе 4 подробно рассматривается вопрос о том, всегда ли семантика совершенного вида включает начинательность. Другой компонент семантики совершенного вида — статальный — рассматривается в Экскурсе 2: ДАВНО и ДОЛГО.

В Заключении обобщаются те новые знания о лексической системе языка и о принципах ее описания, которые позволил получить динамический подход к описанию семантики лексики. Стало ясно, что метаязык семантики должен включать не только семантические компоненты, но и параметры значения слова. Выяснилась также важная роль понятия акцентного статуса семантического компонента, и в частности такого типа акцентного противопоставления, как сдвига внимания (или изменения фокуса внимания). Оказалось, что одни и те же параметры и акцентные статусы семантического компонента различают, с одной стороны, разные значения одного и того же слова, а с другой — разные слова. Сдвиг фокуса внимания тем самым оказывается одним из основных механизмов семантической деривации. Понятие сдвига фокуса внимания позволило по-новому представить контекстные сдвиги значения, пролить свет на некоторые аспекты семантики вида, интерпретировать метонимию как изменение фокусировки и увидеть общность между поэтической метонимией и семантической деривацией. Новую интерпретацию получило также понятие диатезы.

Книга снабжена тремя указателями — предметным (составлен О. Н. Ляшевской), именным и лексическим (составлены А. В. Шипуновой). Предметный указатель состоит из основной части и приложений — «Тематические классы и компоненты» и «Семантические роли», с которыми он связан пометами, а также «Таксономические классы имен».

Р. Р.

Л. П. Крысин. **Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике.** — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с. — Библиогр.: с. 853—883.

Реферируемая книга представляет собой собрание избранных работ, созданных доктором филологических наук, профессором, заместителем директора ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН Леонидом Петровичем Крысиным за сорок лет его занятий современным русским языком и социолингвистикой. Издание включает в себя пять разделов.

В первом разделе «Лексикология, лексикография, семантика» опубликована изданная в 1968 г. книга «Иноязычные слова в современном русском языке», дополненная рядом статей, на-

писанных автором в последующие годы. Данный раздел посвящен проблемам иноязычных заимствований и состоит из двух основных частей. В первой части подробно освещаются теоретические вопросы заимствования, анализируются причины и предпосылки, а также условия и этапы лексического заимствования, указываются основные типы иноязычных слов (заимствованные слова, экзотическая лексика и иноязычные вкрапления), рассматриваются их структурные и функциональные различия. Вторая часть представляет собой практическое исследование, в котором в хронологической последовательности на протяжении пяти выделенных автором исторических периодов анализируются процессы заимствования и особенности использования иноязычной лексики в русском языке XX в.

Второй раздел «Стилистика, культура речи» содержит пять статей, написанных автором в разные годы. Первые две из них посвящены проблемам лингвистических «неправильностей», т. е. отклонений от нормы в современной русской речи, их типологии и социолингвистическому анализу. В двух других исследуются процессы и явления, весьма характерные для современного разговорного общения, такие как гиперболизация и эвфемизация в русской речи. Завершает раздел статья о религиозно-проповедническом стиле, которому еще предстоит занять подобающее ему место в функционально-стилистической парадигме современного русского языка.

В третий раздел вошла книга Л. П. Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка», изданная в 1989 г., а также ряд статей, в которых рассматриваются вопросы, связанные с социолингвистическим изучением современного русского языка. К ним автор относит 1) социальную и функциональную дифференциацию; 2) взаимодействие и взаимовлияние социально обусловленных подсистем; 3) социальный аспект владения языком; 4) социальные компоненты в структуре языкового знака и социальные ограничения в сочетаемости лексических единиц. На разнообразном языковом материале показывается влияние социальных факторов на языковую систему, находящих свое выражение в расслоении языка на социально обусловленные разновидности, речевом общении человека в малых социальных общностях, социальной маркированности языковых единиц. В одной из статей («Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета») рассматриваются лингвистические и социокультурные характеристики, специфичные для слоя интеллигенции.

Четвертый раздел «Персоналии» составляют очерки о таких известных лингвистах, как Д. Н. Ушаков, А. А. Реформатский, Д. Н. Шмелёв, М. В. Панов, а также о малоизвестной большинству современных читателей исследовательской деятельности в области русского языка писателя Корнея Чуковского.

В последнем, пятом, разделе «Языкознание и школа» помещены две книги: «Язык в современном обществе», впервые опубликованная в 1977 г., и «Жизнь слова», вышедшая в свет в 1980 г. Эти работы, адресованные школьникам и учителям-словесникам, в научно-популярной форме знакомят читателя с основными понятиями и проблематикой лингвистической науки, некоторыми социолингвистическими аспектами изучения языка, рассказывают о функционировании слова в речи, его взаимодействии с другими языковыми единицами в процессе речевого общения.

Н. О. Труфанова

***Е. Ю. Протасова.* Феннороссы: жизнь и употребление языка.** — СПб.: Златоуст, 2004. — 308 с.

Монография Е. Ю. Протасовой, исследовательницы, работающей в университете Хельсинки, посвящена активно разрабатываемой в последние годы проблеме — языку русской эмиграции. Объектом анализа явились особенности речи и речевого поведения русскоязычных в Финляндии, или *феннороссов*. Цель книги, как формулирует ее автор, — «попытаться понять, насколько язык влияет на жизнь человека, насколько жизнь человека влияет на его язык, насколько человек способен повлиять на свою жизнь и свой язык».

Монография состоит из нескольких глав. Первые три: «Социолингвистические, психологические и антропологические подходы к исследованию двуязычия и идентичности», «Методы исследования в эмигрантологии», «Русский язык зарубежья» — аналитические обзоры литературы последнего десятилетия по данной проблематике. Ценность обзора состоит в том, что здесь представлено значительное число работ зарубежных авторов, которые, безусловно, будут интересны русскоязычному читателю. Кроме того, упоминается много работ, относящихся к смежным областям знаний. Это обусловлено тем, что значительное число исследований по языку эмиграции носит междисциплинарный характер. Как отмечает автор, «эмигрантология вынуждена считаться с взаимным переплетением в языковых судьбах информантов явлений лингвистического, психологического и социального порядка» (с. 30).

В главе «Финляндские русскоязычные (феннороссы)» представлен краткий очерк истории русской эмиграции в Финляндии. Значительное место занимает описание судеб эмигрантов первой (послереволюционной) волны. Здесь приводятся ценные материалы дневниковых записей, воспоминаний из семейных архивов, многие из которых до сих пор не опубликованы. В специальном разделе данной главы рассказывается о судьбе ингерманландских финнов — народе, многократно переселявшемся и подвергавшемся репрессиям в Советском Союзе.

Глава «Исследования языка и культуры русских в Финляндии» представляет собой обстоятельный обзор работ, посвященных исследованию речи эмигрантов на базе устных и письменных материалов, финско-русских языковых контактов. В библиографический список включены даже дипломные работы. Интересен перечень исследовательских проблем, среди которых, например, такие: речевые особенности «старых» и «новых» русских в Финляндии, детское двуязычие и обучение русскому языку как родному, общение в бикультурных смешанных семьях, особенности русской эмигрантской прессы, особенности российской и финской рекламы.

В следующей главе, «Языковая политика Финляндии и русский язык», автор рассказывает о языковой политике страны в отношении русских иммигрантов, направленной на сохранение национальной идентичности переселенцев из России. Правительство предпринимает меры по адаптации национальных меньшинств (к ним принадлежат и русскоязычные в Финляндии) в иноязычном окружении. В новом законе об образовании подчеркивается чрезвычайно важная роль родного языка в педагогическом процессе. Отмечается, что наряду с изучением финского или шведского как двух основных государственных языков «преподавание родного языка укрепляет идентичность учащегося и создает основу для его мультикультурности и функционально-

го двуязычия» (с. 93). Думается, ценный опыт финнов не мешало бы перенять и российским властям, для которых проблема иммиграции становится в последние годы одной из острейших.

Наиболее значительной и по содержанию, и по объему является глава «Русскоязычные СМИ в Финляндии: особенности языка и самоопределения». Основное внимание автор уделяет рассмотрению разнообразных печатных изданий. В отдельных разделах Е. Ю. Протасова делится своими наблюдениями над языком радио и телевидения. Давая содержательную характеристику публикуемым в печатных СМИ материалам, исследовательница знакомит читателя с самыми актуальными темами, значительная часть которых затрагивает проблему межкультурной коммуникации. Так, несомненный интерес вызовет раздел «Финны и русские друг о друге», в котором рассматриваются наиболее типичные для финнов и русских авто- и гетеростереотипы. Важное место на страницах газет и журналов занимает обсуждение проблем самоопределения и интеграции. Ключевым для русскоязычных иммигрантов является выражение *мягкая посадка*, обозначающее процесс адаптации человека в чужом социуме. Собственно языковая специфика русскоязычных печатных изданий обсуждается в двух разделах данной главы — «Влияние финского языка на русский» и «Употребление “этнических” определений». Яркой особенностью в сфере номинации является, по мнению автора, вариативность обозначений реалий финской жизни. Например, специфически финский праздник, отмечаемый в преддверии Рождества, имеет целый ряд названий: *Маленькое Рождество*, *семейный пиккуйолу*, *Pikku Jolu*, *pikkujoulu*, *праздник Пиккуйолу*, *маленькая елка*. Языковая специфика публицистических текстов определяется особыми функциями русскоязычной прессы в Финляндии: «Для активных представителей русскоязычного меньшинства — это рупор их деятельности, средство объединения, способ привлечения внимания властей. Языковыми средствами, обеспечивающими выполнение этих функций, являются особое употребление заимствований, калек, переводов, толкований, идентификационных прилагательных, языковая игра на стыке культур и понятий, использование возможностей орфографии, цитат и ссылок, шрифтовых выделений» (с. 199).

Специфика повседневной устной речи эмигрантов рассматривается в главе «Особенности устной речи в разных поколениях». Наибольшее внимание уделено процессам интерференции в области грамматики и словоупотребления. Здесь представлен богатый иллюстративный материал, почерпнутый из живой разговорной речи. К сожалению, многочисленные яркие примеры нередко представлены в виде сплошного перечня без какой-либо их интерпретации или систематизации. Таким образом, в одном ряду оказываются факты «универсальные», свойственные языку русского зарубежья в целом, и явления, обусловленные влиянием финского языка. Обсуждение вопросов русско-финской интерференции на материале письменных текстов продолжается в главе «Особенности письменной русской речи у живущих в Финляндии».

Завершает книгу глава «Языковые биографии феннороссов». Е. Ю. Протасова пишет о том, что существует определенная связь между индивидуальным вариантом языка и языковой биографией иммигранта. Для выявления специфики этих связей исследовательница проводила устное интервьюирование и письменное анкетирование выходцев из России, живущих в Финляндии. В результате был собран достаточно представительный корпус устных и пись-

менных текстов, в которых люди, рассказывая о собственной жизни, пытаются объяснить причины своих языковых приоритетов, мотивы сохранения или утраты родного языка и т. п. Эти материалы являются ценным источником для изучения специфики функционирования русского языка в Финляндии.

Н. Н. Розанова

Русский язык сегодня. Вып. 3: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Л. П. Крысин. — М., 2004. — 364 с.

Сборник представляет собой третий выпуск из серии изданий «Русский язык сегодня», выпущенный по материалам международной конференции «Проблемы русской лексикографии», которая состоялась в феврале 2004 г. в рамках VI Шмелевских чтений. Статьи, представленные в сборнике, посвящены многообразным аспектам разработки словарей разного типа, а также некоторым вопросам лексикологии и лексической семантики, связанным с лексикографической практикой.

В ряде статей описываются принципы составления словарей различных типов.

Статья Н. Ю. Авиной «Об актуальности словаря трудностей для русских в иноязычном окружении» посвящена проблеме создания словаря, предназначенного для русских, проживающих в Литве. Автор пишет о принципах отбора словника для подобного словаря, а также содержании и структуре словарной статьи.

Некоторые трудные вопросы теории и техники составления двуязычных словарей рассматриваются в статье Л. П. Крысина «Типы лексикографической информации в русской части “Большого русско-украинского словаря”».

В. Е. Гольдин, А. О. Мартьянов и А. П. Сдобнова в работе «Компьютерная версия ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» уделяют особое внимание выявлению специфики содержания и формы АСШС и тех возможностей использования словаря, которые этой спецификой обусловлены. Словарь базируется на данных свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся среди школьников I—XI классов. На этом же материале базируется исследование А. П. Сдобновой, результаты которого излагаются в статье «Индивидуальный ассоциативный словарь школьника».

Проблемы авторской лексикографии обсуждаются в нескольких работах. В статье Н. А. Кожевниковой «О принципах составления словаря писателя» рассматриваются заглавия чеховских произведений в связи с их возможным лексикографическим представлением в словаре языка Чехова. При этом предлагается идеографический принцип расположения словарного материала как наиболее адекватно отражающий картину мира писателя. О построении готовящегося к изданию бунинского словаря рассказывает его автор В. В. Краснянский в статье «Словарь эпитетов И. А. Бунина как источник сведений о языке писателя». Интересные наблюдения над особенностями речевого мира поэтов серебряного века содержит статья Л. Л. Шестаковой «Художественная модель мира в словаре поэтического языка: к интерпретации фрагментов (по материалам “Словаря языка русской поэзии XX века”)».

Вопросы отбора материала, его интерпретации и структуры словарной статьи приобретают особую актуальность при создании принципиально новых типов словарей. Эти проблемы нашли отражение в нескольких публикациях: А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряева «Проблемы составления слова-

ря советизмов»; А. Д. Шмелев «О словаре ключевых слов русской языковой картины мира»; Е. Я. Шмелева «Материалы к “Словарю цитат и клише”: русский анекдот». Об одном из возможных подходов к созданию словаря языка фольклора говорится в статье С. Е. Никитиной «О жанровых “картинках” мира в народно-поэтических текстах и словарном описании».

Некоторые работы посвящены рассмотрению отдельных аспектов лексикографической практики. Проблему отражения сведений о региональных вариантах в толковых словарях затрагивает статья В. И. Беликова «Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии». Анализируя данные различных лексикографических изданий, исследователь убедительно показывает, что в отборе словарного материала, толковании отдельных слов, выборе помет и т. п. авторы словарей ориентируются в значительной степени на собственный речевой узус. Это обстоятельство часто объясняет и различия в толковании так называемых ненормативных слов, обычно не попадающих в академические лексикографические издания.

В работе Т. М. Григорьевой и Т. В. Науменко «Орфографическая вариативность в “Толковом словаре русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова» отмечается, что в рассматриваемом словаре орфографические варианты охватывают 600 единиц, что составляет 1,7 % от общего объема словника. Авторы подчеркивают, что словарь Д. Н. Ушакова был «последним лингвистическим источником, накануне периода орфографического режима отражающим вариантность русского правописания, столь характерную для XVIII—XIX веков» (с. 83).

Разные типы стилистических помет рассматриваются в статье О. И. Емельяновой «Стилистическая составляющая лексикографического описания (на материале словарей современного русского языка)».

В работе Л. П. Крысина «Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре» отмечается, что при интерпретации лексем данной группы необходимо различать, с одной стороны, лингвистическую квалификацию слова, а с другой — «практику подачи подобных фактов в толковом словаре» (с. 147).

С. М. Кузьмина в статье «Норма в орфоэпических и орфографических словарях» рассуждает о противоборстве нормы и узуса в орфоэпии и орфографии, которое принимает подчас весьма драматический характер. По мнению автора, «случаи особо упорного противоборства нормы и узуса ⟨…⟩ должны быть объявлены зоной свободного выбора» (с. 169). Это касается, например, слитных / дефисных написаний, где может быть узаконена вариативность.

В. Д. Черняк в публикации «Речеведческое поле в зеркале словарей» исследует особенности употребления «усредненным носителем языка» слов, характеризующих речевую деятельность и говорящего человека, а затем сопоставляет представления «наивных пользователей» о лексике данной тематической группы с толкованиями, представленными в различных словарях.

Представления носителей языка о лексической семантике исследуются также в работе И. Т. Вепревой «О некоторых особенностях наивной лексикографии». Автор выявляет ряд тенденций, свойственных толкованиям значений слов «наивными пользователями»: тенденция к выражению конкретного смысла, тенденция к редуцированию лексического значения, тенденция к выражению личностных смыслов, тенденция на отражение внутренней формы слова.

Отдельные теоретические проблемы современной лексикологии в связи с

лексикографической практикой получили освещение в статьях Л. Л. Федоровой «Проблемы лексикографического описания сложных слов», В. А. Широкова «К основаниям теории лексикографических систем», О. П. Ермаковой «О зависимости лексикологии от лексикографии». О. П. Ермакова, например, размышляет о том, как данные лексикографии оказывают влияние на решение некоторых вопросов лексической семантики. Исследовательница останавливается на двух аспектах проблемы: природы метафорического значения по данным толковых словарей и зависимости фразеологически связанного значения от толкования слова в словарях.

Некоторые работы поднимают важные теоретические вопросы семантики. В статье Е. В. Падучевой «О параметрах лексического значения слова: онтологическая категория и тематический класс» доказывается, что для системного описания значения глагола важны не только смысловые компоненты, но и такие параметры лексического значения, как тематический класс, онтологическая категория, актантная структура и диатеза, а также таксономический класс участника. В статье детально рассматривается роль двух параметров — тематического класса и онтологической категории — в выявлении различных аспектов значения глаголов *скрыть* и *спрятать.* В статье Р. И. Розиной «Системные ограничения на семантическую деривацию» ставится вопрос о том, являются ли семантические признаки, запрещающие отдельным словам иметь регулярную многозначность по модели, свойственной ряду семантически близких им слов, также регулярными или они носят индивидуальный характер. Проблема рассматривается на материале ряда глаголов ненаправленного движения — глагола *блуждать* и его синонимов.

Ряд публикаций затрагивает вопросы семантического описания отдельных лексем и тематических групп, имеющие непосредственный «выход» в практику составления словарей. Ср. следующие статьи: В. Ю. Апресян «‘Компенсация’ и ‘оговорка’ в русском языке (лексемы *зато* и (*вот*) *только 4*)», А. Д. Кошелев «О едином концептуальном значении глагола *стоять*», Т. В. Крылова «Асимметричность наивно-языковых представлений о структуре суток», Г. И. Кустова «Формы и значения глаголов восприятия», О. Е. Фролова «Союз и частица *все-таки* в словарях и речи».

В статье итальянской исследовательницы П. Бокале «Тенденции развития современного русского языка и речь молодежи (на материале записей телепроекта “За стеклом”)» отмечается, что в речи современной молодежи проявляется активное действие таких языковых тенденций, как рост аналитизма, экспансия в литературный язык просторечно-разговорной стихии, активизация употребления в речи иноязычных заимствований, проникновение молодежных жаргонных слов и выражений в различные функционально-речевые сферы.

Сложные вопросы словоупотребления в речи эмигрантов разных поколений и стран поднимает Е. А. Земская в работе «Несколько замечаний о функционировании заимствованных слов в языке диаспоры и метрополии».

Австрийские исследователи Х. Пфандль и И. Пфандль-Бухеггер в статье «Русское слово *ничего* за границей. Часть вторая: XX век. Бум и забвение», привлекая богатый архивный материал, пытаются воссоздать историю бытования и восприятия лексемы *ничего* в публицистических и художественных произведениях западных деятелей культуры.

В статье исследовательницы из Финляндии М. Лейнонен «Слово *и* в свете его соответствий в финском языке» многообразие семантических оттенков и контекстов употребления рус-

ской союзной частицы *и* рассматривается в сопоставлении с соотносимыми с ней по значению лексическими единицами финского языка.

Н. А. Николина в статье «Жанр словаря в литературе» пишет о том, что писатели обращались к словарю не только как к художественному образу, но и использовали его как жанровую модель. Использование словаря или его элементов определяет такие особенности структуры текста, как дискретность, нелинейность, актуализация метаязыковой темы и др. Автор рассматривает трансформацию данной жанровой модели с XVIII в. до наших дней.

Н. Н. Розанова

***В. В. Химик.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики.** — СПб.: НОРИНТ, 2004. — 768 с.

В словаре впервые собраны воедино разнообразные лексические и фразеологические единицы, широко употребляемые носителями русского языка в спонтанной речи в ситуациях непринужденного общения. Единицы, отобранные для Словаря и представленные в данном издании, объединяются общим параметром — все они имеют ярко выраженную экспрессивную окраску и применяются для передачи эмоционального состояния говорящего, для оценки происходящего, для выражения одобрения или неодобрения каких-либо явлений или событий. С помощью лексики подобного типа даются разнообразные ценностные, образно-ассоциативные, игровые, комические характеристики окружающего мира и самого субъекта речи. Средства для реализации данной потребности говорящего (экспрессемы, т. е. добавочные компоненты экспрессивности в составе значения слова или фразы, и экспрессивы — собственно выразительные слова и идиомы) широко представлены в русском языке и в последнее время становятся все более частотными при общении в различных сферах общественной жизни.

Возникшее в последние годы противоречие между традиционным требованием ограничивать появление в печати и в публичных выступлениях слов и выражений низкого стиля и практикой употребления подобной лексики в языке средств массовой информации и в звучащей публичной речи не может оставаться незамеченным. Возросшая популярность низкого стиля и активное проникновение его элементов в другие стилистические сферы являются приметами современной языковой ситуации и дают обширный материал для размышления и для лингвистических исследований. И в том, и в другом случае словарь В. В. Химика может стать надежным подспорьем.

В Предисловии подробно излагаются социокультурные причины роста популярности низкого стиля в начале XXI в., такие как мировые цивилизационные процессы, социально-политические изменения в стране, снижение возраста социально и профессионально активной части общества, отмечается роль средств массовой информации как в распространении, так и в формировании новых языковых тенденций. Материалом для словаря послужили художественные и публицистические тексты современных авторов, а также язык периодических изданий, телевидения и Интернета. Строго оговариваются состав словника Словаря и его пределы. «Верхним» пределом называется граница между нормативным языковым стандартом и субстандартом. «Нижним» пределом является граница, за которой оказываются территориально или

социально ограниченные элементы. Лексический материал, расположенный внутри этих границ, составляет основной лексико-фразеологический корпус Словаря и квалифицируется как «общерусский субстандарт».

Автором Словаря разработана четкая система словарных помет, как грамматических, так и стилистических. Стилистические пометы разделяются на эмоционально-оценочные и функционально-социальные, позволяющие определить место слова в современной языковой системе. Обычно последней включается помета *эвфем.* или *дисф.* как знак особой семантической нагрузки. Особо оговаривается отказ от использования в Словаре пометы «просторечное», поскольку единицы, отражающие социальное просторечие (т. е. речь малообразованных людей), в Словарь не включены. Предметом описания становятся примеры функционально-стилистического просторечия, являющегося промежуточной средой для социализации жаргонизмов и для формирования единиц, пополняющих разговорно-литературную лексику.

В Словаре представлены словарные статьи пяти типов (*лексический*, *семантический*, *фразеологический*, *смешанный*, *отсылочный*), выделяемые в зависимости от способа толкования слова. В словарной статье отражаются словообразовательные связи экспрессивной лексики: производные слова толкуются через отсылки к производящим, в конце словарной статьи приводятся перечни однокоренных слов. Отмечаются синонимические связи рассматриваемой лексической или фразеологической единицы. Все это позволяет не только узнать толкование разговорной экспрессивной единицы, но и получить сведения о ее нормативности или степени отступления от нормативных границ.

Словарь содержит богатый справочный материал, полезный филологам, занимающимся изучением активных процессов в современном русском языке, студентам и аспирантам, обучающимся на филологических факультетах. Он также может быть полезен широкому кругу читателей, интересующихся вопросами, связанными с современной живой речью.

Н. В. Пушкарёва

***С. В. Князев*, *С. К. Пожарицкая*. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия**: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2005. — 320 с.

Новый учебник русской фонетики, созданный на филологическом факультете МГУ, отражает современное состояние фонетической науки и учитывает ее новейшие достижения. Равное внимание в нем уделяется естественнонаучным аспектам изучения звукового общения и системно-функциональным представлениям об устройстве и функционировании фонетического компонента языка.

В отличие от других учебников фонетики, в книге имеется краткое «Введение», где излагаются начальные сведения о языке и его знаковой природе, разновидностях языковых систем, лингвистике как науке о языке.

Первая часть книги — «Субстанциональная фонетика» — содержит подробное описание сегментных и суперсегментных фонетических средств и делится, соответственно на два раздела: «Сегментная фонетика» и «Суперсегментная фонетика». В первом разделе последовательно рассматриваются ар-

тикуляционный, акустический и перцептивный аспекты фонетических описаний — анатомия речевого аппарата, физиологические механизмы речепроизводства, физические свойства звукового сигнала и механизмы речевосприятия. Суперсегментные фонетические единицы — слог, фонетическое слово и синтагма — и их свойства обсуждаются во втором разделе первой части. Авторы излагают различные теории слогоделения (в том числе и самую новую — дистрибутивную, основанную на теории оптимальности) и интонации (помимо традиционно присутствующей во всех учебниках системы «интонационных конструкций» Е. А Брызгуновой описывается и так называемая комбинаторная теория С. В. Кодзасова). Отдельная глава этого раздела посвящена ударению, его функциям и фонетическим свойствам.

Вторая часть, «Лингвистическая фонетика», посвящена фонологии — учению о смыслоразличительных свойствах фонетических единиц. Здесь описываются разные фонологические концепции, от идей основоположника фонологии И. А. Бодуэна де Куртенэ до порождающей фонологии и современных представлений о месте фонетики в интегральной модели речевого поведения. Основное внимание уделено изложению и анализу теории Московской фонологической школы, излагаются также теория Н. С. Трубецкого, концепция Ленинградской фонологической школы и идеология Р. И. Аванесова, отраженная в его книге 1956 г. «Фонетика современного русского литературного языка». Подробно описывается процедура фонемного транскрибирования в рамках каждой из излагаемых теорий и приводятся примеры-образцы фонологических транскрипций. Авторы указывают на достоинства и недостатки каждой фонологической теории и приводят их сравнительную характеристику.

Третья часть, «Фонетические особенности разговорной речи», освещает фонетические (сегментные и суперсегментные) отличия разговорной речи от кодифицированного литературного языка и проблематику статуса разговорной речи.

Четвертая часть, «Орфоэпия», посвящена описанию произносительных норм и вариантов; пятая часть, «Графика и орфография», включает основные понятия теории графики и орфографии и описание графической и орфографической систем русского языка. Предметом рассмотрения в четвертой и пятой частях является не только современное состояние, но и история орфоэпических норм русского языка, русской графики и орфографии.

В Приложении приводятся артикуляционные профили, мгновенные и динамические спектрограммы некоторых звуков русского языка, интонограммы, а также знаки Международного фонетического алфавита (IPA).

Нельзя не отметить некоторый «уклон» авторов в сторону общей фонетики, который кажется вполне оправданным: полноценное описание фонетической системы русского языка на современном уровне в университетском курсе вряд ли возможно без параллельного знакомства с общими понятиями и концепциями, выработанными фонетической наукой в последние десятилетия. В изложении этих понятий и концепций авторы в основном следуют книге С. В. Кодзасова и О. Ф. Кривновой «Общая фонетика» (М., 2001). Достоинством книги является объективность при изложении разных взглядов и способов описания одного и того же объекта (теории слога и интонации, различные фонологические школы). Исчерпывающая полнота описания, богатство иллюстративного материала и введение некоторых разделов, отсутствующих во всех имеющихся учебниках русской фонетики («Перцептивный аспект фо-

нетических описаний», «Артикуляционная база русского языка»), позволяют оценить учебник как новаторский. Книга будет весьма полезна не только целевой аудитории — студентам, но и специалистам в области лингвистики.

Е. В. Шаульский

***А. Я. Шайкевич*. Введение в лингвистику**: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 400 с.

Учебное пособие представляет собой второе издание (первое вышло в 1995 г.: *Шайкевич А. Я.* Введение в лингвистику: Учебное пособие. — М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. — 304 с.), хотя в выходных данных этого по неизвестным причинам не указано.

Книга содержит начальную информацию, необходимую для знакомства с лингвистикой. В сжатом виде изложены основные понятия всех разделов языкознания — фонетики, грамматики, лексикологии, лексикографии и компаративистики, а также сведения о языках мира и языковых ареалах. В Приложении приведены образцы разных типов письменности, причем данное второе издание содержит их значительно больше, чем первое.

Прочие отличия издания от предыдущего сводятся в основном к незначительным изменениям в разбивке материала на параграфы и в наименовании параграфов (главы «Письмо», «Лексикология»). Более подробно освещена проблематика лексикографии, что привело к появлению отдельной главы вместо единственного параграфа в главе «Лексикология». В главе «Генетическая лингвистика» статистические данные о числе говорящих на разных языках мира заменены на более новые, в некоторых случаях культурно-историческая информация об этносах и языках представлена более полно.

Сведения излагаются автором на высоком уровне, при этом довольно простым языком, и соответствуют современным представлениям о структуре и функционировании языка. Обширный фактический материал составляют приводимые автором примеры: эти факты, по мнению А. Я. Шайкевича, «не только являются иллюстрацией теоретических положений, но и сами по себе представляют большую ценность». Большой объем фактического материала приводит к тому, что, к сожалению, среди множества фактов появляются и ошибочные. Так, русско-норвежский пиджин автор регулярно называет *руссонорском* (правильное название — *руссенорск*); среди примеров древнегреческих слов, содержащих дифтонги, встречаются слова типа νοῦς ‘разум’, где диграф ου обозначал не дифтонг, а долгий закрытый гласный [ǫ]; в образцах письменности текст на санскрите оказался перевернут вверх ногами, а в качестве примера текста на старославянском языке приведен современный церковнославянский.

Довольно непоследовательна употребляемая в книге транскрипция. По утверждению автора, это «упрощенный вариант» транскрипции Международного фонетического алфавита (МФА), однако на самом деле в этой транскрипции довольно много отклонений от стандарта МФА: палатализация обозначается апострофом «’», а не надстрочным знаком «ʲ», ударение обозначается знаком акута над буквой гласного («á»), а не надстрочной вертикальной чертой «ˈ» перед ударным слогом. В транскрипции древнеиндийских слов переднеязычный шипящий обозначается как «ʃ» (по МФА), и в то же время пала-

тальный спирант передается как «ś», т. е. в соответствии с традиционной транскрипцией древнеиндийского языка. Все эти отклонения от стандарта МФА в книге никак не оговариваются.

К достоинствам учебника, выгодно отличающим его от других книг этой тематики, можно отнести внимание автора к диахронии: помимо синхронных сведений, рассматриваются и исторические законы развития языка на всех его уровнях. Еще одно достоинство — внимание к общему культурно-историческому фону: по мнению автора, без него «представление о языках превращается в нечто абстрактное и туманное». Книга полностью соответствует своему назначению и, несомненно, будет полезна студентам, преподавателям и всем интересующимся языкознанием.

Е. В. Шаульский

Ильина книга: Рукопись РГАДА. Тип. 131 / Изд. подгот. В. Б. Крысько. — М.: Индрик, 2005. — 903 с.

В последнее время благодаря работам Е. М. Верещагина особое внимание исследователей привлекает древнерусский памятник XI—XII вв. — гимнографический сборник, не затронутый студийской справой, замечательный архаичностью состава, церковного последования и языка. Публикация этого источника осуществлена В. Б. Крысько. Помимо наборного воспроизведения текста, в издании приведены греческие оригиналы песнопений. Греческие параллельные тексты извлечены из 17 изданий и более ста рукописей российских и зарубежных хранилищ. Оригиналы многих песнопений публикуются впервые. Указываются и разночтения греческих списков, если они релевантны для славянского текста. Привлечение греческих оригиналов для подобного издания имеет принципиальное значение и определяет его высокую ценность: славянский перевод гимнографических текстов довольно тёмен, и его корректная интерпретация без опоры на оригинал невозможна. Текст публикуемого памятника сопровождается критическим аппаратом, содержащим разночтения более ста славянских источников, по большей части рукописных. Наличие критического аппарата позволяет проследить историю текста, а в случаях порчи в основном тексте — восстанавливать исконные чтения. Издание снабжено подробным комментарием, в котором приводится необходимая для понимания текста палеографическая и кодикологическая информация, оговариваются ошибки писца, отмечаются разнообразные языковые особенности памятника, анализируются отклонения славянского перевода от греческого оригинала и предлагаются конъектуры для испорченных мест. Здесь же даются ссылки на литературу по обсуждаемым вопросам.

Издание содержит полный славяно-греческий указатель всех словоформ, встретившихся в рукописи, с их греческими соответствиями. Словоформы сгруппированы под леммами — начальными (словарными) формами. Завершает издание обратный указатель славянских лексем.

Пожалуй, можно пожалеть лишь о том, что в издании нет хотя бы краткого обзора лингвистических особенностей текста: замечания по поводу отдельных форм, сами по себе очень ценные, тонут в обширном комментарии, и читателю придется затратить определенные усилия, чтобы составить целостное представление о языке памятника.

А. А. Пичхадзе

***А. М. Бруни.* Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы.** — М.; СПб.: Нестор-История СПб. ИИ РАН, 2004. — 255 с. (Россия и Христианский Восток. Библиотека; Вып. 6.)

Книга итальянского исследователя А. М. Бруни представляет собой опыт палеографического и типологического описания славянских, греческих и восточных манускриптов IX—XVIII вв., содержащих сочинения Григория Назианзина (ок. 329—390 гг.). В ней обсуждаются проблемы, связанные с происхождением древнейшей славянской версии 13 Слов Григория Богослова по рукописи XI в. (РНБ, Q.п.I.16, древнерусский список, восходящий к болгарскому протографу). В поисках ответа на вопрос, как возник этот уникальный памятник, состав которого (отбор и последовательность гомилий) не имеет аналогов в византийской традиции, А. М. Бруни описывает состав греческих, сирийских, арабских, армянских, грузинских и коптских рукописей с гомилиями Григория Богослова, приводя обширную библиографию работ, из которых можно почерпнуть сведения о соответствующих рукописях. Он предполагает, что славянская выборка составлялась с ориентацией на византийские образцы. А. М. Бруни удалось обнаружить соответствие к схолиям и предисловию ко 2-му Слову славянского перевода 13 Слов в греческих кодексах архаичной традиции, связанной с историей полной коллекции Слов Григория Назианзина. На основе выборочного анализа разночтений в двух Словах автор демонстрирует близость славянского текста к определенным группам греческих списков полной коллекции. Он отмечает, что на полях славянских рукописей, так же, как в греческих и грузинских кодексах, используется специальный знак «гелиакон», указывающий на особо важные места гомилий Григория Назианзина.

Обращаясь к литургической коллекции 16 Слов Григория Назианзина, А. М. Бруни обосновывает отнесение древнейшего греческого списка этого типа к середине IX в., а не к X в., как предлагалось ранее. Автор приводит перечень 111 греческих рукописей XII—XVI вв. с Толкованиями Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Назианзина и 135 славянских рукописей 16 Слов (с Толкованиями и без Толкований), группируя их по типологическим признакам. К сожалению, никаких сведений о тексте рукописей при этом не приводится, так что невозможно определить, содержит ли приведенная в каталоге рукопись древнейший славянский перевод, происхождение которого ввиду наличия русизмов связывают с Древней Русью, или поздний перевод, возникший, по всей вероятности, в Болгарии в XIV в. Любопытны отдельные типологические совпадения славянской традиции с грузинской. А. М. Бруни выделяет группу из шести греческих кодексов, структурно наиболее близких славянской версии 16 Слов с Толкованиями Никиты Ираклийского, а также публикует греческий и славянский текст небольших предисловий Никиты Ираклийского к некоторым Словам.

А. А. Пичхадзе

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Авторская лексикография и филология
(реплика О. М. Карповой и Н. А. Богомолову)

№ 2 журнала «Русский язык в научном освещении» за 2005 г. представил читателям две кратких рецензии на появившиеся недавно лексикографические работы. Эти работы напрямую затрагивают проблемы авторских словарей. Имена авторитетных рецензентов уже давно и хорошо известны если не каждому филологу, то очень широким кругам специалистов. Рецензии содержательны и благожелательны. При их последовательном прочтении ловишь себя на пожелании, чтобы О. М. Карпова и Н. А. Богомолов еще и обменялись предметами своего внимательного рецензентства и высокого Оппонирования. В надежде на это автору данной реплики тем интереснее обсудить несколько таких моментов в рецензиях, которые имеют в виду и его личный опыт.

О. М. Карпова оценивает как «вершину лексикографирования поэтического творчества» (прошу прощения) «фундаментальный лексикографический труд “Поэт и слово” (автор идеи В. П. Григорьев)», на ее взгляд, «лучший словарь поэтических произведений» (с. 275). Покойный Е. Л. Гинзбург примерно так же характеризовал эту, напомню, экспериментальную работу [Поэт и слово 1973]. Но у нее были и критически настроенные оппоненты — авторы «горьковского словаря» или, позднее, О. Г. Ревзина (при подготовке «цветаевского словаря»). Разработанный в начале 70-х гг. метаязык и сам его автор уже воспринимал как слишком сложный для использования в дальнейшей практике лексикографирования художественной речи. Лишь в 90-е гг. им был найден простой, но радикальный выход — принцип строго хронологического расположения контекстов в экспрессемах как их парадигмах, заработавший вместе с идеей сжатого, необходимого и достаточного комментирования словоупотреблений. И только два-три года назад давняя, начала 60-х гг., идея экспрессемы, скромная, но радикальная как для авторской лексикографии, так и для теории поэтического языка (ПЯ), надо сказать, неожиданно для автора и уже в ходе работы над «Словарем языка русской поэзии XX в.» [СЯРП], заявила о скрытых в ней новых потенциях и перспективах.

Даже теперь, когда из нее, обогащенной семиотикой «начал» Хлебникова, выросла идея эвристики как четвертого измерения языка и, соответственно, эвристемы, та, на мой взгляд, действительно фундаментальная, или парадигмальная, общефилологическая идея внимания к себе не привлекла. Приходится сослаться на не встретившие у нас обсуждения три этапных, в моих глазах, работы [Григорьев 1965; 1966; 1994] и несколько из недавно появившихся публикаций [Григорьев 2003а; 2004а, б, в], а также на готовую к выходу в свет книгу [Григорьев 2005]. Их «фундаментальность» в собст-

венно лексикографическом отношении (или даже, если угодно, естественная, уже по времени, «лучшесть») едва ли может быть «оторвана» от эволюции общефилологических представлений о ПЯ, развивавшихся в работах о «поэтике слова» и «лингвистической эстетике» (см. также [Григорьев 1979; 1994]), а на практике — в тех коллективных словарных работах 90-х гг., что были возобновлены под руководством автора. (Для последнего, пожалуй, важнее всего подчеркнуть во всех этих процессах роль великого поэта-ученого-мыслителя-подвижника, «нашего Эйнштейна от гуманитарии», но эту роль пока обсуждают по существу одни велимироведы, а филологии как целому, культурологии, да и «обществу как таковому», она, кажется, все еще не по зубам…) Возможно, после 1973 г. автор как некий «неправильный лексикограф» вдруг пошел по какому-то сомнительному пути. Но что-то никто не поспешил, руководствуясь «принципом сочувствия» С. В. Мейена, направить его на путь истинный или хотя бы заметить его последующие «фундаментальные открытия». И вот он вместе со своими экспрессемой и эвристемой попрежнему недоумевает.

Н. А. Богомолов мог бы, вероятно, рассеять эти недоумения. Как литературовед он увидел в СЯРП «немаловажный шаг на пути к созданию того общего поля, на котором филология естественно возвращается к своим истокам», и признает, что «специалисту в области поэзии словарь даст немало» (с. 278; тоже приятные слова). Впрочем, объем этого «немало» подробно не обсуждается, зато впервые выдвинут ряд критических замечаний. На мой взгляд, они не колеблют существа СЯРП, а за их совокупностью можно ощутить призыв к литературоведам обсуждать Словарь именно по существу (с. 280). Будет ли этот призыв услышан, сказать пока затрудняюсь. Тем временем постараюсь ответить на замечания рецензента.

1. В СЯРП «явно недостаточно представлен русский символизм». Особенно же ощутимо отсутствие в словаре текстов «В. Брюсова и З. Гиппиус» (с. 279). Если и так, то недостает же и Вяч. Иванова, А. Белого, Н. Гумилева, М. Волошина, В. Ходасевича, Н. Клюева… И кого-то из «будетлян», обэриутов и т. д. И разве А. Твардовский или Б. Слуцкий менее желательны, чем З. Гиппиус? Все это коллектив СЯРП уже обсуждал, определяя «свою десятку поэтов». Нет, Н. А. Богомолов, кажется, и не стремится «расшатать» ее, у него не просматривается замысла как-нибудь «подрывать» позиции СЯРП. Поэтому и в этом «упреке» филолога можно видеть признание, важное для словаря, лингвистической эстетики, а то и велимироведов.

2. «Самый, пожалуй, серьезный упрек составителям словаря должен быть выдвинут со стороны текстологической». Этот аспект в СЯРП «недостаточно продуман» (с. 279). Опечатку, касающуюся пятитомника Пастернака, мы действительно обнаружили лишь при работе над третьим томом СЯРП. Но выбор изданий «для времени, когда словарь составлялся», т. е. когда лишь готовилась его компьютерная база (так сказать, во «взмятенные 90-е годы»), едва ли мог быть много лучше. Достойных альтернатив рецензент нам не подсказывает. Мы же, нисколько не обольщаясь качествами наших источников, помнили и о том, что есть ситуации, когда не только «лучшее», прямо по Бодуэну-интерлингвисту, — это «враг хорошего», но и «хорошее» становится «врагом приемлемого», принятого нами для Ахматовой, Есенина, Мандельштама, да и Хлебникова. В случае Маяковского мы тоже вполне сознательно, ради решения общих задач, пошли на компромисс, на более или менее «основательную неполноту», не трепеща и перед «прюдническим сокращением “*г*...”» (с. 279), представленным, замечу, даже в «академическом Маяковском», так что такой уж

«смешной момент» литературоведу, может, и не стоило отмечать в рамках «серьезного упрека».

«Но есть и еще одна текстологическая проблема, которая заслуживает пристального внимания», — продолжает Н. А. Богомолов. Оказывается, мы должны были бы представлять в СЯРП и все те данные, которые наши издания-источники относят уже не в разделы «Варианты», а в «Комментарии»! Это иллюстрируется неучетом в СЯРП (статья ДЕРЕВО, да и ВЕТКА) версии *на ветках тысячи грачей* (с. 279— 280). В принципе и в перспективе «продолжения работы над словарем» возражать здесь невозможно, но пока — это отдельная внутрилитературоведческая проблема, «возвысившись» над которой мы стали бы выходить за строго определенные рамки текстов и чуть ли не претендовать на ранг «всеологов» — специалистов по *всему* творчеству *всех* наших поэтов — от *Анн* до *Цв*. По секрету можно добавить: специалисты заметят, что мы решались кое-где на собственно текстологические поправки в источниках, но это были редкие случаи принципиального несогласия. Не надо слишком высоко оценивать те трудности, перед которыми не остановился СЯРП, кажется, сумев их преодолеть как лексикографический проект, чтобы перекладывать на него и общие наши претензии ко многим другим звеньям в действующей сегодня филологической парадигме, особенно в ее «неязыковой части».

3. Составители предусмотрели и чисто читательский подход к СЯРП как справочному пособию. С другой стороны, мы, конечно не рассчитывали, что кто-либо станет воспринимать его как предмет для «многолетнего постоянного чтения» (с. 279). От филологов мы ожидаем разговора о принципах словаря, его существе, стоящих за ним теориях и перспективах. Наш уважаемый рецензент сетует на затраты времени, которые он понес при выявлении в статье ДАЛЬ словоформ только множ. числа (с. 280). Не отвлекаясь на обсуждение понятия экспрессемы (не говоря уж об эвристеме), Н. А. Богомолов выступает за СЯРП в виртуальной словоформной версии, не прикинув, что *дали*, *далей* и т. д. ему тогда пришлось бы выбирать уже из массива статей. Заинтересуйся он лишь *днями*, а не концептом ДЕНЬ как таковым, недовольство у него могли бы вызвать и те беглые гласные русского языка, что так далеко разводят словоформы в алфавите статей. И узкие специалисты, все равно — блоковеды это или велимироведы, вправе негодовать в связи с подобной «избыточностью СЯРП». Словарь же настойчиво и прежде всего обращен к статусу в нашей науке именно *поэтического языка* и к осознанию «флюсов» лингвистики или литературоведения в их «чистоте». Апеллирую к мудрому просторечию: «от чистого не воскреснешь», но и от нашего «поганого не треснешь».

Если бы под рукой у филологов были полные конкордансы к текстам (и, что важно, не только стихотворным) каждого из десяти, а в идеале — десятков поэтов XX в., мы не стали бы и заниматься представлением коллегам нашего «поэтического Даля» и могли бы сразу обдумывать то, что теперь называем «словарем эвристем». В эвристике как измерении языка словоформы явно подчинены словам в роли концептов (≈ эвристем). Авторская лексикография это усвоила, и лишь лингвисты-статистики здесь терпят урон. Кстати, после *беременного мужчины* так ли уж невозможен «в принципе», да и «по смыслу» (с. 280) какой-нибудь *Аврор<u>ов</u> залп*? А ведь известен и *вольт<u>ов</u> столб* (там же). В духе методологии, так блестяще продемонстрированной в книге [Зализняк 2004], литературоведы могли бы уже сейчас найти в СЯРП и связанных с ним публикациях «много оснований для нетривиальных выводов, способных подтолкнуть науку к дальнейшему развитию», — хорошие слова, заключающие рецензию. Но «выводы» автор реплики делал и в 1965-м, и в 2003—2004 гг., а что-то все мешает

филологам обсуждать их «по гамбургскому счету». Что же это за помехи?

Книга А. А. Зализняка поучительна и в этом отношении. Удержусь от желания цитировать многие места в ней, но упомяну хотя бы слова о «нелингвистических областях», где «намного шире простор для вольной игры мнений» (с. 10; ср. с. 215), о «заметных различиях» между лингвистами и литературоведами (с. 13), «малой доказательной силе» и «весе» аргументов (с. 17, 164 и др.), «разговоре глухих» (с. 22), «сухом остатке» от научной деятельности ученого и «эпохе идеологического диктата» (с. 159), о том, как часто не замечают «логику работ», «отвергая главный вывод лингвистов» (с. 177), о «чуть более глубоком анализе» и отрыве от того, что «уже сделано в этой области» (с. 250, 252), о шевелении стрелки «лингвистических весов» (с. 310), «масштабе проблем», от которых «отмахиваются», и «одностороннем зрении» (с. 320, 321). Эти выписки не имеют в виду О. М. Карпову и Н. А. Богомолова: им я сердечно признателен за внимание и повод для этой реплики. Однако «тему как таковую», она же — и «проблема как таковая», никто не обсуждает во всю ее ширь (ср. и такой мой отклик, как [Григорьев 2003б]). Не уверен, что реплике повезет больше, чем десяткам пространных работ автора. Все же книга А. А. Зализняка убеждает: как ни обширен «общекультурный контекст» СЯРП, в своей сложности сопоставимый и с «историческим контекстом» СПИ («Слова о полку Игореве»), он скорее всего тоже не напрасно стучится в самое средостение филологии.

А. А. Зализняк одержал победу на «чисто лингвистическом» пути анализа, в отвлечении от «литературоведческого», но вовсе не недооценивая его. «Лингвистический эстетик», пожалуй, и не согласится без сопротивления уступить литературоведам понятия «стиль», «стилистика» и «приемы», «литературные особенности» СПИ. Соотношение «язык — стиль» филологией в достаточной мере не проработано, как и вопрос о том, «входит ли» *содержание* текста в его *стиль*, это по-своему тоже явно «системное явление». А за ним стоит еще пара квазитерминов *идиостиль — идеостиль* и т. д. И все это упирается в представления о существе того же ПЯ: в связке с общим, так или иначе, но привычно нормированным языком этот вечный «знакомый незнакомец» выступает если не в качестве «иностранного», то в роли постоянного нарушителя, вольнодумца и возмутителя спокойствия (≡ застоя?). Отсюда, между прочим, и затянувшееся неприятие «неправильных текстов» Хлебникова, возможно «более чем правильных», но в каких-то из не освоенных филологами измерениях. Литературоведу, оппонирующему работе А. А. Зализняка, чтобы «возразить» ей, не обойтись без погружения также в эту проблематику.

Заканчивая реплику, обращусь к одному воспоминанию. 75-летие А. А. Реформатского было отмечено и скромным специальным изданием [Предварительные публикации 1975]. Там под единой обложкой напечатаны три разных статьи — А. А. Зализняка, И. А. Мельчука и автора этих строк: первый поделился «Размышлениями по поводу *язв* А. А. Реформатского», второй развивал идеи своего известного «Опыта теории лингвистических моделей “Смысл ↔ Текст”», третий (его «литературный портрет» Учителя открывал издание) начинал прямо с обобщения, которое сегодня хочется повторить: «Наука о языке много теряет из-за того, что осмысливает и описывает свое мужание не по горячим следам отдельных событий, не «изнутри истории», а лишь по прошествии остраняющих эти события лет, а то и десятилетий». Вправе ли я назвать «событиями» идею четырехмерного пространства языка и замысел уже *общефилологической* модели «Мысль ↔ Контекст», возникшие на перекрестке авторской лексикографии с целым пучком, казалось бы, далеких от нее дисциплин — от велимироведенія и культуры языка до языковой

политики и интерлингвистики, — или нет, но обе рецензии в № 2 журнала, книга А. А. Зализняка и настоящая реплика позволяют мне теперь взять паузу в прямых указаниях на контуры новой филологической парадигмы и терпеливо ждать откликов на «связку» из СЯРП, его производных, четвертого измерения языка и важнейших «принципов XX в.».

Проверим установку не одних только риторик: «Молчание — мощное средство активизации сознания» [Рыковцева 2005]. Это распространяется и на «коллективное бессознательное», владеющее любой, в том числе и нашей, аудиторией. Похоже на то, что некогда с «Введением в языковедение» Реформатского и время бежало быстрее, и люди охотнее следовали выводам из «принципа единой левизны» (новизны). Реакции на нее, «новизну», не заставляли себя ждать. Далеко не все в спорах той поры шло к делу, но «были ж схватки боевые». «Теперь — не то» (слова Хлебникова в начале 20-х гг.). Полезно извлекать уроки из классиков: «в старину живали деды веселей своих внучат», а «смех неразлучен со стоном». Не находишь контраргументов — принимай идею. Как было бы хорошо собрать «экспертов по филологии», чтобы они предложили всему сообществу «заказ на осады», подобные хлебниковским. Пока такие «инициативники» не замечены. Язык же — он и велик и могуч, и весел и насмешлив.

Литература

Григорьев 1965 — В. П. Григорьев. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М., 1965.

Григорьев 1966 — В. П. Григорьев. О задачах лингвистической поэтики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25. Вып. 6. С. 489—499.

Григорьев 1979 — В. П. Григорьев. Поэтика слова. М., 1979.

Григорьев 1994 — В. П. Григорьев. Самовитое слово и его словарное представление // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 54. № 4. С. 69—74.

Григорьев 2003а — В. П. Григорьев. Слова в контекстах русской поэзии XX века (о «Словаре избранных экспрессем») // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 3. С. 12—23.

Григорьев 2003б — В. П. Григорьев. Ответ В. В. Полонскому // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века: VIII Междунар. Хлебниковские чтения. Науч. докл. и сообщ. Астрахань, 2003. Ч. 1. С. 65—71.

Григорьев 2004а — В. П. Григорьев. Велимир Хлебников и четвертое измерение языка // В. П. Григорьев. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 161—171.

Григорьев 2004б — В. П. Григорьев. О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 4. С. 12—30.

Григорьев 2004в — В. П. Григорьев. Эвристика и 4-мерное пространство языка // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 58—67.

Григорьев 2005 — В. П. Григорьев. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избр. работы: 1958—2000 гг. М., 2005 (в печати).

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.

Поэт и слово 1973 — Поэт и слово. Опыт словаря. М., 1973.

Предварительные публикации 1975 — Предварительные публикации (Ин-та русского языка АН СССР). Вып. 71. М., 1975. С. 3—12.

Рыковцева 2005 — Е. Рыковцева. Всякой паузе свое время // Известия, 21 июня 2005.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX в. Т. 1: А—В. М., 2001; Т. 2: Г—Ж. М., 2003.

Июнь 2005 г.

В. П. Григорьев

Редколлегия журнала «Русский язык в научном освещении» подвела итоги

Международного конкурса
на лучшие статьи
по актуальным проблемам русистики

На конкурс было представлено 49 статей.

По результатам конкурса в номинации «Русский язык в его современном состоянии» 1-е место присуждено двум авторам:

— Р. Муракоси (Йокогама) за статью «Семантика говорящего: сопоставление русского, английского и японского языков» и
— В. Ю. Апресян (Москва) за статью «От *хотя* до *хоть бы*: к системному описанию уступительных единиц в языке»;

2-е место присуждено трем авторам:

— Т. Б. Радбилю (Нижний Новгород) за статью «Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии» и
— А. А. Кибрику и В. И. Подлесской (Москва) за совместную статью «Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования»;

3-е место не присуждалось.

В номинации «История и диалектология русского языка» 2-е место присуждено

— А. П. Майорову (Улан-Удэ) за статью «Правописание гласных и отражение явлений безударного вокализма в региональной деловой письменности XVIII в.»;

1-е и 3-е места не присуждались.

Статьи победителей будут напечатаны в №№ 11–12 журнала.